

Шри
Р а д ж н и ш

Великий вѣзов
Измерения
неведомого

**ШРИ
РАДЖНИШ**

***Великий вызов
Измерения
неведомого***

Москва
2006

ББК 84,5 ИД
096

Раджниш
Великий вызов, Измерения неведомого
Москва 2006, 320 с.

ISBN 5-94726-050-6

Багван Шри Раджниш просветленный мастер нашего времени. Его имя означает *благословенный мастер*.

Книги «Великий вызов» и «Измерения неведомого» содержат ответы Раджниша на вопросы, заданные ему индийскими учениками во время лагерей медитации в 1970-1974 гг.

Редактор Солдатов А.В.
Переводчик Свами Вит Праяс

- © Great Challenge, Rajneesh India 1972
- © Dimensions beyond the Known, Rajneesh India 1970
- © Русский перевод Солдатов А. В. 1995

Подписано к печати
Формат 84x108/32 Бумага офсетная, гарнитура Times
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 20 Уч.-изд. л. 20
Тираж 1500 экз. Заказ № 1239

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета в
ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера»
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32, тел. (8182) 64-14-54
www.ippps.ru e-mail: ippps@atnet.ru.

04030300-022

7Пб(03)-96 без объявл.
ББК 84,5 ИД

Великий вызов

Глава 1

Полет к цельности бытия

Объясните, пожалуйста, что вы имеете в виду, когда говорите о йоге, ее последователях йогах и медитации?

Прежде всего, помните о том, что медитацию невозможно вызвать насильно. Повсюду в мире люди полагают, что медитация вызывается волевым усилием, но это не так, поскольку медитация – не действие, а спонтанное явление. Не вы вызываете ее, она сама приходит к вам и изменяет вас. С одной стороны, медитация разрушает вас, а с другой стороны, она воссоздает вас. Это нечто столь великое и безграничное, что просто не может быть вашим действием.

Что же делать? Вы можете только создать ситуацию, в которой медитация происходит. Вы можете лишь быть уязвимым и открытым существованию со всех сторон.

Обычно мы живем как в тюрьме, мы закрыты со всех сторон, таков путь в могилу. Можно сказать, что мы закрываемся от жизни, и жизнь не может проникнуть в нас.

Мы создали препятствия для жизни, потому что жизнь может оказаться опасной, неуправляемой, мы не владеем ситуацией. Мы создали вокруг себя оболочку, в которой можем пребывать в определенной безопасности, в удобстве. Закрытое существование удобно, но в то же самое время оно лишает нас жизненной силы.

Чем больше мы закрываемся, тем больше теряем жизненной силы. И чем скорее мы готовы открыться, тем больше в нас жизни.

Медитация предполагает открытость человека всем изменениям, открытость всему на свете. Но быть открытым для всего сущего опасно, ведь открытость безусловно лишает нас безопасности. Такая жизнь не может быть удобной, так как может случиться что угодно. Ум, который стремится к безопасности, удобству, уверенности, не может стать созерцательным. Только тот ум, который открыт для всего, что может предложить ему жизнь (он приветствует все, что может произойти, даже смерть), способен создать ситуацию, в которой

случится медитация. Итак, вы можете лишь быть восприимчивыми для медитации, быть полностью восприимчивыми, не выбирая, но приглашая все на свете.

Медитация случается не в одном измерении, а в существовании без измерений, которое открыто для всех направлений без всяких условий, стремлений или ожиданий. Если есть ожидания, открытость не будет полной. Если остались какие-то условия, стремления, какие-нибудь «если», тогда открытость не будет абсолютной. Ни одна ваша часть не должна быть закрытой. Если вы не открылись полностью, безграничная энергия жизни не сможет достичь вас. Она не сможет стать гостем, а вы не сможете стать хозяином.

Медитируя, вы просто создаете ситуацию, в которой что-то может произойти, и вы можете лишь ждать спонтанное явление. Ожидательный ум ждет нечто неизведанное, потому что ему неизвестно заранее, что должно произойти. Вы не можете даже представить себе медитацию. Может быть, вы слышали что-то о ней, но эти знания не принадлежат вам, медитация остается вам неизвестной. Ум, который находится в ожидании нечто неизвестного, созерцателен.

Когда вы ожидаете неизвестного, ваши знания становятся препятствием, потому что, чем больше вы знаете, тем крепче ваши тюремные кандалы. Вы должны быть не «знающим», а абсолютно несведущим, только тогда незнание может прийти к вам. Когда вы начинаете осознавать свое неведение, когда вы узнаете о том, что вы ничего не знаете, вы начинаете ожидать неизвестное.

Существует два типа невежественных людей. Люди первого типа не знают о своем невежестве; им только кажется, будто они знают. Это невежественное знание. Люди второго типа знают о своем невежестве. Это знающие невежды. Если вы начинаете осознавать свое невежество, то оказываетесь в точке, где начинается знание.

Ученый пандит считает себя знающим, но он никогда не будет религиозным человеком. Тот, кто считает себя знающим, неизбежно будет нерелигиозным, потому что знающее эго это очень тонко явление. Но когда вы осознаете свое невежество, тогда эго нет, в этот миг в существовании эго просто не остается места. Главная атака на эго начинается с осоз-

нения своего невежества. Ваше эго усиливается, когда оно претендует на знания.

Для того чтобы погрузиться в медитацию, ваш ум должен полностью осознавать свое невежество. Вы должны осознавать, что заимствованная информация не может быть подлинным знанием. Это просто некие сведения, которые не станут знанием, а могут только казаться им.

Человек, который действительно знает истину, не бывает догматичным в отношении своих познаний, он колеблется. Но тот, кто уверен в своей эрудированности, догматичен, он абсолютно уверен в полученных сведениях.

Вы должны сначала понять, что все известное вам не может стать вашим знанием. Вы не можете заимствовать знание, в этом заключается различие между теологией и религией. Теология — одно из самых нерелигиозных явление в мире, и теологи самые нерелигиозные люди, потому что они демонстрируют заимствованные знания.

Подлинное знание никогда не выставляет себя напоказ, потому что им присуще одно свойство: когда человек узнает истину, его «я» утрачивается. Когда человек знает, его эго уже нет. Знание приходит, когда нет эго, так как эго не может его получать. Эго может только собирать информацию, множество фактов, цитировать священные писания.

Погрузиться в медитацию значит выйти за пределы своих накопленных знаний. Когда эти знания преобразены, начинается учёба. Ученик по своей природе никогда не притворяется, что знает, так как всегда помнит о своем неведении. И чем лучше он помнит об этом, тем более восприимчивым он становится ко всему новому. Если вы чему-то научились, забудьте знания об этом предмете, иначе ваше новое знание попадет в груды прочей информации. Если ваши знания берут начало в прошлом опыте, значит они заимствованы, потому что вы уже не тот, что раньше. И не важно, ваш это опыт, заимствованный из прошлого, или чужой.

Вчера я был далеко отсюда, те события уже исчезли. Их нигде нет, кроме моей памяти. Вчера я был другим человеком. А сейчас, если вы можете быть безмолвными, вы пребываете во мне, составляете часть меня.

Если я начну говорить вам то, что пришло ко мне вчера, тогда буду говорить не я, поскольку я буду мертвым, вы буде-

те слушать мертвую запись. Я не буду жить в этот самый миг, гармонировать с мгновением. Нечто мертвое будет утверждаться через меня. Глупо полагаться на то, что мертво.

Если я стану жить вчерашним днем, то не буду способен жить сегодня. Если я прожил весь вчерашний день, каждый его миг, тогда сегодня все мои слова проходят через меня. Если они пришли из мертвого прошлого, значит они это заимствованы. Даже если слова приходят от меня, из моего прошлого, все равно вы слышите мертвый груз информации, а не подлинное знание.

Подлинное знание всегда спонтанно, тогда как его видимость всегда опирается на прошлые сведения, на память. Когда вы обращаетесь к памяти, то не познаете. Сначала нужно перестать заимствовать знания откуда-либо, пусть даже из собственного прошлого. Нужно жить в каждый миг, причем так, чтобы все, что приходит к вам, становилось частью вашего знания.

Если я смотрю на вас, мой взгляд может стать знанием, только если не вмешаются воспоминания. Если я смотрю на вас через свои воспоминания о наших прошлых встречах, то на самом деле не вижу вас. Но если я могу смотреть на вас без бремени прошлого, тогда мой взгляд становится созерцательным. Если я могу дотронуться до вас руками, не отягощенными прошлым опытом, тогда мое прикосновение станет созерцательным. Все, что невинно, спонтанно, становится созерцательным.

Я также хочу отметить, что созерцательный ум живет в каждый миг. Он ничего не накапливает и проживает каждый миг целиком, без остатка. Такой ум всегда здесь и сейчас, он восприимчив к каждому мигу жизни.

Если что-то умерло, значит так тому и быть, прошлое миновало. Прошлое уже ушло, а будущее еще не наступило. Этот миг между прошлым и будущим самый главный.

Прошлое относится к памяти, а будущее — к желанию. Оба явления принадлежат уму, они не существуют сами по себе, представляют собой порождение человека. Если не будет человечества, то не будет ни прошлого, ни будущего. Тогда будет только настоящее, этот самый миг, без времени. Созерцательный ум живет в настоящем мгновении, для него существует только миг.

Одного монах приговорили к смерти. Император вызвал его и сказал: «У тебя остались лишь сутки. Как ты хочешь прожить остаток своей жизни?»

Монах рассмеялся и ответил императору: «Жить в каждый миг, как и всегда! Для меня есть только этот самый миг, поэтому мне все равно, осталось у меня двадцать четыре часа или двадцать четыре года. Какая разница? Я всегда жил в каждый миг, поэтому даже одного мгновения для меня вполне достаточно. Сутки это слишком долгий срок, довольно и одного мгновения».

Император не понял монаха. Тогда монах спросил его: «Скажите мне, можете ли вы прожить два мгновения одновременно?»

Никто не способен на это. Можно жить только в одном мгновении. Два мгновения невозможно прожить одновременно, только один миг подвластен вам. В мгновении нет постоянства, поэтому, если вы находитесь в сетях прошлого, если очарованы будущим, тогда вы не в состоянии удержать настоящий миг. Он пройдет мимо вас, вы упустите его. Только восприимчивый ум, пребывающий здесь и сейчас, способен создать ситуацию, в которой спонтанно случится медитация.

Также следует отметить серьезность. Люди, которые думают и говорят о медитации, ведут себя очень серьезно. Они относятся к медитации как к работе, а не игре. Но если вы относитесь к медитации серьезно, то не сможете создать ситуацию, в которой медитация случится. Серьезность вызывает напряжение, а напряженный ум никогда не может оказаться в состоянии медитации.

Вы должны принимать медитацию просто как детскую игру. Люди, которые медитируют, должны быть веселыми, должны несерьезно вести себя с существованием, жизнью. Пусть они будут невесомыми, расслабленными. Их состояние должно быть не рабочим, а праздным. Наступает миг расслабления, несерьезный миг – только тогда может что-то произойти.

Серьезная личность не может быть религиозной. Но все религиозные люди очень серьезные! У меня создается впечатление, что только больные люди с постными физиономиями становятся религиозными. Но у медитации нет цели, это нечто абсолютно бесцельное, скорее самоцель. При помощи ме-

дитации ничего нельзя достичь, медитация не может стать средством достижения чего-либо.

Но я вижу, что люди, которые начинают медитировать, на самом деле не интересуются медитацией. По сути, им нужно что-то другое, и они используют медитацию как средство достижения своей личной цели. Может быть, они хотят научиться вызывать внутреннюю тишину, чтобы избавиться от напряжения в уме. Может быть, они стремятся к чему-то еще, но они не интересуются самой медитацией, поэтому не могут открыться созерцательному настроению.

Медитация случается только у тех людей, которые интересуются ею. Наступает безмолвие как следствие медитации. Наступает умиротворение, на вас нисходит божественность. Все это следствия, и они не могут сохраняться долго, потому что очень сильное желание создает напряжение.

Божественность придет, или лучше сказать: все становится божественным, все наполняется блаженством. Она приходит незаметно, как тень медитации. Одна из тайн жизни заключается в том, что все прекрасное, правильное, благодатное, всегда приходит незаметно. Вы не можете стремиться к медитации, не можете достичь ее прямо, потому что, если стремиться к ней непосредственно, как к счастью, божественности или чему-то еще, тогда вы упустите ее. Она не случится, не снизойдет на вас. Медитация не должна становиться средством, она и не может быть им. И ваша серьезность – препятствие.

Вместе с медитацией к вам возвращается игра. Детство прошло, но к вам возвращается веселое настроение. Вы можете играть с цветными камушками, с цветами, с чем угодно. Вы можете просто расслабиться в радостном настроении, и вообще не играть. Когда вы расслаблены, возникает ситуация, в которой можно достичь экстаза: храм превращается в игрушечный домик, где каждый человек становится ребенком, который играет с существованием.

Ты спрашиваешь меня, что такое йога и кто такие йоги. Созерцательный человек уже йог. Такой человек живет созерцательно, ест созерцательно, моется созерцательно, спит созерцательно. Все его поступки, действия созерцательны. Он считает существование не тяжким бременем, а игрой. Йог не интересуется ни прошлым, ни будущим, он живет только в настоящем мгновении. Жизнь становится для него постоян-

ным течением без цели, которой нужно достичь, потому что игра бесцельна.

Даже играя, мы создаем цель. Мы разрушаем шаловливое настроение и превращаем игру в работу. Работа не может существовать без цели, а игра не может существовать с целью. Но мы становимся настолько серьезными, что даже когда играем, создаем цель: мы хотим что-то выиграть, чего-то достичь. Мы не можем делать что-либо просто так. Когда мы занимаемся искусством ради искусства, оно становится созерцательным.

Пение ради пения становится созерцательным. Любовь ради любви становится созерцательным. Если цель и средства едины, тогда все на свете становится созерцательным.

Но если для вас главное значение имеют средства, если вы преследуете некую цель в конце процесса, тогда ваши действия превращаются в серьезную работу. В вас возникает напряжение, борьба, душевная тяжесть, и ваша невинность разрушается.

Средства это цель. Цель это средства. Все, что делают с таким отношением, становится созерцательным. Начало и есть конец. Ваш первый шаг одновременно последний. Ваше рождение это и ваша смерть. Встреча и есть расставание. Соединяются два полюса, они представляют собой одно целое. Если вы воспринимаете их как целое, тогда ваш ум становится созерцательным. Тогда исчезает душевная тяжесть, и жизнь становится просто *лилой*, то есть игрой.

Иисус на кресте серьезен, а Кришна живет в радости. Танец Кришны качественно отличается от креста Иисуса. Крест неизбежно станет бременем, его надо было нести. Это не игра, а серьезное дело. Поэтому христиане говорят, что Иисус никогда не смеялся. Разве он мог смеяться, если ему пришлось таскать крест? Мало того, что он нес свой крест, он нес еще и крест всего человечества. Иисус пострадал за всех людей прошлого, всех современных ему людей, а также всех, кому еще только предстояло родиться. Но я не думаю, что Иисус был так уж серьезен. Его образ создали христиане, и я не могу согласиться с их мнением о том, что Иисус никогда не смеялся. Человек, который не умеет смеяться, не может быть религиозным.

Конечно, смех бывает разным. Когда один человек смеется над другим, он поступает не религиозно, но когда он смеется над собой, то религиозен. Человек, который умеет смеяться над собой, не может быть серьезным. Он постоянно радуется, его жизнь становится бесконечной бесцельной игрой. Ему ничего не нужно достигать, потому что все, о чем только можно помыслить, уже есть в настоящем.

Честолюбивый ум не мыслит себя без будущего, амбиции привязывают его к будущему. Ум, ориентированный на будущее, должен укореняться в прошлом, потому что будущее есть не что иное, как проекция прошлого. Мы проецируем свои желания из прошлого в будущее. Наши мечты о будущем это наш прошлый опыт, только на этот раз приукрашенный, чуть более эстетичный.

Созерцательный человек живет в настоящем, потому что иначе жить нельзя. Но если вы хотите оттолкнуть жизнь, то можете жить в прошлом или в будущем.

Йога это не метод медитации, а способ создать ситуацию, в которой спонтанно случится медитация. Человек, который начал по-настоящему жить, пребывает в этом мгновении, и его не интересуют никакие жизненные цели – вот йог, подлинный саньясин.

Обычно мы думаем, что саньясин это человек, отрекшийся от жизни. Глупости! Только саньясин начинает жить по-настоящему. Саньяса это не отречение, а приглашение к жизни. Вы отречаетесь от мертвого прошлого и еще не рожденного будущего. Вы отречаетесь от склонности к самоубийству и бегству от жизни. Саньяса это приглашение к жизни. Йога это как раз приглашение узнать тайну жизни, метод создания ситуации, в которой медитация возможна.

Йога развивалась не только в Индии. Повсюду, где люди жили в согласии с истиной, создавалась йога. Будда создал свою йогу, также как и Махавира, Иисус. У йоги тысячи различных форм.

У каждого человека, обладающего индивидуальностью, свой путь, личная дверь, через которую он входит в реальность. Поэтому никто не может следовать за кем-либо. Если вы подражаете кому-то, значит сможете стать йогом. Последователи никогда не становятся йогами, потому что подражание указывает на то, что вы стремитесь к безопасности, хоти-

те быть уверенными в том, что вы достигнете истины, поэтому вы идете по стопам того, кто уже достиг ее. Но чужой путь не может быть вашим. Это невозможно, потому что каждый человек уникален. Каждый человек торит свой путь.

Нет готового пути, по которому нужно идти, чтобы достичь чего-то, именно ваша жизнь создает для вас путь. Вы строите дорогу и ступаете по ней. И чем активнее вы будете строить, тем дальше пройдете. По пути, созданному одним человеком, не может идти другой, потому что путь йоги это личное дело. В йоге нет дорожных знаков, в ней вообще нет указателей. Будда шел по своему пути, но этот путь был внутренним, он существовал лишь для него одного. Никто больше не сможет идти по нему.

Невозможно оказаться на месте другого человека. Вы не можете умереть вместо меня. Вы можете умереть за меня, и это другое дело, но вы не можете поменяться со мной местами в моей смерти. Даже если вы умрете за меня, случится *ваша* смерть, которую вы сами выбрали для себя, но не *моя* смерть.

И вы не можете любить вместо меня. В любви не может быть заменителя, не может быть помощи, альтернативы. Моя любовь обязательно будет *моей*, и моя смерть обязательно будет *моей*. Как моя жизнь будет вашей? Моя жизнь это моя жизнь. Это абсолютно личное дело, жизнью невозможно поделиться с другими.

У каждого человека своя йога. Каждый человек создает ее для себя. Все мы ищем в полном одиночестве, в кромешной тьме. Но сам поиск становится светом во тьме, потому что осознание одиночества разрушает одиночество, превращает его в мужество.

Когда вы ясно понимаете, что вы одиноки, страх исчезает. Когда вы осознаете, что никто не в силах быть с вами, страх уходит. Страх возникает вместе с желанием, с мечтой, с представлением о том, что другой человек может быть вместе с вами. Но если вы глубоко осознали, что вы абсолютно одиноки, страх исчезает. Тогда вы понимаете, что другого пути нет.

Когда вы принимаете свое полное одиночество, то становитесь йогом и выходите за пределы общества. Таков единственный смысл отречения от общества. Это не означает, что вы в самом деле оставляете общество, поскольку никто не

может оставить общество – куда бы вы ни пошли, вы повсюду будете создавать его. Даже с деревьями и животными у вас снова возникнет семья, общество. Дело в том, что общество как явление жизни следует за вами тенью. Куда бы вы ни пошли, вы где-то останавливаетесь, поселяетесь, и само это место становится обществом. Все люди, связанные с этим местом, станут членами вашего общества.

Но когда пронзительная мысль о том, что вы одиноки (когда вступаете на путь, создаете путь, получаете жизненный опыт, погружаетесь в настоящий миг), поистине поразит вас, тогда общество исчезнет. Вы одиноки.

В мире нет гуру, вам некому подражать, у вас нет образца поведения, нет проводника. Вы одиноки, вы есть само одиночество. Нет того, кто осквернит и исказит ваше одиночество. Оно чисто, невинно, прекрасно. Ваше одиночество есть путь, ваше одиночество есть медитация, ваше одиночество есть йога. Вы можете спросить, что же вам делать со своим одиночеством. Ничего не нужно делать, потому что любое действие это способ избежать одиночества, забыть о нем. От одиночества нельзя убежать. Вы должны быть погружаться в него, должны остаться в нем, должны жить с ним. Вы должны ступать по своему жизненному пути в абсолютном одиночестве. У вас будут попутчики в путешествующей толпе, и все же вы должны быть полностью одинокими.

Когда два человека идут по дороге, они не идут как «два», они идут как один и один, они – два идущих одиночества. В семье может быть пять человек, живущих вместе: это пять одиночеств, живущих в доме. Живите в семье, но знайте также, что вы один.

И когда вы поймете свое одиночество, то станете сострадательным к другим, и их одиночеству. Сострадание указывает на то, что человек действительно стал настоящим йогом, потому что теперь, когда вы знаете свое одиночество, вы понимаете одиночество всех.

Каждый человек одинок, будь он мужем, женой, ребенком. Но люди живут без сострадания, сочувствия, любви, потому что используют друг друга для бегства от одиночества. Жена использует мужа, чтобы убежать от своего одиночества, потому что считает его своим имуществом. Жена боится того, что, если муж забудет ее, если бросит ее, сбежит от нее, тогда

она останется одинокой. Она не осознает свое одиночество и не хочет осознавать его. Она цепляется за мужа, становится собственницей. И муж также цепляется за жену, так как использует ее для бегства от собственного одиночества.

Мы одиноки. Когда вы поймете, что человек одинок, тогда не станете убегать, потому что бегство невозможно, когда вы понимаете суть дела. В вас просто есть желание, но нет бегства, ведь жена одинока вместе с мужем, как и без него. Но мы создали иллюзию бегства, иллюзию общения. Наши семьи, нации, клубы и организации, все наши общины это бегство от одиночества.

Очень жаль, что никто не думает о благодати жизни. Если вы остались наедине с собой в комнате, то скучаете. Один скучающий человек идет к другому скучающему человеку, и вместе они пытаются побороть скуку. Логика подсказывает, что случится противоположный результат: скука удвоится. Теперь каждый скучающий человек будет скучать вдвойне больше, и при этом еще думать, что в его состоянии повинен другой. Начнутся обвинения и борьба.

Йог, то есть человек, который пришел к йоге, ясно осознает, что природа каждого человека предполагает абсолютное одиночество, и с этим ничего не поделать, нужно просто жить. Когда осознаешь это, происходит взрыв. Теперь не нужно убегать, потому что уже нет бегства. Человек начинает жить с собой, и теперь он может жить один, но он не одинок. Он не убегает в горы, в пещеру, потому что теперь знает, что, где бы он ни был, пусть даже в мирской суете, в толпе, он пребывает наедине с самим собой! Теперь каждый человек отличен от него, каждый из нас сам по себе! Затем в нем родится сострадание к каждому абсолютному одиночеству.

Когда появляется сострадание к другим, йог развивает медитацию. В реализации достигаются две цели: медитация и сострадание. Во внутреннем мире – медитация, во внешнем мире – сострадание.

Будда использовал два слова: *пращня* и *каруна*, потому что религия основана на этих двух словах. *Пращня* это медитация, вершина знания, а *каруна* – сострадание. Медитация это пламя, сострадание – свет, распространяющийся повсюду и наполняющий весь мир. Оба понятия приходят одновременно, они составляют единое целое.

Не надо думать об условиях этой или той йоги, этой или той религии, поскольку в целом, всякое мышление ложно. Думайте в терминах существования, жизни. Начните жить в каждый миг, который приходит к вам; нужно жить в полную силу, жить в полном одиночестве. Живите в каждый миг. Будьте открыты неизвестности. Принимайте жизнь, как она есть. Отрицание и неприятие это атеизм. Принятие это настроение говорить «да» всему на свете. Приглашать все сущее без всяких условий – вот религиозность.

Создайте ситуацию, и все будет происходить само собой. Но это нельзя предсказать. Невозможно предсказать ничего ценного, можно предсказывать только механические явления. Мы можем предсказать действие робота, но не можем предсказать жизнь, поскольку жизнь непредсказуема. Нужно просто создать ситуацию и ждать, нужно позволять событиям происходить спонтанно и в свое время.

Например, я могу подготовить свой дом для гостя, но подготовка это еще не сам гость. Он может прийти, а может и не прийти. По-индийски «гость» звучит как *атумхи*. Это очень красивое слово, оно означает человека, дата появления которого неизвестна. Он может появиться прямо сейчас. Вы можете всю жизнь ждать его.

Ожидание это только проверка. Если вы можете ждать, то не обременяетесь ожиданием. Оно лишь показывает вашу любовь. Нужно ждать с сильно бьющимся сердцем, ожидание должно продолжаться каждый миг, потому что в любой миг бытие может расцвести.

Вы осознанны и пребываете в постоянном ожидании, хотя четко понимаете, что ничего может и вовсе не произойти, что гость может не прийти к вам.

Люди, которые не умеют ждать, пытаются уверять себя – например, они говорят: «Если вести себя так-то, тогда результат гарантирован». Ничего подобного: если вы уверены, что гость обязательно придет, тогда вы не ждете его, поскольку уверенность убила ожидание. Если гость непременно придет, тогда не стоит и ждать.

Когда сердце знает о такой возможности, то в своей неуверенности становится ожидающим. Ожидание волнует, оно звучит в каждом вдохе. Каждый миг осознавайте все, что происходит: дождь, цветы, звезды. Осознавайте все, потому

что никто не знает, каким образом гость может прийти к вам. Никто не знает, когда он придет и постучит в вашу дверь.

Йог это человек, который ждет, не спит. Даже во сне он ждет, потому что гость может прийти, когда вы спите, и тогда он уйдет. Поэтому йог бодрствует каждый миг. Он постоянно ждет и надеется, даже когда ситуация безнадежна, когда ни в чем нет уверенности. Даже для одного мига нужно пребывать в страстном ожидании. Но результат не гарантирован вам. Я могу лишь сказать, что медитация случается, так уже бывало.

Ожидание так томительно, потому что мы все время спешим. Спешка современного человека указывает на то, что в нем нет религиозности. Из-за отсутствия религиозности современное общество склонно к материализму. Мы так торопимся, что не можем ждать. Мы бежим так быстро, что не можем остановиться и посмотреть на Бога. Мы постоянно куда-то бежим, а ожидание невозможно в лихорадочном уме.

Ожидающий человек должен сидеть, он не может бежать. Если вы внутренне суетитесь, то не будете позволять себе ждать.

В японском языке есть слово «дхьяна», что значит медитация, задзен. Практикуя задзен, вы просто сидите и ждете, ничего не делая. Никто не говорит, что вы должны сидеть в одной позе пять часов, вы можете расположиться удобно и просто сидеть. Если вы спите, тогда просто спите и ждете, ничего больше не делайте. Если вы едите, тогда просто ешьте. Но вы должны просто поглощать пищу, вот и все, ничего больше, и ждете. Поток такого настроения сохраняется: вы сидите, ждете и ничего не делаете – вот медитация, йога.

Это не отречение, а приглашение в жизнь. Я против всех видов отшельничества, потому что такие люди отвергают жизнь, противостоят божественности. Люди, которые внешне кажутся опьяненными богом, на самом деле не приняли его полностью, потому что они отрицают жизнь, которую создал Бог. Они говорят: «Боже, мы принимаем тебя, но отрицаем твою жизнь». Они говорят «Мы выбираем тебя, а не твой мир». Выбора нет: жизнь божественна, она от Бога.

Не нужно выбирать, принимайте все. Просто живите, глубоко укоренитесь в жизни, и сохраняйте свое уединение. Вы и есть одиночество. Все приходит и уходит, но ваше одиночество не разрушается, потому что это часть вашей природы.

Ваше одиночество – основа для роста вашей медитации, через нее вы окончательно входите в йогу, становитесь йогом, человеком с индивидуальностью.

Подлинность может возникнуть только через индивидуальность, поэтому не верьте мертвым установкам карма-йоги, бхакти-йоги, джняна-йоги, раджа-йоги. Существует столько видов йоги, сколько на свете есть путей, сколько искателей идет по ним. Каждый человек должен создать собственную йогу, только так может произойти нечто подлинное, достоверное, в ином случае вы лишь что-то заимствуете, у вас будет ложная самореализация.

На свете много иллюзий. Все последователи достигают ложного, ненастоящего бога. И они не могут достичь настоящего бога, потому что где-то по дороге потеряли свою подлинность. Они подражают, а подражатель никогда не сможет достичь настоящей самореализации, он будет только подражать богу.

Такая самореализация легка и проста, но она не поможет, так ничто ничего не достичь. Существует только один настоящий Бог, но у нас много ложных богов: христианский, индуистский, джайнский, мусульманский. Пути, которыми эти религии достигают Бога, сплошь ложны. Подлинный путь всегда индивидуален. Нужно набраться смелости для того, чтобы быть самим собой, чтобы принять себя и совершить скачок в неизвестность, отбросить все известное, отказаться от всех знаний.

Бог это абсолютное одиночество. Когда вы говорите: «Я един с Богом», то еще раз создаете «другого». Вы выдумали своего Бога, чтобы убежать от себя, так Бог становится «другим». Прежде «другим» была жена, друзья. Теперь вы едины с Богом, кто же «другой»?

Но вы не можете стать с ним единым целым, потому что вы уже *едины* с ним. Ваше полное одиночество реализуется оттого, что вы уже есть Бог, что вы не отделены от него. В принципе, вы не можете объединиться с Богом, общаться с ним, потому что общение возможно, только когда существуют «двое». Когда вы осознаете свое абсолютное одиночество, то не общаетесь с Богом, а понимаете, что теперь вы и есть Бог, божественность! Даже язык одиночества это пережиток понятия двойственности.

Двойственность создается умом?

Когда вы осознаете свое полное одиночество, ум исчезает, ведь ум это ваше прошлое, ум – «другие». Обычно, когда вы остаетесь наедине с самим собой, ваш ум продолжает разговаривать, он становится другим, идет диалог между вами и умом. Но когда вы в одиночестве, вы один. Нет ума, Бога, вы и есть сама божественность.

Я не могу сказать, что вы становитесь едины с Богом, потому что тогда останется понятие двойственности, когда Бог это одно, а вы – другое. Даже назвать существование божественным значит внести разделение, но нет небожественного существования. Мир можно называть божественностью или существованием, не нужно использовать сразу два названия. Достаточно просто сказать «существование» или «божественность». Когда мы говорим: «Божественное существование», то создаем разделение, и тогда существование становится божественным, тогда как нечто другое небожественно. Но так говорить некорректно, поскольку каждая малость во вселенной составляет часть существования, и нет ничего небожественного.

Существование едино, но даже назвать его единым неправильно. Поэтому в Индии выбрали слово «адвайта», что значит недвойственность. Оно означает не единство, именно отсутствие двойственности: не два. Даже используя слово «один», мы создаем понятия «два», потому что «один» не может существовать без «два», «три» и прочей череды цифр. Но когда вы осознаете свое полное одиночество, то понимаете, что нет понятия «два», и никогда не было.

Я не могу сказать, что вы объединитесь с Богом, потому что вы всегда были Богом, никогда не были отделены от него. Вы сами выдумали отчужденность от него и из этой иллюзии создаете еще одну иллюзию о единении. Отчужденность сама по себе иллюзия, понятие ума, и вы, отказавшись от нее, создаете другое понятие: единение. Но если отчужденность ложна, тогда и единение ложно.

Вы один, а не едины. Больше никого нет: «другой» ушел, его нет. И когда нет «другого», ум прекращает деятельность. Ум это «другой», а когда нет ума, нет и «другого».

Это как если вы поставили дамбу поперек реки. Река цельна и всегда была цельной, но теперь ее разделяет дамба, кото-

рая становится «другой». Река цельна, как и всегда. Когда дамбу разрушат, река снова будет единой.

Дамба создает невежество. Из-за нее мы создаем философии, отрицающие существование. Таково различие между религией и философией, ведь философия создает теории против дамб, а религия просто разрушает их.

Философия говорит, что нет понятия «два», тогда двойственность ложна, а единственность подлинна. Теория единства создается на фоне двойственности. Но религиозный человек спросит: «Где один? Где другой?» Никогда не было «другого». Это понятие, как и единственность. Они оба от ума.

У реальности нет понятий, у существования нет теорий. Поэтому не говорите о божественности, Боге, о своем единстве с Богом. Теперь есть только одиночество, только единственность. Есть только вы, и больше никого, от кого следует отделяться. Нет никого, с кем следует объединяться. Полное одиночество и есть самадхи.

Сон это состояние одиночества?

Нет, сон это существование, а не одиночество. Это не единственность, не двойственность, а просто бессознательность. В таком состоянии вы бессознательны. В обычном пробуждении вы осознаете двойственность. В обычном сне вы не осознаете ни единство, ни двойственность. Но в подлинном пробуждении, медитации, самадхи вы осознаете одиночество.

Здесь есть как сходство, так и различие. Во сне вы не осознаете ни двойственность, ни единство. В самадхи, медитации вы что-то осознаете. Если вы полностью осознанны, тогда нет двойственности даже во сне, а есть только единственность.

Во сне ум засыпает, а в самадхи он умирает. Сон и самадхи кажутся похожими, но это не так, потому что после достижения самадхи ум не выживает. Когда вы пробуждаетесь утром ото сна, ваш ум укрепляется, освежается, и снова возникает двойственность. Но после достижения самадхи ум не возвращается, поскольку попал в точку, из которой нет пути назад. Вы не можете вернуться. Теперь единство будет вечным.

Итак, самадхи и сушупти (сон без сновидений) похожи. Самадхи это пробужденное сушупти, а сушупти – спящее самадхи.

Глава 2

Динамическая медитация

Что такое Динамическая медитация?

Прежде всего, в отношении динамической медитации нужно понять, что она представляет собой метод создания ситуации, в которой медитация может спонтанно случиться. Вы сможете расслабиться, если только предварительно сильно напряжетесь. Обычно человек не может просто расслабиться, но если вы полностью достигнете на вершины напряжения, тогда непременно наступит спонтанное расслабление, на вас снизойдет безмолвие.

Первые три стадии этой техники выполняют для того, чтобы достичь кульминационного пункта напряжения, проходящего через все уровни вашего бытия. Первый уровень это физическое тело. За ним следует жизненное тело. Это ваше второе, эфирное тело. Затем следует третье, астральное тело.

Вашему жизненному телу пища служит дыхание. При нормальном газообмене кислорода жизненное тело не меняется. Глубокое, быстрое дыхание в течение 10 минут на первой стадии динамической медитации должно изменить химию вашего жизненного тела.

Дыхание должно быть как можно более глубоким и частым. Если вы не можете глубоко дышать, тогда дышите быстро. Быстрое дыхание «бьет молотом» по жизненному телу, пробуждает его ото сна, и тогда открывается запасная энергия. Дыхание проходит как электрический поток через всю нервную систему.

Вы должны выполнять первую стадию как можно более энергично и активно. Вы должны полностью погрузиться в процесс, ни одна ваша часть не должна оставаться вне процесса. Все ваше существо должно дышать на первой стадии.

Вы просто безвольно делаете то вдох, то выдох. Ваш ум целиком занят этим процессом: воздух движется то вовне, то внутрь. Если вы полностью увлечены дыханием, тогда мышление исчезнет, потому что ваша энергия не будет поддерживать, питать его.

Затем, когда электричество тела начнет работать на вас, наступает вторая стадия. Когда биологическая энергия возвращается к вам, работает в вашей нервной системе, ваше тело приобретает новые возможности. Позвольте своему телу делать все, что оно хочет.

Во второй стадии вы не только отпустите себя, но и создадите состояние положительного сотрудничества. Помогайте своему телу, потому что язык тела символизирует то, что вы потеряли. Если тело хочет танцевать, вы не понимаете его. Поэтому, если во второй стадии вы хотя бы чуть-чуть захотели танцевать, помогите телу, только так вы поймете его язык.

Все, что произойдет во время второй десятиминутной стадии, выполняйте изо всех сил. Ничего в процессе техники не следует выполнять ниже максимума своей способности. Вы можете танцевать, прыгать, смеяться, плакать. Все, что происходит с вами, выражается в форме энергии – сотрудничайте со своим телом. Сначала у вас может просто возникнуть мысль, легкий соблазн. Ваше желание будет таким легким, что, если вы захотите подавить его, оно больше не проявится на сознательном уровне. Вы можете подавить его бессознательно. Поэтому, если у вас появляется некая мысль, колебание в уме, примите ее и реализуйте максимально, причем очень активно.

Напряжение при этом должно достигать максимума, никак не меньше. Если вы танцуете, даже немного сдерживая себя, медитация не будет эффективной, это путь в никуда. Люди танцуют часто и подолгу, но тщетно. Поэтому танец необходимо исполнять на максимуме своих возможностей. И танец не следует планировать. Вы движетесь инстинктивно, интуитивно. Рассудок вообще не должен вмешиваться в танец.

Во второй стадии станьте просто телом. Вы едины с ним, отождествляйте себя с телом так, как в первой стадии вы отождествляете себя с дыханием. Когда вы доведете свою активность до максимума, в вас волною поднимутся новые, свежие ощущения. Что-то сломается в вас, и вы увидите свое тело отдельно от себя, станете ему свидетелем. Не пытайтесь *стать* свидетелем, просто отождествляйте себя с телом и позвольте телу делать все, что оно хочет, двигаться так, как ему вздумается.

Если ваша деятельность очень активна (вы танцуете, кричите, смеетесь, спонтанно двигаетесь, несете чепуху), тогда вы становитесь свидетелем. Теперь вы просто смотрите. Вы ни с чем не отождествляете себя, просто у вас появляется сознательное свидетельствование. Вы ни о чем не думаете, все случается спонтанно.

Такова вторая стадия техники. Только завершив первую стадию, вы можете перейти ко второй. Представьте автомобильную коробку передач: вторую передачу можно включить, лишь когда скорость машины на первой передаче достигнет максимума. А третью передачу можно включить, лишь когда скорость на второй передаче максимальна. Динамическая медитация включает передачи ума. Физическое тело, первая передача, доводит ваше состояние до максимума через дыхание, а потом вы переключаетесь на вторую передачу. Действовать следует очень интенсивно; ваша медитация должна включать в себя все, чтобы ничего не осталось вне нее.

Поначалу вам будет трудно практиковать динамическую медитацию, потому что вы подавляете свое тело так долго, что подавление кажется вам делом естественным. Но это неестественно! Посмотрите на ребенка: он играет со своим телом совсем по-другому. Если он кричит, то делает это от души. Крик ребенка прекрасен, а крик взрослого уродлив. Даже в гневе ребенок прекрасен, он полностью выражается в нем. Но когда взрослый сердится, он отвратителен, поскольку давит в себе злобу. Если вы активно выражаете себя в любой деятельности, то прекрасны.

Вторая стадия трудна только потому, что вы подавляли тело очень долго, но, если вы будете сотрудничать с телом, то снова вспомните забытый язык. Вы станете ребенком. А когда вы снова станете ребенком, то начнете по-новому ощущать себя: вы станете легким, ведь тело, которое не подавляют, теряет вес.

Когда тело становится совершенно свободным, тогда исчезает подавление, которое накапливалось всю вашу жизнь. Происходит катарсис. Человек, который пережил катарсис, никогда не станет безумным, это невозможно. Если безумного человека уговорить выполнять эту технику, он снова станет нормальным. Человек, который прошел через этот процесс,

поднимается над безумием, сама возможность безумия сгорает в катарсисе.

Вторая стадия психотерапевтическая. Можно медитировать через катарсис. Нужно полностью очиститься, все несознательное следует отбросить. Наша цивилизация научила нас подавлять, держать все в себе, поэтому весь подавленный материал погружается в подсознание. Сознание частично, душа разрывается на части, бытие человека опустошается.

Каждый подавленное привидение может привести к безумию. Его следует развеять. Чем больше в человеке цивилизованности, тем больше возможность сойти с ума. В нецивилизованном человеке больше здоровья, потому что он понимает язык тела, сотрудничает с ним. Его тело не подавлено, его тело цветет вместе с ним.

Вторую стадию следует выполнить в полную силу. Вы не должны пребывать вне тела, вы должны быть в теле. Если вы взяли за что-то, то делайте это в полную силу. Станьте действием, а не деятелем. Вы цельны, когда становитесь действием, а не актером. Актер всегда находится вне действия, он не бывает не в нем. Когда я люблю вас, я превращаюсь в любовь, но когда я играю в любовь, то пребываю вне действия.

Во второй стадии возможны самые разные вещи. С каждым человеком происходит нечто индивидуальное. Один начнет танцевать, а другой кричать. Один начнет раздеваться, другой прыгать, третий смеяться. Все возможно.

Полностью погрузитесь в медитацию, ничего не удерживайте, тогда вы сможете перейти к третьей стадии.

Третья стадия достигает результата последовательно. На первой стадии, электризации тела, вы можете пробудить энергию кундалини. Энергия начинает вращаться и подниматься. Только тогда можно отпустить тело, не раньше. Только когда начинается внутреннее движение, может возникнуть движение внешнее.

Когда во второй стадии катарсис достигает максимума, наступает время третьей десятиминутной стадии. Начинайте энергично речитативом повторять суфийскую мантру «Ху!» Энергия, пробужденная через дыхание и выраженная через катарсис, начинает движение вверх и внутрь, эта мантра восстанавливает энергетические каналы. Раньше энергия двигалась вниз и вовне, а теперь она движется внутрь и вверх.

Продолжайте жестко выкрикивать звук «Ху!», пока все ваше существо не превратится в этот звук. Вы должны полностью истощить себя, только тогда произойдет четвертая стадия, медитация.

Четвертая стадия – это ничто, есть только безмолвие и ожидание. Если вы в первоначальных трех стадиях выразились полностью, ничего не оставив, тогда в четвертой стадии вы сами собой погружаетесь в глубокое расслабление. Тело истощено, вы ничего не угнетаете, все мысли исчезли. Расслабление наступит спонтанно, вам ничего не нужно делать. Так начинается медитация.

Исчезнув, вы создали благоприятную ситуацию. Теперь медитация может случиться. Вы открыты и восприимчивы, вы ждете, и все происходит спонтанно.

Люди, которые приходят ко мне за духовными наставлениями, обладают дисциплинированным умом. Как им практиковать динамическую медитацию с таким взрывным выражением эмоций?

Такие люди цепляются за дисциплину, но такой ум должен первым делом научиться вести себя анархично, только в таком случае удастся выйти за его пределы. Вы можете соблюдать дисциплину, но дисциплина обусловлена внешними условиями, а сокровенная суть остается одной и той же. Внутри будет царить анархия, и дисциплина – вовне. Анархия остается в сердце несмотря на то, что дисциплина формируется параллельно развитию личности. Поэтому сначала снимите напряжение, устраните смущение. Пусть анархия достигнет своего высшего пика. Тогда произойдет взрыв, и в результате возникнет дисциплина.

Расскажи об этом методе людям, которые приходят к тебе за духовным наставлением. Они почувствуют перемены, которые произойдут сами собой, ощутят преображение. Позволь им поэкспериментировать с данной медитацией в их нынешнем виде, то есть с беспокойным умом, сомнениями. И если что-то произойдет благодаря этой технике, тогда медитация будет продолжаться сама по себе, и тебе не придется никого ни в чем убеждать.

Следует возбудить внутреннюю анархию. Ее не надо успокаивать или отталкивать. Вам следует активно и в полной ме-

ре выразить ее. Спокойствие, безмятежность, нирвана – ничего не наступит до тех пор, пока не изменится ум. После его изменения спокойствие придет само собой, и оно будет естественным.

Вы должны полностью выразить себя. Разумеется, нужно выплеснуть и свое сумасшествие, потому что вы безумцы. Если вы позволите себе выразить все, что находится в вас, тогда безумие выплеснется вовне. У вас появятся странные ощущения. Вы выразите все, что было неведомо даже вам самим. Но вы самостоятельно и искренне выражаете все, что находится в вас.

Очень много подавленного материала в подсознании следует взорвать. Вас подавляли веками, на протяжении множества прошлых рождений. Анархическое содержание в каждом из нас неведомо даже нам самим. Оно должно выйти наружу, тени в нас должны исчезнуть. Они могут уйти, только если их выразить, причем максимально активно, выплеснуть из своей сокровенной сути. Для того чтобы превзойти внутреннее безумие, сначала следует стать безумным.

Позволь всем, кто приходит к тебе, экспериментировать с динамической медитацией. Объясни им, что главное – не вера в технику. Они должны медитировать, понимая, что происходит. И нечто непременно произойдет, потому что безумие, о котором я говорю, есть в каждого из вас.

Присутствует ли в этой технике гипноз?

Когда человек начинает экспериментировать с этой техникой, все дело не в вере или доверии, не возникает вопрос о гипнозе. Напротив: мы гипнотизируем себя верой в свою нормальность, в свой здравый ум. Это гипноз! Весь мир это большой сумасшедший дом, и мы внушаем себе, что мы нормальные, душевно благополучны. Но сумасшествие, скрытое на заднем плане, всегда стремится выплеснуться вовне: оно извергается, вырывается наружу во сне.

Безумие выходит из нас, когда мы опьянены. ЛСД заставляет безумие взорваться, но взрыв вызван не наркотиком, и не сновидения создают безумие. Наркотики и сновидения просто обнажают вашу сущность, ваше подлинное внутреннее бытие. Поэтому многие старые традиции предписывали искателю познавать себя с помощью наркотиков. Разные галлюцино-

генные травы помогали человеку познавать свою сокровенную суть, постигать свой внутренний мир.

Глупо даже пытаться дисциплинировать ум. Вы не знаете сокровенную суть, навязываете дисциплину извне. Так вы станете более дисциплинированным, но безумие всегда будет оставаться в вас.

В конце концов, вы заболите шизофренией, ведь в вас одновременно живут два бытия, ваше существование раздвоено. Вы постоянно испытываете нерешительность и внутренние противоречия. Помните о том, что противоречия рассеивают вашу энергию. Поэтому для вас первым шагом к гармонии и цельности станет не дисциплина, а знание о том, что пребывает в вас.

Внутренний мир подавлялся веками, тысячелетиями, поэтому вы привыкли угнетать. Не только вы, но все человечество подавляет себя, вы всего лишь частица в общем процессе. Вы подавляете свой внутренний мир бессознательно, в вас говорит привычка, передаваемая по наследству.

Поэтому люди боятся данную технику. Сдерживание, подавление, коллективный ум – основа всякого умопомешательства, напряжения, противоречия, дисгармонии. Вы тайно боитесь того, что если отпустите себя, тогда вырвется наружу все, что вам до сих пор удавалось давить в себе. В это обязательно случится. Этот страх заставляет вас сомневаться в технике, и сомнение в конечном итоге становится еще одним средством подавления себя.

Скажи своим ученикам, что им не нужно верить в технику, пусть они просто экспериментируют с ней 15 дней. Позволь им практиковать ее это по часу в день, начиная с 10-минутного глубокого, быстрого дыхания, и тогда что-то начнет происходить.

Дыхание должно быть таким же глубоким и быстрым, как дыхание *бхастрика*. У вас хаотическое, неритмичное дыхание. Если вы попытаетесь использовать какой-то ритм, взрыв не произойдет, потому что вы все еще дисциплинируете себя. Позвольте дыханию быть как можно более анархичным! Акцентируйте скорость, интенсивность и глубину. Не оставайтесь вне дыхания. Все бытие должно быть вовлечено в это упражнение, без остатка.

Когда вы реализуете технику одержимо, всем своим телом, тогда ум вибрирует, начинает двигаться электричество тела. Если вы почувствовали новые ощущения в своем теле, которые прежде не замечали, значит техника эффективна. У вас больше нет сомнений, потому что вы пережили то, что никогда не испытывали прежде.

Мы никогда не чувствуем электричество своего тела. Это самая подавленная часть нашей индивидуальности. И не только ум подавляется, но и тело угнетено. Мы не живем в нашем теле долго, как предписано природой, мы подавляем его мудрость.

Кто-то может начать дрожать, потому что под воздействием глубокого, быстрого дыхания на первой стадии техники электричество его тела начинает двигаться. В этот момент он освобождается из плена общества. Его биологическая энергия так сильна, что вы не сможете заставить этого человека приспособляться.

Когда начнет расти энергия вашего пробуждения, вы не будете чувствовать, что просто существуете, что вы раб обстоятельств. Вы ощутите себя как нечто безграничное, беспредельное, могущественное. В такой миг человек объявляет себя богом. Он восклицает: «Ахам Брахмасми!», что значит «Я Брахман».

Вы впервые говорите: «Ахам Брахмасми, я есть Бог», когда ощущаете движение электричества, обычно бездействующее в теле, благодаря глубокому, быстрому, интенсивному дыханию. Тогда каждый опыт, приходящий через тело, становится подлинным.

Мы называем что-то реальным, если чувствуем это через тело. Я говорю, что вы реальны, потому что вижу вас, могу коснуться вас. Если я не могу потрогать вас, тогда вы будете для меня галлюцинацией, я не смогу поверить в вас. Если я не могу до вас дотронуться, то не могу показать вас другим. Для нас реально лишь то, с чем можно установить связь через свое тело.

Любая техника, открывающая новые измерения опыта для тела, становится для нас реальной. Тогда сомнения исчезают, и человек развивается. Поэтому я акцентирую дыхание в первой стадии. Во второй стадии дыхание будет продолжаться само собой. В теле будут происходить разные реакции, они

могут принимать различные формы, но все они будут слушаться спонтанно, не через дисциплину. Будут происходить самые разные вещи.

Как должен сидеть человек во время выполнения техники?

Вы можете сидеть в любой позе, но лучше стоять. Глаза следует закрыть, технику следует выполнять на пустой желудок. Во второй стадии расслабьте тело. Дайте ему свободу, не подавляйте его.

Продолжайте дышать и позвольте телу двигаться, вибрировать, танцевать, плакать, смеяться. Позволяйте случаться всему, что только может случиться, тело само обо всем позаботится, начнут происходить многие вещи. Затем на третьей стадии, после интенсивного дыхания и телесного самовыражения, начинайте без перерыва повторять суфийскую мантру «Ху!». Это следует делать как можно более энергично, без остатка. Выплесните все свои силы. Раз за разом повторяющиеся звуки становятся все более энергичными и интенсивными.

В первой стадии все внимание уделяйте дыханию. Когда дыхание становится глубоким, вторая стадия неожиданно появляется из первой: тело начинает двигаться. Вы не расслабляетесь даже на секунду, напряжение все время усиливается. Затем во второй стадии расслабьтесь, позвольте телу свободно выразить все, что сдерживалось в нем. Тело начнет двигаться, танцевать, и скоро вы почувствуете, что вы это нечто отдельное от тела. Вы увидите, что тело плачет, смеется, кричит. Причем вы осознаете это так отчетливо, что не сможете отождествлять себя со всеми его жестами и поступками. Вы увидите, что вы прыгаете, танцуете, что-то будет происходить механически. Вы начнете воспринимать тело как отдельную сущность. Только когда тело действует автономно, сознание чувствует себя отдельно от него, прежде оно всегда отождествляет себя с телом.

Почему мы всегда не ощущаем себя отдельно от тела?

Вы полностью отождествлены со своим телом, потому что обычно нет промежутка между вами и вашим телом. То, что вы делаете, делает и ваше тело, и наоборот. Вы и действия вашего тела отождествлены как единое целое. Но когда тело

действует по-своему, оно становится роботом. Начинают происходить вещи, которые вы никогда не планировали, никогда не считали возможными для себя.

«Неужели я так поступаю?» – удивляетесь вы. И вы знаете, что сами вы ничего не делаете. Вы не прикладываете усилия, но танец продолжается, причем очень энергично.

Возникает промежуток между деятелем и действием, сами вы ничего не делаете. Ваше тело действует автономно.

Сознание не может отождествлять себя с автоматом. Вы не можете отождествлять себя с машиной, когда машина работает согласно программе. Если я попрошу этот микрофон подвинуться, и он послушается меня, скорее всего я начну отождествлять себя с ним. Микрофон ста моей частью, ведь он движется, когда я прошу его об этом. Рука движется, когда я хочу того, и если я захочу, чтобы она бездействовала, она повинуется мне. Отождествление случается через движение – двигатель и движение становятся одним целым.

Но когда тело движется без влияния вашего сознания, оно становится отдельной машиной. Только тогда вы сможете удостовериться в том, что отделены от тела. Вы такое четко ощущаете это, что у вас просто не остается сомнений.

Поэтому я подчеркиваю важность движения тела. Позвольте происходить любым движениям, отпустите свое тело. Вы увидите, что ваше тело уподобляется безумцу, животному или машине. Вы не согласитесь отождествляться с ним, вы останетесь в стороне. Вы становитесь свидетелем.

Во второй стадии техники вы начинаете свидетельствовать все происходящее. Тело движется, руки движутся, формируется множество *мудр* – все это вы не планировали, не знали. Возникает ваше внутреннее свидетельство. Вы воспринимаете все происходящее как нечто вне вас. Теперь вы не деятель, а наблюдатель. Нет вопроса о вашем действии, вы просто начинаете видеть.

В начале отождествление с телом еще будет сохраняться, но если вы отпускаете себя в технике все больше, действия исчезнут. Если тело упало на пол, не думайте, что упали вы, потому что упало тело.

Затем на третьей стадии вы кричите «Ху! Ху! Ху!» изо всей силы. Вы должны полностью обезуметь. Погружайтесь все глубже в этот звук. Усиливайте свое напряжение до мак-

симула, потому что только с вершины можно упасть в самую глубину вашего существа. Чем более безумным вы становитесь, чем выше пик интенсивности, которого вы достигаете, тем глубже вы упадете в себя и станете более здравомыслящим. Настоящее здравомыслие приходит после преобразования безумия. Расслабление наступает, только когда вы достигли пика напряжения. Затем наступает четвертая стадия: ум становится безмятежным, безмолвным.

Пройдя три предыдущие стадии, по 10 минут каждую, вы расслабляетесь на 10 минут. Забудьте все, что вы делали в трех стадиях, и просто упадите на пол, замрите, оставайтесь в той позе, в которой были. Теперь ничего не надо делать, нет и вопроса о действии, потому что вы полностью истощены, утомлены. Отпустите себя.

Данная техника состоит из последовательных стадий, каждая из которых естественным образом вытекает из предыдущей. Если вы продолжаете технику и не добавляете четвертую стадию, она придет сама, как естественное следствие того, что вы делали прежде. Когда у вас кончатся силы, вы упадете на пол. Вам больше нечего делать.

Четвертая стадия – бездействие. Поэтому я называю ее дхьяной, медитацией. Первые три стадии это только шаги, а четвертая стадия – дверь. Остаетесь лишь вы. Вам ничего не нужно делать: ни дышать, ни двигаться, ни кричать, вы просто безмолвствуете.

Три предыдущие стадии следовало выполнять посредством усилий, а четвертая стадия приходит сама. Происходит то, что вы не вызывали силой. Она приходит как молитва: вы становитесь пустотой, и что-то заполняет вас. Нечто духовное устремляется в вас, когда вас нет.

Вас здесь нет, потому что нет действия; это исчезает, когда нет деятеля. Деятель это эго, поэтому вы можете *быть* на первых трех стадиях, потому что что-то делаете (дышите, двигаетесь, кричите), но на четвертой стадии, вы не можете *быть*, так как нет действия.

Эго это ничто, но, чем больше вы накапливаете в памяти прошлых действий, чем больше человек делает, тем более эгоцентричным он становится. Даже если вы работаете в общественной или религиозной сфере, все ваши действия становятся частью эго, которое представляет собой не бытие, а

память о ваших действиях, поэтому в мгновения бездействия вас нет. Тогда что-то просто происходит. Вы ничего не делаете, но вы в полной мере осознанны. Вы безмолвны, но осознанны. Вы истощены, но осознанны. Остается только осознанность, осознание своего полного освобождения, понимание того, что все исчезло.

Когда закончится четвертая стадия, когда она станет памятью, тогда вы сможете вспоминать ее. Но непосредственно в этот миг ничего нет, есть лишь осознанность. Ничего нет, поэтому вы не можете осознавать что-то еще. Впоследствии вы узнаете о существовании промежутка. Ваш ум работал до определенного момента, а затем возник промежуток, потом ум снова начал работать. Вы почувствуете этот промежуток. Разрыв, интервал становится частью вашей памяти.

Наша память записывает события, и этот промежуток – великое событие, значительное явление. Ум это механизм, он записывает все как магнитофон, который вы видите в этом зале. Магнитофон записывает две вещи. Когда мы говорим, он записывает слова, а когда мы не говорим, он записывает молчание, пауза. Даже когда мы не говорим, он все равно будет что-то записывать: молчание, паузу. Механизм ума всегда что-то записывает.

По сути, пленка даже еще чувствительнее записывает как раз паузы. Магнитофон может стереть все, что я сказал, но он не сможет стереть мое молчание. Паузы запишутся более интенсивно, и здесь ошибиться невозможно.

Итак, вы помните паузы, они исполнены блаженства. Как бы то ни было, память о прошлых событиях обременяет, отягощает вас, в то время как пауза безмятежна, промежуток пронизан блаженством. Пауза и есть дхьяна, медитация.

Человек получает различные переживания в четвертой стадии?

Опыт это проявление психики. Нет такого понятия как «духовный опыт». Есть только промежуток. Экспериментатора нет, поэтому нельзя использовать терминологию опыта. Ваше переживание этого самого мига лишено содержания. Язык позволяет мне сказать, что это промежуток.

Каждое определение обречено быть отрицательным. Язык предназначен для событий, а не для безмолвия. Если я попы-

таюсь выразить то, что происходит в медитации, посредством языка, то я сам стану подбирать термины, но все термины будут бессмысленными, потому что опыт невозможно выразить словами. Вы можете назвать это явление Брахманом, нирваной – чем угодно, но так вы будете просто присваивать явление разные ярлыки.

Все названия бессмысленны, поэтому разные религиозные языки (христианский, индуистский, буддийский) одинаково бессмысленны. По-настоящему все религии сходятся в том, что их языки одинаково ошибочны. Иначе и быть не может. Я ничего не осуждаю, а утверждаю факт: промежуток невозможно выразить, его можно лишь прочувствовать. А у чувств нет языка, нет слов.

Если эго испаряется в четвертой стадии, тогда что происходит после четвертой стадии, когда она заканчивается и человек возвращается из медитации?

Эго возвращается, потому что его механизм сохранился. Эго не умерло, оно все еще существует. Какое-то время вы не были частью эго, на несколько минут вы преобразили ум, эго. Вы были вне эго. Вы покинули дом, а теперь вы вернулись. Но вы не можете вернуться прежним, потому что теперь вы знаете нечто более высокое. Вы уже не можете быть прежним, но вы возвращаетесь.

Теперь вам легко уходить и возвращаться. Такой будет ваша новая стадия, в которой вы пребываете ни вовне, ни внутри, а выходите за все пределы. Вы достигли высшего пика, потому что можете быть вовне, если вы хотите, и можете быть внутри, если вы хотите. Теперь вы ни внутри, ни вовне. Вы превзошли и то, и другое, вы достигли самадхи.

Когда я могу приходиться или уходить по своему выбору, когда я могу быть внутри или вовне, когда уму все легче быть здесь или не быть здесь согласно моему предпочтению, тогда можно преобразить внутренний и внешний мир. Только тогда вы достигаете сокровенной сути. Это и есть самадхи. Все, что происходит на четвертой стадии, представляет собой лишь проблеск просветления. В дзен буддизме этот проблеск называется сатори. А сатори это не самадхи, а просто проблеск, потому что вы все еще можете вернуться. Но вы не можете вернуться из самадхи, поскольку это точка без возврата.

Что происходит с тем, кто достигает самадхи?

Если вы говорите: «Кто-то достиг», значит этот *кто-то* остался. Человек достигает самадхи, только когда *кто-то* исчез. Он входит в медитацию и выходит из нее – таковы ощущения души. Но никто не достигает самадхи, потому что, когда в самадхи никого нет.

Многие религии остановились на точке, достигаемой на четвертой стадии динамической медитации. Они называют эту точку душой (Атман), потому что все они знают, что входят в душу, а затем выходят. Но четвертая стадия – лишь проблеск. Вы выходите, покидаете тело, ум, эго, а затем возвращаетесь. Это не точка без возврата, из нее возвращаются.

Вы возвращаетесь, потому что механизм ума сохранился. Вы возвращаетесь, и ум снова начинает работать. У вас осталось лишь память о промежутке. Но этот промежуток постоянно зовет вас назад.

Некоторые религии вроде дзен ошибочно считают сатори, проблеск просветления высшим опытом, самадхи. Это не самадхи, потому что у вас все еще есть возможность возвратиться. Эго не умерло, вы только временно освободились от него. На секунду вы выскользнули из его объятий, но потом вы снова возвратились. Сатори это просто скачок. Не привязывайтесь к нему.

Очень легко привязаться к внешнему скачку, потому что он исполнен блаженства. Каждый раз, погружаясь в медитацию, вы ощущаете свежесть, жизненную силу. Но затем вы все время повторяете опыт: погружаетесь в медитацию, ощущаете блаженство и возвращаетесь. С каждым разом ваш опыт становится рутинной, и когда вы возвращаетесь, то думаете, что достигли высшего переживания, потому что ваш опыт был исполнен блаженства. Но вы еще не poznali то, что выше блаженства. Каждый опыт медитации становится для вас повторением шаблона, механической рутинной. Теперь даже промежуток, медитация, становится частью вашего механизма.

Религии, которые остановились в этой точке, назвали это явление душой, индивидуальной душой, поскольку они не могли представить себе Брахман. Брахман проявляется, только когда вы вышли за четвертую стадию, когда вы можете как выходить вовне, так и возвращаться внутрь, не привязываясь

к блаженству промежутка. Если вы свидетельствуете выход вовне и возвращение внутрь, созерцательное и не созерцательное состояние ума, значит вы достигли очень тонкой точки. Тогда вы понимаете, что такое поведение может стать привычкой, которую можно длить много жизней. Это не самадхи, не высшая осознанность, а просто сатори.

Когда вы начинаете наблюдать этот процесс, на вас нисходит. Только в этой точке, и не раньше возможна безмолвная осознанность, которая не выбирает.

Вы хотите, сказать что это случается после сатори?

Да. Только после сатори, не раньше. Когда вы безмолвно осознаете выход и возвращение эго, тогда может произойти высшее цветение. Вы превосходите все на свете: вовне и внутри.

Вот точка нирваны, *брахма-упалабдхи*, мокша, или назовите это как угодно. Такой опыт ум никогда не запишет. Такие вещи никогда не записывались, потому что механизм разрушил сам себя.

После этого опыта человек продолжает жить в теле?

Разумеется, потому что работа тела представляет собой другой процесс. Таков его собственный процесс, человек может жить в нем, или выйти. Окружающим кажется, что человек все еще живет в доме, но для него уже нет жилища. Вся вселенная становится телом.

Тело остается индивидуальным?

Нет, так только кажется другим. Если я попытаюсь рассказать об этом явлении, вы вряд ли поймете меня. Всякий раз, когда мы говорим о том, что случается, когда человек выходит за пределы медитации, случаются парадоксальные вещи. Это невозможно объяснить, потому что любое объяснение будет лишь создавать новые парадоксы, новые противоречия.

Пятая стадия – взрыв всего, чем вы были. Ничего не осталось. Произошел мощный взрыв всего, чем вы были: вашей памяти, интеллекта, эго, личности, бытия, души. Всего, чем вы были, теперь нет, вы просто вышли за пределы. Вас нет, вы стали всем сущим. Такова точка Брахмана, космического сознания.

Динамическая медитация может привести вас только до четвертой стадии, сатори. Пятая стадия это запредельный метод. Наставления действенны только до четвертой стадии. Поэтому Кришнамурти говорит о том, что гуру не нужен. Пятая стадия – запредельное руководство. Безмолвное познание всегда вне наставлений. Оно либо произошло, либо нет. Пятая стадия это само существование.

Каждый день Будде задавали один и тот же вопрос: «Что происходит с просветленным человеком? Где он? Существует ли он?»

Когда ему настойчиво задавали такие вопросы, он отвечал: «Это не важно. Ни о чем не спрашивайте. Не следует задавать такие вопросы». У Будды был список из одиннадцати вопросов, которые не следовало задавать, и этот вопрос был одним из них. Это не значит, что Будда не знал ответ. Он не отвечал на него, потому что любое утверждение неизбежно создаст новые затруднения.

В чем смысл жизни? Для чего мы практикуем йогу и другие техники медитации, дисциплину? В чем предназначение человека?

Жизнь это тайна, которую невозможно разгадать. Если ее разгадать, она уже не будет тайной. В жизни нет цели, смысла, потому что в тайне не бывает миссии, в ней может быть просто игра, *лила*.

Это существование – просто игра энергии. Игра это нечто бесцельное или самоценное. В жизни нечего достигать, ведь само действие и есть достижение. В жизни нет смысла, потому что жить это уже достижение. Вы можете жить и поступать как угодно.

Жизнь это се просто избыток энергии, бесцельная космическая игра, поэтому она столь таинственна.

На Западе люди больше стремятся открывать новое, чем на Востоке. Там люди более любопытные, они проводят новые исследования, но они не могут развить религиозное сознание, потому что западные люди не могут представить бессмысленную жизнь. Мы видим смысл там, где его нет, и видим отсутствие смысла в том, что имеет личный смысл, собственное внутреннее значение. Жизнь просто есть, вот и все. Достаточ-

но и просто существования. Что еще нужно? Что может преодолеть существование?

Когда вы достигаете сатори, то ощущаете бессмысленность жизни, она становится игрой. Поэтому монахи дзен счастливы и несерьезны. Серьезная человек который никогда не чувствовал ничего чудесного, таинственного, серьезный человек никогда не станет религиозным. На стадии сатори вы становитесь беззаботными. Жизнь превращается в шутку, в ней нет серьезности. Вы можете смеяться над серьезностью. Монах дзен может смеяться даже над Буддой. И это прекрасно, больше нигде в мире нет ничего подобного.

Люди боятся входить в это состояние, потому что знают, что их новое поведение не будет приемлемо в обществе.

Их поведение неприемлемо потому, что общество воспитывает людей таким образом, что они заболевают серьезностью. Общество господствует с помощью этой болезни. Оно контролирует все на свете. Буквально все проявления жизни человека помещены в определенные категории, их понятия четко очерчены.

Игру невозможно загнать в некие рамки. Когда я люблю кого-то, то не могу быть серьезным. Но когда любовь становится браком, игра заканчивается. Брак – дело серьезное. Любовь всегда игрива, поэтому она преходяща: любовь приходит и уходит. Но брак это нечто устоявшееся: он приходит, но не уходит. Это план, шаблон, устоявшийся образец поведения.

Вы хотите сказать, что брак не может быть духовным?

Нет. Брак не бывает духовным, потому что это четко очерченное явление. Но я использовал брак просто для примера. Безусловно, все общество никогда не сможет стать духовным, потому что оно основано на правилах поведения. А правила всегда серьезны, с ними не пошутить.

Когда Бодхидхарма приехал в Китай, он положил один башмак себе на голову, а другой оставил на ногу. Император спросил его: «Зачем вы чудите?»

Бодхидхарма ответил: «Я шучу».

Император пожал плечами: «Но мы не ожидали, что к нам придет веселый, смеющийся монах».

Тогда Бодхидхарма сказал: «Разве настоящий монах может быть серьезным? Сам Бог несерьезен, он постоянно шутит».

Творчество берет начало в легкости бытия, очень много шедевров родилось именно в состоянии сатори.

Приносит ли сатори внутреннее знание?

Желание внутреннего знания, желание того или иного опыта это симптом болезни серьезности. Серьезный ум пытается поместить в некую категорию даже религиозный опыт; он хочет приобрести авторитет: «У меня есть внутреннее знание. Я знаю истину, а вы не знаете. Я научу вас». Ум снова пытается воссоздать образец серьезного общества. Вы понимаете меня? Религиозные общества созданы только с этой целью. Общины, ашрамы, монастыри – все это просто альтернативные общества.

Но духовный человек не бывает серьезным. Его жизнь исполнена радости игра, он несерьезен во всех своих делах. И серьезность никогда не рождает ничего нового. Серьезность может только повторять старье, потому что всегда думает о безопасности, о правилах, а правила остались в прошлом, в традициях. Их нельзя составлять каждый день. Радостный ум спонтанен. У него нет правил, поэтому он часто рискует, он всегда готов потерять все, потому что таково условие небезопасного существования.

Когда человек получает опыт сатори, всякая серьезность становится бессмыслицей. Это значит, что случилась медитация, поэтому человек, достигший сатори, становится мятежником. И другой причины нет. Он становится противником любой серьезности.

Но если люди станут мятежниками, как общество сможет контролировать их?

Сама мысль о контроле смущает людей всего мира. Когда вы думаете о контроле, то начинаете подавлять и разрушать индивидуальность, начинаете создавать типы. Парадокс заключается в том, что, когда вы разрушаете индивидуальность и создаете образцы, типы, возникает беспорядок. Но этот беспорядок вызван не взбунтовавшимся умом, а просто представляет собой реакцию против безжизненного порядка.

Если взбунтовавшийся ум одержит победу пусть даже на один день, беспорядка не будет, потому что не будет порядка, ведь порядок и беспорядок – две стороны одной монеты. Человек, который пытается создать порядок, в результате создает беспорядок. Ум, который пытается организовать дисциплину, порождает анархию.

Ваше эго отрицательно реагирует на того, кто попытается дисциплинировать вас, но это реакция, а не мятеж. Дело в том, что мятеж возникает только после сатори, поэтому в мире не так уж много мятежников вроде Иисуса, Будды, Сократа, их очень мало.

Зато на свете много реакционеров. Например, коммунисты вроде Маркса, Бакунина, Ленина или Мао Цзэдуна сплошь реакционер, а не мятежники. Мятежный человек это целое явление. Вы по-настоящему живете, только когда взбунтовались. И если все человечество станет мятежным...

Каждое изобретение, открытие, всегда появляется из расслабленного состояния ума. Эйнштейн, Архимед, Ньютон и другие ученые делали свои открытия играючи. Много случается, когда вы несерьезны, не сосредоточены, когда ваш ум расслаблен.

Ньютон сидел под яблоней. На него упало яблоко, и он сделал открытие. Архимед лежал в ванной, и в этот момент осознал физический закон. Он выпрыгнул из ванной с криком: «Эврика! Я нашел истину!» Эйнштейн очень любил забавляться мыльными пузырями. Теория расширяющейся вселенной открылась ему, когда он пускал мыльные пузыри, наблюдал за тем, как они раздуваются и лопаются.

История человечества это не история масс, приспособленцев, серьезных людей с их законами и правилами. Толпы не создают шедевры, не делают изобретения, не пишут картины и поэмы, не сочиняют музыку. Но несколько развитых людей, которые не были серьезными к жизни, стали творцами. Открытия всегда делают неизвестные люди, которые живут несерьезно, наитием. Если бы они были серьезными, то предпочли бы зарабатывать деньги, строить завод или еще что-нибудь.

Итак прежде всего, не следует слишком серьезно относиться к своей жизни. Тогда в вас произойдет множество уди-

вательных событий. Религия, наука, искусство – все это обязано несерьезности, радостному уму.

В жизни вовсе нет смысла, нет предназначения. Довольно и самой жизни! Ее более, чем достаточно. Любу мысль о некой миссии следует отгонять, потому что она противостоит жизни. Все учения есть не что иное, как политика под маской религии, миссии, идеала. Лидерство, гуру, дисциплина – все это чепуха. Если вы будете практиковать динамическую медитацию, отпустите себя, пройдете через катарсис и полностью расслабитесь, тогда ваши понятия о цели в жизни просто уйдут.

Выполняйте динамическую медитацию. Делайте ее изо всех сил, на максимуме. Вы должны стать полностью безумными, только тогда к вам придет подлинное здравомыслие, и только тогда вы начнете помогать другим людям.

Глава 3

Йога случается спонтанно

Помогает ли нашей медитации практика традиционных поз йоги?

Личность человека составляют не только физическая и не только умственная часть, но обе одновременно. Вернее будет сказать, что личность обладает психосоматическим единством. Между ними нет разрыва, поэтому все, что происходит на физическом уровне, передается на ментальный уровень, и наоборот. Философы привыкли представлять человека только как тело или только как ум, то есть как отдельные явление, хотя они и параллельны, в любом случае не как одно целое. Для меня и для современной науки, эти явления представляют собой единое целое.

Видимый ум это тело, а невидимое тело – ум. Это две поллярности одного существования. Ум это то что преобразует наши чувства, и, с другой стороны, сдерживает их. А тело это место, где находятся наши чувства. Разделение между ними обусловлено чувствами и их границами.

Человек существует одновременно в теле и уме. Даже сказать «оба одновременно» некорректно. Это одно и то же. Все

различие заключается только в вибрациях. Тело это грубые вибрации, которые оно получает через органы чувств, а ум – тонкие вибрации, преобразованные в способности чувств.

Почему я говорю об этом? Эта теория хорошо известна на Западе как теория Джеймса-Ланге. Здравый смысл всегда подсказывал, что тело следует за умом: когда вы напуганы, тело бежит; когда вы сердитесь, тело готовится к драке. Но психологи Джеймс и Ланге, предложили совсем противоположный взгляд: не страх – причина бегства, а бегство – причина страха.

Согласно им, тело первично, ум следует за ним. Они объясняют свою позицию тем, что вы не можете испугаться или рассердиться, если ваше тело не создаст соответствующую ситуацию. Они доказали, что невозможно испытывать гнев как сугубо умственное явление, без отклика тела. Они утверждают что вы не сможете разгневаться, если ваши глаза не покраснели, если вы не сжали кулаки для драки. Но Джеймс и Ланге не правы несмотря на то, что их теория выглядит весьма правдоподобно. Таковы реакции тела, а без реакций тела ум не может выразить свое отношение, но это не значит, что умственная позиция не может существовать без реакций тела.

Человек может выказывать признаки гнева в теле и в то же время не сердиться, так поступают актеры. Актер может блестяще разыграть гнев в телесных признаках, но в действительности он не будет испытывать гнев. Точно также он может продемонстрировать все признаки любви в теле, но не чувствовать любовь. Тело может выразить какие угодно чувства, хотя в уме ничего подобного не будет.

Ум также может чувствовать, но не выражать ничего телесно, потому что мы можем управлять своими грубыми внутренними энергиями, тогда как тонкие энергии неподвластны нам. Когда мы наблюдаем не только чужой гнев, но и свой собственный, то видим его в теле. Гнев все еще существует в форме семени, он это только еще может проявиться, но мы не можем обнаружить его сами, пока он не проявится на грубом уровне тела.

Теория Джеймса-Ланге верна только на пятьдесят процентов. Общие ощущения всегда верны наполовину, но то, что узнали Джеймс и Ланге, давно известно йогам. Поэтому они развивали йогические асаны и мудры. Йоги поняли, что все

мысли и настроения ума как-то проявляются в теле. Когда ум меняется, тело принимает соответствующую позу, мудру, выражение, и преобразуется.

Йога также учит, что возможно и противоположное: если тело принимает особенную позу, то в уме создается соответствующее настроение. Но и йоги ошибаются, как Джеймса и Ланге. Вы можете сами поэкспериментировать. Человек садится в позу Будды, но это не значит, что у него появится такое же внутреннее спокойствие, как и у Будды. С другой стороны, если у человека точно такое же мироощущение, как у Будды, тогда его тело само собой примет позу, похожую на позу Будды.

Поэтому я против практики поз йоги. Они должны возникать сами собой, вы же не должны выполнять их усилием. Если вы практикуете асаны, все равно нет никакой уверенности в том, что за ними последует соответствующее внутреннее состояние ума. Вы можете и просто устроить спектакль, это не так уж и трудно. Вы можете сидеть как Будда или стоять как Махавира, что несложно, но это не важно, так как вы ничего не достигнете.

Откуда появляются асаны? Когда у вас возникает такое же состояние ума, как у Будды, ваше тело принимает соответствующую позу. Тело по своей природе выражает настроение ума позой и жестом. Люди издревле знают о том, что каждому состоянию ума соответствуют конкретные движения тела. Люди предположили, что, если принять позу, за ней точно последует соответствующее умственное состояние. Это не совсем так. С другой стороны, такое предположение довольно опасно, потому что вы можете обмануть им не только других, но и себя. Это действительно опасно.

Если вы сидите в позе Будды, эта поза создает в вас чувство спокойствия. Теперь вы можете предположить, что достигли спокойствия, вы чувствуете тишину, безмятежность. Но это спокойствие обманчиво. Оно не укоренено в вас, вы навязали его себе – оно пришло не изнутри, а извне. Вы явно чувствуете спокойствие, но оно искусственное, обусловленное, проецированное телом.

Мы занимались такими вещами на протяжении многих жизней. Это же мы делаем изо дня в день. Вы просто улыбаетесь, хотя не хотите улыбаться, это просто жест. Но стоит вам

улыбнуться, и у вас возникает чувство. Это чувство ложное, но вы обманулись. Вы можете демонстрировать любовь не любя, и у вас получится обмануть других. Но вполне возможно, вы забудете о том, что это просто игра, и обманетесь сами, решив, что вы в самом деле влюблены. Тогда подлинная любовь (как революция, как смерть, полное преображение), никогда не вспыхнет из-за вашего притворства.

Я решительно против асан или мудр, их не нужно практиковать. Если они сами появились, тогда все в порядке. Они обязательно возникнут, позвольте им прийти самостоятельно, они станут важным показателем. Они будут не обманом, а вехами, символами, указывающими нечто вам и другим людям.

Но пусть эти указатели придут изнутри, не навязывайте их извне. Если вы станете навязывать их себе, они могут оказаться не тем, что требуется для вашей личной ситуации, потому что это обобщенная форма. Если вы достигли поля Будды, конкретной асаны, за ней последуют особенные жесты. Но эта поза не будет той же, что и у Гаутамы Будды, она будет существенно отличаться от нее! В целом она будет напоминать позу Будды, но вы не Гаутама Будда, ваша индивидуальность, механизм вашего ума и тела индивидуален, поэтому ваша поза никогда не будет точно такой же. Если вы навязываете себе позу Будды, она не будет соответствовать вашей индивидуальной ситуации. На свете много асан, каждому подходит что-то свое.

Махавира достиг самадхи, сидя в другой позе, годухасане. Она напоминает посадку доярки при дойке коровы. Никто больше не достиг самадхи в этой позе, никто так не сидел! Но можно сидеть и так. Что касается самадхи, это нерационально и нелогично.

Почему Махавира сидел в такой позе? Поза Будды правильная, а поза Махавиры абсурдна. Он не практиковал ее, она сама возникла. Что-то произошло в нем, и его тело приняло соответствующую позу, пусть она и абсурдна. Если Махавира практиковал асаны, то скорее всего сидел бы как Будда, потому что такова была традиционная поза медитации. Но он отпустил себя, и самадхи пришло, создало позу, которая точно подходила его телу, его индивидуальности.

Каждому человеку нужно выразить свою индивидуальность. Нет человека точно такого же, как и другой, и не может быть. Индивидуальность уникальна, потому все, что цветет в ней, единственное в своем роде. Если вы навязываете что-то извне, получится обобщенное понятие, которое не подойдет вашей ситуации.

Поэтому я, выступая против асан, не хочу сказать, что они не приемлемы, абсурдны. Я говорю, что абсурдно их практиковать. Позвольте им прийти, и они придут сами, и тогда у них будет значение. Они будут работать в вашем теле, и через них ваше тело начнет настраиваться на новую ситуацию.

Вы не можете уснуть, стоя на голове. Это у вас не получится, потому что для сна нужна соответствующая поза. Не нужно ложиться для того, чтобы уснуть, но, когда вы уснете, вы будете лежать. То же самое верно в отношении вышесказанного. Нужно начинать не извне, а изнутри. Цветение проявится извне, но корни должны идти от сокровенной сути вашего существования. Начните с медитации, и позвольте прийти всему, что последует. Когда потребуются соответствующая асана, она придет сама. А когда асана больше не будет нужна, она уйдет сама собой.

Иногда во второй стадии динамической медитации я начинаю выполнять асаны. Я не могу сказать, делаю я их потому, что хочу практиковать, или они приходят сами собой. Каков критерий?

Не думай о критерии: просто позволь асанам прийти. Если они приходят сами во время медитации, значит так тому и быть, потом они уйдут. Но если они приходят потому, что ты их практикуешь, тогда они никогда не уйдут.

Когда они будут не нужны, когда ты обретешь довольство, они уйдут сами. Поэтому не думай об этом. Ты не можешь знать заранее, пришли они по привычке, или нет. Если они подлинны, то, когда нужда в них отпадает, они уходят. Ты не узнаешь это, когда делаешь асаны, ты не сможешь отметить различие, но раз за разом различия все же будут ощущаться.

Когда вы практикуете определенные асаны, все происходит совсем не так, как в то время, когда они приходят спонтанно. Различие тонко, но оно есть всегда. Когда вы делаете их, то занимаетесь дисциплинированной, руководствуетесь

установленным порядком, формальностью, рутиной. Но когда они приходят сами собой, дисциплины уже нет. Порядка нет, действие случается хаотично, и только нечто хаотичное поможет вам.

Дисциплина не помогает, так как она всегда представляет собой порыв сознательного ума, не более того. Только когда действие хаотично, оно идет глубже, и только тогда оно достигает подсознания, потому что подсознательный ум пребывает в абсолютном хаосе.

Подсознание это подобно началу мира. Там все существует в потенциальной форме, но ничего еще не приняло свою форму, все смутно, туманно, неопределенно. Если вы попытаетесь навязать какую-то модель подсознанию, у вас ничего не получится. Вы будете кружить вокруг своего сознательного ума, потому что сознательный ум вынуждают придерживаться дисциплины, тогда как подсознание никогда не подчинится дисциплине. Но подсознание это корни, изначальный источник.

Медитация предполагает погружение в подсознание, пребывание в нем. Это значит быть хаотичным в хаосе, не иметь формы, потерять форму, отпустить форму, свободно парить в облаках, бродить по территории, не нанесенной на карту, бороздить неизвестное море. Не погружайтесь в медитацию с дисциплинированным умом, иначе вы никогда не сможете понастоящему медитировать.

Вы движетесь по кругу в сознательном уме: все повторяется и становится привычкой, вы упорядочиваете себя. Дисциплинированный ум всегда беден, потому что он никогда не переживает абсолютный хаос. Он никогда не выходит за пределы сознания, не превосходит его, не интересуется беспредельностью.

Человек с дисциплинированным умом может стать великим, как Махатма Ганди, но у него будет узкий ум, потому что он будет полностью занят сознательным умом и дисциплиной. Он никогда не будет пытаться отменить дисциплину, никогда не выйдет за грань известного мира.

Сознательный ум подобен саду, растущему у вашего дома, а не лесу. А подсознание подобно бескрайнему дремучему лесу. Вы никогда не узнаете границы подсознания, поэтому вполне можете потеряться в нем. Оставаться в сознательном

уме безопасно, здесь нет риска. А вот изучать подсознание рискованно. Нужна смелость.

Не дисциплинируйте тело и ум. Живите свободно, в хаосе, среди риска. Для меня медитация это жизнь в опасности, хаосе, без всяких ограничений.

Но это не значит, что дисциплина не появится у вас. Она придет, но только свободно. Эта дисциплина будет живой, она придет изнутри. Она всегда касается беспредельности, всегда изначально хаотичная, взрывная, всегда пребывает в неизвестном. Эта дисциплина существует в каждый миг бытия. Она будет выглядеть очень непоследовательной, но у нее своя последовательность, внутренняя последовательность от начала и до конца.

Если вы дисциплинируете себя извне, то скорее всего никогда не узнаете подсознание. А сознательный ум это вообще не ум, не жизнь, а просто утилитарный инструмент, придуманный обществом, это не вы сами. Но мы живем с другими людьми, поэтому нам важно кое-что знать о людях, получить точку опоры. Мы нуждаемся в дисциплине, характере. Сознательный ум существует потому, что устанавливает общение между вами и другими людьми.

Это просто связь между вами и всеми людьми, с которыми вы общаетесь, но она не поможет вам в самопознании.

Однажды король Ашока послал сына на Цейлон, чтобы передать тамошним жителям послание Будды. Он пришел к королю Цейлона и сказал: «С одними людьми в мире вы общаетесь, с другими не общаетесь. Это две категории. Кто же остается вне этих категорий?»

Король ответил: «Я остаюсь».

Тогда сын Ашоки сказал: «Теперь вам можно передать послание. Ты разумный человек, поэтому вам можно передать нечто очень важное. Я задал этот вопрос для того, чтобы понять, известно ли вам что-то о связи и ее отсутствии, а также о том, не считаете ли вы, что все на свете принадлежит одной из этих двух категорий».

Эта третья составляющая, которая ни связана, ни не связана с вами, представляет собой бессознательную часть вашего существования, это сфера медитации. Сознательный ум уста-

навливает и разрушает отношения в мире, но он никогда не сможет вам установить связь с собой.

Медитация не предполагает сознательные усилия, она означает скачок в себя, причем без всякого напряжения. С дисциплиной вы можете идти шаг за шагом, но никогда не сможете совершить скачок. Три первые стадии динамической медитации это вообще не шаги в медитацию, они подводят вас к тому месту, откуда вы сможете совершить скачок.

Настоящая медитация это скачок, прыжок в неизвестное. Поэтому не дисциплинируйте свое тело, позвольте ему пойти туда, куда оно хочет. Разрешите себе двигаться в неизвестное.

Что-то будет происходить, асаны будут возникать, но только те из них, которые нужны вам. Асаны могут возникать у вас, но не те, что обычно изображают, давно описывают, потому что возможности безграничны, и асан на свете великое множество. Еще есть безграничные мудры. Они тоже будут возникать.

Позвольте асанам приходить и уходить. Не практикуйте их, не цепляйтесь за них. Позвольте им прийти самостоятельно и точно так же уйти, вообще не интересуйтесь ими. Когда я говорю, что я против асан, то имею в виду, что вы не должны интересоваться ими.

Также следует отметить, что асаны обладают эффектом катарсиса. Обычно наш ум работает только во взаимоотношениях с кем-то или с некой ситуацией. Это значит, что наш ум только реагирует на мир, сам он никогда не действует. И если человек начинает действовать без побуждений, мы помещаем его в сумасшедший дом, потому что его действия кажутся нам абсурдными, бессмысленными. Если он начинает действовать, его жесты и поступки не относятся к ситуации, они исходят изнутри.

В нас так много всего подавлено, потому что мы не можем действовать. Мы всегда ждем ситуацию, чтобы отреагировать на нее. Если вы рассердились, то не можете просто сердиться — вы должны ждать, когда возникнет подходящая ситуация. Кто-то должен создать ситуацию, в которой вы сможете выплеснуть свой гнев. Если вы начнете сердиться без повода, вас сочтут сумасшедшим. Даже когда вы реагируете, то выглядите сумасшедшим, и если ваша реакция на что-то произошла, затем вы оправдываете себя и других. Но если ваше

действие не стало реакцией, если его нельзя оправдать, тогда вы просто выглядите безумным.

Очень многое в вас нужно выразить, но так и не выразилось, потому что не возникла подходящая ситуация. Вы подавляете нечто в себе, боретесь со своими чувствами и мыслями. Вы не можете выразить любовь в пустоте, поэтому, когда нет предмета любви, вы подавляете любовь. Затем начинается происходить странное явление. Вы полны любви, но не можете выразить ее в воздух. Затем появляется тот, кого вы можете полюбить, но еще не любите, и начинаете действовать. Настоящее подавлено, а ненастоящее действует. Вот так запутывается вся ваша жизнь.

Катарсис нужен в медитации из-за двух вещей.

Во-первых, вы подавляли вибрации, отношения, настроения, действия, нуждающиеся в реализации, но не как реакция, а как автономное действие, не связанное с кем-то еще, как выплеск изливающейся энергии.

В динамической медитации они высвободятся.

Вы начнете кричать и смеяться. Только когда чувство ни не что не направлено, оно может полностью выразиться. А для вашего поведения не нужно никакое оправдание, оно самоценно.

Все свои чувства выражайте полностью, не нужно ничего подавлять. Сейчас вы разговариваете с небом, любите воздух, гневаетесь на богов. Ваши чувства не направлены ни на один объект. Затем вы выражаете себя в полной мере, и подавленный ум исчезает. Это катарсис. Вы должны научиться выражаться без ситуации, потому что человеческий ум так сильно подавлен, что, если вы будете ждать подходящей ситуации для выражения, то никогда не избавитесь от душевного гнета.

Во-вторых, если вы проведете катарсис, то перестанете действовать, потому что действие это замена, то же подавление. Ваши обстоятельства и потребности не совпадают. Когда нужно, обстоятельства неблагоприятны, а когда обстоятельства благоприятны, вы упускаете момент. Невольно вы утрачиваете искренность.

Когда катарсис случается в медитации, вы начинаете чувствовать новую жизнь в себе. Вы никогда не согласитесь снова действовать. Теперь вы будете достаточно уверены для того, чтобы смеяться без причины, и достаточно смелы для то-

го, чтобы сердиться просто так, без ситуации. Затем вы станете достаточно уверенными для того, чтобы не действовать. Один из великих знаков мужества это бездействие. Тогда ваша личность становится подлинной, и эта подлинность может появиться у вас только после катарсиса.

Настоящие асаны и мудры это катарсис, выражение, переполнение энергией. И чем больше они переполняют вас, тем более невесомыми вы становитесь. Потом приходит день, когда вы полностью невесомы, когда вы не ограничены земным притяжением. Вы невесомы! Только в этой невесомости возможен полет к цельности.

Если вы практикуете асаны, тогда катарсис не произойдет, останется лишь подавление. Это основное отличие: если вы практикуете асаны, они станут подавлением, но если они приходят к вам спонтанно, то станут выражением, произойдет катарсис.

Если вы навязываете себе асаны, тогда действия будут просто вашим обычным подавлением. Если вы навязываете асаны, к которым ваш ум не готов, то будете заставлять свое тело принять определенную позу, и тело будет подчиняться вам. Логика подсказывает нам, что в конечном итоге такие упражнения расколют вашу личность. Так вы становитесь двойственным: один сам подавляет, другого подавляют.

По моему мнению, йога это единение, а не двойственность. Это цельность, а не расщепление. Я называю позу тела асаной йоги, только когда она возникает естественным образом. Если поза навязана, тогда она вообще не относится к йоге. Йогическое упражнение это гимнастика, а не йога. Поэтому вместо слова «йога», а использую слово «асана».

Асана йоги это поза, которая спонтанно случается у вас, иначе она ничем не будет отличаться от всего, что навязано вам, от любой физической дисциплины. Она может улучшить ваше физическое здоровье, но никогда не даст духовное благополучие. Она никогда не поможет вам стать цельным. За здоровье придется заплатить слишком высокую цену, потому что ваша личность будет расколота надвое. Опыт показывает, что люди, практикующие асаны, становятся менее духовными, они больше ориентированы на тело.

Интересный момент: асаны кажутся медитативными, и они предназначены для созерцания. Повсюду в мире говорят об

асанах, дхьяне, медитации. Теперь все перевернулось: медитации учат наряду с асанами, как будто медитация это просто еще одна асана. Но это вообще не асана. Медитация это основа, суть. Духовная работа должна быть ориентирована на медитацию, потому что медитация – главное, все остальное следует за ней.

Будет ли сидячая медитация более глубокой после выполнения динамической медитации?

Со временем ваша медитация углубится. Вы сможете погружаться в себя всё глубже, как человек, который роет колодец. Он копает лопатой с определенной скоростью, посредством некоего метода. Раз за разом он выбрасывает из ямы землю, и колодец становится все более глубоким, пока вода не хлынет из-под его ног.

Вечная вода уже есть, нужно лить снять слой земли. Копайте глубже посредством определенного метода, с помощью инструментов. Не думайте об изменениях, просто полностью выбросьте из себя слои земли. Вода здесь, она глубоко в вас, вода глубокого подсознания. Между вами и вашим подсознанием находится слой земли, толстый слой подавленных чувств и мыслей. Вы создали этот слой для защиты от риска и агрессии подсознания. Вы сами создали это препятствие, поэтому сами и должны раскопать его.

Спустя какое-то время вы, возможно, и не почувствуете развитие, потому что ощутите его, только когда хлынет вода, когда откроется внутренний источник. В противном случае вам придется копать сухую землю.

Раскопки касаются только вас и вашей медитации, они не относятся к взрыву. Взрыв случается на пике, он происходит в один единственный миг. Все взрывается в вас, и вы достигаете внутреннего цветения. Духовный взрыв случается вне времени.

Поэтому просто копайте. Работа будет нудной, монотонной. Когда вы достигаете чего-то на каждом этапе, то не скучаете, ведь вы получаете результаты, ваше честолюбие понуждает вас достигать все большего. Но в медитации, в определенной точке все становится скучным, монотонным. Она кажется вам сплошным серым потоком, хотя это так. Вы погружаетесь в себя все глубже в каждый миг, но вы никогда не

знаете, какой глубины вы достигли, пока глубина не взорвется в вас.

Когда в вас случится взрыв, вы сразу же поймете, что процесс завершен. До этого момента вы просто идете на ощупь во тьме, надеясь на то, что что-нибудь произойдет. Затем однажды случается взрыв. Глубина не достигается шаг за шагом, в зависимости от того, как долго вы медитируете. Глубина либо есть, либо ее нет.

Поэтому вы должны сохранять терпение. Разумеется, у каждого искателя работа проходит индивидуально. Никто не знает, сколько земли вы накопили между собой и своей глубиной. Может быть, этот слой очень тонкий и разрушится с первой же попытки. Может быть, этот слой плотный, и вы накапливали землю на протяжении многих жизней. Все зависит от индивидуального состояния.

Но очень важно проявить настойчивость, терпение и работать, не надеясь на результат. Работа без ожидания результата означает терпение. Если вы ждете результаты, если страстно желаете их, тогда вы утратите цель. Только нетерпеливый человек спрашивает о результате. Но если вы практикуете техники медитации терпеливо и настойчиво, тогда ваше поведение вызовет изменения. Настойчивость без всяких ожиданий сама по себе вызывает радикальное преобразование, даже если вы не достигли перемен, медитируя. Для того чтобы проявлять выдержку и делать что-то, не спрашивая о результате, нужен огромный запас жизненных сил, большая выносливость. Ваши жизненные силы будут постепенно укрепляться.

Целый слой подавленности существует между вами и вашей внутренней глубиной, и нужно время для того, чтобы случился взрыв. Если вы не будете настойчивыми и решительными, то не сможете выдержать потрясение взрыва. Взрыв блаженства столь мощен, что потребует от вас обширное пространство для того, чтобы вместить его, а для этого нужна большая сила воли.

Потребуется очень много энергии, поэтому, даже если слой между вами и вашей глубиной тонкий, вам понадобится какое-то время для его устранения. Человек, который сможет терпеть жизнь без результатов, становится способным достичь великих результатов, в противном случае он не приблизится к великому моменту. Если блаженство приходит к вам, когда вы не готовы к нему, тогда вы не сможете

когда вы не готовы к нему, тогда вы не сможете вытерпеть его. Вы можете сойти с ума и навсегда потерять уравновешенность. Это великое явление космического порядка. Океан вливается в каплю! Вы подготовиться к взрыву, а это происходит, когда вы работаете терпеливо и непрерывно.

Не требуйте результаты, терпеливо ждите. Это называют *шраддхой*. Вы верите не во что-то вне вас, а в самого себя. Вы верите не в кого-то вне вас, а лишь в себя.

Со временем вы пойдете еще глубже. И не потому, что прошло какое-то время, а потому что, вы терпеливы и настойчивы вопреки монотонности, и вы не ожидаете результат. Вы ничего не получаете и все же продолжаете идти, сохраняете немотивированное усердие. Таким образом, вы разовьете в себе способность выдержать взрыв, когда он случится. Для того чтобы вместить в себя космос, нужна особенная зрелость, как определенная зрелость нужна для беременности. В таком духовном оплодотворении космос врывается в вас, и вы заново рождаетесь.

В Индии четыре варны. Браминов, кшатриев и вайшьев называют дважды рожденными, а шудр – рожденными один раз. Я говорю, что тот, кто рожден однажды, становится шудрой. Человек, который не достиг второго рождения, перерождения, называется шудрой. Поэтому все мы шудры, неприкасаемые, ведь божественность не прикасалось к нам. Но перерождение случается, если вы терпеливы и искренни. Ждите, молитесь и надейтесь, но не торопитесь.

Обязательно ли проходить психические стадии прежде, чем духовный взрыв сможет случиться?

Нет, не нужно проходить психические сферы. Но это не значит, что вы не пройдете их. Вы можете пройти их с такой высокой скоростью, что и не заметите ничего. Или вы будете переходить их медленно, делая мелкие шажки в психическом мире. Вы пройдете психические сферы, потому что они находятся между вами и вашей сокровенной сутью, между вами в вашем нынешнем виде, теми вами, какими вы можете быть. Но вы можете пересечь их с такой высокой скоростью, что совсем не приобретете опыт или будете тащиться в темпе воловьей повозки. Если вы хотите полюбоваться пейзажем, тогда вас лучше ехать в воловьей повозке. Есть метод воловьей

повозки, и есть реактивный метод. Метод, о котором я говорил, динамическая медитация – реактивный метод: вы пересекаете эти сферы и не осознаете их, потому что будете двигаться на очень высокой скорости.

Но если вы страстно желаете обрести сверхъестественные способности, пусть даже бессознательно, тогда и с реактивным методом вы будете вести себя так, как будто вы тащитесь в воловьей повозке. Если у вас есть острое желание развить психическую энергию, вы можете стать одержимым.

В нас кипят страсти, которые мы даже не осознаем. Наш ум, в основном, ориентирован на власть: во внешнем или внутреннем мире он всегда ищет власть. Нужно быть внимательным и не искать власть. Психические силы существуют, и если вы ищете власть, то можете попасть в их плен.

Внешний мир не может дать вам столько силы, как внутренний мир, ведь там находятся огромные силы. В одном человеке так много атомной энергии, что, если она взорвется, если вся его энергия высвободится в мир, тогда все существа будут уничтожены.

Физики говорят об атомной энергии. Йоги говорят о психической энергии, но энергия одна и та же, только подход разный. Физический подход – через атомы тела, а подход йоги – через атомы души. Эти подходы – две стороны одной монеты.

Йога идет изнутри, поэтому йоги говорят о психической силе. Она есть, но если вы ищете ее, то попадете к ней в плен и пожалеет об этом, потому что, когда вы обретаете психические силы, то приближаетесь к космосу, к абсолютному блаженству. Вы находитесь около цветка, но ваши руки связаны. Будьте осторожны.

В динамической медитации вы не должны быть бдительными к психической области, потому что это реактивный метод. Вы пролетаете психические сферы так быстро, что не замечаете их. Все, что мы читаем и слышим, сохраняется и накапливается в уме, поэтому мы должны соблюдать осторожность в отношении психической энергии. Она существует, и это надо учитывать.

Ум, стремящийся к власти, никогда не будет спокойным, потому что такой ум в основе своей насильственный. Насилие нуждается во власти: мы хотим быть выше других, мы хотим

власти, престижа, высоко общественного положения. Этого можно добиться через атомную или психическую энергию, и для этого нужно стать политиком или духовным наставником. Но насильственный ум никогда не станет духовным, потому что физический уровень намного ниже психического.

Но если человек ищет истину, блаженство, если он ищет божественность, тогда он не будет искать власть. Вы должны отвергнуть такую власть, вы должны быть смиренными. Иисус сказал: «Блаженны кроткие, ибо они унаследуют землю».

Но вам не следует принуждать себя к смирению ради унаследования земли. Если вы хотите заполучить себе всю землю, тогда не станете смиренными. Кроткий человек не честолюбив, он не ищет власть, он полностью утратил это измерение. Он никто. Только человек, который стал *никем*, может стать *всем*.

Власть не нужно искать, ее не нужно желать. Когда власть встретится вам на пути, просто будьте свидетелем ей и пройдите мимо. Не задерживайтесь ни на один миг, потому что даже секунда подле власти может оказаться роковой. Власть развращает. Она портит людей не потому, что плоха сама по себе, а потому, что мы гонимся за ней. Я слышал изречение: «Абсолютная власть развращает абсолютно». Внешняя власть не может развратить так, как внутренняя. В каком-то смысле она более абсолютна, независима от других людей, поэтому может оказаться хорошей защитой эго.

Внешняя власть всегда зависит от других. Вы не бываете цельными, независимыми; вы всегда зависите от кого-то. Кто-то где-то вдали может стать причиной вашего падения. Гитлер достиг такой власти, которая всецело основывалась на внешней силе. Такие люди строят большие пирамиды и стоят на вершине, но они в полной мере зависят от пирамиды, поэтому всегда очень боятся. Стоит одному кирпичу вылететь из пирамиды, и все тотчас же рухнет.

Внутренняя власть становится абсолютной, и вы чувствуете, что не зависите от других. Вы единственный хозяин своей силы, и она становится более эгоцентричной. Внешняя власть развращает человека, а внутренняя власть развращает еще больше. Не власть сама по себе портит, потому что божественность это тоже власть, скорее портит алчное эго. Если мы испорчены, в таком случае, когда появляется власть, наша

испорченность проявляется. Прежде она скрывалась. Нам нужна сила для того, чтобы испортиться.

Поэтому нужно остерегаться внутренних психических сил. Они существуют, но не смотрите на них. Просто проходите мимо них, просто будьте свидетелями им. Они будут у вас, они будут работать в вас, но как тени. Сила будет следовать за вами. Что-то будет происходить вокруг вас, но вы не будете ничего осознавать, не будете укреплять свое эго подобными способностями.

С этим методом вы пройдете через психический уровень, но с более высокой скоростью. Все, что находится между вами и вашей внутренней глубиной, будет существовать, но просто как тень, следующая за вами. У вас будут *сидхи*, что-то будет происходить, нечто переменится, но вашу силу будут чувствовать окружающие, но не вы сами. Если кто-то скажет, что нечто случилось с ним из-за вашего присутствия, укажите этому человеку на небо и скажите: «Все он, не я. А я никто». Когда Иисус слышал от людей, что они излечились благодаря его прикосновению, он говорил: «Не из-за меня, но из-за Него. Я никто. Я просто слуга, всего лишь средство».

Тогда у вас будет сила, но она не будет эгоцентричной. Ваши способности будут от Бога. Но вы не должны интересоваться сверхъестественными силами. Когда они придут, просто пройдите мимо и попрощайтесь с ними.

Глава 4

ЛСД – короткий путь к ложному самадхи

Когда я экспериментировал с ЛСД, у меня возникало состояние, похожее на то, что я читал о самадхи. Я чувствовал, как у меня поднимается кундалини, как открываются мои чакры. Я чувствовал единение со всем космосом. Был ли мой опыт переживанием самадхи? Можно достичь самореализации, употребляя ЛСД? Помогает или вредит медитации этот наркотик?

Твой опыт не был подлинным. Ты не достиг самадхи, просто в твоём организме случились химические изменения. Ум может проецировать что угодно, даже бессознательное стремление к самадхи. Все, что ты узнал о самадхи, будет проецировано с помощью ЛСД.

ЛСД, как и любой другой химический наркотик, помогает уму создавать больше проекций. Все помехи, все обычные препятствия исчезают. Причина исчезла, сознательный ум исчез, и вы пребываете в тисках подсознания. Но подсознание само по себе не принесет вам самадхи, если вы проглотите таблетку ЛСД. Такой опыт возможен, если подсознанию дать определенные установки: цвет, переживания и прочее. Подсознание может проецировать что угодно, но если вы заранее не знаете о кундалини или самадхи, то и ничего не почувствуете под действием ЛСД.

Человек, который страдает от страха, будет проецировать свой страх; человек, который чего-то боится, вдруг увидит все предметы своего страха. ЛСД будет давать разные ощущения разным людям. Этот наркотик может только помочь вам проецировать то, что уже есть в вашем бессознательном уме в форме семени. Если в вас любовь, тогда вы станете проецировать любовь. Если в вас ненависть, тогда вы станете проецировать ненависть. ЛСД это наркотик, расширяющий ум. Все, что находится в вас в форме семени, превратится в дерево.

Вы ощутите кундалини, чакры, почувствуете гармонию, и единство со всем сущим только потому, что эти семена уже есть в вашем бессознательном уме. Если бы их не было там, тогда ЛСД не мог бы проецировать такие переживания.

У тебя не подлинный опыт самадхи. Твое самадхи пришло из подавленного страстного желания. ЛСД может помочь реализовать бессознательную психику. Поэтому с вами происходит то, что вы хотите выразить на психическом плане. Это не духовное откровение, не самадхи, не подлинный опыт. Это не что иное, как сон, простое сновидение.

Вы спите ночью, потому что препятствия сознательного ума исчезли. Все, что было подавлено в вашем уме (желания, стремления), начинают приобретать форму и очертания, вы начинаете что-то воображать. Но пока вы спите, вы не можете узнать, что находитесь во сне. Ваши переживания такие яр-

кие, такие достоверные, что вы не можете усомниться в их реальности.

ЛСД это химический путь сновидений, а не естественный путь. Через ЛСД вы можете видеть то, что не знаете, реализовать то, что никогда бы не реализовали. Но такая реализация только кажется вам, она ненастоящая. Картины красивые, в них есть свое обаяние, как у приятного сна.

Но ЛСД может проецировать и кошмары. Все зависит от вас, а не от ЛСД. Если ваш ум мучается сомнениями, расколот на части, если в нем бродит много бесцельных образов, тогда все это будет проецироваться вовне. Некоторые люди видели ад под воздействием ЛСД, они встречали демонов. Такие вещи зависят от самого человека. Химический наркотик может лишь проецировать что угодно.

Не путайте свой опыт ЛСД и самадхи. И не цепляйтесь за этот опыт, иначе он станет препятствием для медитации. Вы чувствовали очень много в сновидениях ЛСД, поэтому, когда вы входите в настоящее состояние медитации, оно в сравнении с грезами кажется вам блеклым. Опыт медитации не такой яркий, вы не почувствуете большой подъем энергии. Из-за этого у вас появится чувство депрессии, как будто вы что-то потеряли, ведь вы познали то, что не приходит к вам через медитацию. Затем ум скажет: «ЛСД лучше». И если вы продолжаете принимать этот наркотик, тогда ваш ум будет становиться все менее созерцательным, и ваша медитация будет слабеть.

Поэтому принимать ЛСД не стоит. Может быть, вы просто экспериментировали, но такой опыт может повредить вашему уму. Этот удар опасен, потому что вы всегда будете сравнивать. Настоящая медитация будет казаться вам ненастоящей, потому что нереальное казалось вам подлинным.

Ваше сравнение также не может быть корректным, потому что вы не помните точно, что вы видели в вашем путешествии ЛСД, потому что вы пребывали вовне, просто вы не помните сон точно, после того как пробудились. Теперь вы снова воображаете сон и много добавляете к нему. Когда вы не находитесь под влиянием ЛСД, то не можете вспомнить точно, как все происходило, в вас осталось только слабое ощущение блаженства. Теперь вы снова все вспоминаете, но картина уже

не та, что была. Иначе и быть не может. Вы чувствовали, что увидели и познали нечто. Ваши чувства иллюзорны.

Блаженство в некоей форме можно получить через химические наркотики. Под действием наркотиков вы полностью расслабляетесь, ваше напряжение на какое-то время снимается. Не то, чтобы оно не существовало (напряжение вернется к вам), но вы не обращаете на него внимание, поэтому полностью расслабляетесь. Блаженство, которое наступает, когда вы совсем не напряжены, так прекрасно, что вы продолжаете экспериментировать и далее. В этом блаженстве вы будете снова воображать, будто что-то видите, что-то знаете, но на девяносто процентов вы будете просто грезить.

Чем больше расстояние между опытом и памятью, тем более красивой вам будет казаться картинка. Вы лелеете свой опыт в памяти. Теперь каждый раз, когда вы медитируете, ваша медитация будет казаться вам слабой, потому что медитация настоящая, это не сон. Вы продвигаетесь шаг за шагом, не очень быстро. Вас никогда не захлестывают переживания. Вы развиваетесь очень медленно.

Время существует в реальном мире, но во сне ЛСД или в обычном сне время не существует так, как в часы бодрствования. В один миг вам может привидеться сон, события которого в реальности Развивались бы много лет. Такие вещи случаются столь внезапно, что захлестывают вас, разрушают всю вашу память. На какое-то непродолжительное время напряжение спадает. Вы расслабляетесь и чувствуете космическую гармонию. Препятствий больше нет, вы уже не существуете как «я». Вы едины со всем миром. Все происходит так внезапно, и вы ощущаете такое сказочное блаженством, что каждый раз вы сравниваете эти прекрасные воспоминания с реальностью и непременно добавляете что-нибудь к ним. Они становятся все более прекрасными, а реальность тускнеет.

Не сравнивайте медитацию с миражами ЛСД. Во-первых, вы не можете сравнивать их, потому что это два различных состояния ума, и неясные воспоминания одного состояния нельзя переносить на другое. Во-вторых, когда вы сравниваете то, что произошло в прошлом, бессознательный ум проецирует прошлый опыт. Вы тот, кто принимал ЛСД, и вы же тот, кто медитирует, в любом случае прорастают семена под-сознания.

Также помните, что вам не следует принимать формулы, готовые представления о медитации. И не думайте о результате, который возникнет. Погрузитесь в медитацию, отправьтесь в неизвестное море, ведь вы не можете знать заранее, что произойдет. Если вы уже знаете то, что должно случиться, и это действительно происходит, значит вы просто проецируете. Вы можете проецировать под воздействием ЛСД или в медитации, потому что само подсознание и есть проектор.

Все ваши знания о кундалини и чакрах, все ваши знания следует отбросить, потому что даже без помощи химии ваш обычный ум может проецировать эти вещи. Когда вы медитируете, то можете проецировать то же самое, что и под воздействием ЛСД. Процесс будет идти медленнее, потому что не будет химической помощи, но явление то же самое.

Я не говорю, что нет таких явлений, как кундалини и чакры. Я не говорю, что они не ощущаются. Они в самом деле ощущаются, но вы не должны знать о них заранее, иначе вы будете проецировать их. Вы должны стать полностью незнающим, несведущим. Таково основное условие для развития. Все нужно познавать и переживать непосредственно, ничего не следует принимать как само собой разумеющееся. Информацию не нужно путать со знанием.

Поэтому отбросьте всю информацию. Перестаньте усиливать свою эрудицию, живите словно в пустоте, ничего не зная. Вы не знаете, поэтому все будет удивлять вас. Все на свете должно быть удивительным. Если вы не удивляетесь, а говорите: «Да, я знал это и раньше, так бывало и прежде», то не двигаетесь в неизвестное, не развиваете медитацию.

Вы вполне можете впасть в заблуждение. Ум обманчив, и подсознание душит вас. Обмануться можно не только с ЛСД, но даже в обычной медитации, потому что бессознательный ум тот же. Если вы хотите погрузиться в медитацию, то должны изменить подсознание. Оно должно стать пустым, ваше подсознание не должно быть «знающим». Оно должно быть открытым, восприимчивым, готовым к встрече с неизвестным, потому что медитация означает путешествие в неизвестное.

Перед тем как произойдет медитация, сначала вы должны пройти через очищение, вам нужен полный осмотр. Подсознание не должно быть обремененным, в нем не должно быть

семян. *Сабидж самадхи* это самадхи с семенем. Самадхи с семенем означает самадхи со всеми вашими проекциями. Это вообще не самадхи, а просто ярлык.

А есть еще и *нирбеи самадхи*, самадхи без семян. Только самадхи без семян подлинное, потому что в нем ничто не проецируется. Вы не проецируете, что-то приходит к вам, вы с чем-то встречаетесь. Вы начинаете узнавать нечто совершенно новое, свежее, абсолютно неизвестное ранее. Это даже не воображение, потому что все, что можно вообразить, можно и проецировать.

Знания это помеха для самадхи, поэтому человек, который «знает», никогда не достигнет самадхи. Вы должны погрузиться в медитацию без бремени знаний. Вы можете дойти до дверей самадхи только с пустыми руками, обнаженные, свободные. Только тогда произойдут подлинные события, в ином случае вы будете медитировать со всеми своими проекциями.

Вы проецируете как в медитации, так и в сновидениях ЛСД. И то, и другое проекции. Вы должны сбросить бремя. Забудьте все, что вы знали, не воображайте самадхи. Не цепляйтесь за представления. Просто живите невинно, как дети, в незнакомой стране, где люди говорят на неизвестном вам языке, где вы ни с кем не знакомы, где все для вас новое, и у вас нет путеводителя. Только на этом пути начинают происходить подлинные явления.

В противном случае пройдет много времени, прежде чем что-то подлинное произойдет с вами в медитации. Вы упустите реальность, и проекции будут продолжаться. Эффект ЛСД будет более ярким и реальным, и медитация в сравнении с ним будет блеклой. Но если вы выбросите из себя свои знания, если забудете ярлыки (кундалини, чакры и прочее), если отложите это все в сторону и будете жить просто как дети, тогда медитация придет. В ином случае медитация также будет грезами, сновидением.

Различие очень тонкое. Его трудно понять, но оно все же есть. Его следует понять. Если что-то происходит согласно вашим знаниям, согласно вашему мнению о процессе, тогда вы не можете принимать явление серьезно. Подлинный опыт никогда не может произойти согласно вашим знаниям. Он происходит с каждым индивидуально, по-разному. Нет такого писания или гуру, который может подсказать, что произойдет.

Люди произносят общие фразы, у каждого свой путь. Переживания семи чакр или движение кундалини проявляются у людей по-разному, поэтому в том случае, если это происходит согласно некоему образцу, вы не должны принимать это всерьез, значит вы вообразили нечто. Для вас все будет иначе, проблеск не бывает точно таким же как, и у другого человека. Все в вас происходит спонтанно и индивидуально, общих правил нет.

У каждого свой опыт, непохожий на другие. Все оценки духовного роста это грубое обобщение. Здесь правил нет. Например, мы можем выделить среди слушателей в этом зале двадцать человек. Мы вычислим их средний возраст, но никто из них не будет иметь точно такой возраст. Среднее число это миф, обобщение. Мы можем определить средний рост слушателей, но никто не будет соответствовать ему точно. Мы можем посчитать средние знания, и все же никто не будет обладать ими.

Все обобщения мифичны. Они помогают определить что-то, но не помогут вам в реальной жизни. Они помогают создать систему, написать научную работу, начертить карту, но вы никогда не спутаете карту со страной. Вы можете посмотреть на карту Индии, но нигде в Индии вы не найдете то, что видели на карте. Когда вы приедете в Индию, то нигде не столкнетесь с картой, это просто обобщение. Карта поможет вам составить представление об Индии, но не даст вам опыт жизни в этой стране. Получается, что карта мешает. Опыт скрыт за формулировками, предвзятыми мнениями.

Может статься, что знания накапливаются, хотя вы не понимаете, что они опасны. Если знания относятся к внешнему миру, тогда все нормально, поскольку такие знания одинаковы, но если они относятся к внутреннему опыту, тогда опыт будет разниться, потому что ум проецирует.

Начните медитировать так, как если бы вы никогда не слышали о кундалини и чакрах. Погружайтесь в медитацию без информации. Вот первое условие: когда вы погружаетесь в медитацию, вы не цепляетесь за знания. Просто будьте готовы, открыты всему, что случится. Ничего не ждите и ничего не сравнивайте.

Во-первых, ваши предвзятые представления должны исчезнуть. Не цепляйтесь за них. Если вы не цепляетесь, они

уйдут, отомрут. Семя родится и умрет. Но если вы цепляетесь за них, тогда они будут казаться знаниями, помощью, руководством. Не цепляйтесь за свои знания, и они оставят вас. Тогда проекций не будет.

Во-вторых, забудьте о своем опыте ЛСД, как будто вам просто привиделся сон, в противном случае он будет вставать между вами и вашей медитацией, и вы будете продолжать сравнивать. Это сравнение вызовет самоубийство. Если вы продолжаете сравнивать, медитация прекратится, и вы будете все чаще прибегать к помощи ЛСД. Но химическая помощь может только создать психическую иллюзию, но никогда не станет подлинной самореализацией. Просветление это не то, что приходит к вам извне, а то, что случается в вас. Не то, чтобы нечто проникло в вас, вы сами совершаете скачок.

ЛСД никуда не приведет вас: вы просто остаетесь там, где и были, и что-то происходит с вами благодаря химическим изменениям. Из-за химического вещества ваш обычный здравый ум больше не работает, привычные ограничители подсознания парализованы. Они отключаются, а подсознание включается. Но управляете ситуацией не вы, а химическое вещество. Вы находитесь под его влиянием, вы не свободны. Теперь ЛСД будет работать в вас. Не вы делаете, а наркотик. Нечто само приходит к вам, вы ничего не контролируете.

Реализация указывает на ваше внутреннее цветение: вы совершили скачок и неожиданно встретились с чем-то. Вы уже не прежний человек, вы изменились. Изменение происходит сознательно, в полной осознанности, оно происходит благодаря вашим усилиям. Вы что-то сделали, вы путешествовали, вы взойшли на вершину.

Есть два пути восхождения на вершину Эвереста. Во-первых, можно вообразить, что вы на Эвересте, хотя вы по-прежнему лежите на своей кровати и никуда не идете. Во-вторых, можно действительно взойти на вершину. Само намерение переменит вас. Трудности восхождения на пик изменят вас, потому что вас ждет не только вершина Эвереста, но и вершина собственных усилий. Взойдя на вершину Эвереста, вы достигнете высшего пика своей силы.

Во сне вы были нигде. Вы существуете в том же состоянии, что и раньше. Что-то происходит, когда вы засыпаете. Сон может прийти двумя путями: через медитацию или через

ЛСД. Поэтому эти два опыта похожи, ведь вы можете пойти по любому пути. Только если подсознание не обременено, если в вас нет ожидания и подавления, которые только и ждут проецирования, медитация случится.

Еще одно отличие заключается в том, что, когда вы принимаете ЛСД, ваш сознательный ум засыпает, а бессознательный ум начинает работать. Но в медитации ваш сознательный ум не спит. Вернее, ваш сознательный ум расширяется до тех пор, пока ваше подсознание также станет сознательным. Свет сознания лучится все глубже в подсознании, и наступает миг, когда уже нет разделения между сознанием и подсознанием, ваш ум становится цельным. Тогда медитация случается.

В течение всего периода времени, когда я принимал ЛСД, я видел определенную последовательность цветов: шафранный, затем желтый, белый, и в заключение темно-голубой. Что означают эти цвета?

В этой последовательности цветов есть свой смысл, но их порядок всегда строго индивидуален для каждого человека. В этом цветовом ряду явно есть смысл. Цвета, запахи, звуки имеют значение.

Прежде всего, нужно понять, что, если вы погружаетесь глубоко в себя, тогда каждое ваше чувство получает соответствующее внутреннее проявление. Например, ваши глаза смотрят вовне, но когда вы закрываете их, то можете видеть внутренний мир. Квинтэссенция всех внешних переживаний также содержится в вас. Все ваши чувства поддерживаются фундаментом опыта в уме. Когда вы путешествуете в себя, то неожиданно встречаетесь с этим хранилищем. Когда вы подходите к хранилищу цвета, то видите прекрасные цвета, какие вы никогда не видели раньше глазами. Такова суть всего вашего прошлого опыта цвета.

Так художник рисует красивую женщину. Это не какая-то конкретная женщина, ведь он видел так много женщин. Портрет, который он рисует, представляет собой суть всех женщин. Все, что художник увидел и познал, он изобразит в одной женщине. Одни ее черты будут брать начало из одного источника, тогда как другие черты – из другого. Но сам по себе этот образ не существует. Это не фантазия и не реаль-

ность, а нечто подлинное, потому что данный женский образ взят из опыта, и в то же время это просто образ. Портрет одновременно реален и нереален.

Наши чувства хранят весь опыт не только этой жизни, но и всех наших жизней. Суть этого опыта остается в нас. Глаза сохраняют цвет, свет и прочее, уши хранят звуки, гармонию, тишину и прочее. Все чувства отправляют опыт в особые «камеры хранения» в мозге.

Современная наука подтверждает, что, если дотронуться до определенных клеток мозга электродами, они возбуждятся. Человек, упавший в обморок, может увидеть звезды, если обморок воздействует на определенные клетки памяти мозга. На вашу память можно воздействовать прикосновением электродами. Если я коснусь клеток, которые хранят воспоминания вашего детства, вы снова станете ребенком, и все события вашего детства, повторятся в вашем мозге.

Когда вы погружаетесь в себя, суть вашего опыта взрываются в вас, и вы познаете многое из того, что неизвестно во внешнем мире в столь чистой форме. Внешний мир никогда не бывает чистым, но внутренний опыт это чистая квинтэссенция, у него природа электричества. Электричество это просто энергия, она чиста. Энергии ничто не мешает, она прозрачна.

Но не принимайте этот опыт всерьез. Это просто указатели того, что вы идете в себя глубже. Это только часть сценария пути, а не конечная точка. Когда вы действительно достигнете своей сокровенной сути, там не будет опыта. Там нет ни света, ни звука, ничего.

До тех пор, пока опыт не исчерпается, вы не сможете выйти за пределы ум. Эти переживания – просто проявление психического опыта, копившегося на протяжении всех ваших жизней. Каждый человек будет чувствовать по-своему: у всех нас своеобразное прошлое, поэтому чувства каждого из нас оформляются по-разному.

Два дня назад ко мне пришел человек без чувства вкуса. Он никогда не знал, что такое вкус, поэтому у него нет понимания вкуса. Вы видели слепых и дальтоники... Один человек из двенадцати дальтоник: он видит все так же, как и другие люди, но не видит один определенный цвет.

Например, Бернард Шоу не мог различить желтый и зеленый цвет. Он был дальтоником и никогда не видел желтый цвет. В нем не было опыта, сути желтого цвета. Он никогда не видел его, и для него этот цвет не существовал.

Мы видим не все цвета. Кроме доступных нам семи цветов спектра, есть еще и другие цвета. Если не брать в расчет эти семь цветов, то нас можно назвать дальтониками. Ниже и выше уровня этих семи цветов существуют безграничные ряды цветов. Мы не видим их, поэтому не ощущаем их в своем внутреннем путешествии. Все, что мы ощущали, переживали во внешнем мире, мы сохраняем в себе.

Если медитирует музыкант, он начинает слышать звуки, которые не музицирующий человек никогда не услышит. Художник увидит цвета, которые никогда не увидит тот, кто не интересуется живописью. Если станет медитировать человек вроде Ван Гога, мы и представить себе не сможем, какие цвета он увидит, какие новые сочетания полутонов и оттенков он познает.

У каждого человека медитация происходит индивидуально. Неизменно лишь одно: когда вы пойдете по своему внутреннему пути, что-то начнет происходить. Вы будете переживать цвета, звуки, запахи и сохранять их. Ум это кладовая, а каждая клетка – узел переживаний, готовых взорваться. Погрузитесь в себя, коснитесь источника, и материал вырвется наружу.

Такие переживания имеют большое значение, поскольку они показывают, что вы двигаетесь внутрь. Но из-за того что вы, переживая эти ощущения, чувствуете любовь, ум захочет уцепиться за подобное чувство. Вы захотите повторить его и тем самым будете мешать дальнейшему развитию.

Вы достигаете состояния ума без переживаний. Вернее, состояния ума лишь с переживанием пустоты. Переживание само по себе представляет собой последнее препятствие. Человек должен подойти к точке, где он останется в одиночестве, без переживаний.

Только когда переживание прекратилось, исчезает и двойственность. Когда вы что-то переживаете, двойственность остается, ведь остались вы и переживание. Даже если вы переживаете единение с миром, все равно переживание это проявление двойственности.

Когда медитация полностью расцветет, вообще не будет переживаний. Останетесь вы, и просто будет некое переживание. Ничего не, есть только ваше бытие, ваше существование. И когда нет переживания, тот, кто переживает, взрывается. Он может существовать только в противодействии к некому переживанию. Когда нет объекта, субъект взрывается сам собой, поскольку нет субъекта и объекта.

Только тогда вы постигаете существование. Только тогда вы можете сказать, что Бог есть. Вас нет, и мира нет. Бог есть! Само бытие и есть Бог.

Но сверхъестественные способности проявятся. Они не значительны, но они будут у вас.

Я уже давно пытаюсь медитировать, но не достиг явного результата. Что не так?

На то может быть много причин. Возможно, метод медитации, который ты использовал, оказался ошибочным, или ты пошел не по тому пути, или метод и путь в порядке, но твои бессознательные желания берут верх над медитацией. Нужно изменить подсознание.

Если вы пользуетесь методом много лет, но достигли только поверхностных результатов, поменяйте метод. Существует очень много методов медитации, поэтому человек не должен цепляться за один метод. Возможно, сам метод хорош, но именно вы делаете что-то неправильно.

Тогда нужно поменять метод. Перемена всегда помогает. Если метод становится привычным, переживание поверхностно. А когда ничего нового не происходит, но вы продолжаете практиковать метод по привычке, вы никогда не достигните ничего значительного.

Мой метод динамической медитации по своей природе не станет рутинным. Данная медитация столь беспорядочна и хаотична, что вы никогда не сможете сделать ее обычной. Методы медитации с дисциплиной и упорядоченной системой всегда становятся рутинными. Вы должны использовать хаотичный метод, который никогда не упорядочите. Тогда он будет оставаться новым каждый день.

Мой метод, динамическая медитация, поможет вам, потому что он хаотичен. Недисциплинированный метод может

помочь современному уму, потому что современный ум чаще всего хаотичный, он постоянно меняется.

Старый ум был неизменным, постоянным. Человек всегда был в чем-то уверен. Два века назад человек, родившийся в христианском мире, умирал христианином. Сегодня это уже не так: человек, родившийся христианином, может стать индустриальным. Мир стал хаотичным. В детстве ум человека один, затем его ум может поменяться. Сегодня он коммунист, а завтра уйдет в Гималаи медитировать.

Современный ум не постоянен, он в беспорядке. Поэтому все старые методы, которые были разработаны для устойчивого образа мышления, отстали от времени. Хаотичному уму нужен хаотичный метод, только тогда вы сможете погрузиться в глубокие сферы. В ином случае результаты будут незначительными. Если у вас есть одна определенная техника, вам становится скучно, и если вы продолжаете ее практиковать, то почти вызовете самоубийство. Перестаньте практиковать технику, которая вам не помогает. Метод для вас, а не вы для метода. Если что-то не работает, поменяйте метод.

Практикуйте динамическую медитацию, и осознавайте дыхание. Очень скоро вы почувствуете в себе внутренние изменения. Но вам нужен хаотичный метод, который не станет рутиной.

Глава 5

Жизненно важное равновесие

В нашей цивилизации, профессиональные люди вроде меня сталкиваются с одной трудностью: мы слишком полагаемся на свой разум и смотрим на жизнь только через него, отрицая все остальное. Такой подход к жизни делает жизнь скучной и тупой, мы уже не замечаем чудес.

Никто не может использовать свой разум слишком активно. Это огромная сила с большими возможностями, и вы не можете использовать ее слишком активно. И не только чрезмерно, но даже просто в полной мере. Обычно вы используете не более 10-15 % возможностей своего интеллекта.

Когда вы выполняете интеллектуальную работу, это не обязательно означает, что вы используете свой интеллект. Интеллектуальная работа также бывает механической. Один раз вы узнаете метод, разум здесь ни при чем, ум работает просто как компьютер.

Настоящая беда заключается не в том, что вы слишком активно используете разум, а в том, что вы не используете эмоции. Наша цивилизация пренебрегает эмоциями, поэтому потеряно равновесие, и человек развивается неполноценно. Если задействовать эмоции, тогда мы сможем восстановить равновесие.

Равновесие эмоций и разума должно быть в правильной пропорции, иначе человек заболит. Это как все равно как пользоваться только одной ногой. Вы можете скакать на одной ноге, но все равно никуда не придете туда, куда вам нужно, только утомитесь. Нужно использовать обе ноги. Эмоции и разум подобны двум крылам. Если мы полетим на одном крыле, то в результате лишь разочаруемся. Блаженство приходит, когда человек использует оба крыла одновременно, в равновесии и гармонии.

Не бойтесь использовать разум слишком активно. Только используя разум, вы затрагиваете глубины, реализовываем свои возможности. Интеллектуальная работа не означает, что будет вы использовать разум. Интеллектуальная работа поверхностна, она не затрагивает глубин. Поэтому вы все больше скучаете и работаете без удовольствия. Дело в том, что удовольствие приходит, только когда вы принимаете вызов и что-то доказываете себе, отвечаете на вызов. Тогда разум и эмоции создают блаженство.

Человек станет шизофреником, если только одна часть его личности работает, а другие бездействуют. Тогда даже работающая часть не будет столь эффективной, потому что будет трудиться чрезмерно. Личность цельна, в ней нет разделений. Вообще-то, цельная личность это поток энергии. Когда энергия используется логически, она становится разумом, а когда она используется не логично, а эмоционально, она становится сердцем. Это два разных понятия, один и тот же поток энергии через два разных канала.

Когда нет сердца, а только интеллект, вы не можете расслабиться. Расслабление означает, что сейчас какая-то энер-

гия внутри вас работает на другом канале. Расслабление означает не бездействие, а работу в другом измерении. То измерение, в котором есть слишком большое напряжение, расслабляется.

Человек, который занимается интеллектуальным трудом непрерывно, никогда не расслабляется. Он не направляет свою энергию в другое измерение, поэтому его ум работает только в одном направлении. Такое положение вещей вызывает скуку. Черета мыслей приходит и уходит; энергия распыляется, теряется. Вы не можете радоваться, в противоположном случае вы будете разочарованы и раздражены лишним бременем. Но разум, интеллект, не виноват. Вы не используете другое измерение, потому что у вас нет открытых дверей для него, энергия движется в вас по кругу.

Энергия не может быть стоячей. Энергия означает нечто постоянно движущееся, это всегда поток. Расслабление не указывает на то, что энергия застойна, дремотна – просто теперь энергия течет по другому каналу, в другом измерении, входит в другую сферу. Но и сферы бывают разными. Если новая сфера не очень далеко от прежней, где вы были прежде, тогда ум не сможет расслабиться. Например, если вы работаете над научной проблемой, то можете расслабиться, читая увлекательный роман. Работа разная: заниматься научными проблемами значит быть активным (мужская модель), тогда как читать роман значит быть пассивным (женская модель). Вы и пользуетесь одним умом, но расслабитесь, потому что занимаетесь противоположными видами работы. Вы ничего не решаете, вы не активны. Вы представляете собой приемник, что-то принимаете. Измерение то же самое, кроме эмоции, противоположного поля.

Когда мы любим, интеллект вообще не задействован, происходит нечто противоположное: начинает действовать иррациональная часть вашей личности. Рассудок следует уравновесить любовью, а любовь должна находиться в равновесии с интеллектом. Обычно такого равновесия нет.

Если кто-то любит и пренебрегает всеми интеллектуальными занятиями, то также скучает. Даже любовь вызывает напряжение, если отдаваться ей все сутки напролет. Однажды любовь потеряет для вас привлекательность, вы перестанете получать от нее удовольствие, не будет элемента игры, и лю-

бовь станет просто работой. Так бывает с эрудитами, пренебрежными эмоциональной стороной бытия.

Эти две части, два поля должны находиться в равновесии, только тогда человек станет уравновешенным, цельным, в ином случае будет присутствовать либо эмоциональность, либо рассудочность, человек не будет здоровым. На Востоке люди однобоки, потому что они чрезмерно сосредоточиваются на сердце, тогда как на Западе люди чрезмерно сосредоточиваются на противоположном поле. Повсюду результаты удручающие.

На Западе новое поколение бунтует против интеллекта, против разума. Новое поколение учится вести себя иррационально. Природа всегда возьмет над нами верх. Природа мстительна, она никогда ничего не прощает, не забывает. Если какая-то часть подавлена, не реализована, природа напомнит вам об этом. На Западе восстанавливают иррациональность. На Востоке люди призывают к рационализму, науке. Там людей привлекает коммунизм, я религия уже им не интересна. Иррациональность больше не привлекает восточных людей, потому что там слишком долго подавляли интеллект.

По моему мнению, ни бытие, ни культура человека не могут быть здоровыми без внутреннего равновесия между рациональностью и иррациональностью. Я не считаю эти понятия разными. Это два поля одной энергии.

Вся энергия может существовать только между двумя полями, энергия может возникнуть только в результате внутреннего напряжения. Поля должны быть отрицательными и положительными (в электричестве) или северными и южными (в магнетизме), или мужскими и женскими (в биологии). Но энергия не может существовать в одном поле. Для того чтобы создать необходимое напряжение, нужна противоположность.

Но человеческое общество всегда подавляло другое поле (либо интеллект, либо эмоции). Всемирная культура еще не появилась, потому что в мире есть цивилизации либо интеллекта, либо эмоций. Культура, цивилизация, в которой два поля действуют одновременно, еще не родилась.

Всегда уравновешивайте поле его противоположностью. Чем активнее используется одно поле, тем полнее расслабляется противоположное поле. Ум должен уметь переходить из

одного поля к противоположному полю так же легко, как от бодрствования ко сну.

Человек должен уметь закрывать одно измерение и открывать другое. Тогда жизнь не будет скучной, она принесет блаженство.

К сожалению, мы тяготеем к одной полярности. Почему? Мы склоняемся к одному пути, потому что привыкаем к нему. Это так легко, ведь вы можете идти по хорошо знакомому пути без сознательных усилий, осознанность вам ни к чему. Когда вы переходите от одного поля к другому, когда вы полностью изменяете свое мироощущение, то становитесь просто любителем. В другой области вы не специалист, вы не призывали к ней. Пытаясь избежать ее, вы сосредоточиваетесь на той области, в которой вы профессионал.

Все дело в перенапряжении. Человек не должен профессионально заниматься чем-то все сутки напролет, ему нужно заниматься еще тем, в чем он ничего не смыслит. Человек должен иногда уподобляться ребенку, которые просто играют в незрелости, неведении.

В каждом гении есть ребенок, гений не может существовать без внутреннего ребенка, поскольку этот ребенок становится источником всей его энергии. Благодаря этому ребенку гений порой становится новичком, невеждой. Он может попасть в область, о которой он ничего не знает. Математик, который обращается к поэзии, ничего не теряет. Он возвращается к своей математике с чистым умом, с новыми переживаниями, которые неизвестны математике.

Ничто нельзя изобрести, открыть строго профессиональными методами. Открытия всегда делают те люди, которые подходят к вопросу как посторонние, с детским умом. Только ребенок изобретает, старику это не под силу. Старик стал профессионалом, специалист не умеет изобретать. Он будет повторять одно и то же, что переделывать. Он будет совершенствовать метод, но не придумает ничего нового. Профессионал не может внести что-то новое в свои знания, потому что он знает слишком много. Он не может увидеть новое, он просто всякий раз упускает его. Профессионалы всегда ортодоксальны, они не бывают революционерами, и не могут быть ими, потому что обременены знаниями.

Когда ученый обращается к поэзии, или поэт – к математике, или бизнесмен начинает писать картины, или художник становится саньясином, во всех этих людях рождается что-то новое. Дать рождение чему-то новому – вот блаженство, в ином случае ваша ежедневная работа становится тупой и скучной. Человек не может работать как машина, он не может просто производить что-то механически, повторять бесконечную рутину. Если он поступает именно так, то умирает задолго до своей смерти. Он узнает о том, что все-таки жил, только когда придет смерть.

Если вы действуете механически как человек-робот, тогда возникает опасность того, что машины вообще заменят вас, и вы никогда не освободитесь, потому что всю вашу работу смогут более эффективно выполнять механизмы.

Обществу нужна не индивидуальность, а высокая производительность, поэтому, чем больше в человеке тонких чувств, тем меньше нуждается в нем общество, а это опасно. Цель нашей цивилизации (да и всех цивилизаций в истории мира) – превратить человека в робота, чтобы он был послушным, производительным и неопасным. Вообще-то, ум изобретает, исследует, ищет и находит новое, он всегда пытается создать нечто неизвестное, поэтому он непременно вызовет беспорядок. Общество не может этого допустить.

Общество начинает удушать индивидуальность сразу, как только человек рождается. Ему еще не исполнилось семь лет, а его индивидуальность уже убита. Человек может сохранить свою индивидуальность, только если общество не успело убить ее, но это редкость.

Каждая общественная организация стремится уничтожить индивидуальность, превращение человека в робота. Все университеты это фабрики уничтожения спонтанности, их задача – убить искру, умертвить душу, превратить человека в машину. Тогда обществу будет легко справиться с ним. На такого человека можно положиться. Общество знает, что он может сделать, как он станет вести себя, ведь он предсказуем. Мы можем предсказать поведение мужа, жены, врача, адвоката, ученого. Мы знаем, кто они, как они отреагируют на то или иное действие, нам легко с ними. Но не будет легко с живым, спонтанным человеком, потому что мы не знаем, что он будет делать, так как он непредсказуем.

Непредсказуемость это вечный источник риска. Жене не будет легко с непредсказуемым мужем. Если он непредсказуем, значит и неуправляем, им нельзя манипулировать. Никому не будет легко с непредсказуемым человеком, даже отцу с непредсказуемым сыном.

Но только непредсказуемый человек может полнее других переживать счастье. Жизнь сама по себе непредсказуема, неуправляема. Жизнь развивается в каждый миг движется в неизвестности. Она открыта неизвестному, вот и все.

Если вы открыты просто как сама жизнь, тогда вам необходимо жить в каждом из измерений: психическом, интеллектуальном, эмоциональном, духовном. Тогда вы живете изо всех сил, без раздвоения, без разделения. Ваша энергия течет из одной сферы в другую, и обратно. Нет препятствий для энергии, она уподобляется речному потоку. Тогда вы всегда свежи и расслаблены. Возвратившись к своей прежней работе, вы будете обновленным, свежим благодаря расслаблению, берущему начало в ином измерении.

По моему мнению, трудность заключается не в чрезмерной интеллектуальной работе, а в том, что мы слишком мало работаем или вообще не работаем в другом измерении, особенно эмоциональном. Рассудок уравнивается с эмоциями. Если вы можете заниматься логикой, но не можете плакать, то попадете в беду. Если вы только спорите, но не смеетесь, у вас будут неприятности.

Но появляется человек, жизнь которого подобна речному потоку, людям трудно понять его, потому что его нельзя поместить ни в одну категорию.

Послушайте притчу дзен. Умер знаменитый монах, великий духовный наставник. Однако он прославился благодаря своему лучшему ученику. Тысячи людей пришли почтить его память, и все они изумились при виде слез главного монаха. Они не могли принять его поведение, потому что монах, практикующий непривязанность, не должен плакать, особенно тот, кто всегда говорил, что душа никогда не умирает. Кто-то спросил его: «Почему ты плачешь?»

Монах ответил: «Не могу же я без конца все анализировать. Сейчас мне нет дела до всяких объяснений, я просто плачу».

Но люди настаивали: «Ты сам всегда говорил, что душа бессмертна. Почему же теперь ты плачешь?»

Он подтвердил: «Я по-прежнему утверждаю, что душа не умирает, но мне все равно хочется плакать».

Его речь нелогична. Если душа не умирает, тогда он не должен плакать. Но монах объяснил: «Душа сама плачет, я не могу ничего с этим поделать. Я принимаю все свои состояния. Слезы катятся сами, и я составляю с ними единое целое».

Отношение монаха нельзя поместить в некую категорию. Мы можем понять того, кто верит, что душа умирает. Если же человек верит в то, что душа бессмертна, и не плачет, это тоже понятно, тогда все в порядке. Душа бессмертна, по кому же тогда плакать? Никто не умирает. Но главный монах сказал, что душа бессмертна, но продолжал плакать. У него нет аргументов, слезы просто текут.

Люди спросили его: «Ты плачешь по телу?» Монах ответил: «Да, наверно, я плачу по телу. Тело тоже было прекрасным, и я больше никогда не увижу его. Я плачу по телу».

«Но ты духовный человек», – напомнили монаху люди. Они стали обвинять его в том, что он смущает окружающих.

«Я тоже смущен, – отвечал монах, – но такова жизнь! Душа важнее, но мне все равно горько... Жизнь так противоречива. Она смущает своими противоречиями. Я сам смущен, но я принимаю свои смущения, противоречиям, поэтому я не напряжен. Вы видите мои слезы, но мне легко. Я расслаблен, я блаженствую».

Другую часть не следует отвергать. Чем активнее вы используете интеллект, тем чаще вы должны использовать иррациональность для равновесия. Когда они придут в равновесие, вы станете невесомым. Вы почувствуете свободу. Вес одной части уравнивается весом другой – равновесие достигнуто, вы свободны. В ином случае вы все отчетливее будете чувствовать бремя, тяжесть, пока не наступит миг, когда будет существовать только бремя. Вас нет, осталось лишь ощущение тяжести, вы осознаете лишь его. Бремя будет постоянно давить на вас, поэтому вы даже забудете состояние легкости.

У всех есть свое бремя, но одно бремя может уравниваться другим из противоположного поля. Когда два бремени уравновешены, они исчезают. Если ум свободен, это не зна-

чит, что в нем нет бремени, просто всякая тяжесть в нем уравновешена.

Я же предпочитаю, чтобы ум и не-ум сосуществовали. Между ними всегда должно сохраняться равновесие. Как только вы почувствовали тяжесть, значит потеряли равновесие. Тогда вы должны определить, куда необходимо добавить вес. Если отяжелел интеллект, поступайте иррационально, медитируйте.

Медитации не нужна причина, она иррациональна. Поэтому когда кто-нибудь просит меня объяснить медитацию, я просто теряюсь, потому что у меня нет объяснений. Для медитации вообще не нужны логические доводы, причины, аргументы. Для того чтобы узнать медитацию, ее следует просто выполнять.

Некоторые люди изучают медитацию всю жизнь, но до сих пор ничего не поняли. Они не могут понять ее. Кришнамурти говорил о том, что понимание равносильно медитации, как будто медитацию можно понять умом. Скорее понимание следует уравновесить медитацией, потому что медитация это противоположное поле, и если вы попытаетесь *не* понять медитацию, у вас ничего не получится.

Если человек попытается понять медитацию, он потеряет возможность практиковать ее. Некоторые люди говорят, что они хорошо понимают Кришнамурти. Интеллектуально вы можете понять его, потому что понимание интеллектуально. Но даже Кришнамурти говорит, что интеллектуального понимания недостаточно, он все еще уравновешивает понимание и медитацию.

Если нет интеллектуального понимания, остается только неинтеллектуальный скачок. Когда вы медитируете, то скорее чувствуете, чем понимаете.

Философия и наука это интеллектуальные процессы; религия и искусство – неинтеллектуальные процессы. Философию необходимо уравновешивать религией, а науку – искусством, иначе все перевернется, у нас будет однобокий мир, в котором все будут болеть.

Я не встречал ни одного спокойного человека, все равно вас что-то или кто-то беспокоит. Вы постоянно беспокоитесь. Каждый человек беспокоится! Должно быть, что-то не так со всем человечеством: не в порядке все структуры общества.

Умственное беспокойство людей указывает на то, что беда приключилась со всем обществом.

Возможно, вы удивитесь, узнав о том, что в тридцатые годы все душевнобольные, которые посещали психоаналитиков, были помешаны на насилии. Затем началась вторая мировая война. Подобное происходило и в начале двадцатого века, тогда началась первая мировая война. Я считаю душевнобольных предвестниками, они возвещают будущее. Они чувствительнее нас, они ощущают события раньше остальных людей.

То же самое верно в отношении художников. Все, что случается в мире, сначала появляется в поэзии, живописи, музыке. Если изучить искусство Пикассо, то можно найти проявление болезней цивилизации. Во всех своих картинах Пикассо никогда не изображал человеческую фигуру, как она есть. Он никогда не рисовал все части вместе, или части тела в правильном контексте. Голова находилась в одном месте, шея в другой, глаза могли оказаться ниже головы. Его творчество болезненное. Он был особо чувствительным человеком, видел очертания приходящих явлений, бедственного положения человеческого бытия.

Общество, которое основывается только на науке, будет испытывать недостаток в изящном искусстве, искусство станет безобразным. Все западное искусство становится уродливым. Гротеск и абсурд стали его критериями. Безобразность считается великим искусством. Чем уродливее и искаженнее картина, тем выше она оценивается. В ней нет ни гармонии, ни ритма, ни музыки. В ней все гниет, как современный человеческий ум.

Все это для нас указатели. Они показывают, что другая сторона человеческого ума мстит нам, требует внимания. Общество, которое опирается только на философию, будет испытывать недостаток в религии. Когда общество становится менее религиозным, религия мстит тем, что становится уродливой, сугубо формальной. Церковь со своими жрецами процветает, а религию заталкивают в уголок. Церковь уродует религию, вместо пророка к вам приходит священник и заполняет пустоту.

Мы даже не имеем представления о цельной культуре, цельной личности, цельном уме. Цельность это сумма проти-

воположных полярностей. Если человек состоит из отдельных кусков, тогда его путь окончится безумием. Это опасно. Часть ума, которой отказали в выражении и внимании, отомстит вам. Иррациональность становится агрессивной, она будет неожиданно появляться с мстительной силой и потрясать ум.

Вы должны не только понимать, но еще и чувствовать. Интеллектом понимать не трудно, а вот чувствовать трудно. Но вы должны чувствовать!

Это становится возможным, только когда вы делаете что-то иррациональное. Прыгайте и танцуйте целый час, тогда вы почувствуете расслабление, свежесть и бдительность. Ум станет чистым, потому что иррациональное удовлетворено. Теперь разум может работать свободно, без врага, мечтающего отомстить.

Позвольте обеим сторонам ума выразить себя свободно, всегда поддерживайте равновесие. Живите в двух дополняющих друг друга частях: интеллекте и эмоциональности. Они не противоположны, а лишь кажутся такими, потому что мы живем в однополярном мире и цепляемся за что-то одно.

Когда вы видите сон, то не чувствуете противоречие и несостоятельность сна. Вы видите приближающегося друга, и вдруг он превращается во что-то другое. Но во сне вы принимаете это как факт, вы не чувствуете несостоятельность, противоречие. Вы не спрашиваете, как человек может превратиться в животное, потому что во сне нет логики. Логика сновидения еще не нала своего Аристотеля. Во сне вы не можете сказать, что если A это A , то оно не может быть B , что если A это A , то оно не может быть $не-A$. Во сне A может быть $не-A$, а $не-A$ может быть A . там нет логики, ничто не выглядит противоречивым. Итак, в некоторых областях логика отсутствует, но в ней есть что-то от вас... Или лучше сказать, вы часть этих областей, потому что они больше вас.

Если противоположности не кажутся вам противоречивыми, вы не заскучаете. Разве вы скучаете во сне? Если достигнуто равновесие между рациональностью и иррациональностью, скука исчезает. В таком случае вы блаженствуете в каждый миг. Каждый момент сулит вам свое блаженство, иначе жизнь становится скучной. Но жизнь не ответственна за такое положение вещей. Мы сами определяем свою жизнь, потому что именно нам предстоит делать выбор.

Религия – последняя роскошь

Почему западное общество сейчас стало интересоваться индийской религией?

Я считаю религию последней роскошью. Религия приобретает значение, только когда общество становится богатым. В наше время впервые человечество в своем большинстве разбогатело. Что касается Америки, то это первая страна в человеческой истории, которая достигла настоящего процветания. Для того чтобы быть религиозным, интересоваться основными вопросами жизни, человек должен действительно реализовывать все свои физические потребности. По моему мнению, бедное общество не может быть религиозным. Индия была религиозной, только когда она находилась на вершине славы и богатства. Например, во времена Будды Индия была такой, какая Америка в наше время. В те времена Индия была богатейшей страной. Религия в современной Индии – просто черепки прошлого. Таково основное различие между религией бедного и богатого человека. Когда бедный начинает интересоваться религией, то стремится пойти с Богом на сделку. Даже когда такой человек молится Богу, он просит дать ему вещи, еду – все, в чем он насущно нуждается. Поэтому Маркс прав, когда говорит, что религия это опиум для народа.

Бедные люди в самом деле не получают в жизни даже самое необходимое, поэтому заменяют это молитвой, медитацией, йогой и религией. Но для богатых людей измерение меняется. Они не просят материальные вещи, они задаются вопросом о смысле жизни.

Кришна, Махавира, Будда, двадцать четыре тиртханкары джайнов, двадцать четыре аватара индуизма были богатыми людьми: сыновьями королей, принцами. В Индии нет ни одного аватара из бедных людей. Только Иисус был бедным, поэтому его распяли. Сына бедняка ничего не стоит распять.

Был ли Иисус аватаром?

Индуисты не считают Иисуса аватаром. Но вы можете считать аватаром кого угодно. Ганди считают аватаром его последователи. Рамакришну признают аватаром его последователи. В мире очень много аватар, но суть не в этом.

В индуизме было двадцать четыре аватара, двадцать три из которых уже жили когда-то, и одному еще только предстоит родиться. У буддистов и джайнов тоже двадцать четыре будды и тиртханкары. Все они сыновья королей, среди них нет ни одного бедняка. Таково различие между христианством и индуизмом, джайнизмом и буддизмом. Христианство все еще остается религией бедных людей.

Из-за этого христианство не может достичь высоких вершин. Если вы сравните индуистские писания Упанишады с Библией, то Библия покажется вам бледной, инфантильной. В ней простые слова, немудреные переживания, но христианство все еще остается религией. Организованная религия и мистические переживания это два разных понятия.

Разве подлинные переживания не всегда одинаковые?

Они одинаковые, но духовные переживания зависят от индивидуального опыта. Все дело в обществе, а не человеке. Я говорю, что бедный человек может стать мистиком, но бедное общество не может стать религиозным. Богатый человек обязательно религиозен, но богатое общество жаждет религию. Когда общество становится развитым, возникают новые трудности. Эти трудности не затрагивают нужды физического тела, у них психологический характер.

Если бедный человек заболевает, его болезнь будет в той или иной степени относиться к телу. Когда заболевает богатый человек, его болезнь скорее всего будет связана с умом. В Америке нужно все больше психологов и психоаналитиков, потому что сейчас в США очень много сумасшедших. Американские психологи утверждают, что у них из четырех человек трое страдают неврозами.

Вы осознаете свои душевные потребности после того, как удовлетворили телесные нужды. Религия нужна уму, а не телу. Поэтому животные могут обойтись без религии, а человек не может, потому что у него есть сознание.

Когда вы богаты, девяносто девять процентов ваших интересов касаются ума. Богатый человек может и не быть рели-

гиозным, а бедный человек может быть религиозным, но бедное общество воспринимает религию как утешение в нужде и болезни. Эти молитвы не искренни, потому что молящийся человек пытается вымолить что-то у Бога.

В Америке религия становится очень важной, как и во всех богатых странах, которые с каждым днем становятся все богаче. Когда-нибудь коммунизм укоренится в бедных странах, а религия – в богатых. В бедных странах у религии нет будущего. Через двадцать лет все они обратятся в коммунизм.

Россия и Китай были религиозными странами, как все другие. Они сумели вытеснить религию всего лишь за десять лет. Китай был буддийской страной. В этой стране люди активно практиковали даосизм и Буддизм.

Но в названных вами странах религии противостоят пративельства, а в Индии мы ничего подобного не наблюдаем.

Не в этом дело. Не важно, поощряет правительство религию или нет. В Индии сложилась такая ситуация, что религия не может здесь стать значительной. В бедной стране не важно, какую форму примет строй. Вы можете называть систему социализмом или еще как-то, все равно религией становится коммунизм. Но в России религия снова стала значительной двадцать лет назад. Россия уже не бедная страна, а когда общество становится богатым, вы не сможете отвернуться от религии, это просто невозможно.

Разве хорошо отдавать религию одним лишь богатым?

Я считаю, что вопрос не в правильности или неправильности. Для меня это вопрос правильной ситуации. Больной пойдет в больницу, а здоровому это ни к чему. Поэтому бедные страны привлекает коммунизм. Это просто исторический факт, он непреложен. Точно так же, богатые страны привлекает религия.

В России все изменилось в последние десять лет. Там проводятся большие научно-исследовательские работы по парапсихологии. Открытия советских ученых удивительны!

Итак, вопрос не в правильности или неправильности, просто таков путь истории. Коммунизм приносит обществу процветание, а по достижении изобилия религия становится значительной.

Обязательно ли человеку тянуться к новизне?

Только молодежь интересуется новизной. Старых людей, интересы которые остались в прошлом, не интересует новизна. Молодые люди всегда предчувствуют будущее, старикам это не дано. Удел стариков – оставаться дома, будущее для молодых. Молодежь живет в будущем, поэтому они интересуются всем новым.

Молодые люди никогда ничем не удовлетворяются. Неудовлетворенность в их сердцах, иначе они не были бы молодыми. Если бы они были абсолютно удовлетворенными, то сразу бы умерли. Они всегда чувствуют недовольство, неудовлетворенность, внутреннее беспокойство. Это хороший знак. Из-за своего внутреннего беспокойства они готовы пойти в новые измерения.

Почему современная молодежь столь мятежна?

На то много причин. Во-первых, у них есть широкое образование. Сначала молодые люди должны получить хорошее образование. И для образованного ума старые интересы кажутся абсурдными, устаревшими, ведь общество застряло и не видит будущее. Во-вторых, мир развивает науку, при этом научная подготовка молодежи основывается на сомнениях. Все старые культуры и цивилизации основывались на вере. Молодежь учится сомневаться, а все религии и культуры основаны на вере, и познание невозможно. Современная молодежь ищет веру, которая может быть научной, которая настолько жива, что допускает сомнения, которая не боится сомнений.

Жизнь – сложное явление, здесь у всего есть своя полярная противоположность. Ученый начинает с сомнения, и заканчивает верой, тогда как в прежние времена люди начинали с веры – вот и все различие. По моему мнению, вера, начавшаяся с сомнения, глубже, потому что она не боится сомнений.

Сомнение не противостоит вере, это путь к вере. Его можно использовать как средство. Если вы сомневаетесь правильно, то придете к вере, и ваша вера будет обоснованной, а не слепой.

В-третьих, мир становится единым. Все страны сближаются, и местные обычаи не могут долго сохраняться. Нам нужна

единая культура, цивилизация, а нынешнее множество культур и цивилизаций создает беспорядок.

Однако каждый человек закрыт в собственном мирке. Индуист остается индуистом, больше никого не признавая. Прежде невозможно было вообразить какие-то альтернативные пути. Но теперь мы знакомимся с множеством альтернатив, и мир открывается. Никто уже не цепляется за свою культуру, потому мы беспокоимся. Сейчас у нас нет корней, мы должны создать всемирную культуру.

Но прежде чем появится мировая культура, местным культурам придется погибнуть. Поэтому современная молодежь становится мятежной. В действительности не молодежь мятежна, просто такое ее отношение вызывает старое поколение своим сопротивлением.

В-четвертых, мы создали атомное оружие. Теперь у нас две альтернативы: либо научиться жить вместе, либо умереть вместе. Мы либо совершим массовое самоубийство, либо создадим единое общество. Из-за возможности мировой атомной войны молодежь неспокойна, ведь будущее неясно. Будущего как будто нет, поскольку ядерная война может начаться в любой момент, и для жизни просто не останется времени, поэтому данный исторический период может оказаться очень значительным.

Между осознанием времени и беспокойством есть глубокая связь: чем яснее общество осознает время, тем более спокойным оно становится. Общество будет всегда довольным, если не осознает время. На Востоке люди столетиями придерживались спокойного и неспешного ритма жизни лишь благодаря теории перерождения, согласно которой время безгранично, и если вы умрете, то ничего не потеряете. Но христиане верят только в одну жизнь. У них очень мало времени, а сделать предстоит очень много. Времени не хватает, и человек становится беспокойным.

Если разразится атомная война, тогда на будущее не останется времени. В любой момент вся планета может разрушиться. Впервые молодежь интересуется больше настоящим моментом, хочет прожить его, насладиться им, потому что будущего может и не быть.

Я назвал вам причины. Но для меня это хороший знак, поскольку через новую ситуацию мы можем построить новый

мир, развить новое человеческое сознание. Хиппи придумали хороший девиз: «Нам нужна любовь, а не война». Мне их девиз нравится. После 1984 года мир либо исчезнет, либо сильно изменится. Надеюсь, что у нас будет вторая возможность.

Почему большинство техник медитации уже никому не помогают?

В мире много техник медитации, и каждый метод эффективен для определенного типа ума. Также существуют специальные техники для людей каждой возрастной группы.

Все традиционные методы основаны на безмолвии. Мой метод динамической медитации заканчивается безмолвием, но начинается с катарсиса, потому что нашему поколению, современному уму сначала нужен глубокий катарсис, лишь затем наступает безмолвие.

Этот метод необходим из-за состояния современного ума (христианского или нехристианского, индуистского или неиндуистского), в котором подавлены желания, мысли, инстинкты. Мы веками жили с недоброжелательным отношением к жизни. Сначала необходимо отказаться от подавления, только после этого вы сможете погрузиться в свой центр.

Поэтому мой метод нов, не по результатам, а по методологии. Сначала вы должны выбросить свое безумие, только после этого вы войдете во внутренний мир.

Как вы понимаете саньясу?

Мое понимание саньясы полностью отличается от старого понимания саньясы, и даже полностью противоположно ему. В старом понятии саньяса это уход человека из мира. А я признаю просто внутреннее отношение без внешнего удаления от мира. Вы остаетесь в мире, вы ходите на работу как прежде, но теперь вы не относитесь к этому серьезно. Теперь это просто маловажные хлопоты. Вы смотрите спектакль, вот и все.

Не нужно ни от чего отречься. Я отменяю отречение, потому что, если вы делаете что-то в мире несерьезно, то вы можете одновременно жить в нем и пребывать свыше.

Итак, будьте в мире, но не позволяйте мирской суете проникать в вас. Такова моя саньяса.

Секреты ученичества

Каковы отношения между мастером и учеником?

Во-первых, мастер это не учитель, а человек, который достиг религиозного образа жизни. Религия это не информация, ей нельзя научить, потому что религия это жизненный путь. Само присутствие мастера соединяет вас с духовной сферой. Когда вы живете рядом с мастером, что-то передается вам без слов. Эти отношения настолько интимны, что не похожи на отношения учителя и ученика. Они больше похожи на отношения влюбленных.

Мастер должен быть просветленным, он должен достичь истины, потому что человек не может ничего передать, если сам не реализовался. Религиозное переживание можно передать только из первых рук. Учителю не нужна самореализация, но для мастера она обязательна. Учитель может передавать информацию из вторых рук, из писаний и традиций, но у мастера другая ситуация. Мастер это человек, который действительно достиг истины. Теперь он подлинный источник, ведь он встретил реальность и постиг ее. Ученик устанавливает связь с изначальным знанием, потому что все, что говорит мастер, исходит непосредственно из источника.

Во-вторых, мастер не осознает свое превосходство и не может осознать его. Мастер не может называть себя мастером, так не бывает. Человек может только *знать*, есть ли у него состояние не-ума, в противном случае он не сможет встретиться с истиной. Истина приходит только, когда эго отсутствует.

Я всегда говорю, что в религии, в духовности, существует только ученик, потому что мастера нет, он представляет собой только присутствие. Он нетребователен, незгоистичен, он ничему не учит и живет в истине, устанавливая с учеником связь. Поэтому тот, кто объявляет себя мастером, в действительности может быть только учителем, но не мастером.

В английском языке нет слова, адекватного понятию «гuru», потому что отношения между мастером и учеником это

изобретение Востока. Таких отношений никогда не был в западной культуре, в их традициях, поэтому на Западе не понимают, что такое гуру. В лучшем случае западные люди могут понять явление учителя.

Отношения между мастером и учеником настолько близки, что подобны любовному роману. Почтение ощущается как любовь, но с одним отличием: любовь вспыхивает к тому, кто находится на одном с тобой уровне, а почтение – к тому, кто находится на более высоком уровне. Любовь создает дружбу, потому что оба возлюбленных находятся на одном уровне, почтение – тоже любовь, но в один отличительный момент: люди не на одном уровне, один из них выше другого. Если вы влюблены в человека более высокого духовного развития, тогда естественным образом испытываете почтение к мастеру. Но он не ждет, и не требует вашей любви.

Только ученики существуют, потому что они сознательно решили стать учениками. Мастер не выбирает, а действует. Действие едино с его жизнью, поэтому все, чему он учит, будет присутствовать в его действиях. Его учение и жизнь – две стороны одного существования. То, как он сидит, стоит, ходит, разговаривает, его молчание – все это указатели. Что-то приходит через мастера в существование, и ученик всегда готов получить это. Ученик это человек с открытым умом, поэтому он не просто учится, а принимает. Поэтому доверие становится главным качеством ученика.

Когда мы встречаемся с неизвестным, нелогичным, иррациональным, то не в силах объяснить это явление. Когда мы встречаемся с неизвестным, только доверие может вести нас. Если я скажу что-нибудь о чем-то известном вам, вы сможете спорить со мной, потому что тоже знаете это. Мы можем вести диалог, разговаривать, дискутировать. Но если я заговорю о том, что вам абсолютно неизвестно, тогда диалог не получится, у вас не будет аргументов. Не возникнет разумное объяснение, потому что рассудок может работать только с чем-то известным.

Когда проявляется неизвестное, ум становится никчемным, бесполезным. Мышление абсурдно, потому что вы не можете думать о неизвестном. Это все равно, как слепому рассказывать о свете. Он может только верить вам, другого выхода у него нет.

Отношения между учеником и мастером это отношения полного доверия. Оно не означает слепую веру, потому что мастер никогда не требует от людей веры себе, он не ставит подобные условия. Но сама природа неизвестного заключается в том, что вы не можете сделать ни единого шага без доверия. Доверие необходимо ученику, иначе он не сможет ступить даже шаг в неизвестное, без доверия мастеру. Неизвестное покрыто мраком, и человека нет карты. Он не воспринимает это явление как блаженство, высший опыт, но мастер велит: «Прыгай! Погрузись в себя!». Но перед тем как прыгнуть, вам нужно довериться, иначе вы не прыгнете. И знание может прийти к вам, только если совершите скачок.

В науке до проведения эксперимента необходимо придумать гипотезу. Гипотеза это предположение. Если эксперимент получается, значит гипотеза верна, или наоборот. Но без гипотезы, без предположения, эксперимент не провести.

То же самое верно в отношении религии: ей нужно доверие, как гипотеза нужна науке. Но существует огромная разница между наукой и доверием. Человек, который гипотетически верит в научные предположения, может одновременно скептически относиться к ним. Здесь не нужно почтение, потому что эксперимент содержит в себе объективное явление: вы можете поэкспериментировать и установить результаты опытов. Но в религии гипотетическая вера недостаточна, потому что вы рассматриваете не объективные вопросы вне себя. Вы обращаетесь к себе, это субъективное явление. Вы сами вовлечены в эксперимент. Вы не проводите эксперимент, вы и есть эксперимент. Вы прыгнете в него и станете его частью. Вам нужно полное доверие.

Поэтому отношения между мастером и учеником основаны на абсолютном доверии, нежной любви, почтении. Но это нельзя требовать. Если мастер требует почтение, значит он эксплуатирует людей. Если мастер принуждает к чему-то, его поведение становится насильственным, потому что в духовной сфере нельзя ни на кого давить. Мастер ничего не требует, просто сам ученик хочет, чтобы мастер работал с ним.

Но обычно ученик не хочет развиваться, а «мастер» заставляет его что-то делать. Так работа извращается. Если гуру пытается заставить кого-то что-то делать, то калечит, разрушает, убивает человека, потому что совершает насилие над

чужим эго. Но если ученик готов, если он полностью доверяет мастеру, если мастер ни к чему не принуждает его, если ученик абсолютно сдался мастеру, тогда происходит великое преобразование: ученик преобразуется в сдаче.

Вы совершаете решительное действие, полностью сдаваясь кому-то. Вы верите не кому-то, а самому себе. Вы не сможете сдать, если недостаточно уверены в своем решении, потому что вы принимаете великое решение, полное и безоговорочное. Когда ученик полностью сдается, решение рождается независимо от него. Ученик становится кристаллизованной личностью через сдачу, потому что его решение важное и сильное, абсолютное и безусловное.

В сдаче не может быть никаких оговорок, вы не выдвигаете мастеру условия. Вы не говорите: «Если ты сделаешь то-то и се-то, тогда я сдамся». В таком случае сдача не произойдет. Здесь нет «если», вы сдаетесь полностью. Вы говорите: «Делай все, что хочешь. Я в твоих руках. Я прыгнут со стены, если ты попросишь меня».

Решение полностью сдать преобразует и кристаллизует. Ученика всегда непременно должен полностью сдать. Тогда мастер сможет что-то сделать, ведь благодаря своей полной восприимчивости к мастеру вы можете общаться с ним. Постепенно вы меняетесь.

Это дело очень тонкое и деликатное. Изменить живое существо, изменить человека – величайшее и одновременно самое трудное и деликатное дело. Человеческая личность очень сложна, в ней много борьбы, подавления и извращений, поэтому изменить, превратить ее в цветущий экстаз, достойный божественности, это величайшее искусство или величайшая наука.

Но вы должны помнить о том, что все, о чем я говорю, всегда исходит от ученика, а не от мастера. Если материал идет от мастера, тогда Кришнамурти прав, поскольку получится лукавая и разрушительная эксплуатация. Но на самом деле Кришнамурти не прав, потому что мастер никогда не требует сдачи, это основное условие ученичества. Без мастера, без доверительных отношений очень трудно духовно расти. По сути, это и вовсе невозможно.

Человек вполне может расцвести без мастера, но этот человек тоже должен сдать, должен довериться, и если не

конкретному человеку, то целому. Нужно выполнить главное требование. И не важно, сдаетесь вы человеку или нематериальной идее.

Легче довериться человеку, чем целому. Если вы не можете довериться человеку, то никогда не сможете довериться существованию. Если вы не можете сдать человеку, то никогда не сможете сдать безличной божественности. Поэтому для вас мастер это шаг навстречу безличности, помощь в сдаче целому, существованию.

Для человеческого ума все отношения личностны. Вы можете испытывать любовь, уважение или что-то еще, но у всего этого личностный характер. Поэтому первый шаг к реализации истины или космического бытия также будет личностным. Некоторые люди становятся «трамплинами».

Слова не могут передать больше, чем они означают, духовность содержит гораздо больше, но она невыразима. Если вы слышите музыку, то не можете выразить свои чувства посредством слов. Вы произносите обычные слова (хорошо, плохо), но они ничего не выражают. Вы можете выразить как-то чувства, но довольно бледно.

Если вы видите цветок, то можете сказать, что он прекрасен. Но так вы ничего не выразите. Ваши слова никогда не выражают действительное значения момента, потому что они могут означать только то, что человек в них вкладывает. Человек, который никогда не видел красивые цветы, будет слушать ваши слова и понимать что-то свое, потому что слово «красота» ничего не будет значить для него.

Даже само понятие красоты невыразимо. Мы можем только пытаться выразить ее. Духовные понятия непогрешимы, безмолвны, неопределенны, поэтому язык не может передать их. Слова ограничены узкими рамками языка, они не могут выразить все значение этих понятий. Поэтому я говорю, что религии нельзя научить.

Математике можно научить, потому что она выражается символами, а символы можно написать. Можно научить физике, потому что в ней нет ничего невыразимого. Но чем ближе вы к человеческому сердцу (например, в поэзии), тем все яснее чувствуете, что ваши слова не могут выразить все, что-то остается невысказанным. Форма здесь, а содержимое

осталось вовне. Слова произнесены, но значение потеряно. Вы получили цветок, но его аромат исчез.

Слова это срединная точка между наукой и религией. В науке все можно выразить, а в религии ничего нельзя выразить. Вот три пути: наука, которая означает ум и выражение, поэзия и искусство, которые эмоциональны, их можно выражать до определенной точки, за которой они становятся невыразимыми, и религия, духовность, которая абсолютно невыразима. Поэтому отношения между мастером и учеником не похожи на отношения учителя и ученика.

Религии нельзя научить. Как же ее выразить? Другими методами.

Когда вы влюбляетесь в кого-то, первое время для вас большое значение приобретают жесты. Вы замечаете малейшее изменение мимики, легкие движения глаз. Если вы не влюблены, то не обращаете внимание на такие вещи – вы просто видите лицо, но не видите все вместе, не видите постоянно изменяющуюся форму. Вы воспринимаете лицо как внешность, но никогда не видите внутреннее содержание. Но когда вы любите кого-то, для вас лицо становится не просто внешностью, а живым образом. Мимолетные явления и тонкие изменения в выражении вы сразу подмечаете, воспринимаете. Любимый еще не успел что-то сказать, а вы уже понимаете его. Любимый что-то почувствовал, а вы поняли его без слов.

Почтение тоньше любви. Присутствие мастера связывает вас с духовностью. Все сообщения, которые он постоянно передает вам, можно принять, осознать, расшифровать и понять только благоговейным умом. Его живые жесты становятся языком.

Когда отношения становятся зрелыми, общение становится еще более глубоким. Когда ученик достигает цветения и полностью понимает слова и жесты мастера, тогданастоящему зрел. Затем следует безмолвное общение без жестов и языковых символов. В этой телепатической связи заключена тайна отношений. Это самый секретный ключ между мастером и учеником. Только после установления такой связи ученика можно принять. Тогда больше нет вопроса о времени и месте. В таком случае ученику можно передавать послания везде, где бы он ни находился.

Всего этого нужно терпеливо ждать. Воцаряется великое ожидание. Вы не можете ускорить духовное обучение, потому что торопливый ум не может погрузиться глубоко, не может быть безмолвным. Ученик не должен торопиться узнать, он должен ждать правильного момента, должен доверять, ждать, и готовиться.

Западные люди не понимают, почему ученик должен служить мастеру. «Почему он должен быть слугой?» – спрашивают они. Эти люди не знают, что служение это способ установления связи. Когда ученик служит мастеру, когда он ждет и работает, разделение исчезает, и он объединяется с мастером. Тело мастера и его собственное тело это уже не два отдельных тела. Ученик чувствует боль, недуги мастера. Он чувствует удовольствие, экстаз мастера. Его пронизывает присутствие гуру, он становится единым с мастером. Вы не сможете стать едины духовно, если не можете стать близким, единым с телом. Тело это основа.

Ученик служит мастеру и никогда не задает вопросы. Это чудесно! Он не говорит: «Научи меня тому и этому», потому что даже такие слова выдадут в нем недоверие мастеру. Когда наступит правильный момент, мастер сам скажет, чему-то научит. Если момент неблагоприятен, мастер просто ждет. Иногда они оба ждут годами. Прошло двадцать лет, а ученик все ждет. Он был молодым, а теперь он состарился, но он все еще ждет! Это ожидание, терпение создает ситуацию, в которой мастер и ученик уже не два, а единое целое. Когда они становятся едиными, можно выразить нечто невыразимое.

Витгенштейн сказал, что можно показать то, что невозможно сказать. Для рассказа не нужно терпение, но демонстрация требует большого терпения. Если я хочу сказать что-то вам, то могу сказать это прямо сейчас. Ваше терпение и готовность – все это ни к чему. Я могу сказать что-то, и вы услышите меня. Но если я хочу показать вам что-то, тогда вы должны подготовиться увидеть это. Я не могу показать, если вы не приобрели способность видеть.

По сути, мастер, не говорит, а пытается показать что-то. Если ученик осознан, тогда ему все становится ясно без лишних слов. Вещи и явления всегда ясны, но ум смущен, а такой ум все туманит. Ваш ум не может исказить мирские дела слишком сильно, потому что они объективны и не зависят от

вашего ума. Но духовная сфера субъективна, она сильно зависит от ваших взглядов. Но смущенный ум может и не понимать это и потому все разрушать.

В разрушительном настрое повинны наши накопленные знания. Ум знает и накапливает так много, что все это идет внутрь и все запутывает, старье смешивается с новизной.

То, что вы узнаете, не следует истолковывать. На все новое нужно смотреть новым умом. Если человек сможет отбросить знания и смотреть на жизнь прямо, непосредственно, тогда все предстанет перед ним в ясном свете. Существование невинно, чисто и свежо, все на свете кристально чисто, поэтому удивительно, как человеческому уму удалось все запутать. Смущение вызвано толкованиями, применением всего известного для понимания неизвестного.

Если мы сможем ясно осознавать всему новое, что случается с нами, если сможем стать восприимчивыми и сознательными, тогда жизнь войдет прямо в сердце. Моя речь может показаться вам нелогичной, но я прав. Ум никогда не понимает, только сердце понимает. Центр понимания всегда пребывает в сердце, никогда в уме. Сердце всегда чистое, свежее и девственное, оно никогда не обременяет себя прошлым. Но ум не бывает чистым, новым, он всегда старый. Это всегда прошлое, всегда мертвое – накопленный мертвый опыт. Когда работает ум, вы никогда не понимаете, поскольку вы ограничены. Но когда ум не работает, когда он безмятежен и безмолвен, полностью отключился, когда есть только осознанность, тогда возникает промежуток, и открывается дверь к сердцу.

Сердце понимает без всяких толкований, это понимание точное и непосредственное. Вы не просто понимаете, а вы знаете, что *это так*. Отключение ума я называю медитацией. Если вы можете смотреть на жизнь сердце, если можете устанавливать связь с существованием через сердце, значит вы медитируете. А если вы всегда живете умом, то никогда не будете медитировать.

Можно сказать, что сердце это способность к медитации, а ум – способность действовать против медитации, они оба не могут работать одновременно. Если работает ум, сердце не может работать, оно отключается, потому что в нем нет потребности, оно засыпает. Только когда ум не работает, может

проявиться сердце. Оно появляется, только когда ум не нужен, когда ум отключен. Когда сердце устанавливает связь с существованием, вы чувствуете экстаз, красоту. Все становится божественным. Мир и есть божественность, но вы узнаете об этом только в такой момент.

Когда сердце общается с миром, мир божественен, а когда ум общается с миром, мир материален. Ум не может знать ничего выше материи, а сердце не может знать ничего ниже духовного. Поэтому люди, ориентированные на сердце, говорят, что мир нереален, иллюзорен, что вокруг вас одна лишь майя, фестиваль огней. Они говорят так потому, что сердце не может спуститься ниже духовного, оно не знает материальную сферу. Материальный мир становится иллюзорным, нереальным, сном, как будто его и не было вовсе.

Люди, ориентированные на ум, отрицают духовную сферу. Они говорят что это грезы, выдумка, что ничего подобного нет. Для них существует только материя, но ничего духовного. Для них духовный мир это иллюзия, мечта, глупость. Ницше сказал: «Некоторые люди говорят, что Иисус был гением, мудрецом. Но я называю его глупцом». Для человека, смотрящего на существование через ум, все сердечное, кажется тупым и инфантильным.

Восток ориентирован на сердце, а Запад – на ум. Западный ум смог создать величайшую науку, а восточный ум ничего не добился в науке. Разве можно создавать науку из невинности? Это невозможно. Поэтому восточные люди живут без науки.

Но западные люди не могут понять медитацию. В лучшем случае они могут понять молитву, но дело не в ней. Вы можете молиться только умом, повторяя готовые формулы. Если нет ума, молящийся будет молчать. Вы не сможете молиться, у вас не будет слов. С сердцем вы можете лишь пребывать в молитвенном настроении.

На Западе люди не могут развить духовную науку, не могут развить медитацию. Они превращают медитацию либо в сосредоточение, либо в размышление (ни то, ни другое не верно), поэтому упускают суть. Сосредоточение это умственный процесс. Когда ум концентрируется, фокусируется на мыслительном процессе, возникает мышление. Сердце здесь не при чем.

Медитация это ни размышление, ни сосредоточение, а жизнь без мыслей, в состоянии не-ума. Это значит, что вы общаетесь с миром без вмешательства ума. Когда ум отсутствует, тогда нет препятствия между вами и существованием, между вами и божественностью, потому что сердце не может устанавливать границы. Ум создает границы и препятствия. Но благодаря сердцу существование становится безграничным. Вы нигде не заканчиваетесь, никто нигде не начинается. Вы пребываете повсюду, вы едины со всем сущим.

Сердце не может чувствовать двойственность, поскольку двойственность порождена умом. Ум разделяет, анализирует, он не может работать без разделения. Поэтому наука анализирует молекулы, атомы, электроны: дробит существование на все более мелкие части. Чем больше категорий, тем легче уму, потому что тогда для него существование становится более определенным, им можно манипулировать, его легче познать. Но чем больше существование, тем меньше в нем ясности, и ум все чаще ощущает благоговение. Миру нельзя дать определение, существование становится тайной.

Научный метод анализирует тайну, исследует явление и раскрывает тайну. Если целый мир можно проанализировать, тогда тайна не останется. Но тайна остается нераскрытой, потому что для разрешения загадки потребуется синтез.

Отбросьте все определения, разрушьте все границы, и все станет таинственным. Тогда вы едины с тайной, и все божественно. Есть только такое решение, только такой способ познать существование. Отбросьте научные определения, и проявится мир без определений, и границ. Вы увидите объединенный, органичный союз, кристаллизованное единство. Единство чувств и знаний я называю Богом.

Медитация – путь познания Бога. Ум это путь познания материи. Ум и медитация – прямые противоположности, разные измерения. Вы не можете пойти в двух направлениях. Вы можете достичь ума, но в этот момент сердце не работает. Вы можете достичь сердца, но в этот момент не будет работать ум. Вы можете идти обоими пути, но не одновременно, так как это полярные противоположности.

Без медитации все разумно и абсурдно, потому что бессмысленно. С медитацией все становится иррациональным и многозначительным. Когда жизнь становится многозначи-

тельной, она *есть*. Когда она не имеет значения, когда все разумно, но бессмысленно, тогда ее нет. Это все равно как смерть. Вот парадокс: умом вы можете понимать, но теряете смысл, а сердцем вы понять не можете, но знаете, чувствуете, осознаете смысл.

Умом все можно разложить по категориям и управлять, но так вы все разрушите, и тайна исчезнет. Если ум поймет все, тогда ничего не останется, кроме самоубийства, потому что никто не может жить без тайны. Чем больше в жизни тайн, тем выше ценность жизни.

Религия знает тайну, он не разрушает ее. Религиозный путь познания иной. Он ни логический, ни рациональный, а абсолютно свежий. Но уму приходится нелегко, потому что мы одержимы умом. Крошечная часть нашего бытия, ум, полностью завладел нами.

Жизнь не рациональна. В ее основе заложена иррациональность, и эта алогичность жизни и есть тайна. Если все становится для вас таинственным, значит вы прямо здесь и сейчас пребываете в божественности. Благодаря медитации тайна оживает, и вы снова общаетесь с таинственностью.

Медитация от сердца, а у сердца есть свои методы понимания, которые абсолютно отличаются от методов ума, рассудка. Я желаю всем вам все лучше узнавать сердце.

Отношения «мастер-ученик» это понимание сердца. На Востоке много секретных ключей, но даже одного ключа достаточно, потому что один единственный ключ может открыть многие тысячи замков. Отношения между мастером и учеником – один из таких ключей.

Глава 8

Бог это само существование

Существует ли Бог? Почему в мире так много зла и подлости, если Бог существует?

Бог это мифический персонаж, просто некий термин, придуманный жрецами. На самом деле, абсурдно спрашивать, существует ли Бог. Для тех, кто познал истину, Бог это само существование, иначе говоря существование и есть Бог.

Существуют вещи, а не Бог. Стул существует, потому что он может и не существовать. Имеет смысл сказать, что стул существует, потому что тогда он может и не быть.

Бог есть само существование. Когда мы говорим, что Бог существует, мы создаем что-то из слова «Бог», и тогда Бог становится вещью. Но Бог не вещь и не личность. Поэтому вы не можете спрашивать с него за что-либо. Ответственность появляется, когда есть личность, когда есть тот, кто может быть ответственным.

Бог это не личность, а чистое существование. Это слово вводит в заблуждение, потому что оно наделяет личностью. Лучше использовать слово «существование». Полнота существования – вот Бог.

Поэтому некорректно спрашивать, есть ли Бог. Это все равно как спросить, Существует ли существование. Такие вопросы абсурдны. Существование явно есть, здесь нет и вопроса. Если бы не было существования, тогда и вопроса такого не было бы, как и того, кто задает этот вопрос.

Я хочу, чтобы вы поняли, что, когда я говорю о Боге, то подразумеваю существование как таковое. Бог это не вещь среди других вещей, а все сущее. Сказать, что стол существует, значит сказать, что стол это Бог. Сказать, что вы существуете, значит сказать, что вы Бог. Бог это существование. Бог это бытие, качество бытия, качество существования.

Во-первых, Бог не вещь. Во-вторых, Бог не личность, потому что целое не может быть личностью. Личность предполагает отношения. В своем одиночестве вы вообще не будете личностью, а будете самим существованием. Поэтому люди, которые ищут божественность, стремятся к уединению. Так они смогут перестать быть личностями и объединятся с существованием. Одиночество, полное одиночество это первый шаг к скачку в бездну существования.

Бог не личность, потому что ему ничего не противоположно, от него ничего не отличается. Бог не может сказать «я», потому что нет другого, существующего как «ты». Он не может быть ни с кем связан. Это целое, поэтому все отношения существуют в нем, и не могут существовать вне него.

Итак, если Бог не личность, тогда нет и вопроса о какой-то ответственности. Если зло существует, значит так тому и

быть. Никто не ответственен за него. Целое не может быть ответственным за него.

Ответственность подразумевает наличие личности, которая несет ответственность. Маленький ребенок не может отвечать в суде, потому что он еще не личность, поэтому не может отвечать за то свои поступки. Он так невинен, что у него нет даже чувства личности, ощущения эго. Он не ответственен, потому что ответственность приходит вместе с эго. У существования вообще нет эго, у Бога эго нет, поэтому вы не можете винить Бога за существующее зло.

Но человеческий ум очень хитрый. Сначала мы создаем олицетворенного Бога, придаем Богу личность, а затем делаем его ответственным за все, что случится. Мы постоянно создаем трудности там, где их вообще нет, где есть лишь языковые заблуждения. Философия на девяносто девять процентов состоит из языковых заблуждений. Если вы обращаетесь к целому, к существованию, то не можете винить его, но если вы обращаетесь к Богу, тогда вы можете сделать его ответственным, достаточно только поменять слово.

Существование нелично, безлично. Но если Бог становится личностью, тогда вы можете спросить его: «Откуда зло?» Вы сами совершаете поступки, Бог здесь не при чем. Давая существованию имя, личное имя, вы создаете трудности. Это не настоящие трудности, а искусственные, надуманные.

Бог означает существование. Я не могу сказать, что Бог существует, потому что это будет тавтологией. Это все равно как сказать, что существование существует. Эта фраза ничего не значит, ничего не проясняет, не определяет, не выражает; а только повторяет.

Для меня Бог это существование, а существование безлично. Иначе и быть не может, потому что целое не может быть личным. Как ему быть? В противоположность кому быть индивидуальным, личным? В противоположность чьему эго можно создать свое эго?

Вы приобретаете эго, потому что существуют другие эго. Психологи говорят, что чувство эго развивается у ребенка позже остальных чувств. Сначала ребенок осознает других, а затем осознает себя. Эго возникает позже.

Вы не сможете осознавать себя без других. Без людей вы не сможете определить себя, ведь ваше самоопределение объяснено другим. Вас определяют люди, именно они очерчивают вас границами. Узнавая других, вы начинаете чувствовать собственные границы. Тогда вы говорите: «Я здесь, а там не я». Тогда вы говорите: «Это тело мое, а то тело не мое». Тогда вы четко определяете другие эго. Если бы не было других, вы никогда бы не осознали себя личностью.

Бог не может стать эго. Он не может сказать «я», потому что нет «ты»; он не может определить себя. Бог неопределим, потому что определение подразумевает создание границ, а у целого вообще нет границ. Всеобщее значит безграничное, неопределенное.

Мы не можем вообразить бесконечность. Что бы мы ни представили, ум будет придавать ей свойства конечности. Даже когда мы думаем о бесконечности, то представляем ее огромной конечностью, мы не можем представить безграничное существование, и все же оно именно такое. И не важно, хватит у вас фантазии или нет.

Ум не может представить неопределяемое, потому что требует определений, четко обозначенных границ. Поэтому Бог, существование, ум понять не может.

Бог неопределим. Мы пользуемся местоимением «он» для личности, поэтому придаем этому понятию род. Но «он» некорректно, потому что мы, называя Бога «он», делает его личностью. Но другого способа нет. Лучше называть Бога «оно», но мы обозначаем средним родом некие вещи, поэтому Бог тоже станет вещью. Наш язык не предназначен для выражения неопределимого, поэтому лучше всего использовать местоимение «он». Но Бог вообще не личность. Это безличность, отсутствие эго. Вы не можете ни в чем винить Бога.

Если вы считаете что-то плохим, то говорите о зле в пустоту. Вселенная не даст вам ответ, потому что существование не интересуется злом. Зло зависит от нашего отношения, от наших моральных устоев. Например, вы можете назвать кого-то уродливым, но в существовании нет уродства, потому что в нем нет красоты. Люди сами создают различные оценки, существование здесь не при чем. Вы создаете определения, одно называя красивым, а другое – уродливым. Вы создаете опре-

деления, а затем вы спрашиваете: «Почему Бог создал уродство?»

Невозможно определить, что хорошо, а что плохо. Если бы на земле не было людей, что тогда было бы хорошо или плохо? Не было бы ни добра, ни зла, потому что это человеческие определения, они от ума. Если бы на земле не было людей, тогда какие цветы были бы уродливыми и красивыми? В таком случае есть только распускающиеся цветы, но нет никаких определений.

Вы говорите: «Это плохо, а то хорошо». Но если бы мать Гитлера убила свое чадо в детстве, это было бы хорошо или плохо? Она стала бы преступницей, и ее бы наказали. Но сейчас, с оглядкой в прошлое, мы можем сказать, что такой поступок был бы глубоко добродетельным, так как она, убив своего ребенка, уберегла бы весь мир.

Никто не может знать будущее. Для нас каждое действие неполное, каждое действие – часть. Мы не знаем целое, поэтому не можем судить о нем.

Это все равно как вырвать страницу из рассказа – как вы можете судить обо всем рассказе, если прочли лишь одну страницу? Вы не знаете рассказ. Это только его фрагмент, без начала и конца. Вы скажете: «Я хочу прочесть весь рассказ, иначе ничего не смогу сказать о нем, одной страницы недостаточно».

Такие термины, как «хорошо» или «плохо» просто утилитарны, несущественны. Мы не можем существовать, не классифицируя явления как хорошие или плохие, потому что иначе будет невозможно существование общества.

Это нужно четко понять. Определения это не высшая, а относительная истина. Нет ни одного поступка, который нельзя было бы счесть добродетельным в определенном контексте. Хороший поступок может быть плохим в одном контексте, а плохой поступок – хорошим в другом контексте. Если вы выносите окончательное суждение, то должны знать все от начала до конца о целом существовании. Но это конечно, невозможно.

Все наши утверждения о добре и зле, красоте и уродстве это не что иное, как регулирование личного движения. Мы подчиняемся правилам, но это еще не высшая истина. Все равно, держаться левой стороны или правой. Но общество не

может принять оба варианта: вы придерживаетесь либо правой стороны, либо левой. Правила утилитарны, в них нет естественности и высшей истины.

Дороге абсолютно все равно, едете вы по правой стороне или по левой, но уличное движение требует определенных правил. Когда движения нет, вы можете и не вводить правила, но чем интенсивнее движение, тем больше правил необходимо вводить. В деревне правила не нужны, а в большом городе они необходимы.

Общество развивается в разных направлениях, поэтому требуется все больше четких определений, иначе невозможно будет жить. Но у всех этих правил, определений добра и зла, человеческая природа, они не от существования.

Когда вы спрашиваете, почему существует коррупция, если есть Бог, отвечу вам так: сам Бог не занимается коррупцией. У коррупции есть свои причины, но Бог за нее не ответственен. Если искать виновных, то лучше посмотреть на себя. Именно мы создали общество, в котором коррупция стала насущной необходимостью, потому что все наше общество основано как раз на коррупции.

До тех пор пока не поменяются основы общества, оно будет порождать коррупцию, так будет всегда. Ее формы будут меняться, но сама коррупция останется, потому что мы еще не создали общество, в котором коррупция невозможна.

Эту ситуацию создали мы, Бог не при чем. Мы создали такое положение вещей, как и этот стол, диван, дом. Вы не можете взвалить ответственность на Бога за этот дом, или за то, что эта комната маленькая, или за то, что это окно смотрит на запад, а не на восток. Вы никогда не спрашиваете Бога: «Почему ты построил это окно на восточной стене, а не на западной?» Такой вопрос глуп, ведь вы знаете, что это окно на восточной стене устроили люди. Бога никогда не спрашивают об таких вещах, он не повинен в таких делах.

Точно также вы можете спросить, отчего мир так коррумпирован, но не можете обвинить Бога. Почему существует коррупция – вопрос насущный. Но говорить, что Бог в ответе за нее, некорректно. Наше мы сами создали общество. Основание неправильное, фундамент всех структур нашего общества заложен не по науке, и такое положение вещей порождает коррупцию. Это человеческая трудность. Мы можем как

изменить ситуацию, так и оставить все, как есть, это зависит от нас.

Например, все наше образование пронизано честолюбием. Все наше общество амбициозно, а в таком обществе не может быть ничего, кроме коррупции. Вы взращиваете во всех гражданах честолюбие, но не каждый человек способен выдержать испытание. Вы можете сказать, что любой человек может стать президентом, но только один человек может быть президентом в период одного срока. Когда вы учите, что каждый может стать президентом, люди Распаляют свое честолюбие. Если любой человек может стать президентом, то почему не вы? Но только один человек может быть президентом, так начинается сумасшедшая гонка. В ход идут все средства, даже зло.

Честолюбие портит человека, его амбиции приводят к коррупции. Честолюбие похоже на умопомешательство. До сих пор все наше образование ориентировано на создание честолюбия. Отец велит стать таким-то, и вас начинает лихорадить, вы заболеваете. Только один человек станет президентом, а тысячи людей, которым не повезло, сгорают в своем честолюбии. Тогда вы не можете быть нормальным. Из-за огромного напряжения вы заболеваете. Вы постараетесь использовать все ради достижения цели.

Такое умонастроение легко передается людям. Если вы видите, что кто-то использует подкуп, то понимаете, что останетесь в гонке, если не будете использовать этот метод. Поэтому вы тоже прибегнете к грязному приему. Затем другой человек видит вашу недобросовестность и тоже поступает неблагородно. Коррупция становится вопросом выживания. Иначе просто не выжить в этой структуре. Если вы глубоко заглянете в корни общества, то увидите, что коррупция сама собой произрастает в наших условиях, в нашем образовании, в нашей культуре.

Структура нашего общества предполагает, что тот, кто достиг цели, может скрыть свою коррумпированность. Коррупция заметна, только когда кто-то терпит неудачу. Если вы достигли цели, никто не узнает, что вы коррумпированы, успех все скроет. Вы должны только преуспеть, тогда вы становитесь вершиной добродетели. Вы станете образцом добродетели, чистоты, невинности. Это значит, что вы можете дос-

тичь цели любым путем, который вам нравится, «цель оправдывает средства». Если вы добились результата, если преуспели, значит все ваши поступки добродетельны.

Так происходит на протяжении всей истории. Человек вор, только если он мелкий воришка. Если же перед вами крупный вор, тогда он превращается в Александра Македонского, национального героя. Никто не найдет между ними разительное отличие, у него лишь количественное выражение. Никто не назовет Александра Македонского великим вором, потому что людская добродетельность меряется успехом: чем больше успеха, тем лучше. Средства обсуждают, только если вы потерпели неудачу, вот тогда вас и назовут продажным и недальновидным.

Как же тогда создать не коррумпированное общество? Глупо просить человека соблюдать мораль в такой аморальной ситуации. Если он попытается соблюдать мораль, его нравственность лишь сделает его эгоистом. Его эго будет столь же аморальным, как и у других.

Такую ситуацию создали люди. Мы создали общество с безумной гонкой за богатством, властью, политикой. Мы сами поддерживаем миропорядок, а затем спрашиваем, почему все коррумпировано. Где честолюбие, там и коррупция, как логический вывод. Вы не сможете искоренить коррупцию до тех пор, пока существует главная структура, поддерживающая честолюбие.

Честолюбие проявляется у так называемых святых. Они разжигают честолюбие сравнениями «Стань лучше других. Если ты будешь добродетельным, то попадешь в рай, Бог возлюбит тебя, а другие будут мучиться в адском пламени». Яд честолюбия можно легко использовать, чтобы заставить человека быть добродетельным.

Но в действительности это не так. Человек может быть честолюбивым и плохим, это естественно, логично. Человек не может быть одновременно честолюбивым и хорошим, это невозможно. Если человек хочет быть добродетельным, тогда он не может думать в терминах сравнения, потому что настоящая доброта приходит, только когда нет сравнений.

Сравнение это препятствие, потому что сравнение создает эго, насилие. Когда вы говорите: «Я смиреннее тебя», то становитесь насильственным. Вы используете тонкий, лукавый

метод, который как нож вонзаете в другого человека, убивая его. Оружие смертельное, и намного более подлое, чем политическое или капиталистическое оружие. Если вы говорите: «Я лучше других. Я святее других», объект может быть различным, но вы пойдете на пути честолюбия. Не только преступники и грешники погрязли в коррупции, но и так называемые добродетельные люди, святые, также испорчены, но более лукавым образом.

Наше общество коррумпировано. Оно создает грешников с честолюбием и святых с честолюбием. Люди обеих категорий взаимозависимы, потому что и те, и другие существуют на одной оси: оси честолюбия. Человек, который понимает это, полностью уходит из общества. Он не будет ни грешником, ни святым, он не подойдет ни к какой категории, и вы не подберете к нему мерку. Вы не сможете понять, какой человек стоит перед вами. Нам нужно нечестолюбивое общество.

Бог здесь вообще не при чем, но если вы честолюбивы, тогда даже Бог станет целью ваших амбициозных планов. Вы будете преследовать его, будете пытаться достичь Бога.

Честолюбивый человек не способен достичь Бога. Такой человек никогда не расслабляется, никогда не любит, так как честолюбие это насилие. А напряженный человек, который никого не любит, не бывает безмолвным, не наполнен покоем, никогда не сможет познать Бога. А Бога нельзя понять умом, его можно лишь почувствовать.

Когда вы не напряжены, когда вы полностью расслаблены, никуда не устремлены, когда ваш ум спокоен и безмятежен, тогда вы познаете существование. Тогда вы узнаете красоту и блаженство существования. Эта красота не противоположна уродству, здесь нет противоположностей, сравнений. Скорее, все сущее становится прекрасным, само существование прекрасно. Тогда кактус тоже красив, как и роза. Тогда человек прекрасен, он несравним.

Затем вы впервые начинаете любить. Это не та любовь, которая противоположна ненависти, потому что любовь такого рода никогда не станет настоящей, ведь это просто ослабленная форма ненависти, теплая ненависть. Получается противоположное поле: любовь существует на одном поле, а ненависть – на другом, и вы постоянно качаетесь между ними. Ваша любовь указывает на отсутствие ненависти.

Возможно, вы спросите, как выйти из ненависти и любви. Вы можете быть выше двойственности любви и ненависти, только если вы не честолюбивы, не напряжены, расслаблены, никуда не бежите, ничего не ищите, когда вы просто пребываете здесь. Тогда вы постигаете Бога и одновременно любовь. Любовь это проявление безграничного бытия, как его тень, следствие.

Будда никогда не искал любовь, она сама пришла к нему. Иисус никогда не думал о любви, он жил ею. Поиск любви не может быть прямым. Вы словно ищете тонкий аромат, который вы можете ясно уловить. Любовь приходит в результате самореализации, понимания единства бытия, осознание Бога как во врагах, так и в друзьях.

Когда вы понимаете, что не отделены от существования, от всего сущего, когда вы осознаете себя частью мира, и не механической, а органичной частью (так кит органично соединен с океаном и един с ним все время, так моя рука органично едина со мной), тогда вы постигаете любовь.

Вы можете начать осознавать любовь, только когда вы не честолюбивы. Религиозен только нечестолюбивый ум. Не важно, какие у вас амбиции (богатство, власть, слава или даже свобода, Бог), если вы честолюбивы, значит что ваш ум устремился куда-то еще, бежит за кем-то. Он всегда устремлен куда-то, никогда не бывает здесь.

Честолюбие это напряжение, а напряжение мешает встретиться с божественностью. Когда вы встретитесь с ним, вас больше не будет, так как встреча очищает вас, полностью растворяет вас. Только тогда возникнет любовь. Смерть вашего эго есть рождение любви.

Обычно мы считаем любовь противоположностью ненависти. Но знающие люди скажут, что любовь это противоположность эго. По сути, ненависть и любовь это две стороны одной монеты.

Любовь приходит, когда вас нет, когда нет эго. Нет эго, нет и вас, и вы не честолюбивы. Миг без честолюбия и есть медитация. В такой момент вы ничего не ищите, ничему не молитесь, вы полностью удовлетворены тем, что вы представляете собой, ни с кем не сравниваете себя, и именно тогда вы касаетесь глубокого истока божественности. Вы не просто уста-

навливаете с ним связь, но вы тесно сближаетесь и объединяетесь с ним.

Затем расцветает любовь. Тогда вы не можете быть другим: вы можете быть только любящим. Тогда любовь не противоположна ненависти. Нет той любви, которую мы знали, и нет той ненависти, которую мы знали, они исчезли. Теперь у вас любовь совсем другого качества, в вас растет новое измерение любви.

Такая любовь – состояние ума, а не отношения. Она не связана с кем-то. Это не значит, что вы кого-то любите, просто вы и есть любовь. Другого, любимого нет, вы просто любите все, что встречаете. Вы есть любовь и живете в любви. Она становится вашим ароматом.

Аромат любви сохраняется, даже когда вы один, как цветок на уединенной тропе. По тропе никто не ходит, но цветок все равно излучает свой аромат. Никто не узнает о цветке, никто не насладится его благоуханием, но аромат продолжает неслышно распространяться по округе, потому что он не предназначен ни для кого конкретно. Аромат лучится, потому что это выражение сокровенной сути цветка. Цветок пронизан блаженством, аромат – часть его природы. Он не силится распространять аромат, сладкий запах излучается сам.

Когда нет эго, любовь приходит как аромат, как цветение вашего сердца. Затем она распространяется. Она никому не адресована. Когда любовь не предназначена ни для кого конкретно, она становится молитвой. Если же она адресована, то вырождается в секс. Когда она ни на что не направлена, она поднимается в молитву.

Бог, любовь или смерть это не трудности, которые нужно разрешить, а опыт, который нужно прожить. Это не вопросы, на которые нужно ответить, а поиск, который либо завершен, либо не завершен. Бог вообще не может быть вопросом. Если вы задаете о Боге вопросы, они все равно будут поверхностными. А ответы даже более поверхностны, потому что на поверхностный вопрос можно дать только еще более поверхностный ответ.

Бог это поиск существования. Это исследование, а не вопрос. Поэтому нет готовых ответов на вопрос: «Существует ли Бог?» Человек, который дает готовые ответы, вообще ничего не знает. Нельзя сказать, что Бог существует. Нельзя ска-

зять, что Бог не существует. Оба ответа неуместны, так как дело не в ответе.

Теологи каждой религии проводят поверхностную работу, потому что они стали просто экспертами, снабжающими вас готовыми ответами; вы задаете вопрос и получаете ответ. Но они тонким образом вредят духовности. На подобные вопросы нельзя так отвечать. Невозможно спросить: «Что есть любовь?» Не следует задавать этот вопрос! И если вам отвечают, значит вы оба оказываетесь в одной ситуации. Мы жаждем ответов, потому что пытаемся избежать страданий, которые влечет за собой любовь, жизнь, существование, Бог. Мы хотим знать ответ, чтобы не страдать. Но страдание это рождение, через страдание приходит экстаз. Вы проходите через темную ночь души к рассвету. Некорректно спрашивать, что такое рассвет. Вы проходите через темную ночь для того, чтобы узнать это.

Бог это поиск, а не вопрос, поиск не может быть ответом. Его нужно прожить, вы должны погрузиться глубоко в него. Вы должны решительно прыгнуть в это явление. Вам страшно броситься в неизвестную, неизведанную сферу бытия.

Вы боитесь, поэтому сидите на берегу и задаете вопросы. Разумеется, всегда найдутся люди, которые с удовольствием ответят вам. Отвечая кому-то, вы тешите свое эго, ведь вы знаете, а другие не знают. Прочие люди невежественны, а вы эрудированны. Затем эта обоюдная чушь продолжается: один спрашивает, а другой отвечает. Оба невежественны, потому что вопрос нельзя решить на берегу. Человек погружается в неизведанные глубины. Вы не сможете пойти в неизвестное при наличии готовых ответов.

Готовые ответы мешают неведомому. Человек идет в неизвестное в риск, ничего не зная. Это необходимо, здесь ничего нельзя не подделаешь. Прыжок в неизвестное приводит к истине, к экстазу. Когда вы приходите к своей внутренней божественности, тогда не просто звучит ответ, а случается преображение: вы объединяетесь с божественностью.

Вы никогда не станете едины ни с одним ответом, поскольку ответ всегда сам по себе в памяти. Вы можете продолжать собирать ответы и складывать их в голове. У вас будет много ответов, а вопрос останется тем же самым, он все еще не разрешен.

На вопрос нельзя ответить так. На него можно ответить только преображением. Когда вы непосредственно встречаетесь с божественностью, когда она предстает перед вами, и вы не препятствуете ей, тогда вы встречаетесь с огнем и преображаетесь. Вы объединяетесь с божественным пламенем: вы и пламя нераздельны. И вы уже никогда не спросите «Что есть Бог?», потому что вы нераздельны.

Поэтому тот, кто знает, хранит молчание. Он разговаривает, но не дает ответы на вопросы, вообще не делает никаких утверждений. Он указывает определенное направление, но это не утверждение, а просто жест. Из-за ограниченности слов, языка, человеческого ума, можно только указывать в каком-то направлении.

Бог это живая встреча, а не вопрос. Через Бога приходит любовь. Но Бога можно познать только без честолюбия. Если вы откажетесь от своих амбиций, то познаете его. Не считайте, что вы отстали, потому что сзади никого нет. Не считайте, что вы опередили всех, потому что спереди никого нет. Ни с кем не сравнивайте себя. Вы уникальны. На вас никто не похож. Будьте тем, кто вы есть.

Это не значит, что следует оставаться пассивным. Будьте активны, но только сами по себе, а не в сравнении с другими. Цветите сами, ни с кем не сравнивая себя. Когда у вас такое отношение, когда ваш ум безмятежен, что-то божественное нисходит на вас, вы получаете проблеск просветления.

Когда вы узнаете блаженство таких проблесков, то поймете несуразность, абсурдность и абсолютную тщету честолюбия. Тогда ум остановится сам. Он станет безмятежным, безмолвным, нечестолюбивым. В этот миг покоя вы можете совершить скачок. В этом скачке вы постигаете Бога, познаете любовь, ведь любовь следует тенью.

Глава 9

Неизвестная жизнь Иисуса

Был ли Иисус полностью просветленным?

Да, он был полностью просветленным. Но Иисус он жил среди людей, которые не имели никакого понятия о просвет-

лении, поэтому он говорил на таком простом языке, что у некоторых создается впечатление, будто он не был полностью просветленным. Он использовал язык, адекватный времени и месту, и у него не было другой возможности, ведь только такой язык был понятен людям. Языки разные. Когда говорит Будда, он пользуется совсем другим языком. Он не может сказать: «Я божий сын», потому что говорить о сыне или Боге бессмысленно. Но Иисус не мог воспользоваться другим языком, ведь он разговаривал людьми другого типа. И все же во многих моментах Иисус очень близок Будде.

Христиане не знают, где жил Иисус до тридцати лет. Исключая два случая (момента рождения и в семилетнем возрасте), нам известно только три года его служения, а остальной период неизвестен. Но в индийском штате Кашмир сохранилось много традиций и историй, которые свидетельствуют о том, что Иисус несколько лет медитировал в буддийском монастыре.

Когда ему исполнилось тридцать лет, он вдруг появился в Иерусалиме. Потом его распяли, и еще у нас есть сведения о его воскрешении. Но где он скрывался после воскрешения? Христиане не говорят об этом. Где он был? Когда он умер естественной смертью?

Мигель Серрано в книге «Райский змий» пишет: «Никто не знает, чем занимался Иисус, где он жил до тридцати лет, когда он начал проповедовать. Согласно одной легенде, он жил в Кашмире.

Об этом также докладывал русский путешественник Николай Нотович, который приезжал в Индию в 1887 году, посещал Ладакх в Тибете, где он заболел и остановился в знаменитой Гемис Гумпе. Пока он жил в Гумпе, он прочел несколько томов буддийских писаний, где он нашел обширные упоминания об Иисусе, его учении и о посещении им Ладакха. Позднее Нотович опубликовал книгу «Жизнь святого Иисуса», в которой он рассказал все, что узнал о посещении Иисусом Ладакха и других стран Востока.

Он написал, что из Ладакха после путешествия через высокие горы, длинные снежные тропы и ледники Иисус пришел в Пахалгам, что в Кашмире. Он жил там долго как пастух, присматривал за скотом. Здесь он нашел следы потерянного племени Израиля.

Эта деревня называлась Пахалгам, деревня пастухов. «Пахал» на кашмирском языке означает пастух, а «гам» – деревня. Позже, на пути в Шринагар, Иисус отдыхал и проповедовал в Ишкумане. Когда Иисусу исполнилось тридцать лет, неожиданно он оказался в Иерусалиме, затем последовало распятие и история воскрешения.

Когда Иисус висел на кресте, солдат нанес ему копьем раны, и из них сочилась кровь. Этот случай записан в Евангелии Иоанна: «Но один солдат проткнул его бок, и из раны тотчас же хлынула кровь». Значит, Иисус был жив на кресте, потому что кровь не течет из мертвого тела.

Но Иисус должен умереть. Либо распятие закончено и он умер, либо умрет христианство. А христианство зависит от чуда воскрешения. Священники проповедуют, что Иисус был распят и воскрес. Иисус воскрес, иначе и быть не могло. Если бы это не было так, тогда иудеи не поверили бы в то, что он пророк.

Они ждали это событие, и оно произошло. Через три дня его тело исчезло из пещеры, где его видели не меньше восьми человек. Иисус исчез. Христиане не могут ничего сказать о том, куда он ушел после воскрешения, о его дальнейшей жизни ничего не записано.

Иисус снова приехал в Кашмир и жил в этом штате до самой смерти. Известен город, точное место, где он жил.

Иисус жил в Кашмире под другим именем?

Нет, не под другим именем. Западные люди называют его Иисусом, а весь арабский мир называет его Иса. В Кашмире он его звали Юса-Асафом. На его могиле висит табличка с именем Юсы-Асафа, который пришел издалека и жил здесь. На могиле указано, что он пришел 1900 лет назад.

Мигель Серрано, автор книги «Змий рая» пишет: «Вечером я впервые пришел к могиле, и свет заходящего солнца на лицах мужчин и детей на улице выглядел почти священным. Они казались мне древними людьми. Возможно, они были членами одного из потерянных племен Израиля, которое иммигрировало в Индию. Сняв обувь, я вошел в склеп и нашел очень старую могилу, окруженную оградой из изящных камней, которая защищала ее, с одной стороны на камне был от-

печаток ноги. Говорят, что это отпечаток ноги Юсы-Асафа, а согласно легенде, Юса-Асаф это Иисус.

«На стене, построенной руками, я увидел надпись, которая в переводе с языка шарда гласит: Юса-Асаф (Ханья, Шринагар)».

Иисус был в полной мере просветленным. С точки зрения христианских догматиков, явление воскрешения кажется невероятным, но йоги так не считают. Йоги верят (и тому достаточно доказательств), что человек может полностью умереть без смерти. Сердце останавливается, пульс останавливается, дыхание прекращается. В йоге даже есть методы обучения таким вещам. В Индии знают, что Иисус практиковал некоторые глубокие упражнения йоги, когда он был на кресте, потому что, если тело действительно умерло, тогда оно не может воскреснуть.

Когда люди, распявшие Иисуса, решили, что он умер, его тело сняли с креста и отдали его последователям. Затем его тело обернули тонким муслином и смазали благовониями, которые до сих пор называются *мазью Иисуса*. Два последователя Иисуса, Иосиф и Никодим, перенесли его тело в пещеру, вход в которую закрыли огромным камнем.

У религиозной общины ессеев есть свой рассказ об Иисусе. В нем говорится, что ессеи помогли Иисусу выздороветь от ран. Увидев снова Иисуса, его последователи не могли поверить, что перед ними стоит прежний Иисус, которого распяли. Библия повествует о том, что он показал им залеченные раны. Его вылечили ессеи за три дня, когда Иисус лежал в пещере. Затем, когда раны были залечены, он исчез. Огромный камень возле входа в пещеру откатали в сторону, и пришедшие люди увидели, что пещера пуста. Иисуса там не было! Случай исчезновения Иисуса из пещеры вдохновило его последователей на создание теории о его воскрешении и вознесении на небо.

Но после того как Иисус показался своим ученикам, он исчез из страны, потому что, если бы он остался, его бы снова распяли. Иисус пришел в Индию, куда, как говорят предания, ушло одно из еврейских племен.

Знаменитый французский историк Бернье, который посещал Индию во время царствования Орангзеба, писал: «Мы

въехали в царство, и жители приграничных деревень поразили меня своим сходством с евреями».

Да, лица кашмирцев действительно похожи на евреев. В штате Кашмир вы чувствуете, что находитесь в еврейской стране. Поэтому Иисус пришел в Кашмир, ведь это была еврейская территория в Индии, там жило племя евреев. В Кашмире много легенд об Иисусе, но одна из них стала настоящим открытием.

Распятие полностью изменило Иисуса. Потом он жил в Индии семьдесят лет, в полном молчании – в неизвестности, скрываясь. Он не был пророком, священником, проповедником, поэтому лишь немногие знали о нем.

Христианам повезло больше. Даже с Иисусом им повезло больше. Мы ничего не знаем об этом человеке. Нам не известно, как Иисус практиковал, как он медитировал. Христианские апостолы, которые записывали его слова, были невежественными людьми, они мало понимали. Один был рыбаком, другой плотником. Все двенадцать апостолов были невежественными.

Апостолы не понимали, что делал Иисус, когда он ушел в горы и молчал сорок дней. Они только записали, что он удалился в горы, затем вернулся и он начал проповедовать. Но что он делал там? Об этом ничего не известно.

После периода молчания Иисус стал все чаще участвовать в мероприятиях, которые я назвал бы общественно-политической деятельностью, а не духовными наставлениями. Иначе и быть не могло, потому что окружавшие его люди не были философами, поэтому все, что он говорил, они понимали неправильно. Когда Иисус говорил: «Я царь евреев», он говорил не о мирском царстве, он прибегал к метафоре. Не только враги не понимали его, даже его последователи и апостолы не понимали. Они также начинали думать в терминах земного царства. Они не понимали, что Иисус подразумевает иной мир, что он применяет символы. Они тоже думали, что Иисус собирается стать царем.

Из-за этого непонимания Иисус попал в беду. В другой стране Иисуса, возможно, и не распяли бы, но для евреев он стал настоящей головной болью. Евреи очень материалистичные люди. Они были материалистами во времена Иисуса поныне такими остаются. Для евреев мир иной ничего не зна-

чит, они интересуются только этим миром. Даже если они говорят о другом мире, то считают его лишь продолжением этого мира... Не чем-то качественно ином, а именно продолжением. У них другой образ мысли.

Поэтому евреи так много сделали для науки. Это не случайно. Человек, с подачи которого весь мир начал думать в терминах материализма, был евреем, его звали Карл Маркс.

Маркс, Фрейд, Эйнштейн – эти три еврея создали двадцатый век. Три еврея построили целый мир! Почему? Сегодня в мире все люди находятся под влиянием еврейского мироощущения.

Евреи очень земные люди, они укоренены в земле, поэтому, когда Христос начал говорить как Будда, они оттолкнули его, общения не получилось. Евреи не понимали Иисуса.

Пилат больше лучше понял Иисуса, чем его собственный народ. Он чувствовал, что этого невинного человека хотят распят ни за что, и пытался помочь ему. Но ему пришлось считаться с политиками.

Даже когда евреи решили распять Иисуса, в последний момент Пилат задал ему вопрос: «Что есть истина?»

Иисус ответил молчанием. Он ответил в буддийском стиле. Только Будда хранил молчание, полное молчание. И Иисус молчал. Евреи сочли, что он не знает ответ. По их мнению, он должен был сказать, если знал ответ. Но я всегда чувствовал, что Пилат понял Иисуса. Он был римлянином, он должен был понять его. Но Пилат ушел в тень, он переложил на священников ответственность и просто исчез, так как не хотел быть вовлеченным в убийство.

Все эти события произошли из-за того, что люди говорили на двух языках. Конечно, Иисус говорил о другом мире, понятиями этого мира, а евреи буквально понимали каждое его слово.

Ничего подобного не могло быть в Индии, где существуют долгие традиции притч и символов. В Индии возможно противоположное непонимание, потому что традиции очень древние, и можно было решить, что человек, который говорит об этой земле, имеет в виду мир иной. В Индии некоторые поэты говорили о романтике, любви и сексе этого мира, исключительно этого мира, но их последователи толковали их стихи как символы другого мира. Даже если вы говорите о

вине и женщинах, они думают, что вино это экстаз, а женщины – боги. Вот как бывает!

Евреи все понимают буквально. Удивительно, что они остались прежними. Это странный народ, их мироощущение отличается подходов остальных народов. Поэтому они никогда и нигде не приходится ко двору. Иначе и быть не может, потому что у них другой тип ума. Трудно понять еврейский менталитет. Их община закрыта. И чем активнее евреев преследовали, тем плотнее они закрывались.

Отличительная черта евреев заключается в том, что они думают в терминах материи. Даже Бог у них кажется частью материального мира. Поэтому они не могли понять Иисуса. Например, евреи говорят, что, если кто-то ударил вас, вы должны ударить его в два раза сильнее. Таково поведение материалиста. Реакция! По их мнению, если кто-то лишил вас глаза, вы должны лишить его обоих глаз.

Иисус начал говорить абсолютно противоположные вещи: если кто-то ударил вас по одной щеке, подставьте ему другую. Это абсолютный буддизм. Невозможно вообразить, что евреи молча согласятся с таким подходом. У них не было подобных традиций.

Ничего не происходит без причины. Иисус не был похож на остальных евреев. Он пришел неожиданно, но он не имел корней в прошлой истории евреев. Он не мог установить с ними связь, потому что он не имел с ними ничего общего. Сравнивать любовь Иисуса и еврейского Бога бессмысленно.

Вы не можете представить более ревнивого, более напряженного и гневливого Бога, чем еврейский Бог. Он может разрушить целый город, если кто-то хотя бы раз ослушается его. И вдруг появляется Иисус и говорит: «Бог есть любовь». Для того чтобы люди смогли воспринять такой тезис, традиция должна существенно измениться.

Когда Будда говорил о сострадании, люди понимали его. В Индии веками говорили о сострадании, и Будда стал частью традиции. Но Иисус не был частью еврейской традиции, поэтому его распяли.

В Индии не убили ни одного Будду, потому что, каким бы мятежным он ни был, он все равно принадлежал традиции. Несмотря на свой мятежный дух, он соглашался с высокими идеалами. Его порой даже считали более правильным индий-

цем, чем остальные члены индийского общества, потому что он мог проповедовать самые чистые идеалы страны.

Но Иисус был абсолютно чужим в Иерусалиме; он пользовался словами и символами, языком, которые евреи не знали. Он не мог избежать распятия, оно было неизбежно. Я вижу, что Иисус погружался в глубокую медитацию, достиг просветления, но он занялся политикой, которая далека от религии, философии.

Евреи не дали миру великих философов. Они дали великих ученых, но не великих философов. Честолюбивый ум работает в другом режиме. Иисус был чужаком, посторонним. Он начал приносить неприятности, ему приходилось хранить молчание.

Затем он убежал, и никогда уже не пытался снова учить народ. Он жил в тишине, в маленькой группе. Иисус работал молча, тайно. И я чувствую, что он все еще скрывался, продолжая эзотерическую традицию. Если человек забудет христианство и возвратится, чтобы открыть Иисуса без христианства, то он обогатится. Христианство сейчас стало препятствием.

Вы думаете об Иисусе и понимаете, что христианское толкование Иисуса формально. Когда двадцать лет назад нашли древние свитки у Мертвого моря, они вызвали большой переполох. Свитки, которыми первоначально владели ессеи, более такие же подлинные, как и Библия. Но христиане не могут пойти на компромисс. Свитки Мертвого моря говорят о совершенно других вещах, излагают совсем другую историю евреев. Даже Коран говорит по-другому. Наверно, Магомет тоже общался со многими еврейскими мистиками.

Так всегда бывает: когда я говорю что-то, то создаю вокруг себя две группы людей. Одна группа будет эзотерической, общедоступной. Эти люди будут что-то организовывать, совершать много поступков, связанных с обществом, с окружающим миром, они помогут сохранить то, что я говорил. Другая группа будет более заинтересована во внутреннем мире. Рано или поздно между группами возникнет противоборство, потому что их эмоциональность различна. Внутренняя группа, с эзотерическим умом, заинтересована не в том, что и эзотерическая группа, и в конечном итоге внешняя группа победит, потому что эти люди могут работать в общине. Эзо-

терики не могут работать в общине, они работают индивидуально. Если утрачен один человек, значит мы навсегда что-то потеряли.

Так бывает с каждым учителем. Со временем внешняя группа становится все более влиятельной, она становится костяком. Первым делом истеблишмент убивает свою эзотерическую часть, потому что эзотерическая группа всем докучает. Из-за «ереси» христиане разрушили все эзотерическое.

И теперь папа римский находится на противоположном крае от Иисуса, произошел окончательный раскол между экзотериками и эзотериками. Папа римский больше похож на священников, которые распяли Иисуса, чем на самого Иисуса. Если Иисус вернется, в наше время его распнут уже в Риме, в Ватикане. Ватикан это экзотерики, организационная часть, истеблишмент.

Такие трудности присущи религии, и здесь ничего не поделаешь. Да, Иисус был просветленным, как и Будда, Махавира, Кришна.

В Библии записано много чудес. Например, оживление Иисусом мертвого Лазаря, когда его тело уже смердело. Разве можно оживить мертвого человека?

Можно, но в духовном, а не материальном смысле. Если мозг человека погиб, вы уже ничего не сможете сделать. Но иногда человек просто впадает в кому ...

Но в Библии написано, что тело Лазаря уже дурно пахло.

Может быть, оно смердело. Человек может пребывать в глубокой коме, и его тело уже начинает дурно пахнуть. Возможны и другие случаи, но евреи в то время мало понимали.

Например, душа может выйти из тела, но сохранять с ним связь. Тело находится в глубокой коме, и его нужно сохранять, иначе оно начнет портиться. Нужно приложить большие усилия для того, чтобы вернуть парящую в тело. Но человека можно оживить, Иисус вполне мог помочь человеку выйти из комы.

В Индии было немало подобных случаев...

Может быть, вы уже слышали историю о жарком споре между Шанкарой и Мишрой, великим индийским учителем дуализма.

Он пришел спорить, потому что дискуссии были традиционны в Индии. Люди устраивали не полемику, а дружескую беседу. Когда кто-то убеждал оппонента, тот становился его учеником. Дискуссии устраивали с таким условием. Шанкара шел от одной деревни к другой через всю Индию, чтобы дискутировать с Мандан Мишрой. Но возникла одна трудность: кто будет судьей? Они оба были авторитетами: один поддерживал идею двойственности, а другой – недвойственности. Кто будет председательствовать на дебатах? У них не было достойного председателя. Кто сможет понять, что они говорят? Кто узнает, что один из них победил, а другой проиграл?

Только одна кандидатура подходила для этой цели – жена Мандан Мишры. То, что женщине позволили председательствовать на таком споре, большая редкость. Другой альтернативы не было, и жена Мандан Мишры стала судьей.

В итоге Мандан Мишра проиграл. Но его жена объявила, что хотя он и проиграл, то только наполовину, потому что она была его второй половиной. «Шанкара! – воскликнула она. – Теперь тебе придется дискутировать со мной». Это был трюк! Шанкара оказался в большом затруднении. Людям объявили, что Мандан Мишра проиграл только наполовину, потому что в Индии считают, что муж это только половина личности, его жена – вторая половина, и эти две половины образуют единое целое. Поэтому Мандан Мишра проиграл только наполовину, ведь осталась еще другая половина.

«Теперь Мандан Мишра будет председательствовать, а я буду спорить с тобой», – сказала женщина. Она оказалась редкой женщиной, так как начала обсуждать секс!

Шанкара оказался в неудобном положении. Он соблюдал целибат, поэтому чувствовал, что проиграет. Он ничего не знал о сексе, для него это была неизвестная область. Таким был ее трюк, и шанкара попался, поэтому он сказал: «Сначала дай мне полгода, чтобы я мог подготовиться. Только тогда я приду дискутировать с тобой, иначе я сразу проиграю». Ему дали шесть месяцев.

Затем появилась еще одна трудность, эта притча прекрасна. Део в том, что Шанкара дал обет целибата на всю жизнь, поэтому он не мог использовать свое тело для экспериментов с сексом. Поэтому он покинул свое тело, и вошел в другое. Тем временем его тело непрерывно сохраняли ученики, пото-

му что, если бы что-то случилось с телом, Шанкара не смог бы снова войти в него. Шесть месяцев группа из двенадцати учеников сохраняла постоянную бдительность. Они постоянно оставались с телом.

В это время в соседней стране умер царь. Когда Шанкара вошел в его тело, король был уже мертв. Затем мертвое тело ожило, и Шанкара жил в теле шесть месяцев, активно экспериментируя в сексе. Жена царя поняла, что дело не чисто, но что она могла сделать? Личность была другой, но тело было прежним. Через шесть месяцев Шанкара вернулся в собственное тело и продолжил дискуссию. В результате Бхарати, жена Мандан Мишры, проиграла.

Это только одна возможность. Может быть, Иисус помог оживить Лазаря, который еще не умер, а только казался мертвым. Христиане не так уж и много знают. Лазарь мог находиться в глубокой коме, и его тело, возможно, действительно начало портиться. Кома может продолжаться годами. Я видел женщину, которая находилась в коме девять месяцев. Если бы никто не ухаживал за ее телом, она быстро умерла бы. Но за ней присматривали. Она просто лежала как мертвая. Эта женщина не могла ничего делать. Как-то раз люди были заняты и не обращали на нее внимание целую неделю, и тогда она начала дурно пахнуть.

Итак, Иисус мог помочь тому, кто находился в коме, чья душа по каким-то причинам покинула тело. Мертвец не может ожить. Если он ожил, значит на самом деле он просто был в коме. По моему мнению, чудес не бывает. Что-то может показаться нам чудом, потому что мы не знаем всей предыстории, много остается за рамками нашего восприятия.

А как же другие чудеса, описанные в Библии? Например, как-то раз Иисус накормил тысячи людей двумя лепешками хлеба и пятью рыбинами. Не могли бы вы объяснить нам этот отрывок?

На свете случаются самые разные события, но чудес не бывает. Даже материализация – не чудо, а наука. Материализация возможна, как и другие явления. Что-то может перейти сюда неизвестно откуда. Что-то внезапно оказывается здесь, и вы не понимаете, каким образом. Это никакая не материализация. Швейцарские часы можно принести сюда из магазина.

Вам кажется, что это сделали духи, но духов вы не видите, вы замечаете только часы. Но это никакая не материализация. Просто швейцарские часы тайно принесли сюда фокусник. Но материализация тоже возможна: что-то из ничего...

Неужели это и в самом деле возможно?

Когда вы спрашиваете, как это возможно, на ваше «как» трудно ответить. Нужно практиковать очень долго для того, чтобы научиться делать такие вещи.

Вы можете дать пример практики?

Чем лучше ум сосредоточивается, тем ближе вы к точке, в которой осуществляется материализация. Если вы можете концентрироваться абсолютно, материализация произойдет. Но с нынешним умом ты не можешь сконцентрироваться даже на один миг. Если вы сможете сконцентрироваться на чем-то на один миг, сфокусировать ум полностью даже на одну секунду, тогда вы можете просто пожелать, чтобы что-то появилось, и это появится.

Но сначала попытайтесь экспериментировать с чем-то очень простым. Например, вы можете взять стакан, полный воды, и капнуть немного глицерина или масла на поверхность воды. Затем поместите очень тонкую иголку на эту каплю глицерина или масла. Теперь сконцентрируйтесь на иголке. Концентрируйтесь! Не моргая, фокусируйтесь на иголке в течение двух минут. После двухминутной концентрации прикажите иголке двигаться направо. Через семь дней практики вы научитесь двигать иголку мыслью.

Когда иголка будет выполнять приказы вашего ума, вы сможете учиться материализовать что-то. Это долгий процесс, но теперь вы, по крайней мере, понимаете, что ум властен над материей. Когда вы ощущаете силу, когда вы умеете в полной мере концентрироваться, материализация становится возможной. Затем нужно только желание, вот и все. Если ум четко сконцентрируется на том, чтобы появилась роза, она непременно появится.

Поэтому индийцы говорят, что весь мир это просто сон божественного ума. Бог видит что-то во сне, и это появляется. Когда он проснется, все исчезнет.

А вы умеете материализовывать вещи?

Я одновременно способен материализовывать вещи и не способен, потому что я понимаю, насколько глупое это занятие. Вторая способность лучше. Будде не нужно было ничего материализовывать, а Иисус прибегал к этому методу. Здесь мы видим прежнюю причину: евреи могли поверить только чему-то материальному. Их нельзя было убедить без чуда.

В Индии люди могут слушать Будду, который не совершал никаких чудес. Но евреи начнут спрашивать: «Ты можешь делать чудеса? Только если ты сотворишь чудо, мы поверим тебе». Иисус не хотел творить чудеса, просто евреи принудили его к тому. Иисус полагал, что без чудес его проповеди будут звучать бессмысленно.

Мы не можем даже представить, что Будда творит чудеса, ведь это низкое состояние ума. Зачем убеждать кого-то в чем-то? Откуда эта тяга к чудесам? Иногда чудеса происходили вокруг Будды, но не намеренно. Чудо случается в подходящей ситуации.

Это можно понимать по-разному. Все чудеса, записанные в Библии (появление хлебов, исчезновение болезней, воскрешение мертвеца), материальные, самые обыкновенные. Они относятся к каждодневным трудностям обычных людей: хлеб, болезни, смерть.

Будда говорил, что вся жизнь – сон. Что изменится, если кто-то оживет? Все это тщета. Просто некий сон снова начал грезиться.

Будда остановился в некой деревне. В тот день там умер маленький ребенок. Его мать кричала и плакала. Она так глубоко страдала, что пыталась наложить на себя руки. Кто-то посоветовал ей: «Иди к Будде. Он может что-нибудь сделать. Будда просветлен, он может помочь тебе. Будда сострадательен. Если он почувствует сострадание к тебе, твой ребенок оживет».

Женщина пришла к Будде и положила ребенка к его ногам. Что сделал бы Иисус в подобной ситуации в Иудее? Если бы ребенок не ожил, от Иисуса все отвернулись бы, потому что такой поворот событий показывал евреям, что Иисус не тот, за кого себя выдает.

Но когда женщина принесла к Будде сына, он сказал ей: «Я возвращаю его к жизни, но сначала сделай то, что я велю. Сту-

пай по домам в этом селении. Ты должна найди дом, в котором никто никогда не умирал. Если ты найдешь здесь дом, в котором никто никогда не умирал, тогда вечером я оживлю твоего сына».

Женщина пошла по домам и начала расспрашивать жителей. В каждом доме, в каждой семье, кто-нибудь когда-нибудь умер. Когда вечером она шла обратно к Будде, то уже ясно понимала, что смерть это реальность, часть жизни.

Будда спросил ее: «Что скажешь? Есть здесь дом, семья или человек, который никогда не переживал смерть близкого человека?»

Женщина ответила: «Я вернулась не для того, чтобы ты оживил моего ребенка. Я пришла просить посвящение. Смерть это реальность. Мой ребенок умер, и я умру, как и каждый человек. Посвяти меня в жизнь, которая никогда не кончается».

Вот великое чудо! Но мы не считаем это событие чудом. Если бы ребенок ожил, для нас именно это было бы чудом. Но это более великое чудо, образец великого сострадания. Такое чудо происходит с народом определенного типа, в ином случае ничего не выйдет. Эта женщина стала саньясинкой. Смерть ребенка привела к усилению жажды жизни, а к отречению.

Когда ученики Будды были голодны, они не ждали чудо, благодаря которому на них посыплется хлеба. Будда давал противоположную установку: «Свидетельствуйте свой голод. Созерцая голод, вы сможете превзойти его. Голод это не вы, он находится на поверхности. Используйте этот метод». Иисус дал людям еще хлеб, а Будда уговорил своих последователей поститься. Если вы дали кому-то хлеб, то еще не совершили чудо. Но настоящее чудо заключается в том, чтобы уговорить человека поститься.

Все зависит оттого, как мы определяем явления. Я не интересуюсь чудесами, потому что все они бессмысленны. Вся эта наша жизнь абсурдна, поэтому, даже если вы можете создавать что-то, это все равно чепуха. Я интересуюсь только одним чудом, которое поднимает вас. Даже проблеск истины будет чудом.

По моему мнению, Иисус не хотел делать ничего подобного для того, чтобы лучше служить людям. Творя чудеса, Ии-

сус привлекал болванов. Массы начали интересоваться Иисусом только из-за его так называемых чудес. Он пытался помочь им своими чудесами, но это было невозможно – напротив, он сделал хуже себе самому.

Я не думаю, что Христос мог помочь кому-то таким способом. Если бы я материализовал что-нибудь, тогда болваны всего мира примчались бы сюда. Вскоре я был бы окружен кретинами, потому что только они интересуются подобными вещами.

Если вы поедете к Сатье Саи Бабе, то увидите, что он творит подобные «чудеса». Но так он привлекает лишь болванов. Если в моей руке оказалось кольцо, что с того? Какое отношение это событие имеет к духовности? Даже если весь этот дом исчезнет, а затем появится вновь, что с того? Поэтому я не интересуюсь чудесами. Они привлекают только тупиц.

На фоне Будды Иисус кажется очень деятельным и революционным. Почему?

На то есть своя причина. Но сначала я должен кое-что объяснить. Йога делит человека на две части: солнечную и лунную. Солнечная часть символизирует внутреннюю положительность, а лунная Часть – внутреннюю отрицательность. Говоря о солнечной и лунной части, мы не подразумеваем настоящее солнце или луну. Эти слова обозначают внутреннюю вселенную.

Во время дыхания энергия движется то по солнечному, то по лунному каналу. Каждые сорок-шестьдесят минут дыхание становится более активным попеременно то в одной ноздри, то в другой ноздре. Если вам требуется больше тепла в теле, или вы рассердились, тогда действует солнечное дыхание. Йога говорит, что, если вы используете лунное дыхание, когда гневаетесь, то вы не можете разгневаться по-настоящему, потому что лунное дыхание внутренне охлаждает вас.

Отрицательность прохладна, безмолвна, безмятежна. Положительность горяча, энергична, активна. Солнце это ваша активная часть, а луна – пассивная часть. Когда человек впервые знакомится с солнцем, его свет обжигает как пламя.

Если вы изучите внутреннюю жизнь Будды или Иисуса с такой умственной установкой, тогда многое из того, что обычно скрыто, станет явным. Например, когда рождается

просветленный человек вроде Будды, его ранняя жизнь очень революционна. Когда человек входит во внутреннее измерение, его первый опыт подобен огненному пламени. Но чем старше становился Будда, тем больше внутреннего холода он ощущал. Чем более совершенной становится лунная стадия, тем скорее испаряется революционный пыл. Поэтому слова Будды не революционны.

У Иисуса не было такой возможности. Он был распят в революционный период и умер, как полагают христиане, в возрасте тридцати трех лет. Если мы сравним речь Будды и Иисуса, то сразу же заметим существенное различие. Иисус говорит как юноша, горячо. Ранние речи Будды тоже были пламенными, но его не распяли за проповеди, и он дожил до восьмидесяти лет.

Будду не распяли потому, что все индийцы всегда понимали, что такие явления в природе вещей. Когда человек погружается в себя, когда Будда попадает в свой внутренний мир, в первый раз он выражает это событие пламенными, революционными, мятежными речами. Он воспламеняется, но затем эта фаза проходит, и остается только луна: безмолвие, огня уже нет, льется чистый свет. Поэтому индийцы никогда никого не убивали; они никогда не вела себя так, как греки с Сократом или евреи с Иисусом.

Иисуса рано распяли. Христианство до сих пор остается незаконченным, потому что оно основано на раннем учении Иисуса, когда он был просто пламенем. А буддизм закончен. У нас есть знания Будды на всех стадиях, знания луны Будды на всех ее стадиях, от первого дня до света полной луны.

Западным людям не повезло. Очень плохо, что Иисуса распяли, когда он был просто пламенем, когда ему было лишь тридцать три года. Пламя должно было превратиться в свет полной луны, но это не произошло. Просто евреи не осознали внутреннее явление.

Индия знала много Будд. Когда человек входит во внутреннее измерение, он непременно чувствует огонь революционности. Если он продолжает идти в себя, огонь исчезает, а затем наступает безмолвие, лунная тишина.

Изменить направление с огня к свету – вот секрет науки внутренней алхимии. Превращение угля в бриллиант, превращение неблагородных металлов в золото – все это лишь

символы. Вообще-то, алхимики никогда не стремились превращать неблагородные металлы в золото, они просто скрывали то, чем занимались на самом деле. Они создавали эзотерику, секретные символы, потому что в те времена было очень трудно говорить о внутренней науке и остаться в живых. Иисуса убили за то, что он был алхимиком. И христианство после Иисуса стало развивать религию, противоречащую его учению. Христианская церковь начала уничтожать и убивать тех людей, которые практиковали алхимию внутреннего преображения.

Христианство не может расцвести в религию, оно остается духовной канцелярией. Оно не может создать саньясинов. Ему под силу создавать только проповедников, безжизненных, зато хорошо вышколенных.

Если Иисус в тот период время, когда его распяли, был активным мятежником, значит ли это, что он не достиг полного духовного развития и внутреннего безмолвия Будды?

Когда его распяли, он только еще вошел в лунный центр. Но именно день распятия. Этот момент вам следует уяснить.

Библейский Иисус не похож на Будду, Махавиру, Лао-Цзы. Вы не сможете представить, что Будда пошел в храм и поколотил ростовщиков. Но Иисус поступил именно так.

В те времена в великом храме Иерусалима люди вели деятельность самого разного рода. Там сидели ростовщики, которые держали в узде всю страну. Люди, которые приезжали на ежегодные собрания и на другие мероприятия в течение года, получали деньги в этом храме под высокие проценты, которые было невозможно выплатить, поэтому люди теряли все свое имущество. Этот храм становился все более богатым, в Иерусалиме того времени мы свидетельствуем развитие религиозного империализма. Все жители страны были бедны, они голодали, а храм стремительно обогащался. Затем однажды в этот храм пришел Иисус с кнутом в руке. Он перевернул столы ростовщиков и начал избивать их. Ростовщики стали кричать и метаться в панике!

Вы не сможете представить, чтобы Будда так поступил. Это невозможно! Иисус был первым коммунистом, пламенным мятежником. Поэтому христианство породило коммунизм. Индуизм не мог породить его, как и любая другая рели-

гия. Только христианство смогло создать коммунистическую систему благодаря Иисусу. Он говорил совсем на другом языке. Порой он гневался из-за сущих пустяков, нам даже трудно поверить в серьезность таких поводов. Например, Иисус проклял смоковницу, на которой не было плодов, когда он и его ученики были голодны. Он уничтожил дерево!

Иисус говорил грозно, а Будда не позволял себе такой тон. Например, Иисус заявил, что люди, которые не поверят в него и в божье царство, будут низвергнуты в геенну огненную, в вечное пламя ада, откуда они не смогут выбраться. Только у христиан вечный ад. В других религиях ад это просто временное наказание: вы попадаете туда, искупаете грехи и возвращаетесь. Но ад Иисуса вечный.

Такая картина мира кажется несправедливой, абсолютно несправедливой. Каким бы тяжким ни был грех, вечное наказание все равно не будет быть справедливым. Не может быть! И что это за грехи? Бертран Рассел написал книгу «Почему я не христианин». По словам Рассела, он не христианин отчасти потому, что Иисус ведет себя нелепо. Рассел пишет: «Если я признаюсь во всех грехах, которые совершил, а также во всех грехах, о которых лишь помыслил, но не совершил, мне не дадут больше пяти лет тюрьмы. Но ад вечный!»

Иисус как революционер говорит о вечном, бесконечном наказании, революционеры всегда идут на крайности. Невозможно представить, чтобы Будда или Махавира говорили так, но Иисус утверждает, что скорее верблюд пройдет через игольное ушко, чем богатый войдет в божье царство. Богач не может войти в рай! Вот семя коммунизма. Иисус был революционером. Он интересовался не только духовной сферой, но и политикой, экономикой – всем. Если бы он был только духовным человеком, его бы не распяли, но он был опасен для всей общественной структуры, поэтому его распяли.

Он не был таким революционером, как Ленин или Мао Цзэдун, но если бы в истории не было Иисуса, тогда не было бы ни Маркса, ни Мао Цзэдуна, ни Ленина. Они шли по тому же пути, что и ранний Иисус, неистовый мятежник, готовый до основания разрушить все на свете. Такого Иисуса распяли.

Но Иисус был не просто революционером, он был и духовным человеком. Он был нечто средним между Махавирой и Мао Цзэдуном. Мао низвергли, и остался только Махавира.

Когда Иисуса распяли, он не просто подвергнулся наказанию, но и пережил внутреннее преобразование.

Когда Иисус ответил молчанием на вопрос Пилата «Что есть истина?», он повел себя как мастер дзен. Если вы оглядите жизнь Иисуса до этого момента, то отметите, что такое молчание не было свойственно Иисусу. Что произошло? Почему он не ответил Пилату? Разве он растерялся? Иисус был одним из величайших ораторов в истории мира. Мы даже можем решительно назвать его величайшим оратором. Его слова были проникновенны. Он был мастером, который говорил, а не молчал. Почему он ответил молчанием?

Иисус шел к кресту. Пилат спросил его «Что есть истина?». Иисус потратил всю свою жизнь на объяснение истины, он занимался только истиной, поэтому Пилат задал ему такой вопрос, но Иисус в ответ промолчал.

То, что произошло во внутреннем мире Иисуса, никто не смог описать, потому что это очень трудно. Христиане вообще не комментируют этот случай, так как явление, случившееся во внутреннем мире Иисуса, можно истолковать только в Индии. Только индийцы знают о внутренней перемене, о внутреннем преобразении.

Дело в том, что Иисус в душе был совершенно готово взойти на крест. Его вот-вот распнут, вся его революционность теряла смысл. Все его речи оказались бесполезными. Он так и не достиг цели, ради которой жил. Все закончилось. Смерть была близка, и он посмотрел в себя. Ему нельзя было терять время, ни одной секунды. Его жизненное странствие близилось к завершению, и пока его еще не распяли, он должен был закончить свое внутреннее путешествие.

Все время Иисус совершал внутреннее путешествие. Но он был опутан внешними трудностями, поэтому не мог дойти остыть, достичь лунной точки, он постоянно горячился. Но возможно, Иисус поступал так сознательно.

Иисус был учеником Иоанна-крестителя, который был великим революционером и духовным человеком. Иоанн-креститель ждал Иисуса много лет. Он крестил Иисуса в реке Иордан и сказал ему: «Продолжай мою работу, а я исчезну». Потом его видели редко, он скрылся с глаз людей. Говоря словами внутреннего языка, он исчез с точки солнца и перешел в точку луны, он стал безмолвным. Иоанн-креститель

выполнил свою работу и поручил продолжать ее тому, кто был способен на это.

Должно быть, в день распятия Иисус осознал, что его работа закончена. «Я больше ничему не могу сделать, – подумал он. – Я должен погрузиться в себя. Не следует терять возможность». Поэтому, когда Пилат спросил, что есть истина, Иисус сохранил молчание. Случившееся чудо молчания осталось загадкой для христиан.

Иисус перешел в свою прохладную сторону, в лунный центр, и тогда его распяли. Когда кто-то впервые подходит к лунному центру, его дыхание останавливается, потому что дыхание это проявление деятельности солнечного центра. В человеке воцаряется мертвая тишина. Люди решили, что Иисус умер, но это было не так. Иисус просто перешел в лунный центр, где останавливается дыхание: ни вдоха, ни выдоха – длился промежуток.

Когда человек остается в этом промежутке, его состояние похоже на настоящую смерть, но это не так. Люди, распявшие Иисуса, сочли его умершим, поэтому разрешили его ученикам снять тело с креста. Но он не умер. Когда пещеру открыли через три дня, его там не было. «Мертвое» тело исчезло. Через три дня Иисуса снова увидели несколько человек. Но никто не поверил им, когда они пришли в деревню и сказали, что Иисус воскрес. Никто не поверил им.

Покинув Иерусалим, Иисус поехал в Кашмир, где и поселился. Но затем он жил уже не как Иисус, а как Христос. Иисус находился на солнечной точке, а Христос – на лунной. Он хранил полное молчание, поэтому свидетельств об этом периоде его жизни не осталось. Иисус не говорил, не передавал сообщения, не проповедовал. Он жил в Кашмире не как революционер, а как мастер, в собственном безмолвии. Несколько человек приехали к нему. Люди, которые узнали о том, что он живет в Кашмире, ехали к нему, надеясь на справедливость слухов. Вообще-то, учеников у него было не так уж и мало. Их было относительно мало, но достаточно.

Христианство несовершенно, потому что оно знает только раннего, революционного Иисуса. Поэтому христианство смогло породить коммунизм. Но сам Иисус умер полностью просветленным человеком, полной луной.

Из пустоты

Все души были созданы одновременно, как гласит теория Брантона или на разных стадиях? Эти стадии столь различны согласно выбору самой души или ее предназначению? Насколько мы свободны в своем выборе в отношении перерождения?

Прежде чем я отвечу на этот вопрос, вам следует кое-что понять. Прежде всего, религиозный поиск по своей природе отличается от научного поиска. В научном поиске важен вопрос, а в религии – сам вопрошающий, состояние ума, в котором задается вопрос. В научном исследовании ваш ум постоянно сосредоточен на вопросе. А в религиозном поиске вопрос это просто трамплин для прыжка в неведомое. Поэтому задайте вопрос, а потом забудьте его, потому что вопрос касается известного, а ответ – только неизвестного.

Когда мы формулируем вопрос, наша аксиома, которая и становится основой вопроса, принадлежит уму, памяти, знаниям. Но ответ непременно будет находиться в границах совсем другого измерения. Например, этот вопрос. Давайте разобьем его на части.

Ты спрашиваешь меня: «Все души были созданы одновременно, как гласит теория Брантона или на разных стадиях?»

Вроде бы твой вопрос кажется уместным. Человек всегда очень интересуется теорией творения. Как был создан мир? Когда? Для чего? Кем? Даже человек, интересующийся душой, часто спрашивает: «Когда были сотворены души? Они были созданы равными или неравными? Если они были созданы равными, тогда почему в мире царит неравенство?»

Ты спрашиваешь: «Эти стадии столь различны согласно выбору самой души или ее предназначению?»

Мы считаем важными вопросы о сотворении мира. Но в существовании ничего не сотворено, мы свидетельствуем лишь непрерывное и бесконечное начало. Сама концепция сотворения мира инфантильна и неуместна. Существование

пробывало всегда, оно никогда не было создано и никогда не разрушится. «Творение» происходит из пустоты, а ноль может создать лишь ноль. Мир, бытие это постоянный поток перемен, но ничего нельзя создать или уничтожить.

Перемены – вот реальность. Говоря о переменных, я подразумеваю, что меняется только форма, но не суть. Основа остается всегда прежней, меняется только способ выражения, форма. Перемены происходят беспрерывно, они вечны. Поэтому ни вещи, ни души не созданы. Если даже вещи не создаются, значит концепция творения душ абсурдна. Сотворенная душа не может быть душой. Если душу можно создать, тогда это просто вещь.

Но так называемому религиозному уму творение кажется значительным, потому что мы представляем Бога творцом, а без творения где будет творец? Бог не творец, а само существование. Бог это не нечто отдельное, а сама суть реальности. Он не творец реальности, а сама реальность.

Эта двойственность (Бог и мир, творец и творение) обусловлена нашим двойственным мышлением. Наш ум продолжает творить двойственность, но реальность едина. Бог не творец, а творение, энергия, сила, сокровенная суть всего сущего.

Давайте посмотрим на этот вопрос с другой стороны. Никто не спрашивает: «Кто создал Бога?» потому что такой вопрос абсурден. Если вы спросите: «Кто создал Бога?», этот вопрос замкнется в круг, и его можно будет задавать бесконечно. Если *A* создал *B*, тогда можно спросить, кто же в таком случае создал *A*. Мы можем вечно задавать этот вопрос, но так и не найдем ответ. Каждый ответ будет создавать новый вопрос.

Не следует думать, что Бог сотворен, потому что если он создан, значит он никакой не Бог; ведь тогда он становится вещью. То же самое верно в отношении души, она не создана. И не только душа, даже материя не создана.

В наше время ученые понимают, что ничто нельзя создать, ничто нельзя разрушить. Даже если материя превращается в энергию, а энергия превращается в материю, это не разрушение и не создание. Количество остается прежним. Если материя превращается в энергию, мы говорим, что она разрушается, потому что материя исчезла. Но это не разрушение, пото-

му что материя сама по себе есть форма энергии. Она просто приняла другую форму, но все равно остается энергией. Общее количество в существовании всегда одинаковое. Все сущее не меняется оттого, что вы переставляете *A* и *B*, или *B* и *B*. Ни одну частицу невозможно добавить ко всему сущему, и ни одну частицу нельзя удалить из него. Совокупность бытия и есть Бог.

Первым делом вам нужно понять, что ничего не создано. Существование *есть*. Существование пребывает без начала и конца, но с многочисленными изменениями.

Наш ум создает вторую двойственность: материю и ум, тело и душу. Эти различия, опять же, созданы умом. В действительности, существует только *единое*, которое принимает форму тела и души.

Поэтому, как материя превращается в энергию, а энергия – в материю, тело постоянно превращается в сознание, а сознание – в тело. Никогда не наступит такой момент, когда вы сможете сказать, что тело закончилось и началось сознание, такой границы попросту нет. Тело и душа – не два явления, а два полюса одного существования. На одном полюсе вы ощущаете тело, а на другом – сознание.

Один полюс вашего существования это сознание, а другой – тело. По мере расширения вашего сознания вы будете все отчетливее осознавать себя душой. По мере сжатия сознания вы будете все яснее ощущать себя телом. Если Будда будет сидеть рядом с вами, у вас обоих будет тело, но это лишь на первый взгляд. У Будды нет тела, он просто душа. Говоря о душе, я подразумеваю, что каждая частица его существования стала осознанной. С другой стороны, когда вы крепко спите, то становитесь просто телом, а не душой. У вас нет души, просто вы создали некое представление о душе, выдумали философию души.

Наверно, подобные рассуждения покажутся вам странными, но Гурджиев говорил, что не у каждого человека есть душа. Он также говорил, что душу нужно еще заслужить, что человек редко обретает душу. И он прав. Теория о том, что у каждого человека есть душа, ошибочна. Нам только кажется, будто у каждого из нас есть душа, но это не так. Просто у нас есть такая возможность, способность, как высшее цветение нашего естества.

Вы можете стать душой, но можете и упустить возможность. Если все ваше сознание будет пребывать в настоящем, если вы сможете жить в настоящем в совершенной осознанности, то освободитесь от привязанности к телу. Другим людям будет казаться, будто вы в теле, но для вас тела не будет.

От такой двойственности следует отказаться. Тело означает бессознательную энергию, а душа – сознательную энергию. Энергия одна и та же. Смотрите на это так: материя означает только способность стать душой, а душа означает материю, которая приблизилась к точке цветения. Забудьте теорию сотворения мира, все концепции двойственности. Только тогда вы сможете соединиться с существованием, как оно есть.

Философии и теологии не помогут вам, ведь их создал ум. Что бы ни создал ум, все будет иметь форму двойственности. Там, где есть ум, непременно рождается двойственность, потому что ум не может представлять полярные противоположности единым целым.

Разве ум может представить тело и душу единым целым? Это невозможно. Поэтому мизм бывает двух типов. К одному типу мистиков относятся такие люди, как Маркс, Энгельс, Ленин, Мао Цзэдун. Эти мистики утверждают, что души нет, что существует только материя, тело. Ум не может представить эти две противоположности единым целым. Где и как они соединятся? Ум всегда спрашивает, как могут встретиться сознание и материя, кто или что станет мостом между ними?

Ум задается таким вопросом потому, что уже разделил эти понятия. Затем возникает вопрос, как они будут работать вместе на параллельных направлениях. Но они уже соединены. Например, если ваше тело чувствует боль, ум тоже чувствует боль. Если в вашем теле сидит заноза, вам кажется, будто она пронзила вашу душу. Если ваш ум подавлен, тогда и ваше тело чувствует гнет. Если ваш ум блаженствует, тогда и все ваше тело становится молодым и свежим. Материя и сознание ведут себя не как два, а как одно явление. Но ум разделяет сознание и материю, поэтому возникает вопрос о том, как соединить их, как заполнить промежуток. Сознание и материя противоположны – какие отношения могут быть между ними?

Мистик из двух явлений делает одно. Он может решительно отрицать существование души, как материалисты вроде

Маркса, Энгельса, Ленина, Мао Цзэдуна. Для них есть только тело, а души нет, они считают душу просто выдумкой. А бывают еще мистики другого типа – например, Шанкара, который говорил, что тела нет, есть только душа. Эти заключения противоположны, но их логика, аргументы, подходы одинаковые. Шанкара говорит, что материя иллюзорна, что она не существует, а Маркс говорит, что душа иллюзорна.

Шанкара и Маркс оба сначала разделяют тело и душу, а потом не могут соединить их. Им трудно сделать это, поэтому они предпочитают уничтожить одно из двух.

По моему мнению, эта трудность разрешается на другом уровне. Не разделяйте эти понятия. Они не два, а одно, и они всегда были едины. Когда энергия становится сознательной, мы видим душу, а когда она бессознательна, тогда мы видим тело. Сейчас вы скорее душа, чем тело, а завтра вы скорее тело, чем душа.

Подобные колебания от одного к другому происходят непрерывно. Утром вы больше отождествляете себя с душой, а вечером – с телом. Когда вы сердитесь, то становитесь больше телом, а когда вы любите, то становитесь больше душой. Изменения происходят непрерывно. Когда вы медитируете, ваше сознание расширяется, а тело сжимается, а когда вы пьете алкогольные напитки, ваше сознание сжимается, а тело расширяется. Тело и сознание – два полюса одного явления.

Поэтому запомните, что вторая двойственность создана умом, представлениями ума. Она не существует.

Я не скажу, что души сотворены. Ничего не создано, все уже было здесь. Когда я говорю, что души не сотворены, тогда конечно же, не возникает вопрос, были они сотворены равными или неравными.

Я полагаю, что все души в принципе равны. Они всегда были равными в своих возможностях, но на практике они не равны. И именно они ответственны за такое положение вещей. Никто больше не ответственен за это.

Понятие Бога люди используют очень широко. Вы можете возложить на Бога ответственность за что угодно. Это удобное и очень полезное изобретение: если есть Бог, и вы не равны ему, значит именно он ответственен за все, что происходит. Он создал вас неравными – что же вы можете сделать?

Такого Бога нет! Все существование и есть Бог. Вы участвуете во всем сущем, поэтому вы разделяете и ответственность.

В принципе, вы равны. Это значит, что вы будете равны, когда полностью расцветете. Будда расцвел, как и Махавира, Иисус, Мухаммед – они стали равными. Между ними нет никакого различия. Но когда цветение было лишь возможностью, эти люди не были неравными. Когда мы идем по пути, то еще не равны.

За все ответственны вы, потому что больше никого нет. Существуете только вы, и именно вам решать, чему быть, а чему не быть. Кем бы вы ни были, обо всем вы сами принимаете решение. Если вы не меняетесь, значит таково ваше решение. Если вы хотите измениться, тогда можете измениться прямо сейчас. Время не нужно, достаточно просто вашего решения измениться.

Если вы приняли слабое решение, тогда вам потребуется больше времени. Но если ваше решение сильное, тогда изменения могут произойти в этот самый миг. Время не нужно, изменения могут случиться прямо сейчас. Время нужно, только если ваше решение не полное. Трудности возникают из-за того, что вы чаще всего не готовы меняться, хотя ваш ум одержим концепцией перемен.

Мы увидели Будду и страстно захотели уподобиться ему. Как стать Буддой? В нас проявляется алчность, жадность, страстное желание. Как нам стать Буддой, безмятежным и цельным, светом самому себе, глубоким безмолвием без всполохов, цветком не от этого мира. Но ум не готов к переменам. Мы хотим уподобиться Будде, но без внутренней перемены, потому что наш ум стремится и к другим вещам. Мы не готовы отречься от всего, что покинул Будда, но при этом алчем достичь того же, что и Будда. Вот трудность. Главная часть вашего ума не готова измениться, не готова стать душой, но желание уже горит в вас.

Лишь вы несете ответственность за свое состояние. Погрузитесь в себя и проанализируйте, почему вы не Будда. У вас есть возможность стать Буддой, вы хотите этого. Почему же вы не Будда? Не нужно думать, что некто создал людей неравными, одного якобы сделал Буддой, а другому отказал в этом праве.

Никто ничего не делал, за все ответственен наш ум. Если я цепляюсь за теорию о том, что нас создал Бог (кого-то Буддой, а меня простым человеком), то что я могу сделать? Значит так судьба повернулась ко мне. В таком случае я могу оставаться тем, кто я есть, могу плыть по течению. Но такое поведение не поможет! Теория это просто трюк, чтобы вы могли жить, не думая о переменах.

Религиозность рождается в вас, только когда вы чувствуете полную ответственность за себя. Философия может бесконечно сплести бессмысленные, абсурдные теории. В религии все иначе, потому что, если вы религиозны, то принимаете всю ответственность за свою жизнь. Каким бы ни был я (насилственным, гневливым, жадным, похотливым, потакающим своим желаниям), я всегда ответственен за свою жизнь.

Когда я понимаю, что я сам ответственен за свое уродство, за свои недобродетельные мысли, тогда я приобретаю возможность совершить прыжок. Если я отвечаю за свое безобразие, тогда никто больше не может нести ответственность за мою красоту. Если я отвечаю за всю свою внутреннюю тьму, тогда весь свет, который приходит к Будде, может прийти и ко мне. Если человек берет всю ответственность на себя, ему открываются многие возможности.

Ответственность означает свободу, поэтому не жалуйтесь Богу. Нет того, кто станет выслушивать ваши жалобы, так вы лишь обманываете себя. Если я не ответственен за себя, тогда я не свободен. Но если я свободен, тогда я принимаю всю ответственность. Если я живу в аду, значит я сам решил угодить туда. Я использовал свою энергию и свободу для того, чтобы попасть в этот ад, никто не ввергал меня в геенну огненную. Сартр говорил, что человека ввергли в мир. Никто никуда не толкал вас, таким был ваш личный выбор.

По мнению Сартра, человек обретает свободу только в одном измерении: в самоубийстве. Вы не ответственны за свое рождение, но вы можете быть ответственны за свою смерть, можете наложить на себя руки. Это неразумно! Если один полюс свободен, тогда противоположный полюс не может быть другим. Если я могу совершить самоубийство, если могу закончить свою жизнь по собственному желанию, в таком случае (не важно, помню я этот момент или нет) мое рождение также должно быть следствием моего решения. Другой

полюс должен быть соответствующим. Если я ответственен за свои страдания, тогда никто больше не может быть ответственным за мое блаженство. Если я могу быть ответственным за мою смерть, тогда я также ответственен за свое рождение.

Поэтому религия говорит: вы сами решаете, где родиться, как жить и умереть. Когда кто-то умирает, нам кажется, что он утрачивает желание жить. Но если вы прочитаете его мысли, то поймете, что он очень хочет жить, он постоянно думает о другой жизни, о ее продолжении. Сначала он пытается уцепиться за эту жизнь, затем (если уцепиться за нее невозможно), он начинает желать другое тело, другую форму, другие условия, в которых он сможет жить снова. Но если человек умирает без нереализованных желаний, без стремления жить дальше, тогда он больше не будет рождаться. Если какое-то желание осталось нереализованным, тогда ум постарается исполнить его, так человек решит родиться еще раз.

Мы знаем, что, если кто-то родился, значит когда-нибудь он умрет, но мы не знаем другую сторону этого явления: если кто-то умер, значит он снова родится. Если рождение ведет к смерти, значит смерть ведет к повторному рождению, и так до тех пор, пока вы не умрете окончательно. Высшая смерть и есть самадхи. Окончательная смерть становится вершиной бытия души: она полностью очищается. Вы больше не желаете увидеть будущее, потому что будущее означает рождение. Вы больше не желаете увидеть завтрашний день, потому что он означает рождение. Вы не устремлены к следующему миру, потому что он означает рождение. Если вы можете умереть окончательно, без будущего, завтрашнего дня, желаний, нереализованных планов, тогда вы больше не родитесь.

Это ваш выбор, родиться снова, хотя это очень бессознательный выбор. Если вы становитесь более сознательным, вы не выбираете, или выбираете по-другому.

Будда умирал. «Где ты окажешься после смерти?» – спросил его один ученик.

Будда ответил: «Нигде. Я жил во многих телах на протяжении великого множества жизней – довольно. Меня больше нигде не будет. Я умираю окончательно».

Ученик, задавший Будде этот вопрос, решил, что слова Будды исполнены трагизма, ведь он умирает окончательно и не родится снова. Надежды не осталось, и ученик заплакал.

«Не плачь. Возрадуйся! – сказал Будда. – Я достиг самореализации, поэтому умираю в последний раз. Я достиг вершины того, что возможно для человека. У меня нет желаний, нет надежды, нет будущего, и я просто растворяюсь в космосе. Меня нигде не будет потому, что я буду везде. Я не буду ограничен какой-то точкой, а буду солью земли – ты сможешь вкусить меня где угодно. Но останется лишь вкус. У меня не будет тела, не будет видимой формы. Я стану космической энергией».

Вот что Будда называет нирваной. Слово «нирвана» замечательное. Это не мокша, не освобождение. «Нирвана» это другое слово, с другим качеством. Оно означает исчезновение, как затухание пламени свечи. «Я исчезну как пламя свечи» – говорит Будда. Когда затухает пламя, вы можете сказать, куда оно исчезло? Вы не сможете найти пламя, не сможете определить, где оно, потому что у вас нет новых желаний. Но оно останется частью космоса, потому что ничто не может исчезнуть из космоса.

Вы сами все выбираете. Нам это трудно принять, потому что в таком случае мы сами выбрали все свои страдания – вот наша трудность. Если кто-то другой ответственен за мою жизнь, тогда мне легче, ведь не я приношу себе страдания. Если такова моя судьба, если Бог назначил мне жизненный путь или еще кто-то, тогда я вынужден быть таким, какой я есть. Так мы уклоняемся от ответственности. Небо пустое! Вы здесь одни.

Тогда как объяснить страдание? Мы думаем, что никогда не выбираем страдание, но это не так, поскольку мы выбираем все. Никто не готов признать, что он выбрал страдание, потому что мы, делая выбор, заботимся о внешней стороне дела. Но в конечном итоге мы сталкиваемся с реальным содержанием своего выбора.

Все мы выбираем удовольствие, но в результате в итоге каждый человек страдает, потому что удовольствие это просто маска, театральная мишура. Чем ближе вы к удовольствию, тем быстрее оно испаряется. Так бывает постоянно, но

мы все еще не осознаем, что удовольствие это просто маска боли, страданий, страха.

Никто не выбирает страдания прямо, все мы приходим к ним окольными путями. Наш выбор неосознан, бессознателен. Вы вроде бы выбираете удовольствие, но получите страдание, так как каждое удовольствие заканчивается болью, каждое удовольствие создает напряженное состояние ума. Страдание – неизбежный результат удовольствия, его тень. И избежать страдания невозможно. Страстно желая наслаждений, стремясь к удовольствиям, мы тянемся к миражам, ведь все, чего вы достигнете в конце, удовольствием не будет.

Посмотрите на эту ситуацию с другой стороны. Кто-то выбирает удовольствие. Он совершает положительные усилия, проявляя честолюбие, поставив себе цель ... Затем наступает страдание: вы выбрали рай, а попали в ад. Рай это ворота в ад. Стоит вам войти в ворота, и вы попадете в ад. Удовольствие это явление положительного поиска, счастье отрицательно. Это не присутствие, а отсутствие чего-то, а именно отсутствие страданий. Не выбирайте удовольствие, и страдания отсекаются сами собой. Когда не будет ни удовольствий, ни страданий, вы обретете счастье и блаженство. Внешне картина кажется отрицательной (это же отсутствие), но внутри это явление положительно. Счастье – ваша природа. Вы выбираете и его, как и все на свете. Если вы не выбрали удовольствие, то выбрали счастье.

В любой миг вы можете измениться. Когда я говорю о «любом миге», то подразумеваю нечто большее. Что бы вы ни выбирали в прошлом, ничего из этого вам не мешает. На протяжении тысячелетий вы, возможно, постоянно выбирали удовольствия, наслаждения, а получали только страдания, боль. Но это не препятствие. Что бы вы ни выбирали в прошлом, вы пострадали за это, равновесие всякий раз устанавливается естественным образом. В этот самый миг вы можете выбрать противоположность, и вам не помешает ваша прошлая карма, ваши предыдущие поступки.

Ум может дурачить вас. Если нет судьбы, если нет Бога, тогда карма становится для вас козлом отпущения. Вы говорите: «Что я могу поделаться? Я был грешником на протяжении многих жизней, поэтому дурная карма стоит на моем пути.

Разве я могу сделать свободный выбор? Я привязан к своей карме».

Вы не раб. И если вы чувствуете, что сидите в тюрьме, значит таков ваш личный выбор. Здесь нет тюрьмы, нет надзирателей. Вы можете выйти на свободу в этот самый миг. Вы сами решили жить в тюрьме. Вы самостоятельно решаете, оставаться здесь или уйти, и никто не мешает вам покинуть камеру.

Если вы хотите сидеть в тюрьме, то можете создать философию, которая опутает вас цепями рабства. Если вы хотите быть свободным человеком, если вы хотите стать самой свободой, тогда вы можете выбрать другой тип мышления, и вы будете свободным. Выбираете вы. За все, что вы выберете, ответственны именно вы, потому что вы свободны, вы не раб. У рабства много проявлений, но на самом деле его нет. Рабство это ваше творение, оно существует благодаря вам.

Если вам трудно покинуть тюрьму, это не значит, что тюрьма мешает вам, просто вы сохраняете свои привычки, сами делаете неправильный выбор. Вы выбирали тюрьму так часто, что выработали привычку. Вам легче остаться в тюрьме, чем выйти из нее.

Вы хорошо изучили тюрьму, украсили ее, поэтому теперь она кажется вам уже не тюрьмой, а родным домом. В ней вы чувствуете себя в безопасности, под надежной защитой, а на свободе вы уязвимы, повсюду вас подстерегают опасности. Вы окажетесь в неизвестном мире, и страх овладеет вами. Вы оказались в ином пространстве, ваш ум не стиснут тюремными стенами.

Делайте осознанный выбор, помните о своей свободе. Если вы помните о том, что изначально свободны, то не угодите в тюрьму ума. Не нужно напрягаться, просто осознайте свою свободу и ответственность. Свобода и ответственность это две стороны одной монеты, поэтому никому не передавайте свою ответственность, иначе вы лишитесь и своей свободы.

Чувствуйте ответственность, принимайте ответственность на себя, потому что только так вы освободитесь. Если вы сможете признать, что ад выбрали сами, что никто более не ответственен за ваше состояние, тогда вы освободитесь, сможете уйти от рабства. Но если другой человек вверг вас в ад, тогда только он может вызволить вас.

Если вы держитесь мнения о том, что кто-то другой несет ответственность за вашу жизнь, то отождествляете себя скорее с телом, чем с душой. Я уверяю вас в том, что, если вы почувствуете ответственность за себя, тогда сразу же вы почувствуете и свободу. Именно вы ответственны за себя, так вы отождествляетесь больше с душой.

Гаутама Будда чувствует ответственность за весь мир. Будда проявил другую крайность, он сказал: «Если я выбрал несчастье, то излучаю вокруг волны несчастья». Несчастный человек создает определенные вибрации. Жестокий человек излучает насилие, вспыльчивый человек излучает гнев, а добрый человек излучает любовь.

Обычно нам кажется, что Бог ответственен за нашу жизнь, что во всем повинно все сущее. Будда проявил другую крайность, он сказал: «Я ответственен за все на свете. Если в мире есть уродство, я отвечаю за него, потому что я искажил красоту. Если в мире есть ненависть, я отвечаю за нее, потому что я искажил доброту. Я часто выбирал ненависть, хотя мог выбрать любовь. Я выбирал ненависть, гнев, жадность, и тем самым создавал поле, которое воздействовало на других людей, заставляя их выбирать то же самое».

Если вы чувствуете, что вы ответственны за себя, то становитесь душой. Если вы чувствуете, что становитесь ответственны за все сущее, то становитесь богом. В таком случае препятствий нет. Вы становитесь целым, «другой» исчез.

Насколько мы свободны в своем выборе в том, что касается нашего перерождения?

Вы совершенно свободны в своем выборе. У свободы не может быть степени. Откуда у свободы взяться степени? Если вы свободны только в своем доме, но не на улице, значит вы вовсе не свободны. Ограниченная свобода не настоящая, это рабство под красивым ярлыком. Свобода означает то, что не ограничено, вот и все. А рабство означает ограничение. Вам следует хорошо уяснить этот момент. Рабство никогда не может быть безграничным: вы не сможете никого сделать рабом без ограничений, потому что рабство это ограничение. У рабства есть степени: вы можете быть рабом в большей или меньшей степени. Я могу сделать вас рабом с определенными ограничениями, могу сказать, что вы свободны при таких-то

условиях. Но это вовсе не степени свободы, поскольку свобода абсолютна. Она бесконечна безгранична, поэтому мы боимся ее.

Фромм написал замечательную книгу «Бегство от свободы». Ее название очень многозначительно. Он прав, поскольку каждый человек избегает свободы. Например, любовь это свобода, а брак – не свобода. Если вы влюблены, тогда рано или поздно ум попытается убежать от свободы и уцепиться за брак. Любовь неизвестна, неведома. Никто не знает, куда она может привести. Свобода бесконечна человек боится ее. Поэтому вы делаете клетку, проводите границы и живете в них. Таким образом, вы можете определить, где вы находитесь и куда движетесь. Вы убежали от свободы.

Мы изо всех сил пытаемся убежать от свободы, но почему? Потому что свобода это настолько всепоглощающее явление, а мы настолько малы, что не можем встретить ее без страха, не можем сжиться с ней. Если вы одни, то свободны, но когда есть еще кто-то, когда вы в компании, вы утрачиваете свободу. Поэтому все мы пытаемся избежать одиночества. Никто не хочет оставаться наедине с самим собой, в свободе. Человек стремится в толпу, потому что там меньше свободы и больше рабства.

Дэвид Райсман написал книгу «Одинокая толпа», в которой он говорит об этом явлении. Каждый человек бежит в толпу, потому что ему страшно боли одиночества, он боится себя, ему страшно жить с собой. Все люди делают одно и то же, все оказываются в большой толпе, и каждый человек в ней одинок.

Человек, который не умеет жить с самим собой, не способен жить и с другими. Человек, который не умеет любить себя, радоваться общению с самим собой, не сможет тесно общаться с другими. Если вам скучно с самим собой, значит вы заставите скучать и других. Итак, толпа при всей своей обширности все так же одинока.

Ты спрашиваешь о величайшей свободе, а именно о выборе свой жизни, бытия, самости. Человек боится. Он предпочитает кому-нибудь подчиниться, чтобы тот сделал за него выбор. Он ищет более опытного человека, который знает больше и умеет руководить. Мы постоянно бежим от самих себя.

Ко мне приходит много людей «Я не могу ничего сделать, — часто признается какой-нибудь человек. — Я сдался вам, сделайте же что-нибудь для меня». Я каждый раз удивляюсь таким людям. Если вы не можете ничего сделать, тогда как вы можете сдаться? Сдача — большое дело. Но он говорят: «Я не могу ничего сделать, потому что я сдался», словно сдача означает ничегонеделание. Как вы можете сдаться, если не выбирали собственную жизнь? Если вы думаете, что вы ничего не выбрали, что вы просто ввергнуты в жизнь, тогда разве вы можете сказать, что сдались? Как вы сдадитесь?

Нет! Сдача это величайшее, всепоглощающее действие. Только тот, кто чувствует полную свободу, может сдаться, но не раб. Разве раб может сдаться? Только ответственный человек может сдаться. И если вы способны сдаться, значит вам под силу что угодно.

Свободу нудно понять глубоко, и не как некое представление, а свой образ жизни. Мы свободны. В этот самый миг вы можете радикально изменить свою жизнь. Нет судьбы, которая принуждает вас двигаться в определенном направлении, нет сдерживающего прошлого, нет подталкивающего будущего, а есть только вы. Вы можете развернуться назад прямо сейчас, можете измениться. Вы можете стать совсем другим человеком. Вы можете быть душой, а не телом.

У свободы нет степеней. Когда я говорю, что у свободы нет степеней, то также подразумеваю, что и у просветления нет степеней.

Вы становитесь просветленным в один миг. Есть степени рабства, но нет степеней свободы — точно так же есть степени невежества, но нет степеней знания. Вы либо знаете, либо не знаете.

Ко мне приходят люди, они спрашивают: «У кого выше просветление: у Будды, Махавиры, Кришны или Иисуса?» Как будто у просветления есть степени! Люди, которые пишут в книгах о степенях просветления, глупы. «Будда достиг одной степени просветления, Махавира достиг другой степени, а некто третий забрался еще выше...» У просветления нет степеней!

Тот, кто исчезает, совершает скачок. Просветление это скачок. У невежества раннего Будды или Махавиры были степени, но после того, как они исчезли, они не осознавали

никакие степени. Абсолютное блаженство пронизывает их жизнь.

Точно так же, есть степени ненависти, но нет степеней любви. Есть степени гнева, но нет степеней прощения: вы либо простили, либо не простили. Есть степени греха, но нет степеней добродетели, и не может быть.

Вы в полной мере свободны выбирать, неограниченно свободны. Вы можете постоянно выбирать, рождение за рождением, на протяжении тысячелетий. Никто не может приказывать вам измениться. Вы не сможете измениться до тех пор, пока достигнете самореализации. Будда сказал: «Довольно. Я существовал, но теперь я исчезну».

Такую ситуацию трудно вообразить, потому что логика подсказывает, что у всего на свете должны быть степени. Рассудок говорит: «Разве я могу сказать, что я свободен, если повсюду рабство?» Рабство в самом деле есть, но именно вы создали его.

Такие явления не вписываются в логику вещей, потому что логика это часть ума, она рассуждает в терминах четкой двойственности. По логике нечто может быть исключительно белым или черным: вы либо свободны, либо не свободны. В логике нет полутонов. Но в жизни есть и серый цвет. Белый цвет это один полюс серого цвета, тогда как черный — другой полюс.

Когда я говорю, что вы свободны, то подразумеваю, что вы имеете полное право отказаться от свободы, выбрать рабство. Вы настолько свободны, что вы можете выбрать и несвободу, потому что, если вы не можете выбрать несвободу, тогда ваша свобода неполна.

Возникает дилемма. Обычно, логик спросит: «Если человек свободен, тогда почему он не свободен? Если человек божественен, тогда почему он не чувствует божественность? Если человек и есть блаженство, тогда почему он не блаженствует?» Но я говорю, что человек не свободен, потому что он свободен, таков его выбор. Человек может выбрать свободу и стать свободным или пойти против своей природы. Такова природа его свободы. Если вы можете идти против своей природы, можете как расширять свое сознание, так и не расширять его, тогда вы становитесь свободным, ответственным или еще больше разрушаете себя.

Животные не свободны, ведь они более бессознательны. Они живут инстинктами, не могут ничего выбирать. В них уже есть программа действий, они лишь выполняют ее.

Человеческая природа не запрограммирована. По сути, нет такого понятия, как человеческая природа. Человек свободен: он может падать и подниматься, он может пасть ниже животных или взлететь выше ангелов. Его природа не запрограммирована.

Чем больше в вас сознательности, тем меньше на вас пут. Чем более ответственными вы становитесь, тем больше опасностей возникает. Произойдут рискованные перемены, и вы не сможете уклониться от опасных ситуаций до тех пор, пока не станете в полной мере сознательными. Но лучше поскорее пройти через них, чем пытаться избежать их, потому что эти опасности помогают вам стать более сознательными. Бегство лишь возвращает бессознательность, неосознанность, вялость и сонливость.

Душа покидает тело после смерти? Где она находится?

Неправильно думать, будто что-то одно остается, а что-то другое исчезает. Всем известное грубое тело это лишь семя, маска. Есть также тонкие тела, которые продолжают окружать вашу душу, даже когда она уходит. Эти тела также принадлежат вам.

Мое тело это часть вселенной, но из-за концепции «я» мы ломаем голову над тем, где заканчивается тело?

Если вы исследует этот вопрос, то поймете, что вся вселенная это часть вас, часть вашего тела. Например, если солнце исчезнет прямо сейчас, ваше тело не сможет существовать. Оно не сможет выжить без океанов, без атмосферы. Ваше тело это просто постоянно меняющаяся часть вселенной. Когда восходит солнце, что-то восходит и в вас. Когда солнце заходит, что-то заходит и в вас. Когда на небе сияет луна, вы меняетесь. Когда луна исчезает, вы снова меняетесь. Ваше тело постоянно поддерживает активные отношения с целым.

Где бы вы ни были, в каком бы состоянии вы ни находились, вы все равно будете находиться в теле. Если ваше тело заберет вселенная, тогда вселенная даст вам другое тело, и так до тех пор, пока ваше сознание не станет всей вселенной.

Тогда вам тело не понадобится, потому что у самой вселенной тела нет.

Человек непременно обладает телом, но где ваше тело начинается и заканчивается? Оно распространено на многие измерения. Вашего тела не было бы, если бы в существовании не было тела вашего отца. Ваше тело это часть длинного, вечного сериала. Ваше тело существовало в деревьях, море – во всем. Этот малый космос связан с каждой частицей всего сущего.

Наш язык очень груб и ограничен, поэтому, когда мы говорим, что душа покидает тело, нас могут понять неправильно. Душа входит в тело из вселенной, и сама вселенная постоянно дает ей другие тела. Тело, которое вы покинули прежде, все еще связано с вами, потому что целое связано с вами.

Вы плаваете в море. Вы покрыли некий отрезок водной глади и плывете вперед, но тот участок, который вы оставили позади, остался частью моря, в котором вы плывете. Море едино: вы плаваете в море словно рыба, которая родилась в воде, которая когда-нибудь растворится в ней. Рыба это не что иное, как само море, только в более плотном варианте, скоро она снова растворится в море.

Наше понимание рождения и смерти крайне несовершенно. Вы не сможете выйти за пределы вселенной. Куда бы вы ни пошли, вселенная повсюду будет вести себя как ваше тело. Ваше тело принадлежит не только вам. В нем много душ, вы только одна из них. Каждая клетка вашего тела обладает душой – каждое тело содержит семьдесят миллионов живых клеточных душ.

Ваше тело это сообщество многих душ, которые словно живут в большом городе, и вы только одна из них. Каждая ваша клетка обладает душой. Они могут жить и расти без вас, они могут любить и размножаться без вас, вы им не нужны. Поэтому, когда вы умираете, ваше тело какое-то время продолжает жить. Главная душа ушла, но остались миллионы живых клеток, которые продолжают действовать в теле. Они способны в конечном итоге развиться и стать таким человеком, каким пребываете сейчас вы.

Итак, это сложное явление. Одно ясно: ничто не умирает. Мы часть океана жизни, мы вечно живые.

Такие вещи кажутся нам невероятными потому, что мы постоянно смотрим на вселенную с определенной точки зрения. Наше мировоззрение смущает нас. Если мы откажемся от него, если мы утратим эго, то не сможем сказать, что умерший человек куда-то отправится. Вы существовали прежде, вы будете существовать и впредь. Даже если все исчезнет, в действительности все равно ничего не пропадет, ничего не закончится. Но это возможно, только когда нет эго, которое говорит: «Это я».

Мы считаем себя центром вселенной. Люди всегда думали, что земля – центр вселенной. Но ученые доказали, что это не так. Представление о том, что солнце вращается вокруг земли ошибочно точно так же, как и представление о себе. Мы до сих пор сомневаемся, хотя у нас на руках неоспоримые факты. Если вы посмотрите в небо, вам покажется, будто солнце вращается вокруг земли.

Нечто подобное происходит и в других областях. В религии мы также прибиты к земле, привязаны к эго. Нам кажется, будто все на свете вращается вокруг эго. Это ошибочное воззрение. В действительности именно вы вращаетесь вокруг вселенной. Вы часть ее, иначе и быть не может.

Все ваши эгоцентрические представления ошибочны. Я полагаю, что всего, что правильно, и всего, что неправильно, разная природа. По моему мнению, все эгоцентричное ошибочно, а все безличное верно. До тех пор пока вы не соединитесь с вселенной, пока не исчезнет эго, у вас не появится правильное воззрение.

Глава 11

Техника преобразования

В нынешней отчаянной духовной ситуации как нам получить помощь от развитых душ астрального мира? Как нам открыться высшим сферам бытия?

Одна старая пословица гласит: «Когда ученик готов, учитель появляется сам собой». Ученик не может найти учителя, это невозможно. Только учитель может найти ученика. Толь-

ко тот, кто знает себя, может найти кого-то еще. Тогда это легко.

Когда вы готовы, целая вселенная начинает помогать вам. Тогда не надо просить астральной помощи, не надо никуда идти, ведь помощь дают всегда, насущные потребности всегда реализуются.

Но человек должен быть готов. Он должен находиться в таком состоянии ума, при котором силы вселенной смогут помочь ему. Поэтому происходит не положительный поиск, потому что вы не можете искать астральную помощь. Все зависит от вашей восприимчивости, вашей готовности.

Высшие силы присутствуют везде в каждый миг. В этот самый миг вы окружены как высшими, так и низшими силами, но вы восприимчивы только к низшим силам.

Вы можете открыться либо высшим, либо низшим силам, но не можете открыться для тех и других одновременно. Сам механизм сознания предполагает, что, стоит вам открыться низшим силам, и вы уже закрыты для высших сил. Если же вы открыты для высших сил, то естественным образом закрываетесь для низших сил. Мы можем открыться только одному измерению, поэтому вы сами решаете, в каком направлении двигаться.

Прежде всего, вам нужно научиться закрываться для низших сил и открываться высшим силам. Высшие силы всегда здесь, но они не могут работать, пока вы не объединитесь с ними, пока вы не отдадите себя им. Когда вы открываетесь им, начинается работа. Когда двери открыты, солнце может проникнуть в дом. Ваши двери закрыты. Солнце светит, оно прямо сейчас стучится в вашу дверь, но вы сидите во тьме. Вы остаетесь во тьме не из-за того, что нет солнца, а из-за того, что ваши двери закрыты. Вы не приглашаете солнце, не принимаете его. Вы все еще не готовы стать хозяином, вы не пригласили солнце.

Как закрыться для низших сил и открыться силам высшим? Мы даже не осознаем, что мы открыты низшим силам, но уже ищем высшие силы, которые могут работать на нас.

Например, когда кто-то любит вас, вы подозреваете его, сомневаетесь в его чувстве. По-настоящему ли он любит? Вас в самом деле любят или нет? Он искренен или притворяется? Когда кто-то сердится, вы никогда не сомневаетесь в том, ис-

кренне он гневается или просто притворяется. Тогда вы не сомневаетесь. Люди всегда считают гнев искренним, а любовь всякий раз подвергают сомнению. Вы всегда верите низшим силам, у вас отрицательная установка.

Вера это открытие. Она подразумевает доверие, и вы открываетесь тому, чему верите. Недоверчивый ум закрыт, так как боится. Но до тех пор пока вы не доверитесь, вы будете все время закрыты.

Прежде всего, нужно определить, чему вам легче поверить: низкому или высокому? Вы легко верите в низость, сомневаясь, особо не рассуждая. Вы верите в подлость, поскольку живете на низком уровне бытия.

Когда Гурджиеву было девять лет, умирающий отец сказал ему: «Я не могу дать тебе ничего, кроме одной глубокой истины, которая подтвердилась всем опытом моей жизни. В наследство я передам тебе только один совет: когда кто-то гневается на тебя, никогда не отвечай в тот же миг. Подожди ровно сутки, а затем отвечай».

Позже Гурджиев признавался, что незатейливый совет отца преобразил всю его жизнь. Он обещал умиравшему отцу, что будет соблюдать это правило всю жизнь. Если кто-то оскорблял Гурджиева, обижал и унижал его, он оставался свидетелем происходящему событию, он не реагировал в ту же минуту, причем не только вовне, но и внутри. Гурджиев терпеливо выслушивал человека или наблюдал за некрасивым поступком, а затем говорил: «Я не могу ответить вам прямо сейчас. Я вернусь к вам через двадцать четыре часа. Такое обещание я дал отцу. Я вернусь спустя сутки и отвечу вам».

Разумеется, спустя сутки от гнева и следа не оставалось. Гурджиев наблюдал себя, возвращался через двадцать четыре часа и говорил: «Тогда я не мог вспыхнуть гневом из-за обещания отцу, а теперь мне уже и не хочется сердиться».

Вся его жизнь изменилась благодаря этому совету, потому что он закрылся для низшей сферы. Сутки это слишком долго для ожидания. Ум открывается, только когда на него давят, да и то лишь на непродолжительное время. Если вы ждете, ум снова закрывается. Если вы не позволяете ничему воздействовать на вас, тогда спустя сутки вы успокоитесь. Только разгоряченный ум выплескивает гнев.

Гурджиев сумел обуздать гнев, а потом пытался использовать эту технику и в других областях – например, в сексе. Когда в нем усиливалось половое влечение, он просто ждал. Спустя сутки возбуждение исчезало, поскольку ум не может долго находиться под влиянием низших сил.

Он практиковал данную технику четыре года, а затем начал открывать в своем уме и другие явления. Он помог энергии течь и запечатал дверь для низших сил, и его ум нашел новый выход.

Например, Гурджиев приходил в церковь, где было много людей, и наблюдал за тем, как люди молятся в тишине. И вдруг дверь его ума открывалась, и он становился единым с молящимися людьми. Его ум открывался высшей сфере.

Затем Гурджиев начал осознавать еще одно глубокое явление. Он просто шел по улице и вдруг почувствовал в прохожем не совсем обычного человека, ощутил в нем мистика. Гурджиев пошел за ним. И каждый раз он был точен на сто процентов.

Суфийские мистики работают тайно; они нашли тайные методы, чтобы он них никто не узнал. Индийские мистики стремятся к уединению, они хотят уйти подальше от толпы. Они удаляются в леса, в горы. Но даже если мистик уходил в монастырь или в лес, люди все равно со временем узнавали о нем. Безмолвие предается своими способами, оно много передает.

Суфии использовали другой метод. Они не удалялись в монастырь, не уходили в лес или далекие горы, а просто становились обычными членами общества. Например, суфийский мистик мог быть простым сапожником. Он был столь заурядным, что никто не догадывался о том, что он что-то знает. Но человек, который открылся высшим силам, сумеет распознать в толпе мистика.

Научившись внутренне открываться, Гурджиев применил свое знание в поиске чудесного. Он шел без карты, без сведений и в конечном итоге пришел в Индию, Египет, Тибет. Он постоянно двигался просто наитием, не осознавая направление движения. Когда он чувствовал, что некий путь хорош, он следовал по нему. Иногда дорога упиралась в хижину, в которой жил мистик!

Когда вы открываетесь высшей сфере, начинают происходить самые разные вещи. Но если вы открыты только низшей сфере, значит вы идете ощупью во тьме к высшей сфере. Вы идете наугад, по воле случая. Иногда вы можете узнать что-то или кого-то, но это бывает редко. Даже если вы споткнетесь обо что-то, или натолкнетесь того, кто может изменить, полностью преобразить всю вашу жизнь, вы ничего не заметите.

Даже если вы встретите Будду, то не осознаете, что перед вами Будда. Откуда вам знать? Вы не открыты высшей сфере, поэтому. даже если вы встретите Будду, то будете открыты только для его низших возможностей. Вы начнете искать даже в Будде недостатки: «Почему Будда ест именно так? Почему он спит именно так? Почему он такой, а не этакий? Ваша открытость низшей сфере будет направлять ваше внимание на то, что вообще не имеет отношения к его полю Будды, и вы утратите высшую сферу. Вы будете только смотреть на низшую сферу по давней привычке.

Мы верим в низшие силы, полностью доверяем им, потому что в нас открыта дверь только для низшей сферы. Если кто-то кого-то осуждает, мы верим ему и не требуем доказательств. Поэтому слухи становятся правдой. Скажем, некто распустил сплетни, но многие люди поверили в них, поэтому вы сами, возможно, поверите в них. Нами управляют другие люди. Если очень много людей говорят о чем-то, значит это непременно правда.

Открытость низшей сфере привычна для нас. Будьте осознанны, когда какие-то низшие силы овладевают вами. Будьте свидетелем. Не позволяйте своему уму открываться им. Все, чему вы открываетесь, глубоко отпечатывается в вас и начинает работать.

Поэтому постоянно будьте осознанны, каждый миг. Даже если что-то правильное, подлинное, но низкое, не открывайтесь этому. Даже если вы считаете кого-то вором, я повторю: не открывайтесь этому, потому что если вы сосредоточились на чем-то, это отпечатывается в вас. Такая привычка концентрироваться на низких вещах нехороша, потому что она мешает открыться высшей сфере.

Будда сказал: «Не верьте ничему, во что верит ваш обычный ум». Если я назову кого-то великим святым, если я скажу, что он вообще незапятнан, тогда ваш обычный ум будет

колебаться и не верить. Разве это может быть? У него такое же тело, что и у вас – разве он может быть чистым? Это чувствует боль, поэтому вы пытаетесь рационализировать. Вы не можете представить, что кто-то может быть чище вас, поэтому пытаетесь разуверить себя. Но если вы не можете представить, что кто-то чище вас, то не сможете расти в направлении высшей чистоты.

Христианский мистик Тертуллиан сказал: «Я верю в Бога, потому что только так я могу расти». Для Тертуллиана Бог это вопрос не реальности или вымысла, а внутреннего роста.

Например, Ницше мог вырасти в Будду. Он был гением с огромными возможностями. Но он умер, так и не став Буддой, но он сошел с ума. Когда он сказал: «Бог умер», то не просто говорил о Боге, а закрылся для высшей сферы. Если Бога нет, тогда нет возможности превзойти его. В таком случае вы не можете расти к Богу.

Вы не можете легко поверить в то, что кто-то может быть чистым. Будда так чист, что вы не можете поверить в это, даже собственный отец Будды не мог поверить в это. Когда новости о том, что его сын стал просветленным, достигли его, он сказал: «Я хорошо знаю своего сына, он моя кровь и плоть. Я знаю его лучше вас. Он не такой, как вы описываете его».

Спустя двенадцать лет странствований Будда вернулся в свой родной город. Многие тысячи людей стали его последователями, он стал для них внутренним светом. Но собственный отец совершенно не понял Будду, и когда Будда пришел повидаться с ним, он рассердился. Он гневался из-за того, что Будда, его сын, надежда и опора, покинул его в старости. Поэтому, когда Будда встал перед ним, он сказал: «Я запрещаю тебе поступать таким образом. Я твой отец! Я сильно люблю тебя, что бы ты ни делал, но забудь о своей ерунде! Я не желаю видеть, как мой сын просит подавание на улице».

Для него Будда был просто нищим – на современном языке просто хиппи, бунтарем. Будда стоял молча. Наконец, отец понял, что тот не отвечает. Он сказал: «Я знаю, почему ты не отвечаешь. У тебя не хватает мужества».

Будда засмеялся: «Больше нет твоего сына, который покинул этот дом. Теперь я совсем другой человек».

По-видимому, отец еще сильнее рассердился. Он сказал: «Ты пытаешься сказать мне, что я не знаю тебя? Я произвел тебя на свет!»

«Я родился через тебя, – согласился Будда. – Но я не принадлежу тебе, я не твое имущество. Ты был просто посредником моего появления в мире. Я благодарен тебе, но не говори, что ты знаешь меня. Ты не знаешь даже себя, поэтому не можешь знать меня».

Отец продолжал говорить все в таком духе. Он не был открыт для высшего бытия, которым стал Будда, не был открыт для реальности, стоящей перед ним. Он только помнил Сиддхартху, своего сына. Высшая сила открылась ему, но он был открыт только для низшей силы. Он вел себя как отец со своими прошлыми воспоминаниями и даже не видел реальность, которая проявилась перед ним.

Все зависит от вас. Будда не привязан ни к какому историческому периоду, энергия Будды доступна всегда и везде. Человек должен быть просто открытым.

Прежде всего, нужно закрыться для низшей сферы. Когда ваш ум открывается низшей сфере просто в силу привычки, постоянно помните о том, что вы должны свидетельствовать происходящее. Наблюдайте, и тогда все прекратится, закроется. Не тратьте энергию на низшие силы. Тогда вы будете не расточать энергию, а накапливать ее, и эта энергия поможет открыть двери высшей сфере. Когда вы чувствуете высшие возможности существования, не надо даже думать о низшей сфере. Низшие силы исчезнут, и вы войдете в другой мир, в другое измерение, в новое существование. И тогда вы начнете получать помощь от более развитых душ.

Ты спрашиваешь: «В нынешней отчаянной духовной ситуации как нам получать помощь от развитых душ астрального мира?»

Эту помощь можно получить в этот самый миг! Помощь всегда здесь, но ваши глаза закрыты. Мало того, что ваши глаза закрыты, вы еще хотите жмуриться. Если кто-то пытается открыть ваши глаза, вы используете все аргументы против его уговоров. Вы говорите: «Тьма, грех, дьявол – все это естественно».

Фрейд совершил великую революцию. Он очень помог человечеству осознать, что несмотря на большие возможности

человека, девяносто процентов его деятельности его мышления и поведения, пронизаны сексуальностью. Это был большой шаг, но из-за того, что наш ум открыт только для низшей сферы, плоды этой революции извращены. Поэтому, когда Фрейд сказал, что вся нынешняя жизнь человека завязана на секс, все религии выступили против него.

Фрейд проиграл битву, потому что указывал на действительное положение вещей. Но сейчас мы используем этот факт неправильно. Сейчас мы говорим: «Да, человек одержим сексом, но такова его природа, иначе и быть не может». Поэтому не только девяносто процентов человеческой жизни ориентированы на секс, оставшиеся десять процентов также добавили к ним.

Здесь проявляются две низшие возможности: человек либо начнет бороться с сексом, и в этом сражении энергия извращается и искажается, либо становится жертвой своих инстинктов и стремится к сексу без возможности преобразования.

Будда, Махавира и Иисус пытались преобразить сексуальную энергию. Обратите внимание: преобразить, а не подавить. Но люди, открытые только для низшей, но не для высшей сферы, воспринимали это как подавление, а не преобразование. Низкий ум начинает угнетать природу, в итоге возникает извращение. Фрейд появился для того, чтобы помочь человеку оздоровиться. Он подчеркивал, что секс естественен, что его нужно не подавлять, а принять. Тогда люди снова бросились в другую крайность.

Низкий ум очень легко бросается в другую крайность, потому что низкая сфера действует в двух направлениях, а именно подавляет и потворствует слабостям. Эти явления кажутся противоположностями, но это не так. Они тайно помогают друг другу, как друзья в тайном заговоре. Если вы слишком активно потакаете себе, то естественным образом попадаете в так называемую противоположность – подавление. Тогда для вас закроется и третья возможность: преобразить энергию.

Обе эти крайности горизонтальные, а трансформация энергии, третья возможность, вертикальная. Если вы не подавляете и не потворствуете, тогда энергия не сможет двигаться на горизонтальном уровне, она начнет двигаться вертикально.

Это вертикальное движение и есть преобразование, оно открывает вас высшим силам.

Когда я советую вам закрыться для низших сил, то призываю не сражаться с ними, а осознавать их. Если вы начнете сражаться, то останетесь в низшей сфере и станете извращенцем, что еще хуже. Тогда вы будете не естественными, а одержимыми.

Если кто-то сердится на вас, оставайтесь закрытыми, не реагируйте. Я не советую сражаться против своих чувств. Я говорю: просто будьте осознанными, ждите, рассматривайте ситуацию и анализируйте ее беспристрастно, со всех точек зрения. Если кто-то гневается на вас, сначала начните размышлять о том, прав ли он. Если этот человек прав, тогда будьте признательны ему. Если вы проанализировали беспристрастно и поняли, что он не прав, то и в таком случае вам не нужно реагировать, потому что это его трудность, вы вообще не связываетесь в суету.

Психологи сделали замечательное открытие: если кто-то оскорбляет вас, вы начинаете реагировать, только если вы бессознательно чувствуете, что он прав. Если вы чувствуете, что он абсолютно не прав, тогда вы рассмеетесь. Если кто-то подойдет к вам и скажет: «Ты импотент», то вы рассвирепеете, только если сами понимаете, что у вас нелады с сексом, в ином случае вы останетесь спокойными. Только если слова уязвляют человека, он реагирует. Поэтому анализируйте событие. Если он прав, будьте ему благодарны.

Современная психология говорит, что человеческий ум разделен на две части: меньшая часть сознательна, а большая часть бессознательна. Я могу и не осознавать свое подсознание, но каждый человек, который соприкасается со мной, осознает мои подспудные чувства и мысли, потому что все это выражается в моем поведении, жестах, языке. Подсознание выражается во всем, что я делаю.

Вы переживаете большое затруднение. Вы не осознаете свои глубокие отношения, глубокие страстные желания, вытесненные эмоции, но другие люди осознают все это. Поэтому учитесь анализировать происходящее. Если кто-то сердится на вас, анализируйте ситуацию. Возможно, он прав. Тогда вы станете осознавать часть своего подсознания, которую прежде вы не осознавали. Он может быть наполовину правым

– вот третья возможность. Если человек частично прав, тогда будьте частично благодарны ему и не беспокойтесь о том, в чем он не прав. Если он совсем ошибается, значит он говорит не о вас, это его трудность.

Когда я призываю не открываться низкой сфере, то не подразумеваю не подавление, а анализ, наблюдение, осознанность, сознательность. Если вы подавляете, то никогда не сможете открыться высшей сфере. Подавленный ум укоренен в низкой сфере, потому что вы подавляете нечто непрерывно. Если кто-то подавляет секс, он не может расслабиться. Стоит остановиться, и змий оживет, наберет энергию. Подавлением вы ничего не устранили. Напротив: предмет подавления становится еще более мощным.

Уясните различие между подавлением и запечатыванием низкой сферы. Оставайтесь закрытыми для низкой сферы. Начинать с этого, потому что сейчас ваше состояние ума открыто только для низких сил. Многие люди пытаются открыть ум для высшей сферы, но не закрывают предварительно дверь для низшей сферы. Так они создают ненужное напряжение, потому что, если не закрыта дверь в низшую сферу, высшие силы не могут открыться вам.

Сначала постарайтесь закрыть низшую сферу, а затем вы, без всяких усилий, иногда начнете осознавать другое измерение. Просто сидя под деревом, вы переноситесь в другой мир.

Наверно, вы видели картины Будды, сидящего под деревом. Задумывались ли вы о том, что он делает? Он занимается ничегонеделанием, он ждет. Низшая сфера закрыта, у него есть накопленная энергия, и он ждет, когда энергия достигнет уровня, на котором ему откроются высшие силы. Многие старые техники медитации направлены только на такие вещи.

Будда описывал разные техники, которые закрывают низшую сферу, но главную технику он называл *правильным воспоминанием, самьяк смрити*. Я говорю: осознанность, бдительность, наблюдение, анализ. Будда называл этот метод правильным воспоминанием. Он говорил: «Когда гневаетесь, помните о том, что вы разгневаны. Будьте внимательными, осознавайте свои действия». Такова внутренняя истина: если вы осознанны, то не можете гневаться. Вы можете либо гневаться, либо быть внимательным. Вы не можете гневаться сознательно, так как главное требование для гнева – бессозна-

тельность: вы можете гневаться, только если вы бессознательны.

Если вы закроетесь для низшей сферы, тогда перед вами откроется высшая сфера. Открыв высшую сферу, вы установите связь со многими явлениями. Одно из них будет тем, о чем меня спросил саньясин, а именно глубоким общением с развитыми душами. В существовании ничего не теряется. Будда всегда здесь, Иисус всегда здесь, ничего не теряется. Поэтому для того, кто открыт для высшей сферы, Иисус не историческая личность, он все еще здесь. Прошло двадцать веков, а вы ощущаете его живое присутствие.

Будда все еще здесь. Ничего не теряется, ничто не утеряно. Будда, Махавира или Кришна это не просто имена и телесные формы – они стали Буддой, Махавирой и Кришной, потому что реализовались в бесформенной области. Теперь у них нет формы, они вечны, поэтому вы можете установить с ними связь в любой момент, нужно только открыться высшей сфере, потому что тогда время исчезает. Пространство и время принадлежат низшей сфере.

Ученые говорят, что наш мир состоит из пространства и времени. Эйнштейн соединил их, сказав, что время это четвертое измерение пространства. Он ввел термин пространство-время, и утверждал, что этот мир есть не что иное, как пространство-время. Но когда вы открыты для высшей сферы, то живете вне времени и пространства.

Тогда вам открывается совсем другой мир. Вы не только соприкасаетесь с высшей сферой, но и тесно общаетесь с ней. Тогда вас нет. Вы растворяетесь в высшей сфере, ваше «я» может сохраняться только в низшей сфере.

Поэтому вы цепляетесь за низшую сферу, ведь в высшей сфере вас не будет. Эго, самость, «я» принадлежит низшей сфере. Когда вы открываетесь высшей сфере, вас просто нет. А когда вас нет, вы становитесь посредником высших сил.

Когда Магомет погрузился в глубокую медитацию на горе Хира, он услышал ясный голос: «Читай!»

Магомет был неграмотным, он удивился: «Я не умею читать, я неграмотен».

Но голос повторил: «Читай!», на этот раз еще громче. Магомет колебался, дрожал от страха. Разве он сможет читать? Затем, когда голос сказал в третий раз: «Читай!», Магомет

оказался на линии между низшей и высшей сферой. Он очень хорошо знал, что не умеет читать. Но голос звучал из другой реальности. Он настаивал: «Читай!» Магомет открыл глаза и увидел, что он в другом мире. Он умел читать, мог все видеть.

Такие переживания продолжались четыре года. Коран передали ему не за один день, а за всю жизнь. Прежде Магомет был обычным человеком, самым обыкновенным. Теперь он изменился.

Поэтому Магомет никогда не называл себя просветленным человеком. Он никогда не говорил: «Я божий сын», как Иисус. Он просто говорил: «Я обычный человек, которого сделали посланцем небес, пророком меж двух миров». Он был простым, невинным человеком, поэтому низшая сфера закрылась, и открылось высшая сфера. Магомет не прикладывал никаких усилий для того, чтобы ему открылась высшая сфера, она просто открылась.

Когда это случилось впервые, Магомет так сильно испугался, что никому ни о чем не рассказал. Он возвратился домой в сильном волнении, удивляясь тому, что мог читать. Увиденная им картина отличалась от всего известного ему, она была не от мира сего. Магомет не мог поверить в произошедшее, все перевернулось. Он волновался три дня и молился. Затем очень нерешительно он рассказал жене о том, что произошло. «Я был в другом мире, – сказал он. – Но никому не рассказывай об этом, иначе меня назовут безумцем».

С этого дня Магомета вело уже не эго, а высшие силы, он стал просто их посредником.

Когда открывается высшая сфера, все переворачивается. Ваша логика не нужна, ваш рассудок не нужен. Все ваши знания становятся ничемными, неуместными.

Ты спрашиваешь: «Как нам открыться высшим сферам бытия?»

Это возможно, только если закрыться для низшей сферы. И это самое главное для выживания человечества.

Так всегда было: человечество выживало, только прикасаясь к высшей сфере. Вы можете назвать двадцать имен в истории человечества: Будда, Иисус, Махавира, Лао-Цзы... всего двадцать имен, человечество не могло выжить без них. Дарвин говорил, что мы выжили благодаря борьбе с животным миром, и он прав в отношении нашего животного уров-

ня. Но как люди мы выжили благодаря высшим силам, которые проникали в нас все время.

Когда появляется Будда, высшая сфера проникает в низшую, так все человечество устанавливает тесную связь с чем-то высшим. Будда становится мостом. У нас много мостов, благодаря которым человек это уже не просто животное, а нечто более значительное.

Если человек выживет только как животное, это будет бессмысленным делом. Так происходит повсюду, во всем мире. Тот, кто размышляет о ситуации, понимает, что наша жизнь стала бессмысленной, абсурдным повторением банальностей. Мы не живем, а просто влачим жалкое существование.

Только абсолютно бессознательные люди могут считать это жизнью. Только очень посредственные люди могут так думать. Если вы считаете происходящее всей жизнью, тогда ваша жизнь бессмысленна. Она тщетна потому, что человек в качестве животного не может иметь большое значение. Человек это возможность роста, выхода за пределы животного царства.

Будда говорил, что жизнь это чудо, благословение. Кришна мог танцевать, петь, праздновать жизнь. А мы грустим: сидим и смотрим на проходящую жизнь как на бессмысленное путешествие, ведущее в никуда. Скука... Но для Кришны жизнь это праздник, танец, цветение. Почему? Потому что он установил связь с высшей сферой. Когда вы общаетесь с низшими силами, жизнь банальна, бессмысленна, рутинна.

Мир не исчезнет в атомных взрывах, но это может случиться из-за бессмысленности жизни. Когда я думаю о конце мира, мне приходит на ум мысль не об убийстве, а о самоубийстве. Если вырастет гора бессмысленности, тогда человечество может совершить самоубийство. Оно может сделать это атомным взрывом, но это все равно будет самоубийство.

Высшая сфера нужна всегда. Только высшие силы спасут человечество. Но мы все больше закрываемся от них, отрицаем их. Удивляет то, что те же самые мыслители, которые отрицают высшую сферу, теперь считают жизнь бессмысленной. Если вы показываете смысл, они отрицают его. Если вы скажете, что медитация помогает вам найти смысл в жизни, они говорят: «Этого не может быть, медитация – выдумка. Где эта медитация? Покажи нам ее». Они требуют научных

доказательств, говорят: «Мы сами проведем эксперимент». Они пытаются экспериментировать с медитацией научно. Какие же у них выводы? Чаще всего такие: когда человек погрузился в глубокую медитацию, его нигде нет, он пребывает в глубоком сне без сновидений, волны мозга простые. Когда человек находится в глубоком сне, мозг излучает альфа-волны (их можно записать), и если он в глубокой медитации, вы наблюдаете такие же альфа-волны. Поэтому медитация есть не что иное, как глубокий сон.

На первый взгляд это правильно. Вы не можете отрицать это, потому что уже слышали научные доказательства. Если вы медитируете глубоко, в мозге появляются такие же волны, как и во сне без сновидений. Поэтому медитация – просто сон без сновидений!

Но это не так! Глубокая медитация – стадия выше сна без сновидений. Это состояние без волн, там волны исчезают. Когда человек погружается в глубокую медитацию, он проходит стадию глубокого сна, и затем идет выше. Устройство может записывать только до той точки, где волны исчезают, но не может записать то, что происходит в состоянии без волн.

Если состояние Будды подобно глубокому сну без сновидений, тогда зачем зря тратить на медитацию годы? Почему бы ни принять снотворное? Если это просто альфа-волны, тогда что плохого в химической помощи? Вам будет легче и быстрее. Дело в том, что человек может принимать пилюли годами, но не почувствует значение жизни. Он может научиться крепко спать, излучая альфа-волны, но останется тем же, его жизнь будет рутинной. Он не станет более мудрым, не станет Буддой. Он не сможет праздновать жизнь, не сможет сказать: «Я счастлив оттого, что родился, потому что я существую». Он не умеет благодарить существование.

Будда другой, но ученые требуют научные доказательства. Даже если вы исследуете мозг Будды, то не сможете записать происходящее. Когда Будда глубоко спит, он осознан. Но его осознанность невозможно записать, потому что она не излучает волны. Если вы считаете состояние Будды просто глубоким сном, тогда не важно, сколько раз вы зададитесь о смысле жизни, все равно она останется бессмысленной.

В жизни появляется смысл, если вы чувствуете, что существование божественно, если есть Бог. Смысл возможен, только если существует высшая сфера. Смысл всегда приходит свыше, он не может исходить от вас. Только вознесшись, вы увидите смысл жизни.

Но те же мыслители, требующие доказательства, продолжают отрицать: «Бога нет. Не существует других состояний осознанности». А затем они спрашивают, в чем же смысл жизни!

Жизнь бессмысленна, если вы открыты только для низшей сферы. С низшими силами и вы лишь повторяете одно и то же. С высшими силами ничего не повторяется. Тогда вы ощущаете вечную свежесть, вечную молодость. Каждый миг вечен. Тогда в жизни появляется смысл, ваша жизнь становится значительной.

Этот контакт с высшими силами очень нужен людям, чтобы выжить как человечество. В противном случае человечество выживет только как биологический вид. Он, конечно же, будет особенным, но не единственным в своем роде.

Возникает трудность. Мы боремся как животные: наша политика, нации, расы, религии – у всего этого животный характер. Когда мы говорим о нации, то проявляем алчность к территории земли. Когда мы говорим о расе, то поклоняемся стаду. Под красивыми названиями, яркими ярлыками мы прячем уродство.

Что такое политика? Поведение животных. Вы увидите в стае бабуинов все политические структуры, таких же политиков, как и в любой столице. У этих обезьян есть свой вождь-президент, есть подчиненные и слуги, есть низшие и высшие касты – все.

Вождь это главный бабуин. Никто не может приблизиться к нему; у него есть личное пространство. Даже когда группа в движении, вожак идет один, вокруг него остается пространство. Бабуины, которые нарушают его границы, получают колотушки.

У них есть свой порядок. Высшие бабуины подавляют низших, а низшие даже не могут взбунтоваться. Это внутренняя политика, она сохраняется все время. Когда новый бабуин пытается стать вожаком, он угрожает, бьет строго предводителем. Власть меняется.

В лесу много групп бабуинов, и каждая группа обитает на своей территории, на которую не могут заходить другие группы, иначе начнется война. У людей происходит то же самое. В мире есть границы: вот Китай, а там уже Индия. Вопрос границ вызывает головную боль, и в конечном итоге только сила решает, где пройти границе. Если посмотреть на политиков и сравнить их с бабуинами или любой другой группой животных, то можно увидеть абсолютное подобие. В политике человек похож на животное.

Только благодаря религиозному сознанию вы станете человеком. В ином случае вы так и останетесь животными.

Благодаря религии вы открываетесь высшей сфере. Мы называем религиозным сознанием открытость высшим силам и закрытость перед силами низшими. Поэтому религиозный человек не может принадлежать какой-то стране или религии. Он может принадлежать только существованию, потому что это высшая возможность, где нет границ и политики, где нужна только религия.

Если высшей возможности нет, тогда политики становятся самоубийцами. До сих пор мы выживали несмотря на действия политиков, потому что у них не было оружия массового истребления. Мы выжили вопреки продолжающимся войнам и вожакам бабуинов. Александр Македонский, Гитлер это бабуины, воюющие за территорию, за власть эго.

Человек выжил вопреки политике войны, потому что прежде не было ядерного оружия. Но сейчас у людей появилось ядерное оружие, и они могут уничтожить весь мир. Из-за наших животных склонностей у нас может и не быть будущего. Впервые религия стала единственным способом выживания. До тех пор пока множество людей не откроют свое сознание божественному источнику, у нас нет будущего. Сейчас мы нуждаемся в Буддах и Иисусах гораздо больше, чем когда-либо.

Что вы можете сделать? Вы можете лишь закрыться для низшей сферы. Это очень важно. Какие трудности встанут перед вами? Только одна: ваши старые привычки. Старые привычки глубоко укореняются. Если вы гневливы, ваш гнев начинает возбуждаться. Вы ведете себя как робот, как будто кто-то нажал кнопку, и включился свет. Вам не нужно ничего делать, гнев приходит сам.

Психологи говорят, что наш ум похож на компьютер, не нужно ничего осознавать. Все, что вы узнали, вы передаете своему роботу, который и занимается всем. Ваш ум похож на компьютер: вы включаете его, и он работает. Вы можете отдыхать, *вы* не нужны.

В жизни робот помогает нам, потому что без него вы не сможете выполнять многие виды деятельности, он оказывает необходимую помощь. Но, что касается высших сил, робот приносит трудности.

Робот знает, когда нужно гневаться. Вам не нужно быть осознанным, когда кто-то оскорбляет вас или злобно смотрит, робот сам включается. Надпочечники выбрасывают в кровь адреналин, чтобы вы могли прыгнуть и драться. Это чистая механика. Вы должны контролировать робота, когда открыты низшей сфере. Робот хорошо управляет машиной, но не позволяйте ему любить и гневаться.

Ваш робот делает для вас все. Он делал одно и то же очень долго, поэтому стал экспертом, вы уже не нужны ему. Когда муж и жена любят друг друга, то уподобляются роботам; они не нуждаются в осознанности. Робот продолжает выполнять повторяющиеся действия. Не отдавайте такие тонкие понятия роботу.

Роботу трудно только духовно развиваться. Включайтесь, осознавайте то, что стало автоматическим. Затем вы будете становиться все более сознательным, начнете закрываться для низших сил. А когда откроется высшая сфера, вам уже не нужно будет делать что-то еще, так как высшие силы начнут действовать через вас.

Вы должны что-то делать с низшей сферой, а высшей сфере вы лишь сдаетесь, вас нет. Когда мы говорим о Будде, то имеем в виду, что теперь Будда уже не Гаутама Сиддхартха, поскольку личность растворилась из-за того, что подключилась высшая сфера.

Даже те люди, которые не верят в Бога и говорят, что нет Бога-творца, зовут Махавиру Богом, потому что они не могут называть его старым именем. Вардхаман исчез. Теперь нет эго, нет Вардхамана, который жил прежде, а есть высшая сила. В него вошла высшая сила, нечто бесконечное, и все происходит согласно ему. Когда вы открываетесь высшим силам,

то растворяетесь: вас нет, есть лишь высшая сила. Происходит чудо.

Воинственность Магомета озадачивает нас. Как может человек, который стал высшим, быть воинственным? Но это решение не Магомета, ведь его больше нет; в него вошла божественность. Теперь действует высшее, и куда бы оно ни вело, Магомет следует за ним тенью. Если высшее поведет его на войну, Магомет согласится.

Поэтому Кришна пытается убедить Арджуну сдаться: «Сдайся мне, и ты не будешь беспокоиться, я стану воевать через тебя».

Но тогда вас нет. Вся борьба в *Gite* между Арджуной и Кришной обусловлена тем, что Арджуна пытается остаться собой, он хочет решить сам, воевать ему или нет. Закрытый для высшей силы, он хотел решить согласно низшей силе. Он не хочет открыться высшей сфере. Но Кришна настаивал: «Закройся для низшего и сдайся высшему. Тогда тебе не нужно будет принимать решения, тогда будет решать высшее. Сдайся ему».

Сначала закройте для низшей сферы, а затем, когда вы почувствуете высшее, сдайтесь ему. Когда вы почувствуете высшее, поверьте в него. Когда вы почувствуете низшее, не верьте ему, оставайтесь закрытыми для него. Тогда вы станете мостом к высшему.

Глава 12

Личный поиск

Существует ли Бог?

Сначала я расскажу вам о правильном поиске. Прежде чем о чем-то спрашивать, хорошо бы узнать о правильном поиске. Ни один вопрос не правилен, потому что вы представляете, что можете задать очень много вопросов, которые будут казаться многозначительными, но это не так, все это чепуха.

Метафизические вопросы не имеют смысла в отношении внутреннего поиска. Интеллектуальные вопросы бессмысленны, поскольку интеллект не ведет вас внутрь, ведь даже если

вы получите правильный ответ, то не сможете его использовать. Интеллект это инструмент, мост, связывающий вас со всем, что существует вне вас, из него нет двери к внутреннему миру. Поэтому, когда вы спрашиваете интеллектуально, то можете продолжать спрашивать на протяжении многих жизней, собирать множество ответов, но так и не прикоснетесь к внутреннему миру.

Вы можете много узнать о себе, но узнать что-то *о себе* не значит познать *себя*. Знать «о чем-то» значит ходить по поверхности, а центр останется незатронутым. Вы можете продолжать порочный круг вопросов и ответов, и каждый ответ будет создавать все больше вопросов, затем еще больше ответов, и еще больше вопросов. Вы остаетесь на поверхности, спрашивая и получая ответы, собирая все больше знаний о себе, но не зная себя.

Как спрашивать о чем-то так, чтобы вопрос был значительным, и не просто интеллектуальным, но существенным, не просто для словесных знаний, но для истинной жизни?

Во-первых, когда вы спрашиваете, никогда не задавайте готовые, стереотипные вопросы. Спрашивайте о том, что интересует именно вас, что может помочь вашему преображению. Задавайте такие вопросы, от которых зависит ваша жизнь.

Не задавайте книжные, заимствованные вопросы. И не думайте о вопросах из прошлого, потому что это ваша память, а не вы. Если вы задаете заимствованные вопросы, то никогда не придете к подлинному ответу. Даже если ответ дадут вам, он все равно не достигнет вас, и вы не достигнете него, поскольку заимствованные вопросы бессмысленны. Спрашивайте то, о чем хотите спросить. Когда я говорю *о вас*, то имею в виду вас в этот самый миг, здесь и сейчас. Когда вы спрашиваете о чем-то прямо здесь и сейчас, вопрос становится существенным, так как он идет не из памяти, а из вашего бытия.

Во-вторых, не задавайте вопросы, ответы на которые не изменят вас. Например, кто-то может спросить: «Существует ли Бог?». Задавайте такой вопрос, только если ответ изменит вас: если есть Бог, тогда вы будете одним человеком, а если Бога нет, то другим. Но если вы не изменитесь оттого, что Бог есть или его нет, тогда такой вопрос тщетен. Это просто любопытство, а не поиск. Спрашивайте о том, чем вы действи-

тельно интересуетесь. Только тогда ответ будет для вас важным, ведь вы изменитесь благодаря определенному ответу. Вы действительно интересуетесь существованием Бога? Какая разница, есть Бог или нет? Вы станете другим в зависимости от ответа? И если Бога нет, сможете ли вы жить по-прежнему?

Я вижу, что люди не меняются независимо оттого, верят они в Бога или нет. Они интересуются Богом только ради поверхностных знаний. По сути, они не интересуются им, этот вопрос не важен.

Здесь и сейчас, спонтанно позвольте вопросу возникнуть в вас. Не думайте о прошлом. Не размышляйте о том, что пришло от других, что вы прочли в писаниях. Пусть вопрос возникнет изнутри. И даже если ничего не возникает, это еще лучше. Если вопрос не приходит, и вы чувствуете глубокую пустоту, это хорошо. Такая пустота подлинная, она ваша. Даже в пустоте многое может произойти.

Если вы спрашиваете именно так, из своей сокровенной сути, тогда сам вопрос станет медитацией. Иногда ваш вопрос сам по себе будет ответом. Чем глубже вопрос, тем ближе он к ответу. Если вы можете спросить из самого центра своего естества, тогда не нужен будет никакой ответ, сам вопрос становится ответом. Поэтому я говорю, что он становится медитацией. Если вы можете задать вопрос так, что будете полностью вовлечены в него, ничего не оставляя вне вопроса, тогда вы станете вопросом. В таком случае ответ не нужен. Само всепоглощающее бытие станет ответом.

Вы нуждаетесь во внешних ответах только потому, что ваши вопросы не глубокие. Все, что я говорю, подлинно в отношении внутреннего поиска. В науке или другом внешнем исследовании это не так. Там вопрос остается вопросом, а ответ нужно еще найти. Но для внутреннего бытия сам вопрос становится ответом, ваш поиск сам по себе становится целью.

Во внутреннем поиске средство и цель – не два отдельных понятия. Средство и есть цель. Начало и есть конец, поиск и есть реализация. Но вопрос должен быть всепоглощающим, подлинным. Вы должны глубоко сдаться своему вопросу, его не следует задавать лишь из любопытства.

Итак, расслабьтесь. Когда я говорю о расслаблении, то призываю вас отказаться от прошлого, от заимствованных

вопросов, успокоить ум, чтобы проявилось ваше естество. Тогда вопрос станет медитацией. Тогда спрашивайте обо всем, что придет вам на ум.

Почему в мире так много разочарования?

Потому что много надежд. Если вы надеетесь, то разочаруетесь. Не надейтесь, тогда и разочарования не будет. Разочарование это побочное явление: чем больше вы надеетесь, тем чаще разочаровываетесь. Поэтому разочарование это не трудность, а результат. Надежда – вот настоящая трудность.

Разочарование это просто тень надежды. Если вы не надеетесь даже на миг, если находитесь в состоянии ума без ожиданий, тогда все просто. Вы задаете вопрос, и приходит ответ, вы удовлетворены. Но если вы спрашиваете с надеждами, тогда ответ разочарует вас.

Все свои поступки мы совершаем с надеждой. Если я люблю кого-то, то надежда возникает во мне, даже если я не осознаю ее. Я начинаю надеяться на ответную любовь. Я еще не развил свое высокое чувство, но уже явилась надежда, и все явление любви разрушено. Любовь приносит больше разочарований, чем что-то еще в мире, потому что из-за любви вы гоняетесь за миражами надежды. Вы еще даже не были в путешествии, а уже думаете о возвращении домой.

Чем сильнее вы жаждете любви, тем труднее человеку ответить вам любовью. Если вы ждете любви от кого-то, то он почувствует себя обязанным, воспримет как требование исполнить свой долг. А когда любовь становится обязательством, она не может цвести, потому что любовь умирает, превращаясь в долг.

Любовь может быть только игрой, но не обязательством. Любовь это свобода, а долг – рабство, тяжелое бремя, которую человек должен нести. И когда вы обременены чем-то, красота теряется. Свежесть, поэзия – все теряется, и другой человек почувствует подделку. Если вы любите с надеждой, то убьете любовь. Произойдут преждевременные роды, ваша любовь будет мертворожденным ребенком. Тогда вы разочаруетесь.

Любовь это игра, а не сделка, потому что вы хотите выйти из чего-то. Любить кого-нибудь просто так. Благодарите Бога за то, что вы любили, и забудьте о том, ответят вам взаимностью или нет. Не превращайте любовь в сделку, тогда вы ни-

когда не разочаруетесь. Ваша жизнь наполнится любовью. Когда любовь расцветает во всей своей полноте, вы ощущаете блаженство, экстаз.

Я упомянул любовь только для примера. Этот закон применим ко всему. В мире много разочарования, поэтому трудно найти того, кто не разочарован. Даже так называемые святые разочарованы из-за своих учеников, потому что они надеются на то, что ученики будут поступать определенным образом. Возникает разочарование, иначе и быть не может.

Так называемые святые разочарованы, потому что они надеются. Каковы бы ни были их идеалы, общество должно соглашаться с ними; каковы бы ни были их утопии, все мы якобы должны поддерживать их. Они ожидают слишком многого. Они думают, что весь мир должен перемениться в один миг согласно их идеям. Но мир продолжает жить по-своему, и они разочаровываются.

Очень трудно найти человека, который не был бы разочарован. И если вы найдете такого человека, тогда считайте его религиозным. Каждый разочаровывается по собственной причине. Один разочарован из-за власти, престижа, влияния, другой – из-за любви, третий впал в тоску даже из-за Бога.

Вы хотите, чтобы Бог пришел к вам. Вы начинаете медитировать в надежде на его появление. Некоторые люди медитировали по пятнадцать минут каждый день в течение недели, а затем приходили ко мне и говорили: «Я медитировал, но все еще не достиг просветления. Все мои усилия напрасны». Они посвящали медитации пятнадцать минут в течение семи дней, он Бога не увидели. «Я все еще не рядом с Богом, что я должен делать?» – спрашивает он меня. Даже в поиске Бога мы тешим себя надеждами.

Надежды это яд. Отсюда и разочарование, иначе и быть не может. Созерцайте ложь, яд надеющегося ума. Если вы осознанны, то постепенно надежды исчезнут, и разочарования больше не будет. Поэтому не задавайте вопрос: «Почему в мире много разочарования?» Лучше спросите: «Почему я разочарован?» Тогда все измерение меняется. Когда кто-то удивляется, почему мир так разочарован, то снова появляется надежда на то, что разочарование может покинуть мир. Но не важно разочарован мир или нет, потому что вы все равно разочарованы.

Мир разочарован, это правда. И вы пытаетесь понять, почему вы разочарованы. Вы поймете, что разочарование вызвано надеждами. Вот семя, корень трудности. Откажитесь от надежды!

Не думайте о мирской суете, задумайтесь о себе. Вы и есть мир, и если вы начнете меняться, мир также начнет меняться. Его часть, причем существенная часть, стала другой, мир тоже изменится.

Мы всегда стремимся изменить мир. Так вы просто бежите от себя. Я всегда чувствовал, что люди, которые хотят изменить других, в действительности избегают разочарования, своей тревоги и боли. Они сосредотачиваются на чем-то другом, занимают чем-то свой ум, потому что не могут изменить себя. Легче пытаться изменить мир, чем самого себя.

Помните о том, что нужно найти причину своего разочарования. И чем быстрее вы это сделаете, тем лучше. Ситуации бывают разными, но источник разочарования всегда один: надежда.

Во мне кипит ненависть. Что мне делать?

Действия не помогут. Ты ничего не можешь с этим поделать, потому что твоя трудность весьма деликатна. Если ты начнешь делать что-то с ненавистью, которая кипит в тебе, то возненавидишь собственную ненависть.

Механизм очень тонок. Человек может сердиться на свой гнев, ненавидеть собственную ненависть. Вы можете бороться с таким своим недостатком, но вы никогда не победите, болезнь только уйдет более глубокий уровень.

Ничего не делай, просто осознавай свою ненависть. Когда ты чувствуешь ненависть, осознавай ее. Почувствуй, как ненависть наполняет тебя. Не пытайся убежать от нее.

Даже ваши действия могут привести к бегству. Если я гневаюсь, то начну что-то делать со своим гневом — так я заинтересуюсь не самим гневом, а своими действиями в отношении гнева. Мое восприятие меняется: я уже не осознаю гнев. Вернее, место гнева заняли усилия что-то сделать с ним. Это нехорошо, неправильно, потому что тогда вы станете подавлять гнев.

Если вы чувствуете ненависть, гнев, жадность или что-то еще, не пытайтесь тотчас же что-то делать, просто осознавай-

те свое чувство. Сначала постарайтесь увидеть его уродливость, ядовитость. Когда вы четко увидите ненависть, она исчезнет сама. Ненависть может продолжаться, только если вы плохо видите ее.

Вообразите змею, которая выползла на тропу, по которой вы идете. Вы осознали присутствие змеи и тотчас же отпрыгнули. Вы не обдумывали прыжок, он сам собой случился, стило вам осознать присутствие змеи. Точно так же, когда вы осознаете свою ненависть, происходит прыжок, не нужно ничего планировать.

Прежде всего, нужно помнить о том, что не следует ничего осуждать. Лучше становитесь более осознанными. Когда что-то проявляется, осознавайте это, медитируйте.

Второй момент еще тоньше: ваши мысли. «Я чувствую ненависть в себе. Я чувствую гнев, жадность и тщеславие». Ум снова демонстрирует трюк, очень хитрый трюк, потому что тогда вы очень тонким образом отделяетесь от ненависти. Вы говорите: «Я вижу ненависть, жадность в себе. Жадность *во мне*, это не я сам. Я не жадность, не ненависть, не гнев. Это что-то постороннее во мне».

Так думает ум, так язык обманывает нас. Язык говорит: «Это гнев во мне», но это неправда. Когда вы гневаетесь, нельзя говорить, что в вас присутствует гнев...именно вы и есть ненависть. Здесь не может быть двух понятий, только одно. В настоящий миг может присутствовать либо ненависть, либо вы, два понятия сосуществовать не могут. Если вы здесь, тогда ненависть исчезнет, а если ненависть здесь, тогда вас нет.

Придерживайтесь экзистенциального, а не лингвистического подхода. Язык создает много трудностей. Из-за структуры языка мы приобретаем нереалистичное отношение к явлениям. Например, когда вы гневаетесь, то не существует «я», которое полыхает гневом. Есть только гнев, а вы растворены в нем, вас нет.

Рассматривайте свою ситуацию экзистенциально. Когда возникает ненависть, осознайте, есть ли вы, или здесь только ненависть. Тогда в вашем сознании произойдут очень тонкие изменения. Когда вы начнете осознавать себя и ненависть, тогда начнет проявляться ваша осознанность. И чем более сознательными вы будете становиться, тем меньше ненависти

будет оставаться. Оба понятия не могут существовать. Ненависть возможна, только когда человек бессознателен, когда он несознательный, невнимательный, небдительный.

Когда ненависть, гнев, напряжение – все это ушло, вы вспоминаете о них, и они становятся составляющей вашей памяти. Теперь вы можете отделить себя от этих эмоций. Вы отделены от гнева, а гнев отделен от вас. Теперь это часть вашей памяти. Так лингвистическая ошибка, о которой я говорил, поддерживается опытом.

Вы гневались несколько секунд назад, а теперь гнев ушел. Вы отделены от гнева: вы – одно, а гнев – что-то другое, гнев становится частью вашей памяти. Появились два понятия: память о вашем прошлом опыте гнева и вы сами. Но во время вспышки гнева были лишь вы в своем гневе. Поэтому, когда появляется ненависть, глубоко почувствуйте ее. Осознавайте, что вы становитесь ненавистью, вы и есть ненависть. Осознание этого факта изменит явление. Когда это осознание придет к вам, ненависть растворится, потому что вы не можете сосуществовать с ненавистью, гневом или жадностью. Осознанность подразумевает наличие сознательного ума, а гнев, ненависть, жадность – все это может возникнуть только в бессознательном, дремотном состоянии ума.

Становитесь все более бдительными и не размышляйте о прошлом, потому что это бесполезно, так вы лишь разбазариваете свою энергию. Когда возникает гнев или ненависть, в этот самый миг закройте глаза и медитируйте: вы здесь или гнев? Сначала будет только гнев. Где же вы? Вас нет. Вся ваша энергия стала гневом, вы целиком превратились в ненависть.

Иногда влюбленные чувствуют, что, когда любовь вспыхивает, они исчезают. Очень легко почувствовать это явление в любви, потому что любовь наполняет, но почувствовать его в ненависти трудно, потому что ненависть не удовлетворяет. Влюбленные чувствуют, что не они «любят», что любовь это не действие – они сами становятся любовью.

Когда вы любите кого-то, то становитесь любовью. Когда вы ненавидите кого-то, то становитесь ненавистью. Но если вы остаетесь самим собой, тогда вы можете ни любить, ни ненавидеть. Поэтому мы говорим, что кто-то «упал в любовь» (to fall in love /влюбиться/ – дословно значит «упасть в лю-

бовь»). Явление любви это падение. Это значит, что вы перестаете осознавать себя, потому что любите. Влюбленные кажутся сумасшедшими тем, кто не умеет любить. Они в самом деле безумны! Вы не сможете с ними общаться, они не в себе. Их в самом деле нет, поскольку вся их энергия превратилась в любовь, они полностью объединились с ней. В явлении любви не бывает свидетелей.

То же самое происходит в ненависти. Любовь похожа на ненависть, потому что это та же энергия, только перевернутая. Когда вы чувствуете любовь, вас неистово влечет, а когда вы чувствуете ненависть, вас столь же неистово отталкивает. Когда вы влюблены, когда для вас становится привлекательным другой человек, вы теряете свой центр, самость, и центром становится кто-то другой. Когда вы ненавидите кого-то, происходит то же самое: кто-то отвратителен для вас, и вы уже не в центре, вы теряете самосознание, и кто-то другой становится центром.

Помните об этом, и не в воспоминаниях, а в тот самый миг, когда что-то происходит. Когда вы чувствуете, что в вас появилась ненависть, закройте глаза, забудьте о внешней ситуации и осознайте, что происходит в вас. Вся энергия становится ненавистью. Если вы наблюдаете свое чувство, тогда часть энергии начинает сама собой преображаться в осознанность. Столп осознанности возникнет среди хаоса ненависти, любви или прочего. И чем выше этот столп, тем активнее исчезает, растворяется внутренний хаос. Затем, когда вы чувствуете, что вы есть, вы замечаете, что ненависти больше нет. Вы стали самим собой, центром, и другие уже не становятся центром, который либо привлекает, либо отталкивает.

Эту медитацию нужно выполнять в тот самый миг, когда что-то происходит. Тогда вы изменитесь. Не то, чтобы вы победили свою ненависть или взяли под контроль свой ум. Теперь вы будете сознанием, светом самому себе. Благодаря этому свету тьма не сможет воцариться. Теперь ваше бытие пронизано осознанностью. Ненависть стала невозможной, потому что для ненависти главное условие – ваша бессознательность.

Вы должны очень четко понять, что ненависть нуждается в вашей бессознательности. Это пища для ненависти, в ней ненависть черпает свою силу. Поэтому не делайте ничего с не-

ненавистью, лучше увеличьте свою осознанность. Становитесь все более сознательными в своих действиях, мыслях, настроении, что бы ни происходило.

Сознательное бытие не наполнено ни ненавистью, ни любовью. Поэтому мы используем разные слова, когда говорим о Будде. Мы можем сказать, что Будда любит всех, но тогда это слово будет нести такое же значение, какое мы обычно вкладываем в него. Будда не может любить вас, потому что он не может ненавидеть вас. Он не может быть для вас как отвратительным, так и привлекательным. В обоих случаях центром становится кто-то другой. Будда не любит, но сострадает, это различие очень глубоко.

Если вы чувствуете сострадание, то остаетесь центром, тогда вы можете быть ни отвратительным, ни привлекательным. Это нейтральное состояние. Другой человек ясно почувствует, что вы любите его, но...

Если вы придете к Будде, то почувствуете, что он любит вас, это ваша свобода. В любой момент вы также можете почувствовать, что он ненавидит вас. Это также ваша свобода. Все это ваши проекции: мол, он любит или ненавидит. В действительности, он ни любит, ни ненавидит; а остается самим собой, излучая сострадание.

Видите разницу? Если вас нет в этой комнате, я не могу ни любить, ни ненавидеть вас. Если я хочу ненавидеть вас, то получить предмет ненависти, поэтому, если вас здесь нет, я должен представить, что вы здесь. Любовь останавливается, когда любимый человек отсутствует, и ненависть останавливается, когда нет врага. Если они отсутствуют, вы можете вообразить их.

Сострадание означает, что даже в отсутствии всех существ Будда будет сострадательным. Воображение здесь не при чем, просто таково его естественное состояние. Река по своей природе течет, а Будда сострадает. Другие к делу не относятся, он сам центр.

Когда человек становится центром, когда он становится цельным, тогда никто ни привлекает, ни отталкивает его. Возникает еще более сложная трудность, потому что вы не сможете превзойти ненависть, пока не превзойдете любовь. Все хотят превзойти ненависть, но никто не хочет превзойти любовь. Но тогда вы попадете в неразрешимую ситуацию,

потому что ненависть это часть явления отвращения и привлекательности.

Неужели вы можете просто любить и испытывать влечение ко всему на свете? Мы часто пытаемся любить, но возвращаемся на прежний легкий путь: одного ненавидеть, другого любить. Это делать легко. Вы делаете одного человека врагом, а другого – другом. Тогда вам легко, вы можете любить. Вы можете испытывать влечение к *А*, и отвращение к *Б*. Это один путь.

Другой путь более сложный: ненавидеть того же человека, которого вы любите. Так мы тоже поступаем. Утром мы любим, в обед ненавидим, вечером снова любим. Каждый влюбленный непрерывно мечется между ненавистью и любовью, влечением и отвращением. Фрейд очень правильно заметил, что вы ненавидите того же человека, которого любите, иначе и быть не может.

Эта истина становится все более очевидной, когда мы избавляемся от козлов отпущения, которых создали из-за нашей ненависти. Вы можете любить свою страну и ненавидеть другие, можете любить свою религию и ненавидеть другие, потому что, если вы любите кого-то или что-то, то вынуждены уравновешивать свою любовь ненавистью. В старину это было легко делать, тогда сохранялось равновесие, но теперь человечество растворило наших козлов отпущения. Скоро мир объединится, и появится одна нация, одна раса. Тогда одно явление будет становиться объектом и любви, и ненависти.

Двойственность естественна. Если вы любите, то и ненавидите. Некоторые люди проповедуют: «Любите весь мир!» Но вы не сможете любить мир, пока не возненавидите другой мир. Мне кажется, человечество не объединится до тех пор, пока мы не найдем врагов на другой планете. Когда мы откроем врагов где-то (мы активно ищем их), тогда человечество объединится.

Когда Индия воевала с Пакистаном, в Индии не было внутренней борьбы, индийские народы сплотились. Люди испытывали патриотизм, потому что любовь уравновешивалась ненавистью к Пакистану. Но когда нет войны, индуисты борются с мусульманами, брамины – с шудрами, один штат устраивает тяжбу с другим штатом, одна партия строит козни

другой. Но если где-то появляется враг, тогда весь народ становится единым.

Человечество не объединится до тех пор, пока мы не найдем враждебную планету. Помогут даже голые предположения. Великий ученый и нобелевский лауреат Липус Паулинг предложил распустить по всему миру слух о том, будто Объединенные Нации Марсиан собираются напасть на Землю, и попросил ученых всего мира поддержать эту сплетню, чтобы на земле прекратились войны. Этот ученый прав. Для человека в его нынешнем развитии такой слух был бы благостен. Ложь может помочь, а правда не всегда помогает.

Если вы испытываете любовь, то непременно что-то возненавидите, будете искать объект для излияния гнева. Чем сильнее вы любите, тем больше наполняетесь ненавистью. Такова цена, которую платит человек. Помните, что любовь и ненависть либо сосуществуют, либо одновременно отсутствуют.

Ненависть исчезнет не благодаря неким вашим действиям, а благодаря вашей осознанности, сознательности, бдительности. Станьте сознательными, и вы окажетесь в своем центре, никто тогда не сможет выбить вас из центра. А сейчас кто угодно может сделать это. Один человек вызывает у вас любовь, другой – ненависть, но любой человек может вытолкнуть вас из центра. По сути, у вас нет центра, а есть лишь поддельный центр. Кто угодно может прийти и лишит вас уравновешенности.

Если вы сознательны, то уравновешенны, цельны. Тогда и любовь, и ненависть исчезнут. Только после их исчезновения вы успокоитесь. Внешне эти чувства в самом деле очень похожи. Когда вы сильно ненавидите, то не можете спать, и когда вы сильно любите, тоже не можете спать. Когда вы сильно любите или сильно ненавидите, поднимается кровяное давление. Все показатели одинаковые, вы становитесь напряженными. Когда кто-то любит, он утомляется, мучается и раздражается из-за пустяков, как и в ненависти. И то, и другое представляет собой напряжение, болезнь.

В столь болезненном состоянии вы не можете легко чувствовать себя ни в любви, ни в ненависти. Вам будет легко, только если в вас нет ни любви, ни ненависти. Тогда вы ос-

таетесь в самом себе, наедине со своим сознанием. Вы уединились, другие люди безразличны вам – вы уравновешены.

Тогда приходит сострадание. Оно возникает само собой как следствие уравновешенности. Сострадание это не любовь и не ненависть, не влечение и не отвращение, а совсем другое измерение. Вы просто пребываете собой, живете в согласии с собой. Одни люди чувствуют к вам симпатию, другие – антипатию, но это просто их проекции, их трудности. Вы можете смеяться над их чувствами, оставаясь цельными.

Последние десять лет я испытываю массу трудностей. Дело в том, что я постоянно тревожусь. Мой ум все время куда-то спешит. Что мне делать?

Почему ты думаешь о последних десяти годах? Почему? Вот главная причина твоих трудностей.

Что вы получаете из прошлого? Воспоминания и мысли. Вы собираете все больше воспоминаний, потому что каждый день ваше прошлое увеличивается. Прошлое растет каждый день, потому что вы продолжаете накапливать мысли, воспоминания, опыт. Каждый день ваш ум увеличивается, а сознание уменьшается.

Ум означает накопленное прошлое, и оно продолжает накапливать воспоминания. Что еще он может делать кроме повторения мысли? О чем еще он может думать, кроме повторения прошлого? Ничего нового не приходит уму. Мышление не бывает оригинальным, и не может быть, потому что вы можете мыслить только в терминах известного. Вы не можете думать о неизвестном, а можете только подойти к неизвестному, когда не думаете.

Каждый день вы даете уму все больше пищи для размышлений. Ум продолжает мыслить, это очень эффективный механизм. Он может даже сделать вас безумным, если вы начнете думать так быстро, что не сможете связать даже две мысли. Мышление сумасшедшего дошло до крайности, его мысли перекрывают друг друга. Вы думаете линейно, а сумасшедший думает одновременно по нескольким линиям, его мышление очень усложнено.

Если вы будете собирать прошлое, ваше мышление будет расти. Вы можете даже порой переставать осознавать себя, и тогда вы превращаетесь в компьютер, в робота.

Что же делать? Пусть прошлое остается в прошлом, не думайте о нем. Забудьте прошлое. Помните только этот миг. Если вы в самом деле будете оставаться в этом миге, то не сможете думать, это невозможно. Мышление возможно только в прошлом или будущем, но не в настоящем. Оставайтесь в этом самом миге, здесь и сейчас.

Например, я говорю. Но мне кажется, ты не слышишь меня, потому что твой вопрос остался, он работает в твоём уме. Ты упустил ответ и можешь снова упустить его в этот самый момент. Если ты действительно слушаешь меня, тогда твой мыслительный процесс останавливается. Если мышление продолжается, ты не можешь слушать меня. Если ты обдумываешь мои слова, о применении их на практике, тогда ты снова теряешь настоящий миг.

Когда вы едите, просто ешьте, и больше ничего не делайте. Когда вы слушаете, просто слушайте, вот и все. Когда вы идёте, просто идите. Оставайтесь в настоящем миге, с тем, что вы делаете, и скоро вы заметите, что прошлое уходит, что в вас открывается новое пространство. В этом пространстве нет мыслей.

Живите в каждый миг. Умрите для прошлого и будущего. Живите здесь и сейчас, и тогда все ваши действия станут медитацией.

Медитация это отношение, а не деятельность, поэтому все ваши поступки становятся медитацией. Так называемая медитация, которую постоянно выполняют люди, вовсе не медитация, поскольку медитация это, на самом деле, пребывание в настоящем мгновении, которое представляет собой суть, центр, самое главное.

Делайте все, что вам нужно: ходите по улице, бегайте, принимайте ванну, ешьте, спите, лежите на кровати, расслабляйтесь, но при этом осознавайте свои действия. Без прошлого и будущего оставайтесь в настоящем. Поначалу вам придется нелегко, но постепенно разом вы справитесь, и перед вами откроется новая дверь, новая область, и процесса мышления больше не будет.

Я не хочу сказать, что вы не сможете думать – напротив, *лишь тогда* вы сможете думать. Мышление отличается от бешеной круговерти мыслей. Толпа мыслей – вовсе не мышление. Мысли несутся нескончаемым потоком, и вы не може-

те ничего с ними поделаться. Вы жертва, а не мыслитель. Вы страдаете и пытаетесь не думать.

Попытайтесь остановить мысли, и вы увидите, кто хозяин. Попытайтесь остановить их. Вы не сможете сделать это. Мысли взбунтуются и вырвутся из-под вашего контроля, и они вернуться с большим мстительным напором, с большей сноровкой. В вас гуляют мысли, но это не мышление, а просто натиск, безумный напор, толпа, затор мыслей – несознательных, бесполезных, лишний груз прошлого.

Поэтому будьте осознанными. Больше не транжирьте настоящее. Живите настоящим. Живите в медитативном качестве настоящего.

Настоящий миг это вообще не часть времени. Прошлое это время, как и будущее, но настоящее это не время. Обычно мы делим время на три части: прошлое, настоящее и будущее. Но в действительности это не так. Настоящее вечно, настоящее *есть*. Оно всегда здесь и сейчас, вечно сейчас. По сути, нет прошлого, нет будущего. Прошлое существует только в памяти, а будущее – только в воображении. Прошлое и будущее принадлежат уму, а не существованию. Если вы поймете это, то осознаете, что время это ум, а ум – время. Отключите ум, и времени не будет, и наоборот.

Поэтому каждая религия утверждает, что когда вы погружаетесь глубоко в себя, время исчезает. Наступает миг без времени: безвременье, здесь в этот самый миг. Вы можете потерять его из-за своей дурной привычки накапливать прошлое, но этот миг здесь, и если вы осознаете его, он сможет длиться вечно.

Если вы сознательны, тогда в этот самый миг прошлое унесется прочь, будущее исчезнет, и проявится настоящий миг. Живите в нем, и тогда этого сумасшедшего потока мыслей не будет. Вы сможете мыслить четко и ясно. Новое мышление будет более осознанным, более сосредоточенным светом вашего бытия. Вы становитесь настолько сознательными, что при появлении трудности ваше сознание, ваш яркий луч свет естества растворит ее. И когда трудность исчезает, вы узнаете ответ.

Так называемое мышление склонно скорее к беспокойству, чем к подлинному мышлению. В этом так называемом мышлении вы идёте ощупью во тьме в поисках ответа. Сегодня вы

думаете, что разрешили что-то, а завтра возникнет эта же трудность, все опять перепутается, и вы продолжите бродить ощупью во тьме. Поэтому мыслители каждый день меняют свое мнение. То, что было истиной вчера, сегодня уже не истина, а сегодняшняя истина не будет ею завтра. Поэтому всякая истина приблизительна, ведь ничто не истинно и ничто не лживо, все может стать ложью в любой момент.

Будда это истина совсем в другом смысле... без понятия времени. Иисус есть вневременная истина. Истина таких людей не может стать ложной, потому что она основана не на мышлении, а на медитации, она пришла не через мысли, а через отсутствие мыслей. Помните о том, что явление отсутствия мыслей возникает, когда вы пребываете в настоящем мгновении.

Когда я люблю других, то внутренне напрягаюсь. Только моя любовь к вам дает мне удовлетворение. Почему так происходит?

Моя любовь также в любой момент может принести тебе разочарованием, потому что другой все еще остается в центре. Кем бы он ни был... другой не должен быть центром.

Если ты действительно чувствуешь, что близок мне, тогда помните, что другой не должен быть центром. Когда ты научишься любить, не центрируясь на мне, то станешь счастливым. Если твоя любовь центрирована на мне, тогда у тебя будут лишь возникать трудности. Ты будешь любить меня и искать предмет ненависти.

Так бывает. Если вы любите своего гуру, тогда начнете ненавидеть и осуждать остальных гуру. Если вы любите Раму, тогда даже Кришна станет для вас врагом. Если вы любите Иисуса, то разве можете любить Магомета? Вы придумаете себе врага.

Если вы любите кого-то (даже меня, и чувствуете удовлетворение), то и в таком случае подспудно присутствует другая сторона. В любой момент она готова взорваться, разрушить вас. Вы должны чувствовать личное, независимое удовлетворение, потому что только тогда у вас не будет возникать разочарование. У вас будет много ощущений, но они будут отделены от вас. Центр будет сохраняться.

Если вы можете быть полностью сами с собой, тогда даже если мен не будет здесь, даже если вы не сможете найти меня, даже если забудете меня, удовлетворение все равно останется. Когда вы центрированы в самом себе, то можете почувствовать нежную благодарность к кому-то, но это уже другое.

Не привязывайтесь. Не думайте в терминах любви, потому что термины, как мы знаем, ограничены противоположностью. Понять это нелегко. Если вы любите меня, то не можете и предположить, что способны ненавидеть меня. Но это обычное явление. Когда кто-нибудь видит сон, он может и не знать, что он видит просто сон. Для него это реальность; он не может представить, как что-то может быть нереальным. То же самое происходит, когда кто-то влюбляется: он не может представить, как он может возненавидеть любимую. Но затем он все же ненавидит ее и не может представить, как когда-то любил ее.

Люди, которые любят, а затем ненавидят, не настоящие влюбленные. Но ум постоянно подбрасывает вам аргументы. Если вы любите кого-то, то не можете представить, как возненавидите его или ее, и тогда ум говорит вам, что это настоящая любовь. Затем вы ненавидите этого же человека, и ум говорит, что вы были влюблены по-настоящему, но тот человек был не достоин вашей любви. Сначала вы находите множество причин для любви, а затем целую гору причин для ненависти.

Я наблюдал это явление на примере не одного человека, а очень многих людей. Иногда человек любил меня очень сильно, а затем начинал ненавидеть меня. Когда кто-то любит глубоко, он может также глубоко ненавидеть, иначе и быть не может. Когда он любил меня, то не мог представить, что возненавидит меня, а теперь он ненавидит меня и не может понять, как он умудрился любить меня.

Очень легко перейти от любви к ненависти, а вот от ненависти к любви – очень трудно. На то много причин. Вы не можете ненавидеть вначале, поскольку сначала человек любит. Любовь необходима для ненависти. Вы не можете ненавидеть сразу, без первоначальной любви. Но потом очень трудно склеить разбитое зеркало. Вы можете снова влюбиться, но ненависть, которая предшествовала новой любви, бро-

сит тень и на нее. След ненависти остается, он витает в воздухе. Прежние мечты о сказочной любви не могут ожить.

Если вы любите меня, то почувствуете боль, слыша мои слова. Не обижайтесь на меня. Если вы стремитесь к самореализации, если пытаетесь найти путь к высшей истине, тогда я буду часто причинять вам боль, борясь с вашими заблуждениями. Я знаю, что ваша любовь может превратиться в ненависть. У любви есть сила, и у ненависти тоже есть своя сила.

Но существует любовь, которую я называю состраданием, она может прийти к вам. Она может прийти к вам, только если вы находитесь в своем центре. Укореняйтесь в себе. Только если я смогу помочь вам сделать это, я буду сострадать. Мое сострадание может иногда причинять вам боль, но я должен поступать именно так.

Поэтому я говорю, что любой человек, полагающийся на кого-то еще (кем бы ни был предмет привязанности), в конечном итоге разочаруется. Освобождайтесь от других. Поэтому я позволяю вам приблизиться ко мне, моя цель – позволить вам быть близкими мне, ведь тогда вы сможете стать собой. Только если я смогу помочь вам прийти в свой центр, где нет любви и ненависти, вы можете установить со мной совсем другие отношения. Тогда качество этих отношений будет не от мира сего, в них не будет ни ненависти, ни любви. Тогда вы не будете воспринимать меня как другого, а ощутите меня как самого себя.

И не только со мной... Вы поймете, что весь мир, вся вселенная это и есть вы сами. Когда человек укоренен в себе, он соединяется со всей вселенной.

Но если вы полагаетесь на другого человека, то неизбежно попадете в неприятное положение. Законы природы не допускают исключения. Они непреложны, безжалостны и беспристрастны.

Измерения неведомого

Глава 1

Нечего сказать, кроме этого

Объясните, какова ваша цель. Кто вы? Что вы хотите делать?

Я не подвержен влиянию Махавиры. Будды, Христа или Мохаммеда. В религии прекрасно то, что в некотором смысле она всегда стара — в том смысле, что религиозные переживания были известны многим людям. Нет такого религиозного переживания, чтобы кто-то мог заявить: «Это только мое».

Этому есть две причины. Первая: в религиозном переживании отсутствует чувство это, вот почему в этом мире «своим» можно назвать все, кроме религиозного переживания. Нельзя сказать, что это переживание ново, так как истина ни нова, ни стара. Вот в каком смысле я говорю о Махавире, Кришне, Христе и других они ощутили религиозное переживание. Когда я говорю, что не подвержен их влиянию, я имею в виду только вот что: я говорю, основываясь на своем собственном переживании и знании; я говорю о них, упоминая их имена, потому что мое знание подтверждается тем, что узнали они, но для меня это мой собственный опыт.

Я увидел, что они правы, и вот поэтому я говорю о них. Я говорю о своем переживании. Они тоже доказывают истинность моего переживания, но это переживание не может быть названо новым, однако в ином смысле оно ново. Это загадка и основное таинство религии. Религиозное переживание может быть названо новым, потому что к кому бы оно ни пришло, оно абсолютно ново — такое случается в первый раз, ничего подобного еще не было прежде. Оно могло случиться с кем-нибудь еще, но для того, кто пережил это — оно ново, оно в первый раз. Оно так ново для него, что он не может поверить, что такое же случилось и с другими.

До тех пор пока переживание связано с сознанием личности, оно как свежесть цветка, раскрывающегося утром: его лепестки покрыты росой, лучи восходящего солнца падают на них. Видящий в первый раз эти цветы не скажет, что они ста-

ры, хотя бы потому, что каждое утро открываются новые цветы. Каждое утро роса и солнце падают на новые цветы. Возможно, чьи-то глаза видели эти цветы каждый день, но тот, кто видит их такими в первый раз, не может даже и думать, что эти цветы уже видели прежде. Это так ново, что если он говорит «истина не может состариться, она всегда нова и неповторима», — он не ошибся.

Мы говорим, что религия стара и вечна, потому что истина вечна, но религия также и нова, потому что когда бы ни осознала истина, это переживание ново, свежо, девственно.

Можно знать истину и верить в то, что она стара, или знать ее и верить в то, что она нова. Если некто верит в то, что религия стара, или в то, что она нова, он не будет непоследовательным по отношению к истине.

Гурджиев, если бы его спросили, мог бы сказать, что религия вечна и стара; Кришнамурти — что она абсолютно нова, что она не может быть старой, но оба они последовательны.

Вопрос, который вы задали мне, мог быть задан Гурджиеву или Кришнамурти. Их ответы были бы только половиной правды. Полуправды всегда последовательны, но полная правда всегда непоследовательна, потому что полная правда включает в себя все противоположности.

Некто может сказать, что свет и только свет есть истина, так он игнорирует тьму и смотрит на нее, как на ложь, но назвав тьму ложью, он отрицает тем самым ее существование. Он может быть последователен, потому что он отрицает тьму и не беспокоится о ее существовании. Его философия может быть ясной, прямой и последовательной, как математика. В его философии не будет загадок. И кто-нибудь другой, говорящий, что тьма и только тьма везде, что свет — только иллюзия, тоже может быть последовательным.

Трудность возникает с человеком, который говорит, что есть тьма и также есть свет. Человек, который принимает существование и света и тьмы, принимает тот факт, что тьма и свет — это только две крайности чего-то одного. Если тьма и свет — две разные вещи, тогда с увеличением света тьма не будет уменьшаться и с уменьшением света тьма не будет увеличиваться, но факт, что с увеличением или уменьшением света тьма уменьшается или увеличивается. Вывод ясен: свет

есть где-то часть тьмы и наоборот; оба они два конца одной вещи.

Поэтому, когда я пытаюсь сказать целостную истину, трудность в том, что я кажусь непоследовательным. Я говорю в одно и то же время о двух вещах, что кажется противоречивым. Я говорю, что истина вечна и называть ее новой ошибочно, и в то же время я говорю, что истина нова и нет смысла называть ее старой. Когда я говорю об этих обеих вещах вместе, я пытаюсь поймать всю истину сразу в ее совершенной полноте. Когда бы истина ни высказывалась во всей ее полноте, в ее составных значениях должны быть сделаны противоположные, непоследовательные утверждения. Теория Махавиры — только лишь попытка уравновесить противоположные взгляды. Что бы ни говорилось в первом предложении, во втором должно быть высказано противоположное утверждение. Так противоположность, которая оставалась бы недосказанной, тоже включена и охвачена.

Если противоположность выбрасывается, истина остается неполной, поэтому все истины, которые появляются ясными и недвусмысленными, на самом деле полуправды. Полная истина имеет свои собственные пределы и в этом ее красота и ее запутанность, но ее сила в том, что она содержит в себе полярные противоположности.

Интересно отметить, что ложь не может включать в себя противоположность, поэтому ложь может жить только на противоположном полюсе правды, в то время как истина несет в себе свою собственную противоположность. Вот почему фальшь ясна.

Жизнь как целое основана на полярных противоположностях: нет ничего в жизни, что не происходило бы без борьбы противоположностей, но мы пытаемся нашим умом и рассуждениями уничтожить непоследовательности. Наши рассуждения — это попытка стать последовательными, хотя целое — непоследовательно. В существовании все противоречия слиты — смерть и жизнь вместе.

Логика кажется ясной, потому что она делит вещи на противоположности. Для логики жизнь — это жизнь, и смерть — это смерть: они не могут существовать вместе. Логически говоря, А это А и это не Б. Мы говорим: жизнь — это жизнь, это не смерть. Так мы делаем наши концепции ясными и матема-

тическими, а таинство жизни теряется, вот почему вы не достигаете истины рассуждениями. Если вы пытаетесь быть последовательными, тогда одно, естественно, противоречит другому. Вы можете рассуждать так хорошо, так логично, что не сможете быть опровергнуты аргументацией, но вы упускаете истину. Я не философ и не логик, но я всегда использую логику. Я использую логику только для того, чтобы направить вас к точке, где вы можете быть вытолкнуты из логики. Если рассудочность не исчерпана, вы не можете пойти дальше нее. Я строю лестницу, но эта лестница не является моей целью — она только поможет подняться. Я использую рассуждения только для того, чтобы знать, что за ними. Я не хочу утверждать что-либо с помощью рассуждений, вместо этого я хочу доказать их бесполезность.

Поэтому мои утверждения будут непоследовательными и алогичными. Пока они будут логичными, помните, пожалуйста, что я просто использую систему, которая заставляет их становиться такими. Я строю основу для того, что последует. Я настраиваю инструменты — музыка еще не началась.

Когда исчезнет демаркационная линия между мышлением и отсутствием мышления, тогда начнется моя неповторимая, уникальная музыка. Когда инструменты будут настроены, начнется музыка. Вы спросите: «В чем дело? До вас по барабану стучали молотком, почему вы больше не стучите молотком?» Но молоток нужен только для настройки барабана, не для игры на нем, когда же барабан настроен, молоток не нужен. Барабан не может играть под молотком. Рассуждения — только подготовка к тому, что последует за ними.

Одна из моих трудностей та, что соглашающиеся с моими рассуждениями находят через некоторое время, что я тащу их во тьму. Пока они видят рассуждение, все светло, и вещи выглядят яркими и ясными, но затем, кто-нибудь скажет, что я обещал показать свет, а теперь я говорю о том, чтобы направить его в тьму, поэтому он будет недоволен мною и скажет: «Мне нравится то, что вы говорили до сих пор, но я не пойду с вами дальше». Он доверил мне выявить рассуждениями истину для него, и затем я говорю ему, что он должен идти дальше рассуждений для достижения ее.

Те, кто слепо верят мне, тоже не принимают меня, не следуют за мной, не идут со мной, потому что они хотят, чтобы я

говорил только о непостигаемой мистерии. И у обоих типов людей будут проблемы со мной. Верящие в рассудок будут следовать за мной только до определенной точки, а те, кто верят слепо, верят в иррациональное, вовсе не последуют за мной, не понимая, что только если они пройдут определенную точку, я смогу взять их в безрассудность.

Я понимаю это. Такова жизнь. Рассудок может быть только инструментом, не целью. Я буду, следовательно, всегда делать нелогичные утверждения после беседы о полных логике предметах. Эти утверждения будут казаться непоследовательными, но они были хорошо обдуманы и не без участия рассудка. Для меня это ясное рассуждение.

В определенное время я скажу, что я не подвержен влиянию Махавиры, Будды, Кришны, Христа; что ничего из того, что я говорю, не подвержено их влиянию; что все, сказанное мной, основано на моем собственном знании. Несмотря на это, когда я пришел к моей собственной реализации, я знал, что она была идентична достигнутому другими до меня, поэтому, когда я говорю о них или цитирую то, что они сказали, я сам забываю, что говорю о них. Я так полно сливаюсь с ними, что их утверждения становятся моими. В самом деле, я не вижу никакой разницы между моими и их утверждениями. Я глубоко сознаю, что, говоря о них, говорю только о самом себе, поэтому, когда я повторяю их высказывания, я делаю это естественно. Я полностью растворяю себя в них и в их словах. Те, кто слышал мои слова о том, что я не подвержен их влиянию, удивятся: «Как это вы становитесь одним с ними?» Даже те, кто находятся полностью под их влиянием, не делают так: они держат определенную дистанцию.

По моему мнению, те, кто подвержен влиянию чего-нибудь или кого-нибудь, по необходимости должны держать дистанцию между собой и источником влияния. Те, кто находятся под влиянием, невежественны. Мы находимся под влиянием, только будучи невежественными. В самопознании само слово «влияние» не имеет значения. В самопознании не стоит вопрос о влиянии. Это скорее подобие переживания, подобие резонанса, слушание подобных голосов. Если я пою, и тот же настрой в то же время исходит от кого-то еще, мой ритм и ритм другого певца обретают единение, и негде существовать влиянию.

Если же быть под влиянием, быть учеником, то дистанция необходима, все другое необходимо.

Как бы то ни было, там, где нахожусь я, нет дистанции. Когда я начинаю объяснять высказывания Махавиры или говорю о Гите и Кришне, я лишь в большей или меньшей степени объясняю мои собственные утверждения. Кришна, или Иисус, или Махавира обеспечивают лишь повод, возможность говорить. Но я скоро забываю, что говорю о них, я начинаю с ними, но заканчиваю лишь тем, что я узнал.

Я даже не замечаю, когда я перестаю говорить о них и начинаю объяснять свои высказывания или когда я полностью слился с ними. Возможно, вам интересно будет узнать, что я даже не прочитал Гиту: я часто начинал читать ее, но после того, как прочитывал 8 или 10 строк, я чувствовал, что этого достаточно, и закрывал книгу. Когда я говорю о Гите, вначале я действительно слышу, что я говорю о ней, но поскольку я не читал Гиты, я не могу обсуждать ее. Только тот, кто изучал Гиту, кто размышлял о ней и глубоко погружался в ее утверждения, может рассуждать по поводу того, что он прочитал, или как-то определить это. Поскольку я не читал Гиту, я ничего не могу поделаться. Другая интересная вещь, стоящая того, чтобы ее заметить, то, что когда я беру почитать Гиту, я отбрасываю ее через несколько минут, но когда я читаю какую-нибудь очень ординарную книгу, то читаю ее от начала до конца, потому что это не часть моего переживания. Это может показаться вам странным, но я не могу удержаться от прочтения какой-нибудь ординарной книги, потому что ее нет в моем переживании; к тому же, когда я начинаю читать Гиту, я оставляю книгу, прочитав несколько коротких строчек, ибо не чувствую, что она откроет что-то новое для меня. Если мне дают шпионскую историю, я, возможно, полностью прочитаю ее, потому что для меня это что-то новое, но Гита кажется мне написанной мной самим. Я знаю ее, ибо что бы в ней не было написано, известно мне и без чтения, поэтому когда я говорю о Гите, на самом деле я не говорю о ней, она только повод. Я начинаю с Гиты, но говорю только о том, что я хочу и могу сказать. Если вы чувствуете, что я живу великими делами Гиты, это не потому, что я нахожусь под влиянием Кришны, но потому, что Кришна говорил вещи, очень похожие на те, что говорю я, поэтому то, что я делаю, не из комментариев Гиты.

То, что сказал о Гите Тилак или Ганди, было их комментарием или объяснением Гиты, ибо они находились под глубоким влиянием Гиты, но то, что говорю я, исходит не от Гиты, мотивы взяты из Гиты и из меня тоже, они ведут меня к моим собственным мотивам, и я начинаю объяснять их. Гита только обеспечивает случай. Если я говорю о Кришне в те моменты, когда открываю наибольшие глубины Кришны, я говорю только о себе. То же самое получается с Махавирой, Христом, Лао-Цзы или Мохаммедом; для меня единственное, чем они отличаются друг от друга, только имя. Они просто разные лампы, но свет, которым они светятся, один и тот же; горит ли свет лампы Мохаммеда или Махавиры, или Будды — для меня нет различия. Много времени я говорил против Мохаммеда, Махавиры или Будды, и это создает проблему. Я говорю об их глубинах и в то же время я говорю против них. Когда бы я ни казался говорящим против них, это выглядит так, потому что слушатель придает значение лампе, но я, раскрывая что-то очень глубоко, делаю упор на свет, поэтому когда бы я ни выглядел говорящим против, это потому, что упор делается на лампу, а не на свет. Когда я вижу человека, очарованного лампой, материалом, из которого она сделана, я всегда буду говорить против лампы. Человек будет удивлен, это естественно, что он будет удивлен, потому что для него нет различия между Махавирой-лампой и Махавирой-вечным светом. Для него лампа и свет — одно и то же, вот почему, когда я вижу, что кто-то делает слишком большой упор на лампу, я начинаю говорить против нее. Когда я чувствую, что что-то, что обсуждалось, свет, я становлюсь единым с этим. Вот в чем различие. Существует различие между лампой Махавиры и лампой Мохаммеда, и только вследствие этого различия существуют различия между джайнизмом и исламом. Лампы были сделаны по-разному. Лампа Христа и лампа Будды тоже различны, им предназначено быть такими, но это различие тел, окружения и формы. Я не говорю, что тем, кто привязан к формам и окружениям, виден свет, потому что видящий свет забудет о лампе. Невозможно, чтобы кто-нибудь помнил о лампе после того, как увидел свет. Лампа помнится после того, когда свет больше невидим. Последователем можно быть только при том условии, что остаешься в тени лампы и глядишь отсюда. Донышки у ламп разные и под ними

глубокая тьма. Их последователи ссорятся из-за дниц, поэтому, когда бы я ни увидел, что кто-то стоит в чьей-то тени, я выступаю против этого весьма резко. Вот почему я всегда говорю, что последователи никогда не понимают. Став последователем, становишься во тьму под лампу; чем более кто-то последователь, тем в большей он тени. Последователи, которые стоят на краю тени, немного понимают других, но те, кто стоят прямо в тени, никогда не могут понять. Поэтому тот, кто хочет видеть свет, должен будет совершенно покинуть край тени; однажды он увидит свет, и различие между лампами не будет больше иметь для него значения.

Поэтому для меня безразлично, о ком говорить: о Христе, о Будде, о Кришне — я говорю о том же свете, которым светится много ламп, я не подвержен влиянию ламп, я говорю лишь о том, что знаю. Когда бы я ни чувствовал определенный резонанс, когда бы я ни чувствовал, что вибрирует та же нота, я не могу отрицать их, потому что отбросить их было бы ошибкой. Это все равно, что мне повернуться спиной к свету. Последователи совершают ту ошибку, что сидят под донышками ламп; повернуться спиной или сидеть в тени — схожие ошибки. Но Кришнамурти, если вы спросите его, не примет этот резонанс: то, что случилось с ним, не могло случиться с другими. Он не будет обсуждать этого.

Это ошибка, ибо истина полностью безлична. Величие истины не умаляется тем, что кто-то принимает то, что также открылось кому-то еще. Ее величие чарующе, оно не уменьшается. Истина не настолько слаба, чтобы стать не новой просто оттого, что она была пережита кем-то еще.

Моя трудность, следовательно, вот в чем: когда бы я ни видел истину, я принимаю ее, но я вовсе не подвержен влиянию. Но когда я вижу, что люди под видом истины подают то, что ею не является, я отвергаю это и противостояю этому. Во все, что я делаю, я вношу свою целостность, вот почему я труден для понимания. Я против компромиссов, потому что я не верю в то, что кто-либо достигает истины с помощью компромиссов. Моя природа такова, что все, что я говорю, я говорю с полной силой своего бытия, поэтому, если кто-то говорит о свете, я буду говорить: Махавира — бог, Кришна — воплощение бога и Иисус — сын бога, но если кто-то, говорящий о лампах только, промолвит эти слова, то я скажу: говорящий

совершает уголовное преступление. В обоих этих случаях, что бы я ни утверждал, когда бы это ни говорил, я буду в целостности с тем, что я говорю. Когда я делаю утверждение о чем-то, я никогда не помню мои предыдущие утверждения об этом предмете, но утверждения истины полны и не отрицают друг друга. Пели я говорю о вашем теле, то я говорю, что вы смертны, но если я говорю о вас, тогда я буду говорить, что вы бессмертны.

Не думайте, что эти два утверждения противоречат друг другу; они не отрицают один другое. Я не верю, что существует необходимость примирять их. Внешнему телу предопределено умереть, оно смертно. Если вы верите в то, что вы — тело, тогда я буду со всей силой настаивать, что вы умрете. Я не оставлю ни малейшего шанса на ваше спасение. Если речь идет о духе, я скажу, что вы вовсе и не рождались. Эти два утверждения самодостаточны, они не отрицают друг друга, они в различных измерениях, а это всегда создает трудности.

Трудности даже возрастают, ибо мои утверждения говорятся, а не пишутся. В написанных высказываниях есть род какого-то безразличия. Они никому не адресованы. Читатель не сидит напротив, пока они пишутся. Читатель выпадает из картины. Но когда я говорю что-либо, не только я ответствен за утверждения, слушатель тоже ответствен.

Ответственность, следовательно, поделена. Я определенно ответствен за утверждения, но слушатель ответствен за создание ситуации, которая вызвала эти утверждения, сделанные особым образом. Если бы был другой слушатель, мои утверждения, сделанные особым образом, были бы другими; был бы кто-то третий, они снова бы изменились; если мои утверждения ни к кому не направлены, они снова должны измениться.

Все мои утверждения направлены, и я верю, что сказанные слова более живучи: они живы как благодаря говорящему, так и благодаря слушающему. Если слушателя нет, говорящий строит мост в никуда. Нет берега, которого должен достичь мост, но что это за мост без двух берегов? Такого не может быть. Мост, стоящий на одном берегу, должен упасть.

Поэтому в этом мире все значительные утверждения об истине говорились, а не писались. Если я пишу что-нибудь, то это письма, потому что это мой способ говорения: другой все-

гда где-то позади меня, когда я пишу письмо. Когда я говорю с тысячами, то мои утверждения соответствуют этому. Когда они воспроизводятся кем-то, он всегда вливает самого себя в эти утверждения. Это создает все большие и большие трудности, но что есть, то есть, и я не собираюсь ничего с этим делать. Я заинтересован в том, чтобы вы тоже глубоко понимали трудности. Если вы понимаете сложности в постижении истины, тогда вы будете расти, поэтому я не заинтересован в уменьшении этих трудностей, потому что попытка сделать это разрушит целостность истины. Это упростит задачу, но потом что-то будет утеряно. Тогда насколько это будет прекрасно, настолько мертво и ненужно, поэтому у меня нет интереса уменьшать ее сложность. Я заинтересован лишь в том, чтобы вы нашли простоту в центре сложности, — тогда вы будете расти. Я могу сделать сложное простым, если захочу, мне это не трудно. И тогда мои утверждения сделаются ясными, математическими, а мои трудности прекратятся, но я не беспокоюсь о своих трудностях. Это вовсе не трудность, но если вы можете видеть простоту в сложности, если вы можете видеть истину в ее противоречиях, если вы можете видеть последовательность в непоследовательности, тогда есть рост и ваше видение совершенствуется. И вы увидите это только при условии совершенствования вашего видения. Только тогда сложное станет для вас простым. Поднимаясь на гору, мы видим несколько путей вверх — трудных, пересекающих друг друга, но после достижения вершины те же пути кажутся легкими. Когда вы можете видеть все в целостности, всепоглощающе, вы видите, что все тропинки ведут вверх, к вершине, они не пересекают друг друга, не противоположны друг другу. Когда кто-то поднимается вверх, все другие пути, кроме его собственного, кажутся ему неправильными, но когда кто-то, глядящий вниз с горы, говорит, что все пути ведут на вершину, или когда он говорит одному человеку, что его путь правилен, и другому, что его путь неверен, это удивляет. Все мои утверждения направлены, каждое из них имеет собственный адрес. Такие утверждения благоприятны для определенного человека в определенных обстоятельствах. Если я вижу человека с умом, разделенным на определенные части, и говорю ему, что эта часть правильна, а другая неверна, то это утверждение подходит только для него. После достижения

вершины он тоже будет знать и будет смеяться, и будет видеть, что остальные тропинки тоже идут наверх. Если кто-то прошел половину пути к вершине и находит другой путь, и начинает идти по нему, а немного позже он находит третий путь и пытается идти уже по нему, он может вовсе не достигнуть вершины с таким расщепленным умом. Такому человеку я скажу: ты на верном пути, продолжай идти, остальные пути неверны; но если другой человек на близлежащем пути находится в такой же ситуации и тоже с расщепленным умом, я скажу ему, что только его путь верен. Если когда-либо эти два человека встретятся и сопоставят эти два различные высказывания, они будут удивлены. У Будды и Махавиры не было такой ситуации: в их времена их утверждения не записывались, и через 500 лет их последователи сокрушались по этому поводу. Вопрос, который вы задаете мне, не мог быть задан Будде. Через 500 лет образовались различные секты, ибо утверждения говорились, но не записывались, поэтому не было возможности сравнить их. Одно говорилось одному человеку, другое — другому, но ни один из них ничего не записывал, поэтому не было возможности найти путем сравнения, что одному говорилось это, другому то, а третьему совершенно иное. Эти утверждения делались для трех различных людей, для их пользы, но когда они были записаны, возникли проблемы. Вот почему долгое время все старые религии стояли против писаний. Когда нечто записывается, противоречия становятся ясными. Как только они записаны, начинаются вопросы; в первую очередь об утверждениях личного свойства. После того как они записаны, они теряют это свойство, поэтому у Будды и Махавиры не было моих трудностей, но теперь от этого не избавиться. Теперь записывается все, что говорится, даже если это адресовано частному лицу. После того, как оно записано, оно становится достоянием общества. Потом эти утверждения, сделанные в разное время разным людям, соберут вместе, и трудно будет найти в них какую-либо последовательность. Вот почему это случается, и нет другого пути. Если бы во времена Будды записывали эти утверждения, он мог бы ответить на них, но они были записаны через 500 лет. Появились вопросы, но не было Будды, чтобы ответить на них. Результатом было то, что верящий в истинность одного утверждения основывал свою секту, а те, кто

верили в другие утверждения, основывали другие секты. Кто познал определенное утверждение, основывал секту. Так рождаются секты. Я не даю возможности для существования какой-либо секты, я сам могу пояснить. Нет необходимости ждать до завтра: я могу пояснить сегодня.

Вы также просили меня объяснить, почему я до сих пор утверждаю, что передать с помощью слов ничего нельзя, хотя я и пользуюсь ими. Для тех, кто хочет говорить, нет другого пути, кроме слов. Обычно я могу выразить то, что хочу сказать, с помощью слов, но также правда и другое: что может быть сказано, не может быть выражено словами. Обе эти вещи истинны. Ситуация такова, что мы можем говорить только с помощью слов, нет другого пути для диалога. Мы должны стараться изменить эту ситуацию. Для тех, кто может идти в глубокую медитацию, диалог возможен и без слов, но для того, чтобы взять их в глубокую медитацию, я сначала должен использовать слова. После долгих усилий придет время, когда общение будет возможно и без слов, но до тех пор, пока это время не пришло, я должен выражать все с помощью слов. Для того, чтобы отвести вас в мир без слов, я должен буду использовать слова — такова ситуация, но она полна опасностей. Я говорю, хорошо зная, что вы привязываетесь к словам, если вы верите в них, в такие, *какие они есть*, тогда все беды, которые мы претерпеваем, бесполезны. Мы стараемся достичь бессловесности, но мы должны говорить. В этом наша беспомощность, но нет другой альтернативы. Если вы цепляетесь к словам, то все усилия становятся бесполезными, потому что цель в том, чтобы ввести вас в молчание. Мы говорим, используя слова, против слов, и в этом «говорении молчания» мы опять используем слова. Нет другого пути. Некто мог стать молчаливым, это не трудно. Некоторые люди стали молчаливыми благодаря сложившимся определенным обстоятельствам. Они избегали сложностей, но они знали, что все, что они должны сказать, не могло быть сказано. Мне легко стать молчаливым. Я могу замолчать, и это будет не удивительно, потому что все, что я стараюсь сделать, выглядит невозможным. Я стараюсь сделать невозможное возможным, но я ничего не добьюсь своим молчанием, ничего не смогу передать вам. В этом опасность. Если я скажу, и вы привяжетесь к словам, не случится то, чего я хотел бы достигнуть, но

если я стану молчаливым, тогда не будет даже вопроса об общении. В первом случае, если я буду говорить, есть возможность, что некоторые люди постигнут сказанное мной. Если я говорю с сотней людей, найдется один, кто примет то, что я сказал, не цепляясь к словам; для остальных 99 % усилия будут бесполезны. Да будет так. Этот путь дает возможность передать что-то одному, но если я замолчу, не будет и одного.

Поэтому я продолжаю прикладывать усилия. Интересно отметить, что тот, кто верит, что вещи могут быть выражены словами, говорит немного. Он говорит немного, и это конец, но тот, кто верит, что вещи не могут быть выражены словами, будет говорить много, однако как бы много он ни сказал, он знает что все, что он должен сказать, еще не передано, еще не сказано, поэтому Будда должен был говорить слова. Он говорил по-другому, на другой манер, другими словами; поэтому 40 лет прошли в разговорах.

Но тогда остается опасение, что если я говорю так долго, в течение 40 лет, может случиться, что люди будут держаться только за мои слова. Поскольку метод дается через слова, я буду продолжать кричать: «Не цепляйтесь к словам». Такова особенность ситуации. Но как бы то ни было, нет другого пути. Ведя кого-нибудь дальше слов, необходимо использовать слова — нет другого пути. Ситуация похожа на следующее: есть комната; для того, чтобы выйти из этой комнаты, необходимо сделать еще 5-10 шагов внутри нее самой. От того, места, где мы сидим, необходимо сделать 5 или 10 шагов, чтобы выйти. Кто-нибудь спросит меня: «Но как я выйду из комнаты, идя по ней?». Все зависит от того, как идти.

Если некто ходит и ходит в комнате, он может пройти мимо двери и не выйдет оттуда, но он может пойти прямо к двери — не по кругу, а прямо. Если он ходит по кругу, он просто ходит внутри комнаты; если он идет к дверям, то может выйти, но в обоих случаях он будет идти только по комнате. Если я скажу человеку, который сделал много кругов по комнате, что ему нужно сделать лишь 10 шагов, чтобы выйти оттуда, он спросит, не сошел ли я с ума. Он скажет «Вы говорите о 10 шагах, я прошел многие мили, но до сих пор не вышел из комнаты». Он не лжет, но он просто ходил и ходил по кругу.

Интересно отметить, что в мире все движется по кругу. Само наше движение круговое. Всякое движение круговое. Если не прилагать усилий, вещи движутся по кругу. Для того, чтобы двигаться прямо, необходимы большие усилия.

В этом мире всякое движение круговое. В атоме это или в комнате, жизнь этого человека или его мысль — все движется и движется по кругу в этом мире. Движение по прямой линии предполагает усилие, движение по прямой линии само по себе есть великое достижение. Вы не можете уловить тот момент, когда вы начинаете ходить по кругу, вот почему геометрия говорит, что прямая линия не может быть нарисована: все прямые линии — только части большой окружности. У нас есть некая иллюзия существования прямой линии, но такой вещи, как прямая, нет в этом мире. Прямая линия не может быть нарисована, это только определение. Эвклид сказал, что прямая линия — только определение, представление, оно не может быть нарисовано.

Кто бы ни рисовал прямую, он рисует ее на Земле. Земля круглая, линия тоже. Мы можем нарисовать прямую линию в этой комнате, но она всего лишь часть большого круга Земли.

Это кривая?

Кривизна ее так мала, что мы не можем заметить ее, но если мы пойдем вдоль нее к другому концу, мы увидим, что это просто окружность, проходящая вокруг мира. Мы увидим, что прямая линия стала окружностью, поэтому невозможно нарисовать прямую линию.

Если задуматься об этом поглубже, то видно, что величайшая проблема в медитации такова: все мышление идет по кругу, даже наше сознание движется по кругу. Самая большая трудность, величайшее напряжение — выпрыгнуть из этого круга. Слова тоже движутся по кругу. Мы не знаем, как это слова могут быть кругом, но слова *и есть круг*. Когда вы определяете слово, вы должны использовать другие слова. Если вы откроете словарь и найдете слово «человек», оно определяется как «человеческое существо». Если вы затем найдете слово «человеческий», оно будет определено так: «качество, которым обладает человек». Что все это такое? Это великая глупость. Мы не можем определить «человек» или «человеческое существо». Что это значит? Те, кто пользуются словаря-

ми, не знают, что словари – это колесо, круг. Одно слово используется для определения другого и наоборот. Человек – это человеческое существо, и человеческое существо — это человек. Где определение человека? Все определения ходят по кругу, все принципы тоже. Для объяснения одного принципа вы используете другой и наоборот. Наше знание – это круг, вот почему стариками мы ведем себя, как дети: круг завершается.

Не имеет значения, сколько слов сказано, они ходят только по кругу. Слова ходят по кругу, они не могут идти прямо. Если вы идете прямо, вы уходите от них в молчании, но поскольку мы живем в словах, я должен использовать слова, чтобы говорить против них. Это род сумасшествия, но не ошибка. Я говорю, зная, что без слов вы не можете понять, и тогда я говорю против слов в надежде, что вы не будете за них цепляться. Если это случится, то только тогда я смогу передать то, что хочу.

Если вы понимаете только слова, вы пропустите то, что я хотел передать. Вы должны будете понимать мои слова, но вместе с тем должны понимать и то, что они показывают о мире без слов. Следовательно, я буду выступать прощая писаний, даже если то, что я говорю, само станет писанием. Все писания появились так. Нет ни одного значительного писания, которое не выступало бы против слов. Это значит, что нет писаний, которые не выступали бы против них самих, будь то Гита, Коран, Библия или даже Махавира или Будда.

Нет причины думать, что со мной случится нечто иное. Будет продолжаться то же невысказанное явление: говоря против слов, я скажу много слов. Один, другой запомнят их и сделают из них писание. Но я не могу остановиться, потому что все же есть 1 шанс из 100, что они не станут писанием, а если я остановлюсь, не будет и этого шанса. Как бы то ни было, нет оснований для страхов, потому что кто-нибудь придет после меня и будет говорить против моих слов и писаний, сделанных из них. Этого не надо бояться!

Но странные вещи, случающиеся здесь и там, таковы, что в будущем мою работу в мире продолжат те, кто выступал против меня. Сегодня то же самое; если кто-то хочет работать в пользу Будды, он должен будет говорить против Будды. Слова Будды, подбирались многими как старые камни и эти кам-

ни нельзя убрать, пока есть Будда. Эти камни оказались у людей, подобравших их. Если камни нужно сдвинуть, то придется отодвинуть и Будду, иначе камни останутся.

Теперь вы можете понять мою беспомощность, можете понять, почему я говорю против Будды, хорошо зная, что делаю его работу. Но как же еще продвинуть тех, кто привязан к имени Будды или к его словам? Пока движется Будда, они двигаться не могут. Чтобы продвинуть их, необходимо взять на себя труд нарушить покой Будды. Нет возможности продвижения таких людей, пока не отброшены Веды. Они цепляются за Веды. Пока человек не убедится в том, что Веды бесполезны, он не оставит их, если же ум раз и навсегда очищен, можно делать что-то дальше.

Но после очищения я скажу те же вещи, что говорились в Ведах. Трудности будут снова увеличиваться, появятся ложные друзья и ложные враги, 99 шансов из 100, как обычно, за то, что появятся ложные друзья и ложные враги. Ложный друг — это тот, кто примет то, что я говорю, за писание, и ложный враг тот, кто верит в то, что я выступаю против писаний и что я — враг писаний. Но это всегда будет происходить, и нет необходимости беспокоиться об этом. Такова ситуация.

Итак, вы не хотите писать?

Я не хочу писать. Тому есть много причин. Первая: по моему мнению, писать глупо и бесполезно. Бесполезно потому, что для кого я буду писать? Писать что-либо для меня все равно, что писать письма без адреса. Как я вложу в них что-либо, если я не знаю адреса?

Утверждения всегда направлены. Пишет тот, кто хочет обращаться к массам. Это путь общения с безликой толпой, но чем более она безлика, тем менее может быть сказано, и чем более близок или более известен адресат, тем глубже может быть диалог.

Глубокие истины могут быть сказаны только определенному лицу. Толпе могут быть сказаны только преходящие, простые вещи. Чем больше толпа, тем меньше понимание, и чем более она неизвестна, тем более явно отсутствует понимание. Литература, предназначенная для масс, должна быть

приземленной и простой. Этот сорт литературы не позволит летать в небе.

Если вы находите тонкие нюансы в поэзии Калидасы и не находите их в современной поэзии, то это не следует из каких-то различий между Калидасой и современным поэтом, только потому, что поэзия Калидасы была адресована и рассказана немалым избранным людям, а современная поэзия печатается в газетах. Газета может быть прочитана за чаем в ресторанчике, ее можно читать кушая арахис, покуривая. Газету пробегают взглядом. Для кого же тогда она пишется? Современному поэту нет дела до этого. Он должен писать для Каждого — для наименьшего общего знаменателя. Он должен думать о каждом, пока пишет.

Сложность в том, что даже лучшим из нас трудно достичь истины. Для других, для людей из толпы вопрос о постижении истины вообще не стоит. Только избранное меньшинство может понять глубокие материи, но даже среди этого избранного меньшинства 99 из 100 пропустят то, что я передал, поэтому нет смысла говорить такие вещи толпе, а писатель для толпы.

Есть еще и другая причина: я верю, что если используемый посредник меняется, то и содержание тоже меняется. Когда меняется посредник, субъект не остается прежним. Посредник создает собственные условия и меняет содержание послания.

Это трудно для понимания. Мои слова — это один тип посредника, но когда я говорю, общение происходит по многим каналам. Слушатель живет, и я тоже живу. Когда я говорю, слушатель не только слушает, он еще и видит. Он не только слушает мои слова, он видит движения моих губ. Говорятся не только слова, губы тоже говорят. Мои глаза тоже что-то говорят. Все это воспринимается слушателем. Содержание того, что я сказал, будет иным для того, кто слушал, чем для того, кто читал, потому что все это будет частью его. Перед читающим книгу человеком вместо меня будут черные слова и черные чернила — ничего больше. Я и черные чернила — разные вещи. В черных чернилах никогда не появятся жесты или изменения выражения, или сцены, или картины. Это не жизнь, это мертвое сообщение. Для читающего книгу человека очень важная часть сообщения, которая жива только тогда,

когда я говорю, потеряна. В ладонях читающего человека есть только мертвые утверждения.

Интересно отметить, что читающий менее внимателен, чем слушатель. Когда некто слушает, он гораздо более внимателен, чем когда читает. Пока он слушает, он должен быть внимателен и сконцентрирован, потому что сказанное не повторяется; вы не можете просмотреть непонятные или не совсем понятные части. Каждый момент моей речи уходит в бесконечную бездну. Если вы уловили его, то уловили. Если нет — он улетел и не вернется.

Во время чтения книг нет таких опасений, потому что вы можете перечитывать снова и снова одну и ту же страницу, нет необходимости быть очень внимательным во время чтения. Вот почему день, когда слова записываются, это день потерянного внимания. Так уж суждено.

Если вы не поняли что-либо в книге, вы можете перевернуть страницу и перечитать, но когда я говорю, нет возможности вернуться: что потеряно, то потеряно. Если устное знание теряется, то навсегда — оно не может быть повторено. Это удерживает ваше внимание на высшей точке, это помогает держать ваше сознание в максимальной бдительности. Если вы читаете на досуге и что-то утеряно, не беда, вы можете перечитать, поэтому отсутствие понимания при чтении книг и необходимость повторения усиливается. Когда уменьшается внимание, понимание тоже уменьшается, поэтому не беспричинно то, что Будда, Махавира и Иисус выбрали для передачи в качестве посредника речь. Они могли писать, но они выбрали другого посредника. Этому есть две причины. Первая: произнесенное слово более всепоглощающий посредник, чем может быть написано. Есть много чего в словах, что утеряно в написанном тексте, вот почему вы можете заметить, если подумаете об этом, что сейчас время фильмов, романы потеряли свое значение. Это потому, что фильмы делают вещи снова живыми. Кто будет читать романы? Это мертвая вещь. Поэтому роман не может больше жить. Он не нужен как вид искусства, потому что теперь у нас есть посредники более живые — те, что Мак Клуген называет «горячие посредники». Телевидение и фильмы — живые посредники, горячие, в их крови есть тепло, написанное холодно, мертвяще холодно. В нем нет жизни, кровь там не течет. Даже телефон уходит в

прошлое с тех пор, как появился видеофон, так же как радио с появлением телевидения. Радио – более холодный посредник по сравнению с телевизором. И, по-моему, разговор – горячий посредник, в нем есть кровь и тепло.

Кроме того, мы не в состоянии найти достаточно способов делать ударения на написанных словах. Если я хочу подчеркнуть что-то, когда говорю, я могу говорить немного громче, я могу менять оттенки, ритм голоса – так передается ударение, но в написанных словах нет такой возможности. Слова уже мертвы. В книге слово «любовь» – всегда любовь, написано оно любящим или нет, тем, кто живет в любви или тем, кто не знает, что это такое: нет нюансов, ритма, волн, вибрации. Оно мертво.

Когда Иисус произносит слово «молитва», оно значит совсем не то же, что слово, написанное кем-то в книге. Вся жизнь Иисуса – это молитва, от начала и до конца. Каждая часть его – молитва, каждый дюйм его тела наполнен ею, так что когда он говорит слово «молитва», он передает нечто совсем иное, чем словарь. Когда кто-то говорит, он немедленно настраивается на контакт со слушателем. Дух говорящего человека скоро соприкасается с духом слушающего; дверь открыта, в защите слушающего открывается проход. Если вы полны внимания, когда слушаете, ваше мышление останавливается. Чем более вы внимательны, слушая, тем меньше вы думаете. Ваша дверь открыта, вы становитесь более чувствительны к другому. Теперь что-то может войти без помех; вы и говорящий становитесь близкими друг другу. В более глубоком чувстве устанавливается гармоническая связь. Речь закончилась, но ЭХО звучит глубоко в слушающем человеке.

Такая связь не может установиться, когда кто-то читает, потому что отсутствует пишущий. Когда вы читаете и не понимаете что-то внутренне, вы должны делать усилия, чтобы понять, но когда вы слушаете, вы понимаете без усилий.

Если вы читаете книгу, составленную из моих речей, переданных дословно, тогда вы забываете, что читаете, потому что вы знаете меня. Через некоторое время вы уже не чувствуете, что читаете, — вы слушаете, но если в небрежной передаче изменены слова и стиль, тогда разрушены ритм и настрой. Когда те, кто слушали меня, читают то, что я говорил, чтение становится равносильным слушанию, но существует

различие потому еще, что с изменением посредника меняется и цель того, что говорилось.

Трудность в том, что все, что я стараюсь передать, меняется в соответствии с формой выражения. Если я использую поэзию, это создает особые условия: специальная обработка и расположение слов, браковка или отбор субъекта и различных вещей. Если необходимо выразить эту же вещь в прозе, содержание целиком изменится.

Вот почему все великие книги мира были написаны большей частью в виде поэзии. То, что должно было быть сказано, так далеко от логики, что это трудно было выразить в прозе. Проза очень логична, поэзия алогична. Отсутствие логики разрешено и приветствуется в поэзии, но не в прозе. В поэзии разрешено идти немного дальше логического понимания, в прозе не так. Поскольку глубокая поэзия алогична, глубокая проза должна быть логичной. Если вы попытаетесь переписать Упанишады или Гиту прозой, вы найдете, что все, что делает их живыми, утеряно. Посредник изменился, и то, что было прекрасно в поэзии, станет неуклюжим и надоедливым в прозе; оно алогично, но проза постарается сделать его другим, потому что проза – это логическая обработка.

Упанишады были написаны в виде поэмы, такой же была и Гита, но Будда и Махавира не говорили стихами.

Этому была причина: с того времени, как были написаны Упанишады и Гита, мир изменился. Период, когда они были написаны, был, в некотором смысле, поэтическим. Люди были простыми и прямыми, им не требовались доказательства. Если им говорили «бог есть», они просто говорили: «да», они не крутились и не спрашивали: «Что такое бог? Как он выглядит?». Если вы посмотрите на детей, у вас будет представление о том, какими были люди в те дни. Ребенок может задать очень трудный вопрос и все же будет удовлетворен простым ответом.

Ребенок может спросить, откуда взялись его маленький брат и сестра; если вы ответите, что его или ее принес аист, он будет удовлетворен. Потом он побежит играть. Он задал очень трудный вопрос, дать правильный ответ на который не может даже высокообразованный человек. Ребенок задал основной, конечный вопрос: «Откуда берутся дети?». Вы ответили, что их принес аист, и только вы ответили, ребенок уже

убежал. Он доволен очень простым ответом, и чем более поэтичен ответ, тем более он доволен. Вот почему в книгах для маленьких детей мы используем поэзию: поэзия быстро доходит до сердца ребенка. В том, что быстро доходит до него, есть ритм и мелодия. Ребенок живет в мире ритма и мелодии.

Будда и Махавира использовали прозу потому, что в то время, когда они жили, люди были приучены к логическому мышлению. Задавался короткий вопрос, но люди не были удовлетворены даже длинными, запутанными ответами. Затем они задали бы еще 25 вопросов. Вот почему Будда и Махавира говорили прозой.

Теперь нет больше возможности говорить поэтически, теперь поэзия пишется для торжественных приемов. Тогда все фундаментальные/серьезные предметы излагались в поэтической форме, но теперь серьезные материи не могут быть изложены в поэтической форме. Те немногие люди, у которых есть немного досуга и желания развлечь вас, будут еще писать стихи, но все значительные материи будут изложены только в прозе. Человек уже не подобен ребенку, он стал взрослым. Он обо всем мыслит логически. В логике должна быть использована истина.

Каждый посредник непременно изменяет содержание. По моему, с развитием способов общения передача мыслей через речь снова вернется к прежней форме, и беседа приобретет старое значение.

Печатное слово стало ненадолго самым важным, но развитие технологии ведет нас назад к возможностям прямого общения через живого посредника, через телевидение.

Скоро никто больше не будет читать книг. Я могу говорить с целым миром по телевизионной сети. Все могут слушать, следовательно, будущее книг неутешительно. Теперь книги не будут читаться, они будут смотреться; это сделает их популярнее, но книги должны будут измениться. С развитием микрофильмов книги можно будет видеть на экране; очень скоро слова заменятся картинками.

Я верю в то, что письмо развилось от беспомощности: не было другого пути. Даже теперь те, кто хотят передать что-либо важное, используют в качестве посредника речь. Я не знаю, кому предназначалось бы то, что я пишу. Пока передо

мною никого нет, у меня нет желания говорить. Я не получаю удовольствия от говорения ради говорения.

Между писателем и просветленным есть разница. Литератор заинтересован в том, чтобы что-то выразить, он доволен, если может сделать так. Кажется, что с его плеч спадает тяжелая ноша, когда он делает это.

На мне нет такой ноши. Когда я говорю с вами, я не испытываю удовольствия только оттого, что я говорю. Когда я говорю что-то, я не испытываю чувства освобождения от тяжелой ноши. В моем говорении в этом смысле меньше самовыражения и больше отклика.

У меня нет чувства, что я *должен* сказать всем что-либо. Если вы хотите узнать что-либо, только тогда я заговорю. Условия моего ума таковы, что только если вы опустите ведро в этот колодец, что-нибудь всплывет оттуда. Постепенно мне становится все труднее говорить, если не задан вопрос.

Поэтому я должен искать повод. Я нуждаюсь в поводе, если говорю о Гите. Если вы создадите повод, я буду говорить, но мне становится все труднее говорить, если вы не обеспечиваете такого повода. Если нет гвоздя или колышка, на который можно повесить что-то, тогда на что я могу повесить это? Зачем мне вешать — это другое дело. Я остаюсь молчаливым — пустым. Вы выходите из этой комнаты, и я остаюсь пустым.

Если у кого-то есть желание поговорить и он нуждается в говорении, он будет готов говорить, даже если вас не будет в комнате. Его ум приготовит, что сказать, даже если никого нет рядом. Когда в нем накопится достаточно материала, это заставит его говорить. В моем случае это не так: я совершенно пуст. Если у вас возник вопрос и появляется повод говорить, только тогда я буду говорить. Писать легче тем людям, которые полны.

Почему вы не напишете автобиографию?

Можно спросить и так: почему я не пишу автобиографию. Она может показаться очень интересной, но, по правде говоря, после самореализации нет автобиографии. Все автобиографии — это «эго-биографии». То, что мы называем автобиографией, не рассказ о духе. Пока вы не знаете, что такое дух, все, что вы напишете, будет «эго-биографией».

Интересно отметить, что ни Иисус, ни Кришна, ни Махавира не написали автобиографии. Они не говорили об этом, не писали их. Писать или говорить о самом себе невозможно для тех, кто познал дух, потому что после этого личность превращается в нечто такое бесформенное, что все, что мы называем событиями ее жизни, факты вроде даты ее рождения, данные о каких-то событиях, исчезают. Случается так, что все эти события перестают иметь какое-либо значение. Пробуждение духа – это такой катаклизм, что после того, как он случится, некто открывает глаза и видит, что все потеряно, ничего не осталось, никого не осталось, некому рассказать, что случилось.

После того как кто-то познал свой дух, автобиография кажется подобной сновидению. Это вроде того, как некто перечисляет свои сны: в один день он видел этот сон, на следующий день – тот, потом – третий. Такая автобиография имеет значения не больше, чем волшебная история.

Вот почему трудно писать пробужденному человеку: став пробужденным и сознательным, он находит, что нет ничего, о чем стоит писать. Все это было сном. Остается переживание пробуждения, но то, что узнается благодаря этому переживанию, не может быть описано. Это так, потому что сведение этого переживания к словам делает его пресным и абсурдным. Всегда возможна попытка рассказать об этом переживании различными способами.

Всю свою жизнь я пытаюсь рассказать о том, что случилось. Не о чем больше говорить, кроме этого, но это не может быть записано, и чувствуешь, что не стоит и говорить об этом. Что писать? Некто может написать: «У меня было переживание духа. Я полон радости и мира». Это выглядит глупо, просто слова.

В течение своей жизни Будда, Махавира и Христос продолжали передавать, различными путями то, что они знали. Они никогда не уставали, они всегда чувствовали, что что-то осталось, и они должны были говорить снова. Это было бесконечным. Будда и Махавира могли закончить, но то, что они сказали, осталось неполным.

Проблема двойная: то, что может быть сказано, выглядит как мечта, и только то, что не может быть сказано, стоит выше слов. В уме всегда таится чувство, что если я скажу, что

случилось со мной, это бесполезно. Моя цель в том, чтобы вывести вас на тропу, которая приведет вас к вашему собственному переживанию. Только тогда вы как-нибудь поймете то, что случилось со мной. До этого вы не можете понять меня, и мои рассказы о том, что случилось со мной, просто бессмысленны. Я не думаю, что вы будете верить в то, что я говорю; и что за польза в том, чтобы сделать вас подозрительными. Это было бы вредно. Наилучший путь – это отвести вас на ту тропу, на тот берег, откуда вы можете быть вытолкнуты по направлению к своему собственному переживанию. С того дня вы будете способны верить, вы будете знать, где переживание случается; иначе нет пути для веры.

Когда пришло время смерти Будды, люди спросили: «Куда ты уйдешь после смерти?». Что же ответил Будда? Он сказал: «Я был нигде, так куда же я пойду после смерти? Я никогда никуда не шел и никогда нигде не был». Но даже после этого люди все еще спрашивали, куда он пойдет, но он сказал им правду, потому что истинный смысл состояния Будды – нирвана. В этом смысле он — нигде, поэтому вопрос о существовании где-либо не возникает.

Что остается, кроме дыхания если вы будете спокойны и молчаливы? Остается только дыхание и ничего больше. Остается дыхание, как воздух в пузыре. Если вы можете молчать немного времени, вы обнаружите, что когда нет мыслей, нет ничего, кроме дыхания. Вдыхание и выдыхание воздуха – это не больше, чем вход и выход воздуха в пузыре или баллоне, поэтому Будда говорит: «Я был только пузырем; где я был, пузырь лопнул, и вы спрашиваете, куда он ушел». Если некто, подобно Будде, знает, что он подобен пузырьку, как он может написать автобиографию или рассказать о своем переживании? Что бы он ни говорил, будет непонятно.

В Японии был один святой по имени Линчи. Однажды он приказал выбросить все изображения Будды. Не было человека, подобного ему. Только недавно он поклонялся этим изображениям Будды, а теперь приказывает унести их. Кто-то спросил: «Ты в своем уме? Ты знаешь, что говоришь?»

Линчи ответил: «Пока я думал, что я есть, я думал, что и Будда был, но теперь, когда меня там нет, когда я – только пузырек воздуха, я знаю, что там не могло быть кого-нибудь, подобного Будде».

Вечером Линчи снова поклонялся Будде. Люди снова спросили его, что он делает. Он сказал: «Моему «не-существованию» помогло «не-существование» Будды, вот почему я благодарил. Это благодарность одного пузырька другому и ничего более». Но эти утверждения не были правильно поняты. Люди думали, что этот человек слегка повредился в уме и поэтому выступил против Будды.

Автобиография не выживает. Говоря точнее, и сама душа не остается. Мы понимаем только то, что эго не остается. Мы говорили тысячи лет, что когда кто-то достигает знания; эго исчезает, но правильное сказать, что и душа исчезает.

Если кто-нибудь понимает это, он чувствует страх, вот почему люди не могли понять Будду. Он сказал: «Душа тоже исчезает, мы становимся не-душой». В этом мире очень трудно понять Будду.

Махавира говорил только о смерти эго, это более понятно. Это не значит, что Махавира не знал, что душа не остается, но он принимал во внимание наше ограниченное понимание и поэтому он говорил только об отдаче эго, зная, что душа автоматически исчезает.

Будда впервые высказал утверждение, которое прежде было тайной. Упанишады и Махавира тоже знали, что, в конце концов, души не остается, потому что идеал души – это проекция это, но Будда открыл так долго хранившийся секрет. Это породило трудности. Те, кто и сами верили в то, что эго не остается, начали спорить. «Если и души не будет, – сказали они – тогда все бесполезно. Где же мы?»

Будда был прав. Как же тогда может идти речь об автобиографии? Все это — как череда снов, как радуга на мыльном пузырьке. Цвета исчезают, когда лопаются пузырьки. Это так очевидно.

Принесут ли хоть какую-то пользу другим записи о процессах и переживаниях, через которые прошла личность?

Это может быть полезным для искателя, но просветленному человеку трудно написать это, потому что трудности его отличны от трудностей искателя. Трудность в том, что для просветленного человека в этой комнате нет душ, но для вас они есть. Он знает, что души не существует, но когда-то у не-

го тоже была душа, которую он изгнал с помощью мантры. Теперь он знает, что и душа, и мантра были ложью.

Как же он может сказать, что он изгнал душу с помощью мантры?! Вы следите за мной? Это проблема для мастера. Он знает, что душа была ложной и что мантра тоже была помощью во тьме. Душа была ложной и такова же была мантра, которая изгнала ее, как же он может сказать, что он изгнал душу мантрой? Таким образом говорить бессмысленно, но если бы он мог сказать, что изгнал душу мантрой, это могло бы помочь вам.

Мастер не будет говорить, что он изгнал душу с помощью мантры, он скорее скажет, что «пением мантры можно заставить душу исчезнуть» или что «если искатель использует мантру, душа уйдет». Мастер не будет говорить, что он изгнал душу с помощью мантры, потому что это было бы логичным утверждением. Теперь он знает, что мантра была такой же ложью, как и душа.

Его высказывания будут в наименьшей степени относиться к нему самому. Ему будет трудно говорить о себе. Он говорит о вас и о том, что пригодно в вашем положении, и его проблема в том, что он делает ложные утверждения, помогая вам.

Означает ли это, по-вашему, что весь процесс садханы так же нереален, как и привидение?

Да, ибо то, чего вы достигаете, в конце концов всегда было с вами, а то, из-за чего вы были, никогда не связывало вас, но это создает трудности для мастера, вот почему я говорю, что у мастера, свои трудности. Если он говорит, что весь процесс садханы ложь, он ставит вас в затруднительное положение, потому что процесс для вас становится ложным, а душа по-прежнему реальна. Даже ложный процесс полон значения, если он служит цели сделать душу ложной. Вы следите за мной? Душа не станет ложной только оттого, что ее называют так.

Интересно отметить, что неправильные вещи не перестают быть неправильными, если их только назвать неправильными, но когда что-то верное названо неверным, мы немедленно понимаем это. Не имеет значения, как часто некто говорит, что гнев ошибочен, это не делает его ошибочным, но если некто говорит, что сама медитация ошибочна, вы немедленно

чувствуете, что это так, не нужно даже и повторять. Вы отнюдь не сразу согласитесь с тем, что некто свят, но если вам сказали, что кто-то ворует, вы немедленно принимаете это за правду.

Прежде чем поверить в то, что человек святой, вы будете стараться проверить его, будете стараться доказать различными способами, так ли это на самом деле. Причина этой вашей осторожности в том, что вам тяжело, если кто-то еще осмелится быть святым. Ваше эго ущемлено, вы будете стараться доказать, что он не более свят, чем вы; если же вам говорят, что кто-то вор, вы не занимаетесь проверкой этого, вы поверите в это немедленно, потому что вера в это делает вас счастливым. Вы убеждены теперь, что вы не единственный вор, что кто-то еще так же плох, как и вы.

Клевета на других и осуждение их легко принимаются, но не так обстоит с похвалой. Даже если вы считаете кого-то достойным похвалы, если вы сами знаете, что это не так, это все еще условно: вы приняли это в настоящее время, потому что у вас нет выбора, но вы продолжаете искать нечто противоположное, чтобы изменить свое мнение.

Только осуждение абсолютно. Даже если и случается что-то, заставляющее вас изменить отрицательное мнение, вы и не побеспокоитесь сделать это.

Это всегда случается в жизни: когда что-то признается ошибочным, мы немедленно верим в это, потому что избавлены от необходимости делать то, что правильно. Тот, кто собирается продолжать делать правильные вещи, должен быть очень твердым.

Гнев произволен, мы продолжаем гневаться, даже если и говорили, что это неправильно, но медитацию нужно практиковать, и это наибольшая трудность, так что если кто-то говорит, что медитация — это подделка, мы чувствуем облегчение, будучи спасенными от чего-то тяжелого.

Вы описывали медитацию не как действие, но как состояние бытия. Объясните это.

Трудность просветленного человека в том, что если он расскажет вам все, что он пережил, вы навсегда потеряете путь, потому что сказанное им будет далеко от вашего переживания. Например, я описал медитацию как состояние бы-

тия. То, что я говорю, правда, но для вас медитация может быть только действием, а не состоянием, и вы будете чувствовать, что вы ничего не можете сделать, чтобы достигнуть его. Если это действие, тогда вы предполагаете делать что-либо; если это просто состояние сознания, тогда вы избавлены от необходимости делать что-либо. Вы будете думать: возможно, это состояние бытия; тогда нечего делать для этого, тогда будет продолжаться ваш гнев, и вы не будете медитировать. Будут продолжаться сексуальные вожеления, если секс — ваше стремление.

Вам не поможет, если я скажу вам правду. Трудность в том, что если я говорю что-то, что вам известно, я говорю не всю правду, но если я говорю то, что знаю я, это бесполезно для вас. Это не только бесполезно, но так же и опасно, потому что вы можете случайно услышать это. Полная правда, если я выскажу ее точно, как я ее вижу, будет для вас глубинным препятствием.

Вот почему, если я говорю точно, что я чувствую, я не могу оказать вам никакой помощи; наоборот, то, что я сказал бы, было бы препятствием для вас, подобно речам Кришнамурти, которые, я верю, задерживают прогресс больше, чем помогают ему. Чем глубже я смотрю, тем больше чувствую, что такие речи вредны. То, что он говорит, глубинная правда, но она не поможет вам. Для вас это только повод прекратить делать что-либо.

Если молчание очень мощно и если это так, то зачем кому-нибудь говорить?

Да, молчание очень мощно, но сначала должен быть человек, который может слышать то, что передается в молчании.

Почему необходимо заставлять людей слушать?

Мне необходимо это потому, что я вижу, что вы двигаетесь в невежестве по направлению к глубокой яме, и мне ясно, что вы упадете в эту яму и сломаете себе руки и ноги. Я могу передать вам это в молчании, но ваши уши не могут слышать мое молчаливое сообщение, и я кричу вам, предупреждая: «Будь внимателен! Ты упадешь в яму!»

Теряете ли вы энергию, поступая так?

Нет. Нет! Энергия не теряется. Тот, кто узнал источник энергии, не теряет ее. Только тот, кто не знает источника, теряет ее.

Если я напишу что-нибудь подобное в автобиографии, это может быть правдой или неправдой. Если это правда, она может повредить вам; если неправда, тогда я не хочу писать о ней. Если это полная правда, то это причинит вам вред, потому что я должен буду сказать, что все ваши действия бесполезны, и вы быстренько согласитесь со мной, что это так.

Однажды ко мне пришел человек. Он сказал: «Я прекратил медитировать, потому что Кришнамурти сказал, что это бесполезно». Кришнамурти не ошибается, когда говорит так. Он говорит это всю жизнь, но я не говорю, что он неправ, потому что он не принимал во внимание вас и ваши умственные способности; Кришнамурти говорил только о своем собственном переживании.

Вот почему я всегда очень внимателен, не проецирую себя и не говорю о себе. Если я буду говорить о себе и говорить только правду, это не принесет вам пользы. Странно, что если я говорил о вас, вы возвратитесь ко мне и будете спрашивать, почему я говорил такие вещи. Тогда возникают противостояния. Я могу говорить вещи, которые никогда не могут быть опровергнуты, но эти вещи не принесут вам пользы. Они могут дать вам повод остановиться там, где вы находитесь.

Трудность для просветленного человека в том, что он не в состоянии говорить о том, что он знает, поэтому старая традиция была более правильной и шла глубже. Вам говорилось нечто, соответствующее тому, где вы были в то время. Ваше знание было опытным, не было ничего завершающего. По мере того, как вы прогрессировали, мастер давал вам новые вещи. Если вы шли дальше, он говорил: «Теперь брось это, брось то, оно стало бесполезным».

Когда вы достигали соответствующей стадии, вам говорилось, что бог не нужен, душа не нужна, медитация не нужна, но только в тот день, а не раньше. Это могло быть сказано только тогда, когда эти вещи стали ненужными. Тогда *действительно* ничего не нужно. Тогда вы только смеялись и знали.

Если я говорю, что медитация бесполезна, а вы все еще продолжаете медитировать, тогда я чувствую, что сказано тому, кому нужно, и хорошо, что я сказал вам. Если я говорю,

что саньяса бесполезна, что принимать саньясу бесполезно, а вы все-таки стали посвященным, я пойму, что сказано это было тому, кому нужно. Это было хорошо. Таким образом, вещи, сказанные здесь, это мои трудности. Все это будет понято медленно и постепенно.

Глава 2

Почему я пришел

Вы сказали, что если кто-то говорит о теле. Вы скажете, что тело смертно, а если кто-то говорит о душе, Вы скажете, что и вовсе не были рождены. Будда сказал, что «это только пузырек, которого теперь нет, меня самого теперь нет, куда же я пойду?» Так что же бессмертно и кто порождается?

Вот море, на котором появляются и исчезают волны, но море остается прежним; волны не отделены от моря, но волны – это не море, волны – только формы, рожденные морем, всего лишь проявления, которые принимают формы и умирают. Волна, которая всегда остается волной, не может быть названа волной: слово «волна» означает, что она умирает так же быстро, как и рождается. То, из чего волны появляются, всегда там, но то, что появляется, не всегда там. Это танец на груди вечности. Море не рождено, волна вечно рождается. Море никогда не умирает, волна всегда умирает. В момент, когда волна знает, что она море, она вырывается из цепи жизни и смерти, но до тех пор, пока волна верит, что она волна, для нее всегда существует возможность родиться и умереть. То, что есть на самом деле, это не рождение и не бессмертие. Откуда взяться рождению? Пустота ничего не рождает. Где случиться смерти? Ничего не утеряно в пустоте. На самом деле есть только вечность. Она не различает времени, ибо наши чувства могут видеть только формы и очертания. Нашим чувствам не дано видеть то, что находите!! вне формы и имени. Интересно отметить, что вы, возможно, довольно часто стояли на берегу моря и, возвращаясь, говорили, что видели море, но вы видели лишь волны, а не море. Море невоз-

можно видеть; то, что вы можете увидеть, – это волны. Можно видеть только проявляющиеся на поверхности чувства; то, что внутри, находится вне пределов досягаемости. Чувства видят поверхностные формы, бесформенность ускользает от их хватки. Мир имени и формы рождается только благодаря чувствам. Это не существование. Все, имеющее имя и форму, рождается и умирает, а то, что вне имени и формы, Вечно Не рожденное не умрет, поэтому когда Будда говорит, что он родился, как мыльный пузырек, он отмечает два аспекта мыльного пузыря. Что содержится в мыльном пузыре? Если мы проникнем внутрь пузырька, мы найдем там очень малое количество того же самого бесконечного всепроникающего воздуха, заключенного в тонкую пленку ВОДЫ. Эта тонкая пленка пленила небольшую порцию воздуха и эта небольшая часть воздуха стала пузырьком. Естественно, пузырьки, подобно всему остальному, расширяются; после расширения они лопаются и взрываются. Тогда воздух, который был в пузырьке, сливается с воздухом вокруг, а вода – с водой, но то, что существовало тогда, было «радужным» существованием. Ничего никогда не менялось в воде и в воздухе, они остаются такими же, какие они есть, но рожденная форма умерла. Если мы посмотрим на самих себя, то мы тоже формы, которые рождаются и умирают; то, что внутри нас, было всегда, но мы отождествляем себя с пузырьками.

Поэтому если я смотрю на вас с точки зрения ваших тел, я буду говорить, что вы смертны и медленно умираете. Вы начали умирать с того момента, как родились, и вы ничего никогда не делали, кроме умирания. Тому мыльному пузырьку остается, возможно, 7 мгновений до распада, а вам до распада – 70 лет. В бесконечном течении времени нет разницы между 7 мгновений и 70 годами, все различие происходит от узости нашего взгляда. Если время бесконечно, без начала и без конца, что за разница между 7 мгновениями и 70 годами? Если время количественно ограничено, скажем, сотней лет, тогда 7 мгновений будут очень малы, 70 лет будут очень длинным сроком, но ни на одном конце нет предела, и если оно без начала и без конца, тогда нет разницы между 7 мгновениями и 70 годами. Безразлично, сколько времени распадается пузырек. Как только он рожден, он начинает распадаться, вот почему я называю тело смертным. Под телом я понимаю нечто,

появляющееся благодаря рождению, с именем и формой. Под душой я подразумеваю то, что остается после утери имени и формы. Когда нет имени и формы, тогда она есть. Под душой я подразумеваю море, а под телом – волну. Необходимо ясно понимать эти вещи. То, что внутри нас, никогда не умирает, и поэтому мы чувствуем, что мы никогда не умрем. Мы видим, как умирают сотни тысяч людей, но все еще не можем осознать, что мы тоже умрем. В самых глубинах нет это, которое говорит: «я умру». Люди умирают перед нашими глазами, и все равно остается внутреннее чувство бессмертия. В более глубокие моменты мы всегда боимся, что умрем. Мы чувствуем, что факты показывают фальшь этой веры и что нечто, случающееся вовне, показывает, что, возможно, я умру. Рассудок говорит, что если все должны умереть, то и вы тоже умрете, но какой-то голос внутри рвет все связи с рассудком и продолжает говорить: «я не умру». Вот почему мы в этом мире не верим в том, что мы когда-либо умрем. Вот почему мы в состоянии жить посреди смерти, а иначе, как только мы начинаем постоянно осознавать свою смерть, мы немедленно умираем. Почему мы так уверены в жизни? Эта уверенность следует из чего-то внутри, которое продолжает говорить нам, что мы не умрем; оно не убеждено ни тем, что мы так долго говорим, ни той смертью, которая случается рядом. Ни один человек не может постигнуть свою смерть. Он не может вообразить, что он умрет. Как бы он ни старался представить себя умирающим, он найдет себя все на том же месте. Даже если он представляет себя, он найдет то, что *он смотрит там*, что он *стоит там в стороне от смерти*. Мы не можем даже вообразить себя в пасти смерти, поэтому когда мы представляем это, мы продолжаем смотреть со стороны. Тот, кто представляет, стоит в стороне, поэтому он не в состоянии умереть. Внутренний голос — это голос моря; он спрашивает: «Где смерть?».

Смерть неизвестна, мы все еще боимся смерти. Страх исходит из голоса тела, и между этими двумя голосами всегда есть разногласия. Когда мы начинаем отождествлять себя с голосом тела, наш дух оказывается потрясен тем фактом, что телу предопределено умереть. Не имеет значения, сколько лет мы пытаемся опровергнуть это, или призываем на помощь разум, или используем медицину, или окружаем себя выдаю-

щимися физиками и медиками, тело даже на единый миг не может утверждать: «Я буду жить». У тела нет этого чувства бессмертия, оно знает, что умрет со дня на день.

Тело знает, что оно мыльный пузырек, но мы знаем, что мы не мыльные пузырьки. В тот момент, когда кто-то отождествляет себя с телом, начинается напряжение в его жизни. Как только то внутри нас, которое бессмертно, отождествляет себя с волной, оно сразу попадает в трудности. Это отождествление – от невежества; избавление от него – знание. Ничего не меняется, все остается таким, как раньше. Тело остается там, где оно было; душа остается там, где она была, только иллюзии исчезают. Тогда мы знаем, что когда тело будет умирать, мы не должны бояться, потому что нет нужды бояться: телу предназначено умереть. Полезно бояться, когда есть возможность спастись. В безысходной ситуации бояться бесполезно.

Когда солдат марширует к полю битвы, когда он впервые оставил свой дом, он чувствует страх. На поле битвы он тоже напуган, но когда над ним начинают рваться бомбы, он становится бесстрашным, потому что тогда разбиты все надежды на спасение. Такой человек может даже играть в карты под непрерывным огнем. И он обыкновенный человек, в нем нет ничего особенного. В той ситуации страх смерти не имеет значения. Смерть так близка, что вопрос о выживании и не возникает. На поле битвы все же существует возможность выжить, потому что некоторые умирают, но другие остаются в живых и поэтому остается и некоторый страх, но на поле смерти нет и этой отдаленной возможности. В момент смерти иллюзия, что «я есть тело», внезапно исчезает. Страх смерти исчезает, потому что теперь нет причины для него.

Только факт смерти тела становится определенностью, предназначенностью. Это судьба тела, нет возможности спасти его. В тот момент, когда некто постигает, что смерть – это природа тела, становится ясно видимым, что все, что вдали от тела, никогда не рождалось и поэтому нет вопроса о его смерти. Так же исчезает страх и для души, потому что незачем беспокоиться о том, что не может умереть. Страх появляется, потому что душа и тело отождествляются друг с другом. Он возникает потому, что внутренний голос говорит: «Я не умру», а внешний голос говорит «Ты обязательно умрешь». Эти

голоса ошарашивают друг друга. Мы не обеспокоены тем, что эти две мелодии смешиваются, мы слушаем их, как если бы это были мелодии одного и того же инструмента. Это ошибка.

В нашем невежестве всегда есть страх смерти, но мы продолжаем жить так, как если бы смерти не было. Каждый момент незнающий человек живет так, будто смерти нет, хотя он боится ее. Тот, кто знает, тоже живет так, как будто смерти нет, но он настороже, потому что смерть может случиться в любой момент. Он живет на двух различных сторонах, жизнь для него расщеплена на две части; окружность стала отделена от центра, волна стала отделена от океана, форма стала отделена от бесформенности. Как бы то ни было, он не может убежать от смерти.

Шанкарачарья всегда давал пример петли, которая похожа на змею во тьме, но этот пример неудачен, потому что подойдя поближе, вы можете узнать, что это петля. И если вы однажды узнали, что это петля, тогда, как бы далеко от нее ни отошли, она не будет выглядеть подобно змее, но иллюзия жизни не такова – иллюзия жизни подобна палке, погруженной в воду: в воде она будет выглядеть переломленной, но когда вы вытащите из воды, она будет прямой. Если вы сунете ее обратно в воду, она снова будет выглядеть переломленной, но если вы опустите свои руки в воду, вы найдете, что палка прямая, хотя все еще кажется переломленной. Даже если вы знаете, что она прямая, она все равно будет казаться переломленной.

Наша иллюзия жизни такова, как в случае с петлей, похожей на змею, но подобная тому, как прямая палка выглядит переломленной в воде. Мы хорошо знаем, что палка не переломилась, но только кажется таковой. Она кажется переломленной даже величайшим ученым, которые проводили эксперименты и знают, что палка не ломается от погружения в воду. Итак, преломление является следствием наших чувств. Наше знание ничего не может поделать с этим, она только кажется таковой. Предмет делится на два различных плана. В плане знания палка прямая; в плане видения она переломлена; ни на одном из этих планов нет иллюзий. В плане жизни есть тело и в плане существования есть *атман* – дух. Для знающего человека мир не утерян, для него мир таков же, как и для вас. Возможно, мир более ясен для него в его перспективе и

проявлении. Каждый крошечный элемент существования ясен для него. Для него ничего не потеряно, и у него нет ни одной иллюзии. Он знает, что форма рождается из чувств и подобна палке, которая выглядит переломленной в воде. Так как лучи света преломляются и изменяются, то, входя в воду, палка тоже кажется переломленной. В воздухе лучи света не преломляются, поэтому палка выглядит прямой. Палка не преломилась, но лучи света преломились, проходя сквозь воду, поэтому мы видим палку переломленной. Существование подобно этому, но лучи знания, проходя через наши чувства, преломляются: лучи знания изменяются в соответствии с посредником, благодаря которому вещи становятся известными. Если я ношу голубые очки, все выглядит голубым; когда я снимаю их, я вижу, что все белое. Если я надену очки снова, я вновь увижу все голубым. Я знаю, что вещи выглядят голубыми из-за очков, поэтому я больше не строю иллюзий, но я могу по-прежнему носить очки и вещи будут продолжать казаться голубыми.

Хотя я буду хорошо знать, что дух – бытие – бессмертен, знание о том, что тело смертно, продолжается. Несмотря на мое знание о том, что существование моря вечно, игра волн продолжается, но теперь я знаю, что это кажется таким благодаря очкам. Очки – это глаза чувств, и то, что вы видите сквозь них, не обязательно реально, вот почему утверждения людей, подобных Будде, Махавире или Иисусу, делались с двух различных планов: один – духа, другой – тела.

Наша трудность в том, что мы удивлены существованием двух этих планов в нас самих и, естественно, мы удивлены также их утверждениями. Иногда Будда говорит так, как если бы он был телом. Он говорит: «Ананда, я хочу пить, пожалуйста, принеси мне воды». Дух никогда не жаждет, жаждует чувствует тело. Ананда может подумать, что тела там нет вовсе, что это только имя и форма, всего лишь только мыльный пузырек, так как же он может захотеть пить! Однажды вы узнали, что тела нет, так откуда же взяться жажде? На следующий день, когда Будда говорит: «Я вовсе не рожден, поэтому я никогда не умру», это создает трудность для слушателя; эта трудность такова, что он думает, что в знании существование изменится, но на самом деле существование не меняется оттого, что знаешь, меняется только его форма. Когда Будда гово-

рит, что он хочет пить, он говорит, что только его тело хочет пить, что это тело, которое есть пузырек имени и формы, хочет пить, и если ему не дать воды, то оно скоро распадется, но трудность в том, что, будучи удивленным, он не в состоянии различить, с какого плана приходит такое утверждение, поэтому он также удивлен их содержанием. Симон Вейль написал книгу, названную «Градация величий»: чем более велик человек, тем более он живет в различных планах в одно и то же время. Он должен будет говорить с уровня тех людей, которых он встречает, иначе беседы становятся бесполезными. Если Будда говорит с вами со своего высочайшего уровня, это будет бесполезно: вы примете его за сумасшедшего. В основном случается так, что этот тип людей принимают за сумасшедших. Причина в том, что все, что они говорят, выглядит так, будто это сказано сумасшедшими, поэтому если они будут говорить со своего уровня, их заклеят как сумасшедших. Для того, чтобы говорить с вашего уровня, они должны будут опуститься вниз: они должны будут опуститься на уровень, где вы можете понимать их, тогда они не будут выглядеть сумасшедшими, но тогда они должны будут говорить с такого количества разных уровней, сколько существует их среди людей, пришедших к ним. Множество людей, с которыми Будда говорил, придут к нему в виде зеркала. Эти зеркала создали свои образы Будды, и эти образы соответствуют поверхности зеркал.

Например, выпуклое зеркало расширяет изображение, а вытянутое зеркало укорачивает его. Образ должен соответствовать зеркалу. Если бы это было не так, зеркала были бы неудовлетворительными и должны были быть разбиты или изменены.

Вот почему утверждения человека, подобного Будде, проходят через много различных уровней. Иногда только в одном утверждении есть несколько уровней, вот почему когда человек, подобный Будде, начинает говорить, он делает это со своего уровня и заканчивает на уровне, где находитесь вы. Он долго путешествует так даже в одном предложении, потому что, начиная говорить, он находится на своем уровне. Он начинает с великой надеждой на вас, затем он должен понемногу уменьшить свои надежды и в последних утверждениях он достигает вашего уровня.

Его уровень и ваш уровень представляют собой два глубоких подразделения, но это не значит, что они очень далеки, или разделены, или различны. Они подобны различию между морем и волной: море иногда волнуется, но волна никогда не может существовать без моря. Бесформенность может существовать без форм, но не может быть формы без бесформенности.

Интересно отметить, что в нашем языке обратная ситуация: в слове «нисакар» (бесформенность) есть слово «сакар» (форма), но слова «бесформенность» нет в слове «форма». В языке в слове «бесформенность» должно быть слово «форма», но это будет так, если слово «форма» не включает в себя «бесформенность». Язык создается нами, но в существовании ситуация обратная: в существовании бесформенность может существовать без формы, но не может быть формы без бесформенности.

Все наши слова подобны этому: в слове «ахимса» (ненасилие) необходимо содержится слово «химса» – насилие, но в слове «насилие» «ненасилие» не является необходимым. Интересно отметить, что в жизни, как бы то ни было, для существования насилия необходимо ненасилие – это неизбежно. Мы создаем язык и создаем его для наших нужд. Для нас мир может существовать без бога, но как это бог может существовать без мира?

Это не две разные вещи. Макрокосмос может существовать без микрокосмоса, морю нетрудно существовать без волн, но как может быть волна без моря? Волна очень мала и она зависит в своем существовании от моря: если море вздымает ее, она есть. Со всех сторон море смотрит за ней. Если море позволяет ей, она идет.

Они нераздельны, но я должен говорить, что они разделены, чтобы у волны не было иллюзии бессмертия, бесформенности и вечности. Если волна думает, что она отделена, тогда существует возможность иллюзии и последствий этого, но если волна — это одно с морем, тогда нет иллюзии. Если есть ощущение единства, тогда она скажет: «Меня там нет вовсе». Это имеет в виду Иисус, постоянно повторяя: «Меня нет, есть только отец мой на небесах», и мы в затруднении: то мы хотим, чтобы нам показали господина на небесах, и мы, таким образом, увидим, кто он и где обитает; то мы называем Иисуса

сумасшедшим, потому что не поняли его слов. Иисус говорил: «Я море, а не волна», но мы не видим ничего, кроме волны, вот почему аутентичное существование всего лишь только слово для нас – мы принимаем за истину только проявляющееся.

Дух неизвестен нам, но тело мы видим каждый день. Для нас становится истиной то, что мы видим ежедневно, вот почему я сказал, что тело смертно и само оно смерть. Дух бессмертен, но над его бессмертием – танец смерти тела.

Нам не трудно понять волну и море, потому что мы не видели никакой вражды между ними, но смерть и бессмертие трудны для понимания, потому что мы считаем их врагами, это наша вера. Существование моря и существование волны прочно связаны, поэтому там не видно никакого противоречия, но бессмертие и смерть выглядят абсолютными врагами, как противоположности. Кажется, что они никогда не могут быть одним, но они также и одно. Чем ближе вы к смерти и чем глубже вы ее знаете, тем более вы будете находить, что смерть – не более, чем изменение. Волна – это тоже изменение. Чем глубже вы исследуете бессмертие, тем более вы находите, что это не более, чем вечность. Существование чего бы то ни было в этом мире, выглядящем противоположностью, основано на его собственной противоположности. Наша трудность в том, что они кажутся нам противоположностями. Мы отмечаем различие между смертью и бессмертием, но нет смерти без бессмертия: смерть должна найти опору для своего существования, которая и есть бессмертие. Пока смерть существует, она нуждается в бессмертии, как в опоре.

Даже ложь для своего существования нуждается в поддержке правды: для того, чтобы ложь могла существовать, она должна претендовать стать правдой. Правда никогда не претендует на правду, но ложь всегда претендует на то, что она правда. Она не может пройти и дюйма без такого требования. Она должна сделать шумное объявление: «Будь осторожен, я иду. Я истина». Она несет много удостоверений, доказывая с их помощью, что она правда. Истина не нуждается в удостоверениях, ей не нужна ложь для опоры. Если у лжи не будет опоры в виде правды, она будет в затруднении.

Бессмертию нет необходимости в поддержке смерти, но смерть поднимается только в связи с концепцией бессмертия.

Чистое существование не нуждается в том, что изменчиво, но то, что изменчиво, может быть понято только в связи с тем, что неизменно. Определенно то, что мы понимаем только изменчивое, потому что мы сами таковы. Вот почему, когда мы думаем о бессмертии, мы стараемся понять это через посредство чего-то изменчивого, другого пути нет.

Мы находимся в положении человека, стоящего в темноте и старающегося догадаться, что такое свет. У него нет другого пути. Темнота – это только очень тусклый свет. Это состояние наименьшей возможной освещенности. Полное отсутствие света – не то же самое, что и темнота. Свет может быть, только его мощность мала для того, чтобы наши глаза ощутили его.

Наши чувства улавливают вещи только до определенного предела, иначе пучок света большой интенсивности, который постоянно падает на нас, немедленно ослепит нас. Пока мы не знали, что такое X-лучи, мы не знали, что X-лучи могут пройти через человеческое тело. Мы не знали, что наш скелет может быть виден снаружи. Не сегодня, так завтра мы сможем найти лучи, которые проникнут через зародышевую клетку зачатого ребенка в утробе матери и дадут нам возможность видеть всю жизнь ребенка после его рождения. Возможно, это случится.

Много видов лучей проходит сквозь нас, но наши глаза не могут уловить их. То, что мы называем темнотой, есть просто свет, который наши глаза не в состоянии воспринять, и поскольку наши глаза не могут видеть определенные лучи света, для нас они выглядят просто темнотой. То, что мы называем темнотой, есть просто свет, который наши глаза не могут видеть, поэтому любые предположения человека, сидящего в темноте, относительно света, скорее всего неправильны, поскольку темнота – это только форма, тень света. Хотя смерть – это только изменение формы бессмертия, любая догадка о бессмертии, сделанная рассматривающим, будет столь же ошибочной. Если мы знаем, что такое бессмертие, только тогда может случиться что-то, иначе нет.

Люди, окруженные смертью, понимают бессмертие в том только смысле, что мы не умрем, но они ошибаются: тот, кто знает, что такое бессмертие, знает, «что его не было там ранее». Человек, видящий смерть, думает, что если правда то,

что дух бессмертен, он не умрет. Его мышление ориентировано в будущее. Он живет в будущем и беспокоится о нем, поэтому его понимание ориентировано на будущее, но тот, кто знает, что такое бессмертие, скажет: «Меня там не было во все; я не был рожден». Он будет ориентирован на прошлое.

Поскольку все научное знание окружено смертью, наука всегда говорит о будущем, и поскольку вся религия окружена бессмертием, она всегда говорит о прошлом – о начале, а не о конце. Она обеспокоена основным источником. Религия говорит о том, откуда пришел этот мир, откуда пришли мы. Религия говорит, что если мы в совершенстве знаем, откуда мы пришли, – наш источник и наше начало, – мы не будем обеспокоены тем, куда идем, потому что мы не можем идти никуда, только как по направлению к своему источнику. Наш источник – это наше предназначение, наш поиск, наш конец. Религиозное мышление занято поисками начала – с чего начинается, откуда пришел этот мир, откуда пришло это существование, этот дух, этот мир. Религиозное мышление ищет в прошлом наше начало. Все научные исследования ориентированы на будущее: куда мы идем, чего мы достигнем, чем мы станем, что случится завтра, что будет концом. Научные исследования проводятся теми, кто смертен. Религиозное мышление только у тех, для кого смерть перестала иметь какое-либо значение.

Интересно отметить, что смерть всегда в будущем, с прошлым она ничего поделать не может. Когда бы вы ни думали о смерти, прошлое не имеет значения, оно не важно. Смерть – в наступающем завтра, но источник, откуда пришла жизнь, всегда во вчера. То, откуда пришла жизнь, откуда течет Ганг, источник, Ганготри, но то, куда изливается Ганг, – это море. Он начинается во вчера и заканчивается в завтра.

Итак, выводы, которые делает человек, окруженный смертью, всегда окрашены смертью. Находясь на нижнем плане, можно только делать догадки о том, что происходит на высшем плане. Факты второго плана могут быть созданы только переживаниями этого второго плана. Интересно отметить, что тот, кто знает второй план, знает, естественно, и первый тоже, но тот, кто знает первый, необязательно знает второй. Вот почему, если мы характеризуем Будду, Кришну, Христа как высокоинтеллигентных и мудрых, то это следует из того, что

они знали все планы, а мы знаем только один; поэтому то, что говорят они, более значительно. Что бы мы ни знали, они знают и это. Это не трудно. Они узнали смерть, они познали страдание, гнев и насилие. Это переживания всех планов.

В западных странах все знание собрано с одного и того же плана: что бы ни знал Эйнштейн, разница между его знанием и нашим – просто количественная; например, мы можем измерить только этот стол, а он может измерить целый мир. Разница в количестве или в градусах – это не качественное отличие. Это значит, что он не знает чего-либо, отличного от всего, что можете знать вы, а что-то, что знает он, всего лишь количественно больше того, что известно вам. Вы можете знать мало, он знает больше. У вас только один доллар, у него может быть миллион, но ваш доллар и его миллион различаются не качественно: то, что у него, не отличается от всего, что у вас.

Когда мы называем Будду или Махавиру *джайнами* (знающих), мы понимаем другое. Возможно, что на нашем плане мы можем знать больше, чем знают они, но то, что мы называем их джайнами, означает, что они знают что-то о другом плане, о котором мы ничего не знаем: они перешли и другое некачественно отличающееся измерение. Если бы Махавира и Эйнштейн случайно встретились, могло случиться так, что Махавира не стал бы доказывать, что он знает печи, которые были известны Эйнштейну. У него может не быть таких больших знаний, как у Эйнштейна. Махавира может сказать: «Я могу измерить только стол, вы можете измерить целый мир; вы можете указать даже расстояние от луны до звезд, я не могу сделать этого. Даже если я могу измерить эту комнату, этого достаточно для меня, но все-таки вы выучили не больше меня и не лучше осведомлены, потому что вы знаете только то, что просто похоже на правду».

Если комната может быть измерена, звезды тоже могут быть измерены, нет ничего трансцендентного и в этом. Эйнштейн не изменился, он не стал другим человеком, он остается все той же личностью, хотя он ушел дальше нас, Он только движется с большей чем мы скоростью по тому же плану. Эйнштейн далеко путешествовал по этому плану, тогда как мы путешествовали очень мало; он пошел глубоко туда, где другие только прикоснулись, но Эйнштейн не уходил на дру-

гой план. Когда мы называем Будду или Махавиру или других той же категории «знающими», мы подразумеваем то, что они ушли далеко от плана смерти туда, где они познали бессмертие, и то, что они говорят нам об этом, значительно. Мы можем понять это так: если тот, кто никогда не пил спиртного, что-то говорит об этом, его утверждения не имеют значения. Если тот, кто выпил спиртное, говорит о нем, его высказывания тоже не имеют значения, но утверждения того, кто пил спиртное и перестал, имеют значение. Тот, кто вовсе не пил спиртное, ребенок; его утверждения будут ребяческими, вот почему люди, которые никогда не пили, не в состоянии понять тех, кто пьет. Те, кто пьют, говорят: «Мы узнали то, что знаете вы, но теперь мы знаем немного больше». Если вы пьете, тогда вы можете сказать что-нибудь об этом, те кто спивался и затем бросал, могут сказать больше, и алкоголики будут слушать их.

В Европе и Америке существуют общества бывших алкоголиков, «Анонимные алкоголики», – это широко распространенный институт. Только те, кто когда-то были алкоголиками, могут стать членами этого общества, и эти общества были образованы для того, чтобы дать возможность другим алкоголикам бросить пить. Удивительно то, что такие общества бывших алкоголиков могут заставить других алкоголиков бросить пить очень быстро, потому что все, что говорят эти бывших алкоголики, исходит из их зрелости. Их утверждения понятны пьяницам, потому что все, что они говорят, исходит из их опыта. Они тоже пили и шатались, и падали неоднократно, и прошли через все ощущения пьяницы, вот почему их утверждения, пришедшие из опыта, полны большого значения.

Но то, что я говорил – это только качество иллюзии. Пьете вы или нет, или бросили пить – имеет значение на плане, на котором вы находитесь. Вы все еще на том же плане. Это только различные ступеньки одного и того же, но если вы однажды испытаете бессмертие, это изменение плана. Великий толчок, который дают учения Будды, Махавиры и Христа, следует из того факта, что хотя они знают то, что знаем мы, они знали и что-то далекое от нашего знания. Опираясь на это новое знание, они смогли сказать, что в нашем знании существует фундаментальные ошибки.

Раджниш, вы сказали о Махавире, что он достиг полного знания в предыдущем рождении и что он родился снова из сострадания только для того, чтобы выразить и рассказать другим то, что он увидел и узнал. О Кришне Вы тоже сказали, что он был просветленным с самого рождения. Прежде, когда я дискутировал с вами о Джабалпуре, я интуитивно понял, что все, что вы говорили о Махавире и Кришне, применимо и к вам. Правда ли то, что и Вы родились из сострадания? В этом смысле явили ли Вы свой свет в предыдущих рождениях и таковы ли Ваши достижения в них, что они могут помочь искателям? Объясните, пожалуйста, еще, что за временной промежуток был между вашим предыдущим рождением и нынешним.

В этой связи должны будут запомниться многие вещи. Первое: относительно рождения таких личностей, как

Кришна, надо понять то, что когда постижение или знания совершено, они полностью свободны в выборе: родиться еще или нет. Факт, что если они рождаются, то это их свободный выбор.

Ни одно рождение учителя, достигшего знания, не было несвободным. У других нет выбора в их рождениях, к другим рождениям нас принуждают наши желания; это происходит так, как если бы мы вталкивались или вбрасывались в рождение вследствие наших предыдущих действий и проталкивались дальше благодаря нашим желаниям в будущем, поэтому рождение — это просто факт беспомощности.

Выбор возможен только в полном сознании, только тогда, когда кто-то полностью познал себя. Это достигается только тогда, когда ничего не остается неизвестным. Такой момент наступает, когда кто-то может сказать, «для меня нет будущего, потому что у меня нет желания; нет ничего, что могло бы причинить мне несчастье, если я принимаю это». Это состояние, где у вас впервые будет выбор, случается тогда, когда достигается высочайшая точка.

Это интереснейшее и глубочайшее таинство жизни: те, кто желают свободы, не могут быть свободными, а те, у кого нет совсем желаний, становятся свободными. У тех, кто хочет родиться в определенном месте или в определенной семье, нет выбора, но те, кто свободны, могут родиться там, где вы-

брали, если они так хотят, хотя они и не упражнялись в своем выборе. Свобода выбора существует для того, чтобы родиться еще только один раз, не потому, что они не свободны выбрать еще одно, но потому, что после этого рождения желание использовать эту свободу уже проходит.

Свобода остается навсегда. Если вы достигли высшего переживания в этой жизни, тогда она будет у вас. Обычно случается, что после обретения этой свободы желание ее использовать теряется не сразу, и такая ситуация может быть полезной, но те, кто заглянули в суть поглубже, почувствовали, что это также и род рабства; вот почему джайны, те, кто глубоко исследовали это, более, чем пытались исследовать другие религии, называли это рабство «тиртханкар готрабандх» — желание быть учителем, чтобы вести других к просветлению. Это последнее рабство, это свободное рабство — последнее, с одним лишь, последним желанием.

Как бы то ни было, это желание, вот почему просветления достигли многие, но все они не могут быть *тиртханкарой*. Чтобы быть тиртханкарой, чтобы использовать эту свободу, необходимо быть связанным определенным типом предыдущих действий, необходимо длительное желание быть учителем. Если это стремление быть учителем остается, тогда что бы ни переживалось, будет описано, и что бы ни было получено, будет роздано.

Нет необходимости в том, чтобы каждый после достижения им знания рождался бы вновь. В такой ситуации всего лишь один из миллионов просветленных рождается еще раз, вот почему джайны установили, что в среднем за *сриштикальпу* (один период творения; в Ведах *сриштикальпа* означает один день Брахмы, состоящий из 4320 млн. земных лет) может быть только 24 тиртханкара. Этот расчет подобен всякому среднему, например, мы говорим, что в среднем столько-то происшествий произойдет на Бомбейской дороге. Принимаются во внимание записи о происшествиях за последние 30 лет, и выводится среднее значение. Предсказание оказывается более или менее правильным. Точно так же 24 тиртханкара — это в среднем. Среднее выводится на основе памяти многих периодов.

Это память нескольких некогда рожденных и исчезнувших миров, и в течение этих периодов рождались тиртханкары.

Причем в среднем в каждом таком периоде только около 24 человек были в состоянии остаться в рабстве, родиться еще раз. В этой связи вы должны помнить, что когда мы говорим о происшествиях на Бомбейской дороге, мы не думаем о происшествиях на дорогах Лондона или о происшествиях только на одной набережной Бомбея или любой другой части Бомбейской дороги.

Вычисление джайнов основывается только на их собственном пути, в этом вычислении Иисус, Кришна или Будда не принимаются во внимание, но интересно отметить, что когда индусы старались вычислить по-своему, они насчитали 24 таких личности; буддисты тоже насчитали 24, вот почему идея 24 воплощений есть у всех. У джайнов уже была идея 24 тиртханкар и у буддистов была идея 24 Будд (пробужденные мировые учителя). В таких вещах христианство и ислам шли неглубоко, но ислам говорил, что Мохаммед не первый такой человек и что были подобные ему до того. Мохаммед заявлял сам, что до него приходили 4 подобных ему, но подлинность подобных заявлений осталась сомнительной: путь Мохаммеда в цепи предшественников не может быть найден. Путь известен только как начинающийся с самого Мохаммеда. Никто еще не был в состоянии высчитать с такой же ясностью, как Махавира, 24 в его традиции, потому что с Махавирой этот путь пришел к концу.

Легко прояснить прошлые события; Иисус тоже старался сосчитать предшественников, но его подсчеты были неточными, потому что дорога Иисуса тоже была новой, начинающейся с него. Будда тоже не мог точно подсчитать предшественников, он только делал намеки по этому поводу, вот почему в числе 24 Будд нет предшественников Будды.

Джайны исследовали этот вопрос более глубоко и достоверно, они обладали полными записями имен и адресов тех 24. Итак, на каждом пути есть 24 такие личности, они рождаются после просветления только еще один раз. Это рождение совершается, как я говорил вам, только из сострадания.

Ничего не случается без причины в этом мире. Причин еще одного рождения может быть только две: или желание, или сострадание, нет третьей причины. Я могу придти в ваш дом либо чтобы дать что-то, либо взять что-то, не может быть третьей причины. Если я прихожу в ваш дом взять что-то, это

желание; если я прихожу дать что-то, это сострадание. Нет другой причины или цели для прихода в ваш дом. Все рождения благодаря желанию будут в зависимости, потому что вы никогда не можете быть независимыми, прося о чем-то или умоляя. Как может просящий человек быть независимым?

Для просящего человека нет возможности быть независимым, потому что свобода с тем, кто дает. Какая свобода может быть для того, кто просит? Но каждый может быть свободен; даже если вы не берете, дающий может дать, но если вы не даете, просящий не может взять. Нам необходимо знать все, что дают нам Будда и Махавира, но они определенно давали. Можно избегать брать что-то, но когда дают, — это позитивно и определенно. Желание просветленного человека раздать то, что он получил, естественно, но это последнее желание, поэтому оно также зовется рабством.

Те, кто знали, описали это как рабство действия. Это тоже рабство — *последнее рабство*. Итак, я должен буду придти в ваш дом. Я могу придти что-либо взять, либо чтобы дать, но я буду связан с вашим домом; даже если я и не связан с вашим домом, это безразлично. Я должен буду придти к вашему дому, но в этом большая трудность: обычно люди ходят в ваш дом, чтобы получить что-то, поэтому трудно понять того, кто пришел дать вам что-то.

Я скажу вам нечто непостижимое относительно этого; пока вы были не в состоянии понять, что значит давать, много раз такие люди должны были показывать, что берут у вас что-то. От вашего понимания далеко то, что такие, полные сострадания люди должны были также прикидывать, дадите ли вы немного еды; вот почему религиозные беседы Махавиры проводились только после того, как ему давали немного еды. Эти беседы были родом благодарности: это благодарность за пищу, которую дали вы. Если Махавира должен придти просить еду, вы сразу понимаете это. Он скажет вам несколько слов на прощание в благодарность и уйдет.

Вы чувствуете удовлетворение оттого, что дали пару кусков хлеба, решена громадная задача! Вы не в состоянии постигнуть, что такие, полные сострадания люди, должны также прикидывать, в состоянии ли вы взять то, что они хотели дать, и если вы не в состоянии дать, ваше эго найдет трудным и принять тоже.

Вот почему Махавира или Будда должны были нищенствовать и должны были требовать пищу от вас, — вы бы не смогли стерпеть того, кто собирается только давать вам, вы непременно станете его врагом. Вы найдете очень странной мысль о том, что вы станете врагом того, кто собирается только давать вам и не предоставит вам удобного случая вернуть. Если он ничего не требует от вас, между ним и вами воздвигается барьер.

Вот почему такие люди обычно просят о малом: иногда просят пищу, иногда одежду, иногда говорят, что им негде жить. Они берут у вас что-то, и вы расслабляетесь: вы стали равными, на том же уровне, потому что вы дали ему более существенное, чем он, и он не дал вам ничего, кроме нескольких слов». Вы дали ему дом, одежду или кошелек, а то дал он? Он только рассказал вам несколько историй или дал некий совет.

Поэтому Будда назвал своих саньясинов бхикшу (нищие) и просил их ходить нищими, потому что только тогда они могли давать. Они должны были ходить в маске нищего для того, чтобы создать ситуацию, в которой они могут легко дать.

У сострадания свои проблемы. У личности такого плана налицо гигантские трудности. Мы не можем понять его. Он живет среди людей, которые не понимают его языка и всегда не понимают его. Это неизбежно, хотя он не беспокоится об этом и не испытывает неудобства. Когда вы не понимаете его, это не беда, потому что он знает: это естественно, что вы думаете и понимаете вещи со своего собственного плана.

Поэтому те просветленные, которые не развили свою способность учить в прошлых рожденьях, исчезают, когда приходят к реализации, они больше не рождаются. В этой связи стоит также понять, что рождение Махавиры и Будды в царских семьях полно значения: джайны в конце концов решили, что тиртханкар должен родиться только в королевской семье.

Я однажды рассказывал, что есть история о том, как дух Махавиры вошел в чрево женщины-браминки, и Бог поменял местами этот плод и плод в чреве женщины-кшатрии, потому что тиртханкар должен родиться только в королевской семье.

Почему? Потому что, если кто-то после рождения в царской семье становится нищим по своей воле, это будет более эффективно и более приемлемо для людей. Он будет более

понятен людям, потому что они привыкли что-то брать и требовать от своего короля, и эта привычка поможет, возможно, взять у него, что бы он ни принес.

Нам привычно всегда смотреть вверх, на короля, так как он всегда сидит на самом верху; даже если этот король решает быть нищим и нищенствовать на дорогах, он остается на самом верху. Эта старая привычка поможет ему, поэтому это был способ сделать передачу более легкой: подобный тиртханкар мог быть рожден только в королевской семье, но это было нетрудно, потому что такой личности принадлежит выбор места рождения. Все личности, подобные Будде или Махавире, достигли реализации в их предыдущих рожденьях. Тогда все, чего они достигли, было распределено в их предыдущем рожденьи.

Можно спросить: если все их знание и достижения пришли в предыдущем рожденьи, почему Махавире и Будде приходилось делать такие большие усилия в их следующем рожденьи, чтобы достигнуть чего-то?

На этот вопрос нет ответа. Это удивляет. Почему Махавира и Будда должны были столько заниматься садханой? Кришна не делал ничего подобного, в то время как Махавира и Будда делали. Это не было попыткой достичь истины, ибо истина уже была известна им, но они знали, что нет другого пути объяснить и выразить истину другим. Это в самом деле более трудно. Если кто-то должен объяснить определенные истины, это более трудно.

Например, истина Кришны никоим образом не была специальной, вот почему Кришна мог добиться успеха, передавая ее оттуда, где он был, но истина, которой учили Махавира и Будда, была очень специальной. Путь, который они показали, был тоже очень своеобразным. Они были своеобразны вот в каком смысле: например, если бы Махавира попросил кого-нибудь поститься 30 дней и если бы этот человек знал, что сам Махавира никогда не постился, он не был бы подготовлен к тому, чтобы слушать Махавиру.

Махавира должен был поститься в течение 12 лет только для тех, кого хотел учить, иначе не было бы возможности говорить им о посте. Он должен был соблюдать мауну (молчание) в течение 12 лет для того, чтобы убедить тех, кого он

хотел заставить молчать в течение только 12 дней, иначе они не слушали бы его.

О Будде существует другая интересная история. Он дал ход новой системе медитации, тогда как Махавира не открывал нового. У Махавиры уже было знание полностью развитой науки в традиции, где он не был первым, но был последним; до него была длинная цепь великих учителей. Эта цепь так хорошо поддерживалась и охранялась, что никогда не терялась. Это знание было дано Махавиру как род верования прежних учителей. Прекрасно то, что знание могло так долго жить до времени самого Махавиры, поэтому он не должен был давать какую-либо новую истину. Истина, которая им давалась, долго возвращалась, это было мощное наследие, но Махавира тоже должен был создавать свою индивидуальность, чтобы люди слушали его.

Интересно отметить, что джайны запомнили Махавиру, но 23 прежние тиртханкара практически забыты. Это удивительно, так как Махавира был последним в цепи. Он не был ни пионером, ни первым, не открыл никакой новой системы. Он открыл только те вещи, которые уже были известны и проверены, однако Махавира запомнился, а остальные 23 стали мифами. Если бы Махавира не родился, мы бы не узнали имена тех 23 предшествующих тиртханкар. Более глубокая причина этому в том, что Махавира потратил 12 лет, создавая свой образ и индивидуальность, тогда как остальные тиртханкары не делали этого. Они только наблюдали за своей садханой. У Махавиры была очень хорошо организованная система. В садхане нет организации, но для Махавиры садхана была родом действия, которое было очень эффектно оформлено, вот почему образы остальных 23 тиртханкары не так ясны и отточены, как образ Махавиры. Они все кажутся слабыми. Махавира создал свой образ, как совершенный артист. Все было хорошо спланировано. Что бы он ни хотел сделать со своей персоной, все было подготовлено. Он стал полностью готовым.

Будда был первым в том смысле, что он принес с собой новую систему садханы, поэтому он должен был искать в другом направлении. Интересно отметить, что это создало иллюзию, будто сам Будда шел через садхану, на самом деле он был тоже просветленным в его предыдущей жизни. В этом

рождении он только раздавал урожай, который он пожал прежде, но у Будды не было традиции, организованной до него. Поиск Будды был целиком его собственным. Он создал для самого себя новый путь. Он поднялся на ту же вершину, куда ведет широкая, хорошая дорога, но по своему пути.

Махавира шел по готовому, королевскому пути, но он должен был возвестить о нем снова, потому что люди часто стараются забыть такие вещи, но путь уже был до него. Будда должен был взрыхлить новую землю, поэтому он создал различные устройства своей жизни: во-первых, он прошел через все виды садханы и после того, как он прошел через каждую такую садхану, он сказал, что все это было бесполезно и что никто не может чего-либо достичь с помощью этого. В конце концов он рассказал свой метод, сказав, что он достиг этим путем и что на этом пути может достичь каждый. Это было, можно сказать, хорошо спланированное дело, великолепное оформление. Тот, кто хочет ввести новую практику, должен объявить, что все старые практики ложны, но если бы Будда назвал их ложными, не пройдя через них, как это делает Кришнамурти, тогда эффект от этого был бы не более, чем от того, что говорит Кришнамурти, потому что неправильно говорить о чем-то, что оно ложно, если это не пережито тобой.

Недавно ко мне пришел человек, ходивший и к Кришнамурти и спрашивавший его о кундалини. Кришнамурти сказал, что все это бесполезно. Тогда я спросил у человека, который сказал это, говорил ли он это на основании опыта, то есть спрашивал ли он это после экспериментирования с кундалини или не делал этого. Если это говорилось без экспериментирования или прохождения через эти ощущения, тогда это неверно. Если такие вещи спрашивались после экспериментирования, тогда ему должен быть задан другой вопрос: добился он успеха или нет.

Если он добился успеха, тогда было ошибкой говорить, что это бесполезно; если он не добился успеха, из этого вовсе не следует, что другие обречены на неуспех в эксперименте, поэтому Будда должен был пройти через все практики и должен был показать, что практика была ошибочной или что он ошибался и никто не может достичь чего-либо с их помощью. Тогда он мог сказать: «Я достиг с помощью этого метода и я говорю вам на основании опыта».

Махавира прошел через все такие же практики, но он объявил, что они практиковались годами и были полезны. Будда сказал, что все бесполезно, и открыл новый путь, но оба были просветленными в их предыдущем рождении.

Кришна тоже был просветленным в своем предыдущем воплощении, но он не ввел никакой специальной техники для самореализации. Кришна указал специальный путь как прожить жизнь, поэтому не было необходимости проходить через какой-либо процесс медитации или воздержания, потому что тогда они были бы препятствием.

Если бы Махавира сказал, что возможно достичь мокши даже просто сидя в собственной лавке, тогда собственные усилия Махавиры по развитию его индивидуальности показались бы несерьезными. Тогда люди спрашивали бы Махавиру: «Почему же ты тогда бросил все?».

Если бы Кришна ушел медитировать в леса, затем встал бы на поле битвы и сказал, что даже на поле битвы можно достичь мокши, никто не слушал бы его. Тогда Арджуна тоже спросил бы его, почему он хочет обмануть его. Если бы сам Кришна ушел в лес, почему бы ему предостерегать Арджуну от этого?

От каждого учителя зависит, что и как он хочет передать. Тогда в этом контексте должны будут предприниматься попытки делать соответствующие усилия. Часто он должен будет устраивать свою жизнь совершенно неестественным образом, но это неизбежно из-за того, что он хочет передать.

Теперь мне легче отвечать на вопрос, который вы задали обо мне. Мне легче ответить, если спрашивают о Махавире или Кришне, но все-таки 2 или 3 вещи могут быть приняты во внимание: во-первых, мое предыдущее рождение было около 700 лет назад. Это создает много трудностей.

Предыдущее рождение Махавиры состоялось примерно за 250 лет до его рождения как Махавира.

Предыдущее рождение Будды было только за 78 лет до того, как он родился как Будда. Были даже люди, которые знали его в его предыдущем воплощении. Даже во время жизни Махавира были люди, которые могли помнить встречу с Махавирой в их предыдущем рождении.

Рождение Кришны состоялось через 2000 лет после его последнего рождения, и все имена просветленных риши, кото-

рые дал Кришна, были очень древними: даже история не помнила их. 700 лет – это очень длинный срок, но для того, кто рождается через 700 лет, это не очень долго, потому что если он не тело, нет разницы между минутой и 700 годами. Измерение времени начинается только телом, вне тела нет разницы между 700 и 7000 годами. Различие начинается только после приобретения тела. Интересно отметить также метод для определения промежутка времени между прошлой смертью и новой жизнью. Если говорить обо мне, то как я мог узнать о том, что я не был здесь 700 лет? Очень трудно определить это прямо. Я могу подсчитать время или оценить его, наблюдая тех, кто несколько раз рождался в течение этого времени. Например, предположим, что некто был знаком мне в течение моей жизни 700 лет назад. Между той жизнью и этой для меня во времени брешь, но он мог родиться 10 раз. Как бы то ни было, существует память об этих прошлых жизнях. Только благодаря этой памяти я могу подсчитать, как долго я оставался без тела, иначе очень трудно определить и подсчитать это, потому что наши времена, и шкала, и методы измерения не принадлежат времени, которое течет вдали от тела или в бестелесности. Наши измерения времени происходят в мире телесного существования.

Это все равно, как если я засыпаю на минуту и вижу сон. Во сне я вижу, что прошли года, и через несколько минут вы меня будите и говорите, что я делал. Я спрашиваю вас, сколько я дремал, и вы отвечаете: «Даже минуты не прошло». Я говорю: «Как это возможно? Я видел сон, длившийся несколько лет».

Во сне несколько лет могут быть увидены в один момент. Шкала времени для сна и жизни различна. Если после пробуждения ото сна у спящего нет пути узнать, когда он заснул, тогда трудно определить, продолжительность его сна. Это может быть узнано только с помощью часов, например, когда я засыпал, было 12 часов, а теперь, когда я проснулся, всего лишь одна минута первого. Еще я могу узнать только потому, что вы были здесь тоже, другого пути узнать нет, поэтому только таким образом могло быть определено, что прошло 700 лет.

И другая вещь: вы спрашивали меня, родился ли я с полным знанием. Есть некоторые вещи, связанные с этим, пони-

мание которых важно. Можно сказать, что *я родился где-то около с полным знанием*. Я говорю «где-то около» только потому, что несколько шагов были оставлены умышленно.

В этой связи учение джайнов очень научно. Они разделили знание на 14 шагов: 13 шагов в этом мире и четырнадцатый вдали от него. Из этих гупастхана – первых 13 шагов – некоторые таковы, что могут быть оставлены, — они необязательны: необязательно, чтобы каждый проходил через все из них. Через все из них можно пройти, но у того, кто прыгает через них, никогда не будет желания *тиртхан-карбандх* полностью, ибо даже то, что не обязательно; должно быть известно учителю, необязательные предметы тоже должны изучаться учителем. Для учеников достаточно знать то, что позволяет пройти через экзамены, но учитель должен понимать все, даже то, что бесполезно.

В этих 13 шагах к знанию есть некоторые вещи, которые бесполезны. В знании есть определенные разделы, знать которые не обязательно для того, чтобы стать просветленным. Можно прямо идти к мокше, но для того, чтобы стать учителем, эти разделы должны быть тоже известны.

Нужно отметить еще одну важную вещь: после определенной стадии в развитии. Время для того, чтобы пройти оставшиеся шаги, может быть увеличено. Они могут быть пройдены в одну жизнь, в две или в три. Эта отсрочка может принести великую пользу.

Как я говорил прежде, по достижении полной реализации нет возможности родиться более, чем еще один раз; маловероятно, чтобы просветленный содействовал более чем одному дополнительному рождению, но если после прохождения 12 шагов 2 оставшихся могут быть не сделаны, тогда такой человек способен родиться еще много раз. И возможность отложить их есть,

После прохождения 12 шагов путешествие почти подходит к концу. Я говорю «почти», а это означает, что все стены разрушены, остается только прозрачная завеса, через которую все видно. Как бы то ни было, завеса есть. Подняв ее, нетрудно уйти вдаль. После того, как завеса остается позади, все, что обычно можно видеть, тоже видно – с другой стороны завесы, нет совсем никакой разницы.

Вот почему я говорю «почти»; сделал еще один шаг, вы проходите за занавес, но тогда есть возможность еще только одного рождения, а оставаясь по эту сторону занавеса, можно родиться столько раз, сколько захочешь.

Кто-то может спросить, знали ли это Махавира и Будда; да, это было ясно для них и тоже могло быть использовано ими, но в обстоятельствах существуют фундаментальные различия.

Интересно отметить, что по достижении полного знания этому знанию могут быть научены не все, а только очень продвинутые ученики. Для тех людей, для которых Будда и Махавира работали в течение нескольких жизней, для тех, кто ходил рядом с ними во многих формах, для них достаточно еще только одного рождения. Иногда случалось так, что даже это одно рождение не было необходимым. Если кто-то достигал реализации в 20 лет и жил до 60, тогда, если он мог завершить работу в оставшиеся 40 лет, дело закончено, нет нужды возвращаться. Но теперь складывается очень странная ситуация: те, кто могут быть названы развитыми садхаками, все равно, что никто. Чтобы работать с такими садхаками, будущим учителям приходится рождаться много раз, только тогда работа может быть выполнена, а иначе нет.

Для Махавиры и Будды ситуация была другой, ибо когда они были готовы оставить последнюю жизнь, они могли найти возле себя несколько человек, которым могла быть вверена дальнейшая работа. Такого нет сейчас, вот почему у сегодняшнего учителя есть трудности, которых не было прежде: не только то, что он должен усерднее работать с большим количеством неразвитых учеников, но также страх, что его работа может быть напрасна. Нет возможности найти подходящих людей, которым может быть доверена дальнейшая работа. Такое случилось с гуру Нанаксом в традиции сикхов.

До Гобинда Сингха, десятого гуру сикхов, можно было найти следующего, но Гобинг Сингх должен был прекратить эту практику. Он старался, как никто другой до него, найти одиннадцатого человека для того, чтобы сохранить цепь цельной, но он не мог найти никого. Он должен был прекратить поиски, и это оборвало цепь. Теперь там не может быть одиннадцатого человека, потому что это может случиться только в интимном контакте. Однажды появляется прерыв-

ность, пролом в цепи, и тогда нет возможности передать дальше то, что должно быть передано,

Бодхидхарма, просветленный ученик Будды, должен был уйти из Индии в Китай, потому что человек, которому он мог передать свое знание жил в Китае. Как следствие, сама буддийская традиция ушла из Индии. Люди поняли из этого только то, что несколько буддийских монахов ушли в Китай распространять буддизм, но это ошибочно, это понимание тех, кто видит только поверхностные события истории.

Хуи-Ки – имя китайца, которому можно было передать знание, и интересно отметить, что он не хотел идти в Индию. Трудности этого мира часто удивительны. Хуи-Ки не хотел идти, потому что он не сознавал своих потребностей, поэтому Бодхидхарма должен был проделать длинное путешествие в Китай. Затем снова наступило время, когда секреты буддийской традиции должны были переместиться в Японию для такой передачи знания. Этот перерыв в 700 лет был периодом некоторых затруднений. Трудности были таковы: во-первых, становилось все труднее и труднее родиться. Для личности, достигшей определенной стадии в развитии, трудно найти подходящих родителей для другого рождения. Во времена Махавиры и Будды таких трудностей не было, всегда были доступны утробы, с помощью которых могли родиться такие продвинутые души.

Во времена Махавиры в Бихаре было 8 полностью реализовавшихся – такого же уровня, как и Махавира. Состояние «почти» было достигнуто тысячами; было не то, чтобы несколько, но тысячи тех, кому могла быть доверена работа, работы и дальнейшая передача.

В нынешнее время, если некто, находящийся на таком высоком уровне, хочет родиться, он, возможно, должен прождать несколько тысяч лет. Другая трудность в том, что за это время проделанная работа могла быть утеряна, то есть человек, над которым он мог проделать какую-то работу, мог родиться еще 10 раз в этом промежутке и стало бы трудно пробиться через наслоения этих 10 рождений. В нынешнее время учитель должен будет прождать долгое время до финального подъема занавеса и путешествия дальше. Он должен будет придержать себя; если он идет однажды за занавес, он не будет готов или не будет желать следующего рождения.

У него все еще есть выбор, родиться или нет, но он сочтет это бесполезным. Этому есть причина: он может родиться еще раз, но для кого? В одном рождении невозможно достичь многого.

Если я знаю, что придя в эту комнату, могу выполнить свою работу за час, то придти стоит. Если работа не может быть сделана, тогда бесполезно приходить. В этом смысле у сострадания две цели. Первая: оно хочет дать вам что-то; вторая: оно знает, что если может только взять что-то у вас и не в состоянии дать, то вы будете в большей опасности. Ваши затруднения не уменьшатся, а увеличатся. Если я в состоянии показать вам что-либо, то это хорошо и прекрасно, но если я не в состоянии показать вам что-либо, а вы перестаете видеть то, что видели раньше, то ситуация становится очень плохой.

В связи с этими 700 годами должны быть отмечены еще некоторые вещи: во-первых, я и не думал, что может произойти такая беседа. Однажды в Пуне произошло подобное: пришла моя мать, и один посвященный, Рамлал Пундалша, спросил ее, не помнит ли она какие-либо особые происшествия, случившиеся со мной, и не могла бы она рассказать о них.

Я и не думал, что такие вещи будут когда-либо обсуждаться. Я и не знал также, когда они говорили друг с другом. Он недавно рассказал на встрече, что моя мать сказала ему, что сразу после рождения я не плакал и не пил молока в течение трех дней. Это было ее первое воспоминание обо мне.

Это правда. 700 лет назад, в моей предыдущей жизни, существовала 21-дневная духовная практика, выполняемая до смерти: я должен был оставить свое тело после полного 21-дневного поста. Этому были причины, но я не дошел тогда до 21 дня, осталось 3 дня. Те три дня я завершил в этой жизни. В этом случае промежуток не имеет никакого значения. Когда оставалось только три дня той жизни, я был убит, 21-дневная практика не могла быть завершена, потому что всего лишь за 3 дня до конца я был убит, и эти 3 дня были упущены.

В этой жизни те три дня были завершены. Если эта 21-дневная практика могла быть завершена в той жизни, тогда не было бы возможности родиться более, чем один раз. В этом контексте стоит отметить много вещей. Стоять перед той завесой и не пересечь ее очень трудно. Трудно постоянно осоз-

навать вопрос, что будет, когда завеса будет поднята. Это почти невозможная задача – стоять перед завесой и не поднять ее, но это могло случиться только потому, что за 3 дня до завершения поста я был убит. Поэтому я много раз говорил в различных беседах, что также как Иуда долго старался убить Иисуса, хотя и не был ему врагом, так и человек, убивший меня, не был мне врагом, хотя и относился ко мне как враг.

Но убийство стало полезным. Из-за смерти те 3 дня были отложены. После моих напряженных усилий достичь просветления в той жизни я смог достичь его в этой жизни через 21 год, что было возможно в той жизни за 3 дня. Вместо каждого из трех дней той жизни я потратил 7 лет этой, вот почему я говорю, что из прошлой своей жизни я пришел не с «полным» знанием, а говорю, что пришел с «почти» полным знанием. Завеса могла быть поднята, но тогда бы могло быть только одно рождение.

Теперь я могу родиться еще один раз, теперь есть возможность еще одного рождения. В течение всей этой жизни я буду продолжать стараться увидеть, принесет ли еще одно рождение какую-либо пользу. Тогда стоит родиться, иначе вопрос исчерпан и бесполезно делать какие-либо усилия, поэтому то убийство было значительно и полезно.

Как я говорил вам, измерение времени, пока находишься в теле, отличается от исчисления времени в других состояниях сознания. После рождения время движется очень медленно. Во время смерти время движется очень быстро. Мы не поняли скорость времени, потому что в нашем понимании у времени нет скорости. До сих пор даже у знаменитых ученых не было мысли о том, что время тоже имеет скорость. Причина этого в том, что если мы припишем времени скорость, то будет очень трудно измерять все другие скорости. Поэтому мы приняли время неподвижным. Мы говорим, что кто-то прошел 3 мили за 1 час, но если на протяжении трех миль 1 час пройдет столько-то, это создаст много трудностей, поэтому мы приняли час статичным и устойчивым, иначе все будет затруднено. Так мы сделали время статичным, но самый интересный факт тот, что время не статично, и оно более непостоянно и движется больше, чем все остальное. Время означает изменение. Мы полагаем его фиксированным, вбитым, как колышек палатки. Это делается потому, что без фиксирования времени

измерение всех других движений будет невозможным. Скорость времени тоже становится большей или меньшей в соответствии с состоянием ума объекта.

Скорость времени ребенка мала, но для старика она очень велика, компактна и сжата. Для старых людей время на коротких промежутках движется очень быстро, тогда как для ребенка время тянется долго и движется медленно. Время различно и для каждого животного; для человеческого детеныша нужно 14 лет, чтобы подрасти настолько, насколько щенок вырастает за несколько месяцев, а детеныши некоторых животных растут еще быстрее. Некоторые животные рождаются, достигнув почти полных размеров. В момент, когда они ставят свои лапы на землю, между ними и зрелыми особями вида нет разницы, они завершены, вот почему животные плохо чувствуют время. Движение очень быстро для них. Как только жеребенок оказывается на ногах, он идет. Он не может постигнуть, что между временем рождения и временем, когда он начинает ходить, есть промежуток.

Человеческий детеныш может осознавать этот промежуток, поэтому человек – это животное, обеспокоенное временем. Он, так сказать, всегда в напряжении, борется со временем, которое всегда бежит и проходит, оставляя его волочащимся позади.

В последние моменты моей предыдущей жизни оставшаяся работа могла быть выполнена за 3 дня, потому что время было очень компактным. Мне было 106 лет. Время двигалось очень быстро. История с теми тремя днями продолжилась в моем детстве этого рождения. В предыдущей жизни работа подходила к концу, но в этой жизни завершение работы заняло 21 год. Если благоприятная возможность упущена, необходимо тратить так же много времени, как и мне: за каждый день по 7 лет, поэтому в эту жизнь я пришел не с «полным» знанием, но с «почти» полным.

Но теперь я должен буду говорить о различии. Я рассказывал вам, что Махавира должен был изобрести *танасчарья*, благодаря которой он мог давать. Будда должен был изобрести другие методы, чтобы опровергнуть все методы воздержания — один за другим. Это тоже род воздержания. То, что не должны были делать Махавира и Будда, должен делать я: я всего только должен читать все, что есть в этом мире. Все это

бесполезно, мне нет пользы от этого, но в современном мире, который не беспокоится ни о том, кто быстро движется, ни о том, кто сидит с закрытыми глазами, ни одно сообщение не может быть передано через практику воздержания, а только благодаря усвоенному мной громадному запасу интеллектуального знания, которое увеличивается и увеличивается с каждым днем.

Вот почему я провел над книгами целую жизнь. Я хотел бы сказать, что Махавире не нужно беспокоиться о том, чтобы поторопиться, но я должен был беспокоиться о том, чтобы прочесть так много того, что бесполезно для меня. Как бы то ни было, но только перенеся эти хлопоты, я могу общаться и быть принимаемым этим миром, а иначе нет. Век науки может понимать только свой язык.

Если это стало ясным для вас, вам не трудно также начать думать о ваших прежних рождениях. Я чувствую, что скоро смогу помочь вам вспомнить такие вещи, потому что если вы сможете вспомнить их, это сэкономит вам много времени и энергии. Обычно случается так, что вы начинаете свою жизнь не отсюда, где вы закончили в предыдущей, но в каждом рождении вы начинаете почти с алфавита. Если вы можете вспомнить свое прошлое, вы начнете не с азбуки, но с того места, где закончили, и только тогда есть возможность прогресса, а иначе нет.

Теперь можно понять, почему животные вовсе не прогрессировали. Ученые недоумевают, почему животные воспроизводятся без последующей эволюции. Обезьяны – это только менее развитая ветвь человечества, но эволюционное различие много больше родового. В чем же дело? В чем может быть трудность? Почему обезьяны не выходят из этого замкнутого круга? Они такие же, как были миллионы лет назад.

Мы думаем, что эволюционный процесс продолжается всюду, но это все очень неопределенно. Гипотеза Дарвина очень сомнительна, потому что в течение сотен веков обезьяны остаются такими же, как были всегда, они не развиваются. Белка остается белкой и не развивается. Корова остается коровой не развиваясь дальше, поэтому развитие не идет автоматически: существует что-то еще, создающее различия.

Каждая обезьяна начинает с того же места, откуда начинал ее родитель. Потомок не может начать с того места, где за-

кончил родитель. Родитель не может передавать, он не может помочь своему ребенку начать с того места, где он закончил свою жизнь, как же может быть какой-либо прогресс? Каждый раз ребенок начинает все с той же точки. Если вы начинаете в этой жизни с того же места, что и в прежней, вы не можете развиваться, для вас не будет эволюции духа. В каждом рождении вы будете начинать с той же точки, что и в предыдущей жизни. Если начало остается таким же, эволюции нет.

Эволюция или развитие означает, что предыдущая конечная точка становится начальной, иначе эволюции не будет. Человек может прогрессировать, потому что он избрал язык для того, чтобы общаться. Отец может обучать сына тому, что знает он сам. Образование означает: то, что знает поколение отцов, может быть передано поколению детей.

Но сын должен будет начать с той точки, откуда начал отец. Если сын мог начать оттуда, где закончил отец, тогда должен быть прогресс: движение будет не по кругу, а по спирали, тогда ребенок не будет двигаться по кругу, а будет подниматься. Он будет подниматься, как по колесу.

То, что верно для эволюции человечества, верно и для духовной эволюции индивидуума: если у вас нет связи между этой жизнью и предыдущей, то вам вовсе неизвестна ваша предыдущая жизнь. Вам неизвестно, где вы закончили, чтобы вы смогли начать оттуда, поэтому может быть так, что вы снова начнете возводить то же здание с самого фундамента, которое вы уже построили в предыдущей жизни. Вы снова будете закладывать фундамент! Если вы продолжаете только закладывать фундамент, тогда как же вы завершите постройку здания?

Поэтому то небольшое, что я рассказал о своей предыдущей жизни, не для того, чтобы вы узнали обо мне что-то, и не потому, что это значительно, а только потому, что это может заставить вас обратиться к вам самим и исследовать ваши прошлые жизни.

В момент, когда вы узнаете ваши прошлые жизни, наступит духовная революция и эволюция, тогда вы начнете с топ», где вы остановились в вашей предыдущей жизни, иначе вы потратите бесконечное число жизней и ничего не достигнете, будет только бесконечное повторение.

Между этой жизнью и предыдущей должно быть общение, должно быть известно все, чего вы достигли в предыдущей жизни, и у вас должна быть способность сделать следующий шаг вперед. Вот почему Будда и Махавира очень детально обсуждали вопрос о предыдущих жизнях. Это не делалось учителями раньше.

Учителя Вед и Упанишад рассказали все о высшем знании, но они не связали это с наукой узнавания предыдущих рождений. Во времена, когда родился Махавира, необходимость этого стала явной – недостаточно говорить только о том, чем вы можете стать; было необходимо говорить также и о том, чем вы были, потому что без поддержки и помощи того, чем вы были, ваши возможности не могут расцвести, вы не можете стать тем, чем вы можете стать.

Вот почему полные 40 лет жизни Махавиры и Будды были проведены в стараниях заставить людей вспомнить их предыдущие рождения. Они говорили, что пока человек не помнит свою прошлую жизнь, он не должен думать о своем дальнейшем прогрессе. Вначале он должен ясно видеть свою дорогу и точку, которой он достиг, а потом делать следующий шаг, иначе будет только бегание взад и вперед по той же дороге снова и снова без всякой пользы. Вот почему вспомнить предыдущие рождения стало абсолютно неизбежным первым шагом.

Сегодня трудность вот в чем: не очень трудно заставить вас вспомнить предыдущие жизни, но утеряна вещь, называемая отвагой. Заставить вас вспомнить ваши предыдущие рождения возможно только если вы достигли способности оставаться невозмутимым, находясь в центре самых тяжелых воспоминаний этой жизни, иначе это невозможно.

Не очень тяжело вспоминать события этой жизни, но когда для вас откроются воспоминания прошлых рождений, будет очень трудно, так как воспоминания этой жизни приходят поочередно, воспоминания прошлых жизней открываются во всей их целостности.

В этой жизни сегодняшние страдания завтра будут забыты, и то, что мы переживем завтра, будет забыто послезавтра, но воспоминания предыдущих жизней распахнутся для вас целиком, а не фрагментарно. Сможете ли вы вынести это? Вы приобретете способность выдержать воспоминания о преды-

дущих жизнях, только когда вы способны выдержать наилучшие в этой жизни. Для вас не должно быть никакого различия между тем, что происходит. Когда ни одно из воспоминаний этой жизни не беспокоит вас, только тогда вы уйдете в воспоминания предыдущих жизней, иначе эти воспоминания станут большой раной для вас, и с такой раной вы не сможете отворить дверь, пока у вас не будет силы и стойкости взглянуть на них.

Глава 3

Путей много, путников мало

Раджниш, принадлежит ли 21-дневный ритуал, который вы проделали в предыдущей жизни, к какой-либо специальной традиции медитации? Из Ваших речей следует, что Вы определенно показали методы великих учителей или тиртханкар. Могу ли я осмелиться спросить в связи с этим, хотите ли Вы осуществить духовную связь с определенными традициями или, подобно Будде, пытаетесь проложить новый путь на вершину?

Традиционное мышление будет оставаться традиционным, и путь Будды тоже не нов теперь. То, по чему долго ходили, стало старым путем, но новые дороги, прокладываемые после разрушения старых традиций, тоже не новы: по ним уже прошли многие.

Будда проложил новый путь, Махавира шел по уже проложенному пути, но в цепи до Махавиры был первый человек, который проложил новый путь. Путь Махавиры не был самым старым; первый тиртханкар проделал тот же род работы, что и Будда. Прокладывать новый путь – не новая вещь, иначе традиции никогда бы не родились. Теперь, в связи с нынешним положением, необходимо делать что-то, отличное от этих обеих вещей, потому что теперь в изобилии представлены личности обоих этих типов.

Если мы посмотрим на Гурджиева, так он возродил старую традицию, подобно Махавире; Кришнамурти, как кажется,

установил новую традицию, подобно Будде, но все это старые схемы.

Много традиций исчезало и много обновлялось. Традиция, новая сегодня, станет старой завтра. Сегодняшнее положение таково, что ни Махавира, ни Будда не могли бы возвестить новое, потому что люди устали от старого. Создалась ситуация — люди устают от нового. Новое всегда мыслилось как противоположное старому, но теперь мы находимся в точке, откуда ясно видно, что новое — это только начало старого. Новое означает то, что станет старым. Как только мы начинаем объяснять что-то как новое, вещи начинают стареть. Теперь нет никакой тяги к новому, а к старому мы всегда чувствовали антипатию.

Было время, когда была тяга к старому. Эта тяга была глубокой. Чем более стара вещь, тем более, думалось, она значительна. Если это было пережито, хорошо проверено, тогда не страшно было следовать этому, и человек полностью верил в это. Так много людей прошли этот старый путь и так много достигли на этом пути, что новые путники могли идти с закрытыми глазами, если хотели.

Не было нужды долго сомневаться в чем-то, думать много, много искать или решать.

И очень трудно решать что-то относительно неизвестного. Как бы долго вы ни сомневались, в конце вы прыгаете в неизвестное только благодаря вере, потому что наибольшее, что возможно для сомнений, это привести к вере, с помощью которой вы можете в конце концов прыгнуть; но тяга к старому утеряна, и утеряна она по нескольким причинам.

Первая причина в том, что если человек знал одну традицию, у него не было трудностей, но когда ему становились известны несколько традиций, появлялись препятствия. Было время, когда индус, рожденный в индуистской семье, был окружен только индусами и жил возле индуистского храма. Звук колокольчика индуистского храма ассоциировался с молоком матери и входил в плоть и кровь, поэтому служба в храме была в большей степени частью его скелета, плоти и крови, чем воздух, вода и соседняя гора.

Конкурентов не было. Не было ни церквей, ни мечетей. Ни один отзвук какой-либо другой традиции не попадал в его уши и ум. Старое так долго существовало, что не могло быть

оспариваемо. Оно существовало задолго до него, и он рос с этим и в этом, но затем постепенно возле храма выросла мечеть, а за ней последовала церковь и гурудвара.

Когда-то традиция получала толчок от каждого, но теперь, естественно, есть затруднение: ничего не может быть принято без опасения, потому что противоречащие друг другу мысли идут со всех сторон. Если храм зовет вас звоном своих колокольчиков, то одновременно раздающийся неподалеку призыв на молитву в мечеть говорит вам не делать ошибки и не идти в храм. И обе эти концепции возникают в уме одновременно.

В этом мире основная причина увеличения скептицизма не в усилении рассудка в человеке, а в наслоении в его уме впечатлений от многих традиций одновременно, частей противоположных культур.

Каждый путь назовет другой неправильным. Это из-за беспомощности, а не потому, что другой путь на самом деле ошибочен. Тем не менее он должен быть назван ошибочным, потому что если другой путь не может быть назван ошибочным, тогда усилия показать свой путь правильным напрасны. Фактически, если некто требует, чтобы его путь был назван правильным, из этого всегда следует, что другой ошибочен.

Поэтому каждая традиция имеет свой путь. Эти пути никогда не встречаются и не пересекают друг друга, а идут параллельно. В этой ситуации в тот период времени древнее обладало глубокой притягательностью, и человек, подобный Махавиру, был очень полезен и мог помочь, но стоило увеличиться числу традиций и их соперничающим требованиям, как старое стало двусмысленным и новое стало более значительным. Новое тоже выдвигало противоречивые требования, но когда старые традиции только все больше и больше удивляли ум и аргументы соперников не могли определить что-либо, тогда легче было выбрать из нового, чем из старого.

Есть много причин установления новых традиций: во-первых, пророки и тиртханкары старых традиций родились тысячи лет назад и поэтому их голоса стали очень слабыми. Пророки новых традиций существуют рядом с вами, поэтому их голоса становятся глубокими и мощными. Старая традиция говорит на старом языке, который существовал во времена ее рождения. Новый тиртханкар или Будда говорят на новом языке, который недавно оформился. Старые слова и фразы,

которые стали сомнительными, исчезли. Отчеканены новые слова, которые, в некотором смысле, невинны, и человек может легко попасть под их влияние.

Так тяга к новому медленно увеличивалась, как только несколько традиций приходили в близкий контакт и встречались. Мы начинали жить и также говорить на перекрестке, где все дороги встречаются или заканчиваются.

Но теперь нет тяги и к новому, потому что мы пришли к знанию того, что все, что ново, становится старым в конце концов, и то, что старо, было когда-то новым. Мы также знаем теперь, что различия между старым и новым — только в словах. Это потому лишь, что у нового большая скорость. В течение около 300 лет новое приобретает ту же репутацию и статус, что когда-то имело старое.

Было время, когда старость чего-то была удостоверением его правильности. В нынешние дни новизна стала доказательством правильности: доказать, что что-то новое, достаточно для того, чтобы люди начали верить в это, тогда как в прошлом они верили во все, что было древним. В нынешние дни назвать что-то старым уже само по себе обвинение, поэтому все традиции заняты своей модернизацией. Каждая традиция развивала обсуждение того, что кто-то говорил о новом. Старые пути остались, и на новых путях были найдены люди, идущие по ним, но когда эта вспышка тяги к новому стала сильной, произошел один оригинальный феномен.

Во времена, когда древность принималась как доказательство правильности традиции, все религии старались доказать, что они самые старые и древние. Если бы кто-то спросил джайна, то он мог бы ответить, что самой древней была их традиция и что даже Веды родились позже. Если бы спросили ведантистов, они могли бы ответить, что Веды были самыми старыми и они постарались бы проследить их источник как можно дальше, потому что чем древнее, тем выше статус.

Подобно этому, когда показателем статуса стала новизна, возник вопрос: насколько ново? 50 лет назад в Америке из-за того, что американская цивилизация и общество были самыми новыми, тяга к новому была такой сильной, что существовало два поколения: старых людей и молодых.

Но теперь в Америке случилась очень странная вещь: в настоящее время там существуют не только два поколения, се-

годня там отдельно существует поколение 40-летних, поколение 30-летних и поколение 20—15-летних. 30-летние говорят: «не верьте тем, кому больше 30 лет» И даже 25-летние бесполезны теперь; студенты высшей школы считают поколение 25-летних коллег стариками. Никогда не случалось прежде, чтобы на протяжении 50-лет могло быть столько поколений. Никто даже не представлял себе, что традиции могли быть в поколении молодых и что 20-летние считают 25-летних почти мертвыми.

Поэтому, когда новое движется таким быстрым шагом, тяга к нему тоже теряется, потому что как только эта тяга к новому установилась, оно становится старым. Оно тратит время на то, чтобы стать притягательным. Религия — это не иония прихоть и не новый стиль одежды, который может меняться каждые шесть месяцев. Религия не семена цветов, которые исчезают через 4 месяца после того, как расцвели. Религия подобна скорее баньяну, которому нужно несколько тысяч лет, чтобы достичь зрелости. И если деревья изменяются каждые 4 или 5 лет, это не баньян, они могут быть только вроде сезонных деревьев.

Итак, тяга к новому тоже теряется. Я рассказал все это, только для того, чтобы стало ясно, что мой путь принадлежит к третьему типу. Я не верю ни в то, что древний язык Махавиры будет эффективным, ни в то, что привязанность к новизне даст что-либо. Все это вышло из моды. Я чувствую, что сейчас действителен только упор на то, что вечно: *то, что всегда есть*, — вот что значительно, а ни новое, ни старое.

«Вечное» означает то, что ни ново, ни старо. Старое и новое — это только события во времени, и религия натерпелась из-за этого: она натерпелась, когда была старой, и то же случилось, когда она ассоциировалась с новым. Кришнамурти до сих пор настаивает на том, что она нова. Причина такого взгляда на вещи уходит в период между 1915 и 1920, когда в этом мире была сильная тяга к новому. В то время новое еще не было влиятельным, но он продолжает это утверждать даже теперь.

Теперь на этой земле существует только одна возможность. Все традиции так сблизилась, что если одна традиция говорит, что она единственно правильная, это немедленно порождает сомнение. Было время когда требования традиции

считать себя абсолютно истинной, правильной и беспристрастной позволяли человеку верить ей. Теперь такое требование только породит безверие – такое требование будет только признаком сумасшествия. Может быть доказано, что требовательный человек не очень интеллигентен, он не глубокий мыслитель, он догматичен, фанатичен.

Бертран Рассел писал где-то, что он никогда не встречал умного человека, говорящего в абсолютных терминах. Те, кто умны, не будут утверждаться таким образом: только дурак может быть так настойчив. Рассел пытается сказать, что только невежда может утверждать что-то как абсолютную истину. С увеличением знания такие абсолютные заявления не могут делаться. Если в наше время некто утверждает, что только какая-то особая традиция верна, он нанесет этой традиции очень много вреда. Подобно этому, если кто-то говорит: «то, что я говорю, абсолютно ново», он говорит глупость.

Много вещей объявлялись новыми, но когда их проверяли глубже, оказывалось, что в них нет ничего нового. Одна и та же вещь может быть высказана во многих формах, но когда те формы отброшены, покровы откинута, под ними видна все та же старая вещь. Сегодня проповедь почитания древности, старины не может иметь успеха.

С любой точки зрения, религией будущего, которая может влиять на людей, которой будут следовать и которая будет почитаться людьми, будет та, которая вечна: она будет ни старой, ни новой. Никто не может сделать ее ни новой ни старой, и никогда она не постареет.

У тех, кто называет религию старой, есть старые слова выражать ее; у тех, кто называет ее новой, есть новые слова. Теперь мы не хотим цепляться ни за какие слова, вот почему я использую слова всех традиций: любые слова могут быть использованы для понимания. Иногда я говорю по-старому, думая, что некоторые, возможно, поймут благодаря этому; иногда я говорю на новый манер для тех, кто может понять это, и одновременно я хочу, чтобы вы осознали, что истина не может быть ни старой, ни новой: истина подобна небу, под которым деревья растут, развиваются, цветут и затем умирают. Деревья тоже стареют, у них тоже есть и детство, и юность, но все это происходит под небом. Мы увидели проросшее зерно; росток абсолютно нов, но небо, под которым он растет,

вечно. Дерево выросло, постарело и приблизилось к смерти; дерево постарело, но стало ли старым небо, под которым оно раскинулось? Много деревьев пришло и ушло, но небо оставалось всегда нетронутым, вечным. Истина подобна небу, слова подобны деревьям: они видны, они растут, они покрываются листьями, цветами, плодами и затем они умирают, падают и встречаются с землей, а небо остается на прежнем месте. И новое, и старое сделали упор на слова, но я не хочу делать ударение на них, я хочу обратить вас к небу, где цветы слов распускаются, умирают и исчезают, не оставляя и следа. По-моему, истина вечна, и она вдали от нового и старого. Она трансцендентна. То, что мы говорим, думаем и создаем, придет и уйдет, но истина остается там же, поэтому те, кто говорят, что истина стара, невежественны, потому что истина не стареет. И те, кто говорят: «у нас есть новая истина, оригинальная», тоже невежественны, ибо истина не может быть ни оригинальной, ни новой. Истина подобна небу.

Этот третий путь, путь вечного, и есть, я верю, путь для будущего, потому что этот упор на вечное позволит пройти через многие ловушки многих традиций. Тогда мы скажем, что да, те деревья росли под небом, и эти деревья тоже растут под небом, но небо остается нетронутым. Там много пространства. Наши деревья не могут ни заполнить, ни опустошить это пространство. У нас не должна остаться иллюзия, что одно дерево может заполнить целое небо, поэтому никакие наши слова, мысли или принципы не могут заполнить небо истины.

Там всегда достаточно места даже для миллионов и миллионов Махавир и Будд. Каким бы ни был баньян, для неба нет различия. Просторы неба не могут быть измерены и величайшим баньяновым деревом, но трава, растущая под деревом, даже и не знает о небе – она знает только баньян. Для нее баньян так огромен, что она никогда не может представить что-либо большее, чем он.

В такой трудной ситуации все традиции были установлены до нас и вели наши умы во всех направлениях. Есть старые мысли, есть новые, каждый день рождаются еще более новые, и все они тянут человека за собой. Из-за этих одновременных толчков в разных направлениях человек стал беспомощным, он не знает, что делать. Человек почти готов подняться, но у

него нет мужества пойти в *каком-либо* направлении. В каком бы направлении он ни пытался шагнуть, он остается полным сомнения, у него нет никакого доверия. Все те, кто могли вложить в него какую-то веру, сами делают его не верящим. Каким бы образом в прошлом ни создавалась вера, сегодня она создается таким же путем.

Коран продолжает говорить, что он прав. Дхаммапада говорит, что права она, и естественно, что кто бы ни говорил, что он прав, он должен говорить, что другой ошибается. А другой говорит то же самое, поэтому человек, слушающий обоих, должен думать, что ошибаются оба. Почему? Потому, что тот, кто говорит, что он прав – только один, а тех, кто называют его ошибающимся – пятеро. Это действие так сильно, что голос того, который кричит, что он прав, затеряется в хоре голосов тех пяти, которые кричат, что он ошибается. Каждый из этих пяти находится в таких же условиях, потому что каждый говорит, что прав только он.

Если теперь эти пятеро назовут кого-то неправым, а тот неправый доказывает, что он прав, то слушающий это восстанет против всей этой глупости.

Это одновременное требование веры от человека только ошарашивает его. Положение может быть исправлено только одним способом: должно быть мировое движение, в котором ни один не будет настаивать или доказывать, что «это» правильно, а «то» ошибочно. Вместо этого каждый должен будет говорить, что оставаться инертным – ошибка, и что идти правильно; для этого необходим широкий взгляд, обладающий способностью правильно показать, как некто может продвигнуться дальше в направлении, которое он выбрал. Это очень трудно. Легче быть магометанином или христианином, или джайном, потому что основное направление ясно в каждой традиции. Легче быть знакомым только с одной традицией.

Восемь дней назад ко мне пришел один молодой человек. Он сказал, что он магометанин и хочет быть саньясином, но он сказал также, что его люди задушат его, если он сделает так. Я сказал ему. «Вы стали саньясином, но вы не перестали быть магометанином. Вы можете стать саньясином, оставаясь магометанином». Он сказал: «Что?! Я могу пойти в мечеть делать намаз в этих оранжевых одеждах саньясина?» Я сказал: «Да, вы должны делать намаз». Он сказал: «Я перестал

делать намаз с тех пор, как услышал Вас. Я медитирую вместо этого. Я не ходил в мечеть около года и полон радости. Я даже не хочу ходить в мечеть». Я сказал: «Пока вы не поймете, что между медитацией и намазом нет разницы, я говорю вам, что вы не поняли, что такое медитация».

Такой человек должен быть отослан назад в мечеть делать намаз. Отрывать его от мечети очень опасно, потому что оторвав его от мечети, очень трудно будет связать его с храмом. Этот разрыв так повредит ему, что его нельзя будет связать с каким-либо храмом. Мы, следовательно, не поощряем соперничества между церквями и не возводим новый храм. Куда бы человек ни захотел идти, главное – он должен идти свободно, он не должен стоять, но лишь идти.

А окончательная перспектива для меня такова: я хотел бы помочь каждому двигаться в зависимости от его способности, стадии развития, его культуры и соответственно тому, что он уже собрал в своей крови. Тогда ему будет легче достичь. Следовательно, у меня нет ни собственной религии, ни собственного пути, потому что теперь некий исключительный путь или религия не будут работать для будущего, а религиозная секта означает особый путь.

Сегодня подходит та религия, которая не настаивает на особом пути, которая может стать перекрестком всех путей, которая может сказать, что ей принадлежат все пути, и которая предлагает каждому следовать по пути, который ему нравится. Такая религия утверждает, что вы достигнете одного и того же места, по какой бы дороге вы ни шли, и что все дороги ведут к одному и тому же предназначению, что есть только одно требование: чтобы вы продолжали идти и не останавливались.

Я не хочу проложить новый путь на гору и не хочу создать какую-либо новую философию и религию. Путей достаточно, но нет идущих. Пути не использовались много лет, не было ни одного путешественника, потому что теперь подвергается сомнению сама необходимость взбираться на гору. У подножия горы столько дебатов и ссор, а результат этих стычек – истощение и испуг человека и повод для того, чтобы остаться неподвижным. Никто не может идти, если он так потрясен душевно. Здесь должна быть отмечена одна вещь: я не электичен, я выбираю из того, что *нравится мне*. Мое мышление

не похоже на мышление Ганди, чтобы я мог выбрать 4 строфы из Корана и 4 из Гиты и сказать, что везде говорятся одни и те же вещи. То, что говорится в этих писаниях, различно, а не одно и то же. Я говорю, что на всех путях достигается то же предназначение, но все пути разные, а не одни и те же.

Если кто-то пытается показать, что Коран и Гита говорят о тех же вещах – это только трюк. Очень интересно отметить, что Ганди читал Гиту и Коран, но он должен был выбрать из Корана только те темы, которые не противоречили Гите, а остальные отбросить. Что же тогда случится с отброшенными темами? То, что казалось противоречащим каким-либо верованиям, Ганди должен был отбросить. Он никогда не примет Коран как целое, хотя он и принял как целое Гиту, вот почему я говорю, что он эклектичен. Если то, что говорится в Гите, «нашлось» в Коране, тогда оно принимается. Это не трудно, каждый будет готов принять.

Я говорю, что полностью согласен с утверждением, что Коран – это арабское переложение Гиты и ничего, кроме этого. С этим согласятся даже верящие в Коран, но будет очень интересным экспериментом попросить исследователя Корана выбрать некоторые положения Гиты, которые могут соответствовать Корану. Вы будете удивлены, увидев, что этот человек выбрал бы вещи, которые никогда не выбрал бы Ганди; он выбрал бы совершенно другие вещи.

Это я называю эклектизмом. Это отбор, а не приятие целого. Это все равно, что сказать: «выбор всегда является привилегией человека, и если вы не соглашаетесь с выбором, вы тоже правы, иначе в конце правы только мы. Пока вы согласны с нами, мы говорим, что вы правы, и тем большую терпимость мы демонстрируем.

Это немного. Это вопрос щедрости неба. Это вовсе не вопрос терпимости. Это не то, что индусы терпимы по отношению к магометанам и христиане терпимы к джайнам. Терпимость—это беспомощность, и на определенной стадии она порождает насилия.

Я не говорю, что Коран и Гита говорят одно и то же. Коран рассказывает что-то совершенно иное. Он имеет собственный настрой, он значителен в самом себе. Если Коран говорит, те же вещи, что и Гита, тогда Коран не имеет значения. И Биб-

лия говорит что-то другое, чего не говорят ни Коран, ни Гита: у каждого свой настрой.

Махавира говорит не то же, что говорит Будда – они говорят очень но-разному, но место, которого достигают благодаря различным системам, одно и то же, вот почему я делаю упор на единство конечного, а не на единство путей. Я делаю упор на том факте, что в конце концов все эти пути придут к месту, где нет различий и различений.

Но каждый путь очень своеобразен, и никто не должен делать ошибку, думая, что эти пути одинаковые, иначе мы не сможем идти ни по одному из них. Все лодки могут достичь противоположного берега, но никто не должен делать ошибку и стараться проехать на двух лодках сразу, иначе лодки доплывут, но никогда не доплывет тот, кто сидит в двух лодках: он упадет и умрет где-нибудь.

Все лодки – это лодки, поэтому, если кто-то хочет говорить о лодках, стоя на берегу, вреда от этого нет, но пилигрим должен выбрать лодку до того, как он вступит в нее. Я принимаю все религии, как разные лодки, но выбрана должна быть одна. Очень трудно выбрать одну, потому что все они противоречат друг другу: с одной стороны – Махавира, который не мог бы убить даже муравья; он ступает по земле с величайшей осторожностью; с другой стороны – Мохаммед, стоящий с мечом в руке, поэтому тот, кто утверждает, что Махавира и Мохаммед говорят одни и те же вещи, делает ошибку. Эти двое никогда не могли говорить на одном языке – они говорили очень по-разному.

Попытка показать их как одно и то же будет большой несправедливостью по отношению к тому или другому: тогда либо Мохаммед должен отбросить свой меч, либо Махавира должен забыть о том, что нужно осторожно ходить по земле, чтобы не раздавить даже муравья.

Поэтому, если бы последователь Мохаммеда должен был выбирать, он должен был бы отбросить все утверждения Махавиры, которые против меча, а если бы должен был выбрать последователь Махавиры, он должен был бы отбросить меч Мохаммеда или выбрать только те вещи, которые могут быть в согласии с ненасилием, но это несправедливо, поэтому я и не синтезирую, подобно Ганди. Я не призываю к какому-либо синтезу религий. Я говорю, что для меня приемлемы все

религии с их индивидуальными различиями. Я не выбираю между ними. Я говорю также, что именно потому, что каждая религия уникальна, для человека существует возможность достижения.

Все религии проложили свои дороги, и различие между ними – это только различие путей; это так, как если бы вдоль моей дороги росли ряды деревьев, а вдоль вашей – камни и камни, в направлении, в котором вы поднимаетесь на гору – камни и камни, а в направлении, где поднимаюсь я, деревья и деревья. Один путь – более трудный, а другой идет наверх более медленно, делая большие круги около вершины. Этот путь более долог, но он не утомляет идущего.

Конечно, каждый идущий должен описывать свой путь по-разному, и трудности на каждом пути различны так же, как и разрешение этих затруднений, поэтому, сравнивая пути, мы с трудом найдем какую-нибудь похожесть, а та, которую мы можем случайно найти, относится не к пути.

Хотя утверждения тех, кто достиг вершины, и могут быть похожи, будет существовать языковое различие. Утверждения могут делаться на арабском, пали, пракрите или санскрите; утверждения могут быть похожи, когда говорят о цели, но утверждения, сделанные до достижения цели, будут иметь очень существенные отличия. Нет нужды забывать об этих различиях, поэтому я не хочу ни прокладывать новые пути, ни говорить, что правильны только старые пути в противоположность другим путям. Я хочу сказать, что все пути правильны, какими бы разными они не были.

Наши умы таковы, что мы считаем, что все правильные пути должны быть одинаковыми. Мы верим, что только если две вещи подобны, они правильны, но не обязательно, чтобы вещи были подобны, чтобы быть правильными. Настоящая правда в том, что если две вещи подобны, одна из них должна быть подделкой, ибо обе они не могут быть оригиналами: или одна может быть подделкой, или обе, но по крайней мере одна из них должна быть подделкой два оригинала должны быть непохожи.

Неудивительно, что между путями Махавиры и Мохаммеда есть разница. Было бы чудом, если бы разницы не было. Это неестественно – быть подобным. Ситуация Махавиры очень отличается от ситуации Мохаммеда. Люди, с которыми

должен был работать Мохаммед, очень отличались от тех, с кем должен был работать Махавира. Было так много отличий, что для Махавиры и Мохаммеда невозможно идти одним и тем же путем.

Даже сегодня эти условия продолжают различаться. Человек должен продолжать принимать во внимание эти различия, поэтому я не беспокоюсь ни о том, чтобы проложить новый путь, ни о том, чтобы назвать какой-то один древний путь правильным в противоположность другим древним дорогам.

Все пути правильны: и те, которые были проложены, и те, которые могут быть проложены завтра, но человек должен заботиться только о том, чтобы идти, а не стоять в нерешительности. Человек, который остается в неподвижности даже на лучшем пути, ничего не достигнет. Главное – это продолжать идти.

Если кто-то продолжает идти, тогда ему нетрудно перейти на правильный путь, но если кто-то остается стоящим, тогда невозможно определить, находится он на правильном или неправильном пути. Если вы просто верите в определенные принципы, оставаясь индифферентным, вы никогда не узнаете, правильны эти принципы или нет, но если вы проверяете их и экспериментируете с ними, вы немедленно узнаете, правильны они или нет. Концепция может быть проверена только в действии и не иначе, поэтому я хочу, чтобы вы всего лишь продолжали идти. Я готов помочь каждому на его пути.

Конечно, Махавире нелегко было делать это. Это легче сегодня, и становится легче и легче, потому что почти невозможно сейчас найти человека, который не исповедовал бы две, четыре или шесть религий в своих предыдущих двух, четырех, или шести рождениях. Как мир становится все теснее из-за ускорения системы сообщений в течение последних 70 лет, так становится все более легким для души сменить касту и религию. Это вполне естественно. Например, 200 лет назад для брамина шансы переродиться в семье шудры равнялись одному из ста. С тех пор, как ум аккумулирует все впечатления от жизни и записывает их, вход и исход души точно определяется кастовой системой. Шудра был неприкасаемым, члены других каст не могли позволить, чтобы даже его тень упала на них, они должны были немедленно искупаться.

Итак, брамины и шудры были очень далеки друг от друга, почти на бесконечном расстоянии. Душа брамина после смерти была не в состоянии даже подумать о том, чтобы родиться в семье шудры, и его желания, которые обеспечивают выбор и определяют рождение, были настроены против того, чтобы связать себя с кастой шудр, поэтому 200 лет назад не было возможности сменить касту. Во времена Махавиры для человека редко случалось родиться в другой религии. Направление каждой религиозной традиции было так хорошо определено, что оно текло прямо, подобно реке. Человек двигался все с той же религиозной традицией не только в настоящем рождении, но и в предыдущих. Сегодня, в XX веке, такое невозможно: так же как условия стали более свободными и широкими во внешнем мире, так и ум человека стал более свободным и открытым. Все это вопрос ума. Сейчас брамину намного легче сидеть рядом с магометанином и есть его пищу, а с течением времени таких трудностей не будет вовсе. Человек, для которого род таких трудностей не уменьшился, — не современный человек, его уму лет 500; для современного человека вовсе нет трудностей. Сегодня очень глупо даже и думать о таких трудностях, поэтому для душ открыт широкий выбор каст и религий. За последние 500 лет эта дверь открывалась все шире и шире, поэтому сегодня могут быть рассказаны некоторые вещи. Если я в прошлых рождениях прошел по нескольким путям, сегодня мне легче рассказывать о них, поэтому если какой-нибудь искатель из Тибета спросит меня о чем-то, я смогу вести его, но я могу делать это только если когда-то, в цепи моих предыдущих воплощений я узнал содержание тибетской системы, если я сам побывал в атмосфере, которая охватывала живших там, а иначе нет. Если бы я сказал что-либо, не пережив это, оно было бы поверхностным, тогда оно не могло быть глубоким. Я должен был пройти через эту особую вещь, чтобы быть в состоянии рассказать о ее глубинах.

Если бы я сам не молился в мечети, мои слова о намазе не принесли бы много помощи, но если однажды я сам прошел через намаз, тогда я мог узнать, что через намаз человек может достичь того же, что и через индуистскую молитву. В этом случае я не становлюсь эклектичным, я не говорю, что между намазом и индуистской молитвой нет разницы, и что

индус и мусульманин должны стать одним. Причина иная. Я знаю, что цель одна, хотя методы могут отличаться.

Вы можете удивиться, узнав, что те, кто установили точные условия внешних значений и методов, делали это только для того, чтобы увековечить внутреннюю трансформацию, поэтому кастовая система этой страны не могла быть научно объяснена и понята. Сегодня мы чувствуем, какая огромная несправедливость совершалась теми древними браминами, которые, с одной стороны, устанавливали несправедливые правила поведения для шудр, низшей касты, а с другой стороны, писали Упанишады. Эти вещи кажутся противоречивыми: либо Упанишады неправильны, либо они не были написаны теми же браминами, которые устанавливали правила жизни для шудр. Если это сделали одни и те же брамины, тогда где-нибудь должна быть какая-нибудь ошибка, но факт тот, что все это было устроено теми же браминами. Вы не можете представить, что тот же Ману, который дал «Ману-Смрити», мог так возвышенно говорить о возможности стать божественным для человеческого бытия.

Ницше сказал, что на земле еще не рождался человек умнее Ману, но положения Ману о шудрах и других кастах воздвигали такой непреодолимый барьер между кастами, какого никто еще не создавал. Мы не в состоянии разрушить строение, которое этот человек собственноручно воздвиг 5000 лет назад. Это устройство общества продолжает оставаться доминирующим даже сегодня.

Даже сегодня все законы, все авторитеты, вся интеллигенция и политики объединились против этого человека Ману, который умер 5000 лет назад, но очень трудно доказать необходимость отбросить систему, которую он дал. Начиная от Раджа Рам Мохан Роб и до мудрейших людей Индии последние 150 лет прошли в борьбе против Ману. Этот человек был великим мужем, Ганди и Раджа Рам Махан Роб кажутся юнцами перед ним. Все условия со времен Ману изменились, но по-прежнему трудно отбросить его. Этому есть внутренние причины, и они лежат очень глубоко.

Основная концепция была такой, что если кто-то совершил намаз в этой жизни, тогда Ману хотел, чтобы этот человек родился снова только в мусульманской семье, которая совершает намаз; иначе, если он будет менять традицию при каж-

дом рождения, тогда работа, которая могла быть совершена в трех воплощениях в одной и той же традиции, заняла бы 30 рождений. Если традиция меняется в каждом рождении, тогда старые связи рвутся. Если человек каждый раз меняет дорогу, он должен начинать с азбуки, он не может быть связан со старой традицией. Если кто-то в прошлом воплощении был рожден в магометанской семье, а это его рождение произошло в семье индуса, он должен будет снова начать с азбуки, и работа, проделанная в предыдущем воплощении, окажется бесполезной. Он будет подобен ребенку, учившемуся в первом классе, который после 6 месяцев оставляет школу и идет в другую, где начинает с самого начала, а затем он идет в третью школу, где опять начинает с азбуки. Когда же завершится образование? Он останется только в первом классе. Поэтому концепция Ману, что человек должен снова и снова рождаться в той же традиции, чтобы позволить ему начинать с того места, где он закончил в предыдущей жизни, была очень значительной.

Это могло бы случиться, только если система была жесткой и плотной, без уворток и исключений. Если бы было разрешено и не возникало вопроса, когда брамин женился на шудре, тогда где же трудность родиться в семье шудры? Ману был достаточно умен, чтобы понять, что если брамин, женившись на шудре, может дать ей ребенка, тогда почему же он не может родиться у шудры? В таком случае не было бы логического возражения, поэтому, если кого-то предостерегают от такого рождения, его надо также предостерегать и от того, чтобы дать такое рождение, поэтому на брак накладывались большие ограничения. Если бы эти ограничения ослабились хотя бы на дюйм, была бы возмущена вся выстроенная система, но теперь уже стало по-другому, теперь будет очень трудно привести это снова в порядок – не только трудно, но даже невозможно.

Ситуация в целом такова, что это невозможно. Теперь мы должны найти лучшие методы, более подходящие, чем те, которые создал Ману. Ману был очень умным, но его система была очень жестокой, и для людей жестокая система выглядит несправедливой. Социальные ограничения относились больше к внешнему, хотя их целью было управление внут-

ренним. Теперь это не будет работать, это обязательно создаст трудности – не сегодня, так завтра.

Теперь мы должны будем экспериментировать по лучшим планам; это означает, что мы должны будем делать намаз и пратхану так, чтобы кто-то, оставивший в своем прошлом воплощении намаз, мог начать пратхану с того места, где он оставил намаз: намаз и пратхана должны быть взаимозаменяемыми. Ухо человека не должно быть так привязано к звуку храмовых колокольчиков, чтобы звук айяна, услышанный как-то утром, показался бы ему чужим. Между колокольчиками индуистского храма и звуком айяна должна быть установлена какая-то внутренняя гармония.

Это нетрудно. В будущем не будет необходимости ни в новой религиозности, ни в новой религии. Вся концепция Ману разрушена, традиции Будды и Махавиры утеряны. Если кто-то хочет экспериментировать на том же старом основании, он потерпит неудачу. Гурджиев старался сделать это, Кришнамурти работает на это последние 40 лет, но ничего не происходит.

Изменились все обстоятельства. В этих изменившихся обстоятельствах необходима абсолютно новая концепция. Эта новая концепция не должна уходить в экспериментировании далеко. Это концепция новой религиозности, в которой все религии правильны, такие, какие они есть. Наши глаза должны быть обращены к цели, и настаивать необходимо лишь на продолжении движения. Человек может идти по любому пути, но условия всех путей будут таковы, что он может легко переходить с одного пути на другой. Дистанция между ними не будет такой большой, чтобы человек, если он хочет сменить путь, должен был идти к началу нового пути. Вещи должны быть таковы, что если он оставляет один путь, он мог бы перейти на другой по связывающим их тропинкам.

Цель всегда связана со всеми путями, но не было связующих тропинок. Не трудно достичь цели на одном из путей, но теперь времена таковы, что человек будет не в состоянии идти только по одному пути. Жизнь становится все более и более прерывной, как внутри, так и снаружи.

Человек, рожденный и выросший в индусской семье, может быть вынужден провести всю оставшуюся жизнь в Евро-

пе, а другой, рожденный в Америке, может провести свою жизнь в индийском лесу.

Человек из Лондона может провести остаток жизни во Вьетнаме. Это будет теперь постоянно случаться, к тому же атмосфера становится с каждым днем все более материалистической и физиологической. Эти изменения будут так быстры, что мы должны построить пути, связывающие дороги на вершину.

Коран и Гита не одно и то же, но между ними может быть создана связь, поэтому я хочу расширять сеть саньясинов, которые могут формировать связи. Эти саньясины будут делать намазы в мечети, произносить проповеди в церкви и делать киртан в храме. Они пойдут по пути Махавиры, будут медитировать, подобно Будде, экспериментировать с традицией сикхов, создавая так связи – живую цепь человеческих связей. Все они будут говорить с одним религиозным чувством, что все религии, *хотя и различны* – одно; не так, что все религии одно и неразличимы, но что *хотя* они разделены, они как одно в их внутренней гармонии идут к одной и той же цели. Они одно в том смысле, что они ведут нас к сверхсознанию.

Итак, моя работа принадлежит к третьему типу. В этом направлении делались маленькие попытки, но все они были неудачны. Рамакришна пытался делать это, но этот эксперимент не очень стар: около 200 лет назад он сделал первые шаги в этом направлении, но усилия Рамакришны были неудачны. Вивекананда снова делал усилия с индуистским оттенком.

Нанак тоже старался делать что-то в этом направлении около 500 лет назад, но тоже безуспешно. В «Гуру Грантха» Нанак собрал учения всех индийских и магометанских святых. Нанак использовал пение, и мардана играл на тамбуре. Он сказал, что если индусы поют, то мусульмане могут играть на тамбуре, что иногда песня и инструмент могут стать одним.

Нанак пошел в Мекку и молился в мечети, но все его усилия слить две религии не удалось: ранса, новая религиозная секта сикхов, была создана на основании всего, что он сказал в «Гуру Грантхе». Некоторые святые тоже пытались сблизить две религии, но все их усилия были обречены на исчезновение и не дали ростков. Этому были две причины: эра и люди не были полностью развиты в то время, но теперь время при-

шло, и могут быть сделаны великие усилия, поэтому мое направление – третье. Я не хочу ни воскрешать старое, ни создавать что-то новое. Я только требую идти практиковать все, что есть нового или старого, но вы можете свободно выбирать, как вам идти.

Раджниш, возможно ли ощутить вечность, бессмертие, то, о чем вы рассказывали сейчас?

Переживание вечного есть всегда, нетрудно ощутить его. Трудно передать пережитое. Будда ощутил вечность и Махавира тоже, но Махавира выразил это на старом языке, а Будда – на новом. Я хочу выразить это на языке самой вечности.

Вы спрашиваете, ощутил ли я это переживание 700 лет назад. Да, я почти пережил это тогда, но выражаю я это сегодня. Когда кто-то пытается выразить то, что было узвано 700 лет назад, не будет разницы в знании, но будет большая разница в способе выражения этого. 700 лет назад это не могло быть сказано так, не было причин.

Это подобно появлению радуги во время муссона. Это очень интересный случай: вы можете видеть радугу оттуда, где вы стоите. Радуга зависит от трех вещей: в воздухе должны быть капли воды и водяной пар, а также лучи солнца должны проходить сквозь них под определенным углом и вы должны стоять в определенном месте, чтобы увидеть радугу. Если вы уходите с этого места, радуга исчезает. В создании радуги участвуют не только лучи солнца и капли воды, но необходимо также, чтобы вы стояли в определенном месте. Радугу делают не только лучи солнца и вода, но ваши глаза тоже вносят свой вклад: вы являетесь одним из трех составных элементов радуги. Если убрать один из них, радуга исчезнет.

Таким образом, когда бы ни открывалась истина, случаются три вещи: первая — это переживание истины; если нет переживания, нет ее выражения – оно невозможно. Где бы вы ни стояли и что бы ни делали капли дождя, но если солнце не взошло, не может быть и радуги, поэтому, подобно существованию солнца, необходимо существование ощущения истины.

Второе, когда бы ни было переживание истины, необходимо также присутствие слушателя, но если он не смотрит под правильным углом, ничего не может быть выражено. Я ду-

маю, что это случилось с Мехер Баба: он не был в состоянии выражать под правильным углом, чтобы создалась радуга между его переживанием и слушателем; поэтому многие святые остаются молчаливыми. Причина их молчания в том, что они не в состоянии стать на то место, где проецировали бы свое состояние под соответствующим углом. Это тоже необходимо, иначе, если говорящий не стоит на правильном месте, переживание картины остается на одной стороне, а слушающий — на другой, но если говорящий находится на правильном месте и способен говорить, но слушатель, который тоже является необходимым элементом, отсутствует, тогда не будет выражения.

С кем бы я ни говорил 700 лет назад, он тоже должен был быть частью моей речи, поэтому когда я говорю с вами, я не могу говорить те же вещи, которые я говорил тому слушателю 700 лет назад, и если не вы сидите передо мной, а кто-то еще, я тоже не могу говорить те же вещи, потому что вы основная часть того, что я говорю и тоже ответственны за это, как и я. Без вас не могут говориться те же вещи, поэтому когда все эти три элемента настроены на одну длину волны, возможно выражение.

Если что-либо отсутствует, все теряется — радуга растворяется; тогда солнце ничего не может поделать, и капли воды в воздухе тоже ничего не могут сделать. Если даже один из элементов, составляющих радугу, убрать, она немедленно исчезнет.

Выражение истины подобно существованию радуги: каждый момент оно на грани исчезновения. Даже легкое перемещение одной вещи или другой приведет к его исчезновению. Если зритель передвинется, радуга исчезнет. Я не мог бы говорить 7 дней назад вещи, которые я говорю сегодня, и не буду в состоянии повторить то, что говорю сегодня, через 7 дней, потому что все изменится.

Солнце остается там же, оно продолжает светить, но кроме солнца два других составляющих — говорящий и

слушатель — всегда могут измениться, поэтому переживание было 700 лет назад, но выражается оно сегодня. Даже назвать это «сегодня» нельзя, нужно сказать «в этот момент»; даже завтра не будет тем же. Это выражение продолжает изменяться каждый момент.

Не могли бы вы описать, что случается с душой после смерти, где она движется, что делает и что за состояние в промежутке между смертью одного тела и рождением другого? Раньше вы говорили, что душа свободна в выборе места рождения. Пожалуйста, просветите нас, обладает ли дух тоже свободой выбора оставлять тело или нет.

Будет легче, если мы поймем две или три вещи относительно промежутка между смертью одного тела и рождением другого. Во-первых, факт то, что переживания в этом промежутке подобны сну. Когда бы кто-то ни переживал что-то, в этот момент переживание подобно переживанию реального события, но когда он вызывает его в памяти, оно становится подобным сну; это сон, потому что не используются чувства. Вы чувствуете и убеждены, что реально случается то, что проходит через ваши ощущения и тело.

Если я чувствую, что вижу вас и пытаюсь потрогать вас потом, но не могу ощутить, тогда я говорю, что вы фантом, что вас здесь нет. Если я пытаюсь потрогать этот стол, но моя рука пройдет через него, ничего не ощутив, тогда я должен сказать, что стол нереален, или что это иллюзия, или что у меня галлюцинации. Реальность удостоверяется нашими чувствами, но после смерти тела и до рождения нового у нас нет органов чувств, нет самого тела, поэтому все, что бы вы ни пережили в этом состоянии, подобно сну. Это так, как если бы вы видели сон. Когда мы видим сны, мы не сомневаемся в их реальности. Это очень интересно. Потом мы начинаем сомневаться в их реальности, но мы никогда не сомневаемся, пока спим. Сон кажется реальностью. То, что реально, иногда вызывает в нас сомнение, видим мы это на самом деле или нет, но во сне такое сомнение никогда не возникает. Почему? Потому что сон не вынесет даже легкого сомнения — иначе он немедленно исчезнет.

Сон — это такая деликатная вещь, что даже легкое сомнение может убить его. Всего лишь чувства, что это только сон, достаточно, чтобы убить его; для продолжения сна необходимо не иметь сомнений даже на йоту, легкое сомнение разрушит даже глубочайший сон.

Итак, мы чувствуем, что все, виденное во сне — это реально случившееся. Реальность никогда не может казаться такой

реальной, потому что в ней есть место сомнению; сны спящего кажутся ему большей реальностью. Во сне даже то, что явно кажется невозможным, не выглядит так, например, во сне какой-то человек проходит мимо и внезапно превращается в собаку. Вы даже не можете подумать: «как такое могло случиться?». Это произошло, значит оно возможно, нет сомнения. После пробуждения вы можете подумать: «что за чушь?», но не до того, как вы проснетесь. Во сне все разумно, нет никаких противоречий.

Кто-то является вашим другом и внезапно наводит на вас рубье. В вашем уме даже не мелькнет мысль: «как может друг делать так?». Во сне все невозможное становится возможным. После пробуждения вы, самое большее, можете вспомнить сны, которые шли в последний час. Обычно сны забываются за 5 или 7 минут, но те, которые наиболее впечатляющи, помнятся самое большее около часа, иначе бы у нас было столько воспоминаний о снах, что мы не смогли бы жить. В течение часа память очищается от дымки сна.

Промежуток между двумя телами подобен этому состоянию: то, что происходит во время этого промежутка, кажется абсолютно реальным — таким реальным, что наши глаза и чувства никогда не смогут узнать такую реальность; вот почему нет конца счастью богов: небесные девы, как считают они, реальны для них — реальны так, как ни одна женщина не может быть реальна для наших чувств. Вот почему так же нет конца страданиям душ; их страдания так реалистичны, как никогда не были в реальной жизни. Поэтому то, что мы называем небесами и адом — глубокий сон. Огня такой силы, какой горит в аду, нет ни в одной реальной жизни, хотя это очень противоречивое пламя.

В писаниях есть описание пламени, в которое вас бросают, и вы не горите, но никого не смущает то противоречие, что если вас бросают в сильный огонь, вы будете не в состоянии вынести сильный жар, но никоим образом не сгорите. Это противоречие, что «я горю в пламени», что пламя ужасно, что жар нестерпим и все же «я вовсе не сгораю», постигается только после того, как человек освободится от переживаний сна.

В промежутке между двумя рождениями есть два типа душ. Один тип — злые души; для них трудно найти чрево для

нового рождения. Я называю такие души претами. Другой тип состоит из хороших душ; их я зову дэвами — богами; для таких душ тоже трудно найти подходящее чрево для нового рождения. Между этими двумя типами существуют разновидности душ, в которых нет фундаментальных отличий, но есть только различия в характере, личности и душевном складе. Они одного типа, только их переживания могут быть самыми разными.

Злые души возвращаются на землю с такими страшными переживаниями, что само воспоминание о них — это ад. Те, кто были в состоянии вспомнить это, описали это состояние как ад. Это земля снов, она не существует где-либо, но тот, кто вернувшись оттуда, вспоминает, говорит, что пламя, которое он увидел, не с чем сравнить в этом мире, что насилие и ненависть, которые он нашел там, не идут ни в какое сравнение с тем, что мы видим здесь.

Переживание небес точно такое же, различие только такое, как между приятным сном и сном, полным страданий. Этот промежуток полон снов.

Это очень философично, но истина в том, что это только подобно сну. Мы можем понять, что такое сны, ибо видим их каждый день. Вы видите сон только тогда, когда ваши чувства отключены. Точнее это означает, что когда ваша связь с чувствами разорвана, вы погружаетесь в жизнь сна. Сны тоже подобны или аду, или небесам, или же смешаны. Некоторые люди видят сны ада, некоторые — только небес.

Вы можете думать, что почти восемь часов вы видели сон, но если бы этот период растянулся на восемь лет, вы не могли бы этого знать, потому что не сознаете время. Час, который проходит, плохо измеряется памятью, но длина времени может быть измерена через изменения, которые произошли в промежутке между памятью прошлого и настоящего тела, но это только догадка. В этом интервале нет ясного сознания продолжительности времени, поэтому христиане говорили, что ад навсегда. Это говорилось на основании воспоминаний тех, кто видел очень длинный сон, и когда они вернулись, то не помнили ни одной связи между этим телом и предыдущим; вот почему они говорили, что ад вечен и что из него очень трудно выбраться. Хорошие души видят счастливые сны, а

плохие души – несчастливые сны. Только из-за этих снов они чувствуют несчастье и страдания.

Когда в Тибете человек лежал на смертном ложе, ему рисе назывались определенные вещи для того, чтобы последовали определенные сны. Когда человек умирал, ему говорилось, что теперь он должен начать визуализацию того, что ему внушается; так создавалась новая атмосфера, новые условия.

Это интересно, это научно. Сон может быть наведен извне. Если вы спите ночью и ваши ноги покрывает мокрая одежда, у вас будет определенный тип сна; если греет печка, создается другой тип. Если ваши ноги охладить, вам может сниться, что идет дождь или что вы идете по снегу. Если ваши ноги греют, вам может сниться, что вы идете по пустыне, что палит солнце и вы обливаетесь потом.

Итак, сны могут быть созданы извне. Многие сны создаются как результат внешних условий. Если ваша рука лежит на вашей груди, вы можете почувствовать, что кто-то прогуливается на вашей груди, хотя это всего лишь ваша рука. В период смерти, в то время, когда это тело оставляется на долгое время сна, после которого может или не может быть взято новое тело, в Тибете был разработан метод создания снов. Его называют «бардо».

Это процесс, в котором тибетцы полностью подготавливают человека к переживанию смерти и жизни после смерти. Каждый хороший импульс, полученный им в жизни, проявится, пока он еще жив; такие же условия создаются на протяжении всей жизни.

Я говорил вам раньше, что после пробуждения ото сна он помнится в течение часа. Подобно этому шесть месяцев после нового рождения помнится почти все, потом это медленно забывается. Те, кто очень впечатлительны или очень чувствительны, могут помнить немного дольше, а те, кто делал усилия и кто экспериментировал с тем, чтобы быть сознательным в предыдущей жизни, могут долго помнить.

Как утром дымка сна рассеивается за час вокруг нас, так и за час до того, как вы погрузитесь в сон, тень сна начинает окутывать вас и точно так же тень смерти начинает падать на вас за шесть месяцев до того, как вы умрете. Ваша смерть предсказуема в течение этих шести месяцев. Когда тень смер-

ти начинает окружать вас в течение этих последних шести месяцев, начинаются приготовления к смерти.

В тот последний час перед сном, когда тень начинает падать на вас, вы очень податливы внушению: ни в какое другое время вы не внушаемы так, потому что в то время вы сомневаетесь, сознательны ли вы еще, или тень сна уже охватила вас. Вот почему все религии мира объявили этот час до сна и один час после пробуждения утром как лучшее время для молитвы. Он известен как «сандхьякал» – время сумерек и время рассвета. Он не означает время восхода или захода солнца, он означает время, когда от полного пробуждения вы переходите ко сну или от сна к полной пробуждения.

Солнце не имеет к этому отношения, но он стал ассоциироваться с солнцем с тех пор, как заход солнца стал означать время сна, а восход солнца – время пробуждения, но теперь эта ассоциация разрушена, потому что никто не встает с восходом. На самом деле сандхьякал означает 1 час до сна и 1 час после пробуждения. Он означает промежуток времени между двумя состояниями: бодрствования и сна.

Кабир назвал свой язык «сандх-блаша» – сумеречный и рассветный язык. Он сказал, что мы не говорим ни так, будто мы спим, ни так, будто мы пробуждены. Мы в том состоянии, что не говорим ни внутри нас, ни извне. Мы находимся в середине, в пограничной области, откуда можем видеть и то, что могут видеть наши глаза, и то, что они не могут видеть.

Мы на пороге, потому что все, что мы говорим, включает в себя *то*, что не может быть сказано, а также *то*, что может быть сказано; вот почему наш язык – это сумеречный и рассветный язык. Его смысл должен улавливаться очень внимательно.

Некогда существовала цивилизация, которой эти вещи были хорошо известны, в том числе большая важность шести месяцев после рождения. В первые шесть месяцев ребенок очень внушаем — это его рассветный период. Позже это уже невозможно и становится очень трудным.

Но мы не можем заставить его нас понять через речь – мы в затруднении. Подобно этому шесть месяцев до смерти тоже значительны. В первые шесть месяцев мы не можем заставить ребенка понимать речь и не знаем, когда наступают последние шесть месяцев до смерти, поэтому мы упускаем благо-

приятные возможности, но человек, который соответствующим образом использует 1 час до сна и 1 час после пробуждения, будет знать вполне, когда начнется шестимесячный период до смерти. Тот, кто молится и медитирует 1 час до сна и 1 час после пробуждения, сможет ясно почувствовать, когда наступает это сумеречное время приближающейся смерти.

Это такое прекрасное и утонченное переживание – ни сон, ни бодрствование. Это переживание так прекрасно и так отличается от всего, что когда однажды оно станет ясным, человек сможет сознавать начало этого 6-месячного перехода до смерти, потому что тогда это ощущение сумерек будет оставаться на протяжении всего дня. Переживание и ощущение, которое прежде приходило только за 1 час до сна, будет устойчиво длиться в течение этих последних 6 месяцев.

Вот почему эти 6 месяцев до смерти должны быть полностью использованы для садханы; они же использовались тибетцами для «бардо» — настройки сновидений, которая планирует то, что вы будете делать после смерти. Эта настройка не может быть дана только в момент смерти, она предполагает приготовления. Только человек, который готовится в течение этих последних 6 месяцев может быть обучен в течение первых 6 месяцев после рождения в следующей жизни, а иначе это невозможно. Те принципы, которым обучаются в течение этих последних 6 месяцев, закладывают фундамент для тренинга, который может быть дан в первые 6 месяцев нового рождения.

Все эти вещи имеют свою науку, принципы и секреты, и все это может быть проверено. Человек, который прошел через этот тренинг, может также помнить, что случилось в промежутке между двумя рождениями, но эта память о сне, это не реально.

Небеса и ад – это тоже воспоминания о периоде сна. Можно описать их. Все религии развивали концепции небес и ада только из этих описаний. Описания различны не потому, что места различны, но потому, что душевное состояние личностей, вспоминающих переживания, различно, поэтому христианское описание небес будет отличаться от всего, что описывают индусы, так как описания зависят от различных состояний сознания. Джайны тоже будут описывать по-другому, буддисты – тоже.

На самом деле каждый человек вернется со своей историей. Это более или менее похоже на то, как если бы мы все спали в одной и той же комнате и затем проснулись и описывали свои сны. Мы спали в одной комнате, на одном и том же месте, но наши сны будут разными: все зависит от личности.

Все переживания небес и ада различны, но может быть найдено сходство: в том, что на небесах счастье, а в аду – страдания и страдания будут такими-то и такими-то, а счастье будет таким-то и таким-то. Все описания, которые были сделаны, поэтому различны, как верный пересказ различных состояний сознания.

Также был вопрос о том, что «если человек может выбрать свое рождение, не может ли он также выбрать свою смерть?». Здесь тоже должны помниться две или три вещи. Свобода выбора человеком его рождения означает, что *если он так желает*, он может родиться. Это первая свобода человека, который достиг высшего знания, но как только есть желание, начинается рабство в плену этого желания.

Я стою вне здания; у меня есть свобода войти, если я хочу, но как только я вошел в здание, ограничения его начинают немедленно влиять на мое движение, поэтому свобода выбора смерти не так велика, как свобода выбора. Для обычного человека нет свободы в выборе смерти, потому что он даже не выбрал свое рождение, но тот, кто реализовался, полностью свободен в выборе своего рождения, если он хочет – это великая свобода, но когда выбрано рождение, в игру вступает рабство, потому что он выбрал ограничения. Он оставляет неограниченное пространство и входит в узкий проход, который налагает свои ограничения.

Теперь он выбирает утробу. Обычно человек не выбирает себе утробу, но когда выбирает реализовавшийся человек, он должен сделать выбор между сотнями тысяч доступных утроб, он выбирает из них, и после того, как он выбрал, не раньше, он решает, когда он войдет в мир рабства. Все утробы имеют свои ограничения. Он выбирает одну мать и одного отца. Он выбрал ту же продолжительность процесса, что и оплодотворение яйцеклетки его родителей. Выбор сделан, и теперь он должен будет использовать это тело.

Если вы идете в магазин и покупаете машину с гарантией на 10 лет, ограничение установлено: машина покупалась с

сознанием этого, поэтому нет вопроса о рабстве. Вы не говорите: «Я купил эту машину и теперь я в рабстве, потому что она прослужит 10 лет». Вы выбрали машину, хорошо зная, что она прослужит 10 лет, поэтому вопрос исчерпан, нет чувства страдания или жалости.

Тот, кто рождается сознательно, знает, когда его тело умрет, поэтому он настороже. В таких людях присутствует вид беспокойства, которого нет в обычных людях. Если мы изучаем историю Иисуса, мы чувствуем, что он очень нетерпелив, обеспокоен, будто что-то вот-вот может случиться с ним. Те, кто слушали его, не понимали его трудностей, потому что они сами не очень хорошо сознавали свою собственную надвигающуюся смерть, но для Иисуса смерть стояла перед ним, он знал, когда она случится.

Иисус просит вас совершить работу сегодня, а вы говорите что сделаете ее завтра; тогда Иисус в затруднении, потому что для него не может быть завтра; поэтому Махавира ли это, Будда или Иисус, все они спешат. Они бегут с большой скоростью, потому что среди столь многих мертвых людей они единственные, сознающие все, такие люди всегда спешат.

Не будет иметь значения, живут ли такие реализовавшиеся 100 или 200 лет, потому что любой отрезок времени короток для них. Мы не находим время коротким, потому что не знаем, когда оно закончится. Мы даже забываем о том, что оно закончится. Свобода выбрать рождение – это великая свобода, но рождение само по себе – это вход в тюрьму, и все ограничения тюрьмы должны быть приняты, но такой человек, конечно, принимает эти вещи, потому что это его выбор. Если он попал в тюрьму, то не потому, что он брошен туда – он сам пришел, поэтому он протягивает руки к цепи, которую наденут на него. В этих цепях нет страдания, нет сожаления. Он без всяких затруднений спит у темных стен, потому что попал в плен по своей доброй воле. Он мог оставаться под открытым небом, но пришел в плен по своей воле.

Рабство по выбору – это свобода, но свобода без выбора – это рабство. Свобода и рабство — это четко разделенные сущности. Если мы выбрали рабство по своей доброй воле – это свобода, но если свобода накладывается на нас это рабство. Для того, кто рождается сознательно, вещи видны очень ясно, и поэтому он решает свободно. Он знает, что будет жить

70 лет, поэтому он ясно решает, что он должен сделать за это время. Он берется только за те вещи, которые могут быть завершены, и не закидывает свою сеть слишком далеко в будущее. То, что он может делать только завтра, он сделает и завершит это, вот почему он никогда не беспокоится.

Продолжая жить, он готовится также умереть – смерть тоже готовится им. Лишь в одном он спешит — в том, что касается других, но в отношении себя он не спешит, для него ничего не остается несделанным. Он может выбрать даже, как ему умереть. Если он должен умереть около 70 лет, он может решать, в какой момент оставить тело, когда, как и на какой манер умереть.

Была одна монахиня дзен. Она сказала людям, что умрет через 6 месяцев, и приготовила для себя костер, на котором должно было быть сожжено ее тело. В названный день она поднялась на него, поклонилась всем тем, кто стоял вокруг нее, и потом несколько ее друзей поднесли огонь к погребальному костру. Когда языки пламени достигли ее волос, кто-то из толпы спросил: «Разве ты не чувствуешь жар?». Монахиня засмеялась и сказала: «Что вы за дураки! Даже при этой последней благоприятной возможности вы задаете такие глупые вопросы. Вы могли бы спросить что-то полезное и важное. Я знаю, и вы тоже знаете, что если я сижу в пламени, я чувствую жар».

Но это был ее выбор. Она смеялась, сгорая. Она выбрала даже момент своей смерти и хотела научить учеников, стоящих вокруг нее, умирать смеясь. Для тех, кто не мог даже жить, смеясь, это послание, что человек может умирать, смеясь, очень важно.

Смерть тоже может быть хорошо спланирована, но какой выбор будет сделан, зависит от того, кто выбирает. Как бы то ни было, все это заключается в какие-то рамки. Если я должен остаться в этой комнате, я могу решить, в каком углу этой комнаты я сяду и спать мне на левой половине или на правой – такова моя свобода.

Такой человек извлекает пользу даже из своей смерти и из всего в его жизни. Иногда эта польза может быть явной, иногда нет, но факт тот, что он рождается *только* для того, чтобы быть полезным другим – вот его цель, но для нас очень трудно понять его опыты. Обычно мы не в состоянии понять их:

что бы он ни делал, мы не сознаем этого. Это не может быть сделано с нашими знаниями. Теперь человек, подобный Будде, никогда не скажет: «Я умру завтра». Если он должен умереть завтра, нет пользы в том, чтобы говорить это сегодня: тогда то, что могло быть сделано сегодня, тоже не будет сделано, тогда уже сегодня люди начнут кричать и плакать, тогда даже эти следующие 4 часа не будут потрачены с толком, поэтому такой человек будет молчать некоторое время, но позже он сможет громко возвестить о своей смерти. Как бы то ни было, он будет решать в соответствии с господствующей ситуацией.

От утробы к надгробию рождение после самореализации – обучение, но это обучение не ради самого просветленного. Это обучение, но не ради него самого. Стратегия должна будет постоянно меняться, потому что все стратегии становятся старыми и обременительными, и людям становится трудно понимать.

Например, Гурджиев первым делом потребовал бы, чтобы вы заплатили сто долларов до того, как задали вопрос, тогда как Махавира даже не прикоснулся бы к деньгам. И Гурджиев ответил бы в двух или трех предложениях. Если бы задавался новый вопрос, он заставил бы спрашивающего заплатить новую сотню долларов. Много раз люди спрашивали его, что он делает. Те, кто знали его, были в недоумении, потому что казалось, что он собирается взять деньги, то он раздавал их другим. Зачем тогда требовать сто долларов?

Гурджиев говорил, что рассказывать тем, кто считал значительным в жизни только деньги, что-либо о боге бесплатно, будет бесполезно: такие люди не могут придавать значения вещам, полученным бесплатно. Это означает, что для получения чего-нибудь значительного человек должен будет заплатить что-то, чтобы вернуть это тем или иным путем. Тот, кто не готов платить, не имеет права получать. Но люди думали, что Гурджиев любил деньги, потому что не отвечал, не получив платы. Как я вижу, на западе, где он жил и где люди придают значение только лишь деньгам, лишь такой учитель мог быть эффективен. Он знал, что когда вы показали свою готовность платить за каждое слово, тогда вы узнаете его значение. Вы возьмете только тот дом, за который заплатили, но не то, что получили свободно.

Гурджиев должен был делать вещи, которые не одобрялись. Его ученики, видимо, были в затруднении. Они, наверно, говорили ему, что если бы он воздержался от таких действий, было бы лучше, но Гурджиев должен был делать их со знанием дела и намеренно.

Когда вы приходили увидеть его, он мог сидеть, скорчив злодейское лицо. Он совсем не был похож на святого. Долго экспериментировав с софийским методом, он мог внезапно скосить глаза и искусно гримасничать, менять выражения. Вся его внешность изменялась с изменением угла зрения.

Между святым и злодеем нет большой разницы, за исключением выражения глаз. Как только они изменялись, святой выглядел как злодей и наоборот. Глаза Гурджиева были очень подвижны и изменчивы. Даже сидевший рядом с ним не мог бы знать, что он напугал новичка. Новичок мог так испугаться, что чувствовал желание убежать. Когда друзья Гурджиева узнали это, они спросили его, почему он ведет себя так.

Гурджиев должен был тогда объяснить, что новичок нашел бы в нем злодея, даже если бы он был святым, но это отняло бы некоторое время, а Гурджиев не хотел, чтобы он тратил время, поэтому и показал ему то, на что он пришел посмотреть, чтобы он мог теперь убираться и чтобы у него не было необходимости тратить 3 или 4 визита только для того, чтобы находить одну и ту же вещь.

И только если новичок остался бы неподвижным, несмотря на такое поведение, Гурджиев старался бы проделать с ним некоторую работу, так как если он на самом деле пришел узнать истину, он мог спокойно ждать и не делать окончательных умозаключений.

Итак, от учителя зависит, как он хочет учить. Иногда даже за всю его жизнь вы не сможете узнать его цель. Учитель использует каждый момент своей жизни – от рождения и до смерти. Он не теряет даже одного момента: каждый его момент глубоко значим, и это часть великой цели и великое предназначение.

Глава 4

Наступил период кризиса

Раджниш, вы рассказывали нам, что случается с душой в течение промежутка времени между двумя рожденьями, но некоторые вещи относительно бестелесной души остались неразрешенными: остается ли душа в этом бестелесном состоянии неподвижной или она может двигаться? И как узнать другие души? Есть ли в этом состоянии какая-то возможность диалога между душами?

В этой связи можно запомнить две или три вещи. Во-первых, в этом состоянии нет ни движения, ни неподвижности, вот почему оно становится даже более трудным для понимания. Для нас легко понять, что если нет движения, то должно быть состояние покоя и наоборот. В нашем мышлении для всего есть только две возможности, и мы думаем, что при отсутствии одного должно господствовать другое, а также полагаем, что эти два состояния являются противоположными друг другу, поэтому первое, что мы должны понять, это *то*, что движение и неподвижность не противоположные, но различные аспекты одной и той же вещи.

Когда движение таково, что мы не в состоянии увидеть или ухватить его, мы называем его неподвижностью. Подобным же образом движение – это состояние неподвижности, которое мы не можем постигнуть. Если что-то движется с большой скоростью, вы обнаруживаете, что оно кажется неподвижным. Если вентилятор вращается с высокой скоростью, мы не можем видеть лопасти. При большой скорости вы не можете даже сказать, сколько лопастей у вентилятора, потому что пустое пространство между лопастями заполнено.

Вещи могут двигаться так, что даже если вы притронетесь к ним рукой, вы почувствуете, что они неподвижны. Вот почему наука говорит, что все вещи, кажущиеся нам неподвижными, тоже движутся, но их движения быстры и происходят на таких уровнях, которые находятся вдали от наших чувств;

поэтому движение и неподвижность – это не две вещи, это различные состояния одной и той же вещи, различающиеся только до некоторой степени.

Там, где нет тела, нет ни времени, ни пространства. На основании того, что мы узнали, мы не можем постигнуть область вне пространства и времени, потому что мы ничего не узнали о том, что вне нее. Как же мы тогда назовем это состояние? У нас даже нет слова, чтобы выразить состояние, в котором нет ни времени, ни пространства.

Когда во время религиозного переживания в первый раз получены сообщения о таком состоянии, возникают трудности в описании их. Как называется такое состояние? Подобные же затруднения испытывают ученые, когда необходимо назвать новооткрытые феномены.

Когда случается что-то, находящееся вне нашего знания, это становится очень трудным, например, когда 40 лет назад был открыт электрон, возник вопрос, частица это или волна. Мы не можем назвать его частицей, потому что материя всегда статична, но не можем и назвать его волной, потому что волна всегда движется невесомо. Электрон одновременно и то, и другое.

Возникают трудности, потому что в нашем понимании вещь может быть или одной или другой, но не обеими сразу, а электрон – как частица так и волна. Иногда мы видим его как частицу, иногда как волну. Ни в одном языке нет слова, чтобы выразить этот феномен.

Для ученых, наблюдавших это, оно казалось непостижимым. Когда люди спросили Эйнштейна, почему он описывал электрон и как волну и как частицу, они почувствовали, что его мышление становится алогичным и таинственным. В ответ Эйнштейн спросил их, должно верить фактам или логике, а факт тот, что электрон – это обе эти вещи, но логика говорит, что вещь одновременно может быть только одним.

Человек либо стоит, либо идет. Логика говорит, что может быть нечто одно – нельзя стоять и идти одновременно. Поэтому логика не будет согласна, но существование электрона означало, что ученые должны оставить логику и крепко держаться за факты. Электрон – это в качестве примера.

Переживание религиозного человека говорит нам, что во время этого промежутка между смертью одного тела и рождением другого бестелесный дух ни неподвижен, ни движется. Это вне нашего понимания, вот почему некоторые религии говорят, что бестелесный дух неподвижен, а другие говорят, что он движется, но это происходит только из-за трудности объяснения, потому что границы пространства и времени, в которых наблюдается неподвижность или движение, не существуют в течение этого промежутка.

И для покоя, и для движения необходимо тело. Тело – это только посредник, благодаря которому могут наблюдаться эти состояния. Например, вот моя рука. Я могу двигать ею или держать неподвижно. Кто-то может спросить, будет ли двигаться или нет мой дух, когда у меня нет этой физической руки. Сам этот вопрос бессмысленный, потому что без этой руки дух не может ни двигаться, ни оставаться неподвижным, ибо движение и покой – свойства тела. Вне тела слова «движение» и «покой» не имеют смысла.

Это приемлемо для всякой двойственности. Возьмем, к примеру, состояние говорения и состояние молчания. Без тела невозможно ни говорить, ни оставаться в молчании. Обычно мы можем понять, что без тела невозможно говорить, но трудно понять, что без тела невозможно даже и молчать. Стать молчаливым – это только способ говорить, состояние говорения. Молчание – это не только состояние без речи, но также и речь.

Возьмем, к примеру, слепого. Он может чувствовать, что он, возможно, в состоянии видеть только тьму, но это иллюзия: даже для того, чтобы видеть тьму, необходимы глаза. Не имея глаз невозможно видеть даже тьму. Вы можете закрыть глаза и думать, что поскольку вы видите темноту, это невозможно, но вы делаете ошибку: закрывая глаза, вы не теряете их, не становитесь слепым.

Если вы становитесь слепым после того, как у вас были глаза, тогда вы знаете, что такое темнота, но для того, кто слеп от рождения, невозможно узнать, что такое темнота, потому что темнота – это тоже ощущение глаз: вы ощущаете тьму благодаря тому же посреднику, с помощью которого вы

ощущаете свет, поэтому тот, кто от рождения слеп, не может знать, что такое тьма.

Вы слышите благодаря ушам. Используя язык, вы можете сказать, что тот, у кого нет ушей, не слышит. Уши необходимы даже для того, чтобы знать, что вы не слышите. Это так же, как и то, что глаза необходимы, чтобы знать тьму. Неподвижность возможно определить только через те чувства, которые ощущают движение. Если нет чувств, нет и ощущения неподвижности. В бестелесном состоянии душа не может ни говорить, ни оставаться молчаливой. Нет инструмента для говорения или молчания, а все ощущения зависят от инструмента: от органов чувств, от тела, но это не означает, что такая бестелесная душа достигла освобождения.

Описания души в состоянии свободы и в промежутке между смертью и новым рождением могут показаться схожими. Какая же разница между свободной душой и той, что находится в промежутке? Разница только в потенции, в существовании зерна: в течение этого телесного существования, в интервале между двумя телами, переживания и впечатления предыдущих рождений остаются с душой в зародышевой форме, форме зерна. Как только душа получает тело, они становятся активными. Если, например, мыотрежем человеку ноги, он не может ни бежать, ни остановиться, потому что если он не может бежать, то как он может остановиться? Но если он имеет ноги, все его переживания и впечатления бега станут снова активными, и он сможет бегать, если захочет.

Это все равно, что отобрать машину у человека, который всегда ездил на ней: теперь он не может ездить на ней или жать на акселератор, потому что у него нет машины; не может он и давить на тормоза, чтобы сбросить скорость, но его ощущения от вождения машины остаются с ним. Он без машины, но его ощущения от вождения машины остаются с ним в зародыше. Если через несколько лет он получит машину, он сможет вести ее, как только опустит ногу на акселератор.

Освобожденная душа становится свободной от этих впечатлений, тогда как в интервале между двумя телами душа становится свободной только от чувств, от инструментов. В свободе все переживания, впечатления и желания разрушены.

В обоих этих состояниях души только одно подобно – нет тела, но есть различие: в свободе нет ни тела, ни цепи переживаний тела, есть гигантская цепь связанных с телом переживаний, существующих в зародышевой форме, которые могут стать активными сразу после получения тела, поэтому что бы ни переживал человек в этом промежутке, они будут такими, какими могут быть без тела.

Как я сказал, таковы будут переживания в медитации, но переживания медитации были у очень немногих: только у одного из миллиона есть такие переживания. А какие переживания могут быть у остальных? Их переживания будут снами. Во сне чувства не участвуют. Если человек спит, а вы могли бы удержать его спящим и разрезать на части, его сновидение не нарушилось бы, но есть возможность того, что сон нарушится. Если бы была возможность отрезать его члены один за другим без нарушения сна, тогда его сновидение продолжалось бы, потому что ни одна из частей тела не нужна для сновидения. Тело совершенно не активно во сне, в нем вообще нет нужды. Переживание сновидения остается и без тела.

Это факт, что все ощущения остаются в форме сновидения. Если кто-то спрашивает вас, двигались вы во сне или были неподвижны, вы найдете, что ответить трудно. Когда вы просыпаетесь, вы обнаруживаете, что лежите на прежнем месте, но вы были во сне. После пробуждения вы обнаруживаете, что во сне были долгие, глубокие происшествия, но помните, что там вовсе не было движения.

Если вы правильно понимаете, то увидите, что даже не участвовали во сне. В глубоком чувстве вы можете быть только свидетелями, вот почему кто-то может увидеть себя во сне умирающим, кто-то может видеть свое тело лежащее мертвым. Если вы видите себя во сне умирающим, тогда тот, кого вы видите гуляющим – феномен свидетеля, а вы только свидетель, вот почему все религии говорят, что если человек может смотреть на этот мир как на сон, он ощутит величайшее религиозное переживание.

Только поэтому возникла теологическая концепция «майи»: мир как иллюзия или как сновидение. Более глубокое значение этого в том, что если человек может рассматривать

этот мир как сновидение, он станет свидетелем. Во сне человек всегда свидетель и никогда не участник. Ни при каких обстоятельствах вы не будете актером. Хотя вы и можете видеть самого себя как актера, вы всегда являетесь зрителем, видящим тех, кто видим, поэтому все переживания бестелесности будут подобны сновидениям. Те, кому переживания причиняли страдания, будут видеть кошмары и сны ада, а те, которым переживания приносили счастье, будут видеть небеса и будут счастливы в своих снах, но все это сны.

Иногда могут случаться различные типы событий и эти переживания будут различаться. Время от времени может случиться так, что души, которые и не движутся, и не неподвижны, войдут в другие тела, но говорить, что «души войдут» – это лингвистическая ошибка. Лучше сказать, что тело может вести себя так, будто в него вошел дух. Мир таких душ не отличается от нашего; тот мир тоже рядом с нами – мы все обитаем в одном и том же мире. Каждый мир нашего пространства заполнен душами. Пространство, которое кажется пустым для нас, тоже заполнено.

Есть два типа тел, которые в состоянии глубоко ощущать. Один тип – это тела, которые очень боятся: страх, который они испытывают, заставляет их души сжиматься, оставляя свободными некоторые части тела. Некоторые кружатся около таких душ, входят в эти пустые части, как вода вливается в канаву. В такое время эти души ощущают вещи, которые может ощущать только душа в теле.

Во-вторых, душа может войти в тот момент в тело, когда оно находится в глубокой молитве: в такой момент душа тоже сжимается, но в моменты страха могут войти только те души, которые находятся в глубоком страдании и агонии и видят только кошмары. Они являются теми, кого мы зовем злыми духами, и если человек находится в отталкивающем и нечистом состоянии, ни один высший дух не может войти в него. Испуганный человек подобен канаве: только идущие вниз духи могут войти. Молящийся человек как вершина: войти могут только духи, идущие вверх. Молящийся становится наполненным таким внутренним благоуханием и такой внутренней красотой, что только высшие духи входят в него, и

такие высшие души войдут только благодаря тому, что мы называем молитвой, или приглашением.

Оба эти типа переживаний с душами таковы, что могут ощущаться только будучи с телом. Это, таким образом, полная наука по призыву дэват — «богов». Эти дэваты не сходят откуда-то с небес, так же как и те, кого мы зовем злыми духами, не приходят из ада или какого-нибудь дьявольского мира: они присутствуют прямо здесь, существуя с нами.

На самом деле в том же пространстве присутствует многомерное существование, например, эта комната, где мы сидим, полна воздуха; если кто-то сможет немного ладана или какого-нибудь ароматического вещества, комната наполнится благоуханием. Если кто-то поет мелодичную песню, звуковые волны; тоже заполнят комнату, но звуковые волны и дым ладана не столкнутся друг с другом. Эта комната будет заполнена музыкой так же, как и светом, но ни одна световая волна не столкнется со звуковой, и световые волны не должны покидать эту комнату, чтобы могли войти звуковые волны, таким образом это пространство заполнено в одном измерении звуковыми волнами, в другом — световыми волнами и в третьем — воздушными волнами.

Подобно этому, сотни вещей заполняют эту комнату в сотнях различных измерений: они никак не мешают друг другу, не заставляют друг друга уступать дорогу, поэтому это пространство многомерно. Например, на этом месте у нас стоит стол, и мы не можем поставить на это место другой стол, потому что оба стола находятся в одном измерении, но существующее в других измерениях не найдет стол барьером.

Все эти души очень близко от нас, они могут войти в любое время. Когда душа входит, и не будут телесные ощущения, и эти переживания таковы, что могут ощущаться только в теле.

Другой фактор имеет отношение к способу, с помощью которого общаются души, входящие в живые тела. Общение возможно только между вошедшим духом и духом, существующим в теле, вот почему ни один дух, дьявол и божество на этой земле не могли общаться с нами непосредственно, хотя и находятся прямо перед нашими глазами; но неправда, будто

не было никакого общения, общение было. Наша информация о небесах и аде не что-то, воображаемое людьми, — она была передана такими вот духами через посредников.

В старые времена была система. Вот пример, связанный и индусскими ведами: ни один из риши вед не говорил когда-либо, что Веда была написана им; на самом деле он вовсе не был писателем, и не из скромности или смирения риши говорили, что не они писали, но факт тот, что все, что они написали, было услышано ими. Это очень ясное ощущение, когда какой-то дух входит в вас и говорит, ощущение так ясно, что вы хорошо знаете, что сидите в стороне, пока кто-то, а не вы, говорит.

Трудно разглядеть это со стороны, но если наблюдать с соответствующим вниманием, то это возможно; например, манера и стиль речи будут другими, тон будет другой, дикция и язык тоже будут другими. Для настоящего владельца тела все будет ясно совершенно.

Если вошел какой-то злой дух, тогда человек может быть так испуган, что потеряет сознание, но если вошел небесный дух, тогда он будет сознательным и пробужденным, каким никогда не был раньше, тогда ситуация будет кристально ясной для него, поэтому тем, в кого вошел злой дух, тот факт, что кто-то вошел в них, будет ясен только после того, как этот злой дух оставит тело, ибо им так страшно, что они слабеют и теряют сознание, но те, в кого входят небесные души, смогут в любой момент сказать, что говорил не он, а кто-то другой.

Так же, как два человека могут использовать один микрофон, оба эти голоса будут использовать один инструмент: один закончит говорить, другой начнет. Когда чувства тела могут использоваться так, тогда можно общаться с бестелесными духами. Вот как было передано все, что известно этому миру о дэвах и злых духах. Нет другого пути узнать об этих вещах.

Для всего этого была развита целая наука. Когда наука развита, становится легче понимать вещи, и тогда эти вещи могут быть использованы с полным пониманием. Когда такие события случались в прошлом, на их основании выводились научные принципы. Если, например, в кого-то случайно и не-

ожиданно входил небесный дух, тогда с изучением этого явления устанавливались определенные принципы, выражающие благоприятные условия для такого феномена. Тогда можно было сказать, что если такие условия будут созданы снова, тогда снова войдет такой дух, например, магометане будут жечь лобхан и бензоин. Это метод приглашения хороших духов созданием специфической благоухающей атмосферы. Индусы тоже жгут ладан и освещают горящим топленным маслом помещение.

Это кажется сегодня формальным ритуалом, но когда-то было исполнено глубокого значения. Индусы будут петь специальную мантру, которая является призывом. Нет необходимости, чтобы в мантре был какой-то смысл. Обычно его нет, потому что мантры, в которых он есть, искажаются со временем, а бессмысленная мантра не искажается.

С помощью бессмысленной мантры через некоторое время в вас может войти нечто потустороннее, вот почему все мантры лишены смысла: они не имеют смысла, поэтому остаются без изменений. Это только звуки. Есть методы пения этих звуков. Если есть особый удар, интенсивность и ритм, тогда призываемый дух скоро войдет. И если дух, для которого предназначена мантра, растворен (в нирване), тогда войдет другой дух такой же чистоты.

Все религии мира имеют определенные мантры. У джайнов есть намокар-мантра (особая мантра для призыва просветленных мастеров). Вот перевод намокар-мантры:

Я склоняюсь перед теми, кто уничтожил всех врагов. Я склоняюсь перед теми, кто достиг освобождения. Я склоняюсь перед теми, кто создал религиозные заповеди. Я склоняюсь перед священниками всех религий. Я склоняюсь перед всеми стремящимися к религии.

В ней есть 5 разделов. В каждом разделе есть призыв, который становится все глубже и глубже. Обычно люди поют всю мантру, но это не то, что нужно. Те, кто желают контакта с высшим духом, должны повторять только первую часть; они должны делать ставку на первую часть, потому что духи, связанные с этой частью, отличны от тех, кто связан с другими частями. Например, первая часть этой мантры, «намо ари-

хант-анам», — это воззвание к «арихантам» — тем, кто разбил всех врагов и превзошел все чувства. «Ари» означает враг и «ханта» — разрушитель, поэтому это специальный призыв к полностью просветленным душам, которые могут родиться еще только один раз. Эта одна часть должна повторяться с особым значением и ударением.

В этот призыв не включены другие души джайнов, поэтому с ними не может быть контакта. Этот «арихант» — особое техническое слово, которое связывает с высшими душами джайнов. С помощью этой мантры нельзя войти в контакт с духом Иисуса Христа, здесь не выражено такое желание. Даже с Буддой нельзя войти в контакт с помощью этой мантры: это технология вызова определенной категории духов джайнов.

Подобно этому во всех остальных частях намокар есть призывы для различных категорий душ. Последний призыв «намо лоисавва сахунам» — для призыва всех религиозных искателей. Он направлен ко всем искателям всех религий, он не имеет ничего общего с джайнами или другими специфическими группами. Это очень широкое послание для контакта с любым религиозным искателем без исключения.

Все религии имеют такие мантры, с помощью которых устанавливались контакты. Эти мантры стали «шакти мантры» (призывающие энергию мантры), и они стали очень важными. Мантра подобна имени, которое дается человеку, такому как имя «Рам». Как только человек назван таким именем, он становится связанным с Рамой.

Есть такие мантры для обычных духов. Есть учения для вызова обычных и ординарных духов. Иногда бывает невозможно войти в контакт с вызываемым духом, потому что его может не быть из-за ошибки во времени, но контакт с духом подобного типа всегда будет возможен при использовании мантры.

Теперь возьмем в качестве примера Мохаммеда: он всегда говорил, что только пайгамбер(посланник), потому что он никогда не чувствовал, что то, что он переживает, является его собственным. Голос, который сошел к нему сверху, был очень ясным.

Его переживания описаны магометанами как «ильхам» – откровение. Мохаммед чувствовал, как что-то вошло в него и начало говорить. Он сам не мог поверить тому, что случилось. Он не мог думать, что кто-то еще поверит ему, если он скажет, что все, что говорилось, говорилось им самим. Он думал, что никто не поверил бы ему, потому что он никогда не говорил так раньше. Он не был известен людям таким, они не знали, что он может рассказать такие вещи, поэтому никто не поверил бы такой истории.

Он вернулся домой с того места, где случилось откровение, с большим страхом, стараясь избегать других и не быть замеченным. Он не хотел сразу рассказывать то, что он знает, потому что тогда люди не поверили бы ему, ибо в прежней его жизни не было никакой причины этому.

После прихода домой он рассказал о том, что случилось, своей жене. Он сказал также, что если бы она могла поверить ему, тогда он рассказал бы это кому-нибудь еще, а иначе нет, потому что все, что пришло к нему, пришло с небес. Кто-то говорил ему, это был не его голос. Когда жена поверила ему, он начал рассказывать другим.

С Моисеем произошла та же вещь: голос раздался над ним. Для того, чтобы раздался голос, какой-то великий дух должен использовать кого-то в качестве посредника, но не каждый может использоваться как посредник.

Способность быть чистым проводником, посредником это не незначительная вещь. Общение возможно, если доступен способный посредник. Для такого общения должно быть использовано другое тело.

Такая же попытка делалась в недавние времена с Кришнамурти. Это история попытки перевоплощения Будды под именем Майтрейи. Будда сказал, что он родится еще один раз под этим именем. Много времени прошло, около 2500 лет, но Будда все еще не родился. Стало известно, что Майтрейя не может найти подходящую мать или утробу, поэтому должны быть развиты и подготовлены несколько отобранных личностей, через которых Майтрейя мог говорить.

С этой целью началось великое теософическое движение: надо было организовать отбор подходящих личностей и дос-

тойно подготовить их к тому, чтобы быть посредником Майтрейи. Дух, который хотел дать сообщение через Мохаммеда, нашел в Мохаммеде готового проводника – он никого не готовил. Даже дух, который вошел через Моисея, не должен был готовить проводника. Они нашли проводников готовыми.

Те времена были простыми, и люди были более святыми и менее заполненными эго. Тогда было легко найти посредника, потому что человек мог с полным смирением предоставить свое тело другому духу для использования, как если бы оно не принадлежало ему, но теперь это невозможно. Индивидуальность стала жесткой и эгоцентричной, никто не хочет капитулировать, поэтому теософы отобрали 5 маленьких детей, так как нельзя уверенно предсказать, как будет развиваться каждый ребенок. Они выбрали Кришнамурти и его брата Нитьянанду, а после этого Кришнаменона и Джорджа Арундаля.

Нитьянанда преждевременно умер из-за интенсивной подготовки его как посредника Будды. Кришнамурти был так сокрушен смертью брата, что не смог стать посредником. Кришнамурти был выбран в возрасте 9 лет Анной Безант и Лидбитером, но жизнь – это большая драма. В этом эксперименте участвовали великие силы. Драма разыгрывалась на международной арене и могучими индивидуальностями.

Когда возможность вхождения Майтрейи в Кришнамурти приблизилась, дух Девадатты, который был двоюродным братом Будды, всю жизнь противостоял Будде и некоторое время пытался его убить, повлиял на ум отца Кришнамурти. Таким образом, открытое влияние Девадатты было выражено отцом Кришнамурти как выступление против Анны Безант и других теософов. Он требовал назад своего сына Кришнамурти, который находился под его опекой. Это требование отстаивалось в Тайном Совете (высшем судебном органе Индии в те времена, расположенном в Англии).

Об этом не говорилось прежде, я рассказываю это в первый раз. Анна Безант сражалась в открытом сражении зубами и ногтями, но в суде ей было невозможно выиграть, потому что это было право отца требовать возвращения своего сына. Даже если бы ребенок отказался идти с отцом, для него не

было возможности выбора, потому что он был младшим, поэтому им необходимо было убежать из Индии, взяв с собой Кришнамурти.

В Индии дело продолжалось, и Анни Безант бежала из Индии с Кришнамурти. Дело пошло в Высший суд. Там она тоже потерпела поражение. Это была открытая битва, и Девадатта был сильнее. Обычно судом пользуются плохие люди, потому что хороший человек не подготовлен к суду, а плохой человек первым делом готовит все необходимое для своей юридической битвы.

Потом Анни Безант апеллировала к Тайному Совету в Лондоне, и было решено наперекор всем юридическим постановлениям разрешить ребенку остаться с Анни Безант. Никогда прежде не было ни такого прецедента, ни такого приговора. После Тайного Совета не было больше апелляций. Такой приговор оказался возможным благодаря влиянию духа Майтрейи, который не делал этого в низших инстанциях и апелляционных судах. Он приберегал свою мощь для влияния на последний апелляционный суд.

Таким образом, на низшем плане была разыграна драма, о чем свидетельствовали большие аншлаги и юридические баталии в судах, но на высшем плане развернулось великое сражение между двумя духами, и после этого приготовления Кришнамурти были исполнены такого страдания, какое, возможно, никогда никто не испытывал.

Личности могут очень пострадать, подготавливая себя к определенным достижениям, но никогда еще так много людей не ставили на одного человека, и несмотря на все эти великие усилия, когда время пришло, все надежды пропали впустую. Теософы собрали шесть тысяч человек со всего мира в Голландии и было объявлено, что пришел день, когда Кришнамурти должен был отдать свою индивидуальность и принять Майтрею. Все приготовления были сделаны. Пришел долгожданный момент, когда он должен был подняться на трибуну и объявить, что он больше не Кришнамурти, чтобы дух Майтрейи мог войти и начать говорить. Шесть тысяч делегатов собрались со всего мира в великой надежде услышать голос

Майтрейи. Должно было случиться беспрецедентное событие, но ничего не случилось.

В тот критический момент Кришнамурти отказался оставить свою индивидуальность. Девадатта сделал последнюю попытку и то, что не могло быть сделано в Тайном Совете, стало возможным на том последнем собрании делегатов. Он заставил Кришнамурти объявить, что он не учитель – не мировой учитель, что он не имеет ничего общего с каким-либо духом, что он то, что он есть и что больше он не хочет говорить. Великий эксперимент провалился.

Но, с другой стороны, это был первый в своем роде эксперимент и вероятность неудачи была очень большой, ведь для духов нет возможности общаться, если они не войдут в чье-либо тело. Вот почему рождение как человеческое бытие необходимо; например, кто-то умер, и если он остается бестелесным сто лет, для него нет никакого способа развиваться в течение этих ста лет. В новом рождении он начнет оттуда, где он был, когда он умер в прошлой жизни, точно оттуда, и не имеет значения, как долго длился этот перерыв.

Если некоторые люди экспериментировали, пока жили, с телепатией и ясновидением (которые являются методами знания без использования рассудка и не имеют ничего общего с рассудком), тогда такие люди могут добиться успеха в установлении контактов со злыми и небесными духами, но немногие люди обладают такими способностями.

Как бы то ни было, но информация о мире духов давалась нам только такими духами. Ситуация подобна вот чему: 12 человек пьют спиртное и теряют сознание, но среди этих 12 есть один, который не пьет уже давно, и он мог остаться в полном сознании и поэтому мог вспомнить о своих переживаниях в этом состоянии. Другие не могли, потому что они потеряли сознание до того, как узнали что-либо.

В мире работает несколько организаций, которые готовят людей к передаче информации о мире духов после смерти, например, в Лондоне сэр Оливер Лодж был членом спиритического общества и долгое время после смерти он пытался передать сообщение, но потерпел неудачу: несмотря на 12 лет огромных усилий, ни одно сообщение не было передано.

Некоторые другие духи сообщали, что Оливер Лодж искренне старался передать сообщение, но контакт не был установлен. 12 лет он стучал в двери к людям, которым обещал передать сообщение сразу после смерти. Он был подготовлен сообществом для этой работы. Казалось, что он пытается пробудить своих друзей ото сна. Они могли проснуться и насторожиться, чувствуя, что Оливер находится где-то рядом, но никто из них не был настроен на прием того, что должен был сказать Оливер. Оливер умер, готовый общаться, и продолжал делать усилия 12 лет, но никто не был готов понять язык мертвого. Очень часто некоторые из его друзей, проходя по дороге, чувствовали на своем плече руку Оливера, очень хорошо зная, что это его прикосновение, но когда он старался поговорить с ними, сознание его присутствия пропадало.

Все его друзья, видимо, были в смятении, но несмотря на повторяющиеся усилия Оливера, ни одно его сообщение не могло достичь их.

Приготовления должны быть двоякими. Если кто-то в состоянии телепатически ощущать, пока он жив; если он развил свои способности до того, что может передавать без слов; если они в состоянии видеть отдаленные вещи с закрытыми глазами, тогда такой человек может многое знать о мире духов.

Узнавание зависит не только от нашего физического существования. К примеру, ботаник, поэт, лавочник и ребенок пошли в сад. Все они пошли в один и тот же сад, но они будут видеть не одно и то же. Ребенок будет бегать за цветами, лавочник будет думать о своих проблемах, поэт может остановиться у цветов и забыться над своей поэмой, а ботаник будет стараться проверить что-либо относительно растений.

Лавочник не может видеть ни цветов, ни какой-либо поэмы в них. Ботаник видит каждый корень, каждый листок, каждый цветок таким аналитическим взглядом, что подтверждает знания, собранные им за последние 10-15 лет. Никто из других не может видеть того, что видит он.

Подобно этому, те, кто умирает, не зная ничего, кроме тела, не могут ни распознать другой мир, ни установить с ним связь. Смерть – это кома, глубоко бессознательное состояние,

ожидание нового рождения, но те, кто заранее готовятся, смогут что-то делать.

Существуют записи о таких приготовлениях. Если кто-то умирает научно, полностью подготовленный к этому, с планом и методикой того, что он будет делать после смерти, тогда он может делать что-то. Есть шанс ощутить что-то великое. Но когда человек ordinarily умирает, он может родиться сразу через несколько лет. Тогда он ничего не будет знать о состоянии в промежутке между двумя воплощениями, вот почему нет возможности прямого общения.

Иногда я чувствовал, что вы спешите. Что это была за спешка и зачем? Я не в состоянии понять, но тот факт, что Вы спешите, явствует из некоторых ваших писем вашим саньясинам. Возникает также вопрос, осуществили ли Вы намерение, из-за которого родились вновь? Если вы завершили, тогда как Вы можете объяснить сделанное Вами утверждение, что вы должны были бродить от деревни к деревне, окликаая людей, и если встречали вдруг глаза, которые могли стать лампой, работали над этим человеком с невероятными усилиями. Вы сказали также, что должны были делать это, чтобы ко времени вашей смерти вы не должны были сказать, что искали сто человек, но не могли найти их.

Я тороплюсь по трем причинам. Во-первых, не имеет значения, сколько времени в распоряжении человека, он всегда найдет его недостаточным: какое-то количество времени и энергии всегда будет недостающим, потому что работа так же вечна, как и море, а энергия и время, которые есть у человека, подобны пустоте на его ладони. Даже если этот человек Будда или Махавира, Кришна или Христос, усилие не может быть больше, чем пустота ладони, а работа так же обширна, как и море.

Это обычная торопливость, но поспешность существует и по другой причине. В некоторые периоды время движется так медленно, что кажется, будто оно вовсе и не движется. Если мы посмотрим на наше историческое прошлое, мы найдем, что время, бывало, двигалось очень медленно. Затем было несколько эр, которые двигались быстро, в которых все, казалось, двигалось на высокой скорости. Сегодня мы живем в

такой быстро движущейся эре: все идет быстрым шагом и ничто не кажется устойчивым.

Если религия движется медленно, своим древним шагом, она будет тащиться позади и погибнет. В старые времена даже наука двигалась медленно. Десять тысяч лет воловья повозка оставалась воловьей повозкой, и кузнец использовал все те же старые инструменты. Все двигалось подобно медленной реке, текущей по равнине. Вы вовсе и не знали, что что-то двигается. Берега таких рек остаются такими же и там, и здесь.

В такие времена религия тоже медленно двигалась. В том движении был вид какой-то гармонии – и наука, и религия шли шаг в шаг, но религия и теперь движется медленно, тогда как наука и другие вещи идут быстрым шагом. Если религия, пошатываясь, тащится позади, неудивительно, что люди в таких условиях не могут идти нога в ногу с ней. Так что спешка существует и по этой причине.

Глядя на скорость, с которой увеличивается мировое знание о материи, и на быстрые шаги науки, видно, что религии надо бы быть на самом деле немного впереди науки и идти с большой скоростью, потому что если религия тащится позади науки, это причиняет большой вред.

Религия должна оставаться немного впереди, иначе идеал становится бессмысленным. Идеал всегда должен быть впереди достигнутого и оставаться вдали от него – это фундаментальное различие между этими двумя вещами.

Если мы посмотрим назад, на эру Рамы, то религия тогда была всегда впереди человека, но в современном мире человек всегда впереди религии. Сегодня религиозным может стать только очень отсталый человек. Этому есть причина: только такой человек в состоянии идти в ногу с религией. Сегодня, чем более прогрессивен человек, тем дальше он от религии или тем более формальна связь его с религией – она будет для показухи. Так что религия должна остаться в стороне.

Если мы вернемся к временам Будды или Махавиры, мы будем очень удивлены тем, что лучшие умы тех времен были религиозными, но в нашей цивилизации, взглянув на религи-

озного человека, мы находим наименее умного. В то время те, кто были лидерами, кто достигли вершины, были религиозными людьми, а теперь религиозны деревенские, простые и отсталые люди. Более умные в наше время не религиозны. Это означает, что религия не в состоянии возглавлять людей. Я спешу также по этой причине.

Другая причина для спешки в том, что наше время непредвиденности, кризиса. Например, если вы направляетесь в госпиталь, ваши шаги будут более быстрыми, чем тогда, когда вы идете в свою лавку. Скорость, с которой вы идете в больницу высока, потому что это крайне необходимо, это кризис. Сегодня состояние вещей близко к тому, что если какая-нибудь религия не сможет создать сильное, энергичное движение, тогда возможно, что все человечество будет уничтожено.

Это время кризиса подобное тому состоянию, когда направляются в госпиталь. Пациент может умереть, не дойдя до госпиталя, или до того, как врач распорядится, или до того, как будет поставлен диагноз, но болезненность господствующих ныне условий не задевает никого из религиозных мыслителей. Вместо этого они обезоруживают молодые поколения всего мира, и тяжелее всего – молодые поколения развивающихся наций.

Если американские родители говорят сыну, что он должен 10 лет учиться в университете, чтобы он мог получить хорошую работу, сын может спросить, есть ли гарантия того, что он проживет 10 лет. У родителей нет ответа. В Америке мало верят в завтра. В завтра невозможно верить, не ясно даже, наступит ли это завтра, поэтому существует желание насладиться так многим и так быстро, как только это возможно.

Это подобно пациенту, который лежит на смертном одре и может умереть. Все человечество стало таким, поэтому есть спешка, так как, если с диагнозом не успеешь, не может быть быстрого исцеления. Поэтому я спешу, и что должно быть сделано, то должно делаться быстро.

Относительно моего утверждения, что я буду двигаться от города к городу: я уже закончил эту работу. Я думаю о нескольких людях, и теперь стоит вопрос о работе над ними, но

сложность в том, что было бы лучше, если бы вместо того, что чтобы я думал о них, они думали обо мне. А пока они этого не делают, ничего не может быть сделано.

Но я начал и эту работу. Мое хождение и приходы, и стояние – все это имело целью сделать что-то. После подготовки некоторых людей я хочу послать их в разные города на два года. Они пойдут. Не одна сотня, но тысячи людей будут подготовлены. Эти времена кризиса полны возможностей так же, как и опасностей.

Если время используется соответствующим образом, развиваются великие возможности, иначе результат бедственен. Много людей может быть подготовлено. Это время для предпримчивости, и к прыжку в неизвестное может быть подготовлено много людей. Это случится.

Я рассказал вам о внешнем состоянии вещей, но когда бы ни приближалась эра разрушения, всегда будет много душ, которые достигнут последних шагов развития на внутреннем плане. Такие души нуждаются только в толчке, и когда их толкнут, они прыгнут.

Обычно, когда чувствуется приближение смерти, видно, что человек начинает думать о том, что находится там, дальше. Каждый начинает становиться религиозным в такой ситуации, когда смерть приходит к нему. Спрашивать о том, что находится за смертью, начинают на пороге смерти, а в иное время жизнь человека остается такой занятой, что этот вопрос не возникает, а когда целая эра на пороге смерти, тогда миллионы людей начинают думать в душе о том, что дальше.

Эта ситуация тоже может быть использована – она обладает большими возможностями, поэтому я буду понемногу ограничивать себя комнатой, я закончу ходить. Теперь я буду работать с теми, кого держу на примете. Я подготовлю их и пошлю вовне, двигаться от места к месту. То, что я сам не могу делать, я буду в состоянии выполнить, посылая вовне эти тысячи людей.

Для меня религия – это тоже научный процесс, и в моем уме есть совершенно научная техника для этого. Как только люди становятся готовыми, им будет посылаться научная

техника. С помощью этой техники они будут работать над тысячами людей. Мое присутствие не требуется для этого.

Я был озабочен только тем, чтобы найти таких людей, которые могли бы довести до конца это намерение, теперь я могу дать им работу. Было необходимо развить некоторые принципы, это было сделано мной. Работа ученого закончена, теперь работа для техников.

Ученый завершает работы подобно тому, как Эдисон открыл электричество и изобрел электрическую лампочку. Теперь электрики должны сделать колбу. Это нетрудно.

Теперь у меня есть почти полная картина проделанной работы. Теперь, после того, как людям дана концепция и техника, я пошлю их в мир, как только они будут готовы. Все это в моем уме, но не все видят возможности. Большинство людей видят только совершающееся. Видеть возможности – это другая задача, но я вижу их.

Условия, существовавшие в небольшой области Бихар во времена Махавиры и Будды, могут стать очень спокойными в течение немногих следующих лет, но должен быть подготовлен абсолютно новый тип религиозных людей, должен родиться новый тип саньясина, должны быть разработаны новые типы йоги и медитационной системы.

Когда я прохожу мимо людей, им будут даны эти вещи, и они передадут это другим. Как бы то ни было/это смертельный риск, потому что если благоприятные возможности упущены, это принесет большой вред.

Возможности должны быть использованы, потому что такое значительное время как сейчас, вряд ли вернется. С любой стороны, откуда ни взгляни, эра находится на вершине кульминации. После этого может быть только антикульминация, спад. Теперь Америка не в состоянии прогрессировать, она будет испытывать распад. Цивилизация побывала на вершине, теперь она будет распадаться. Это последние годы.

Мы не отметили, что Индия пришла в упадок после Махавиры и Будды: после них золотая вершина не могла быть достигнута. Люди обычно думают, что это из-за Махавиры и Будды, но дело в противоположном: на самом деле люди ранга Махавиры и Будды могли работать только до начала упадка,

но не после, потому что, приближаясь к упадку, все приходит в беспорядок и готово рухнуть.

Так же как смерть становится перед человеком; теперь она показывает свое темное лицо коллективному сознанию целой цивилизации, и коллективный ум такой цивилизации становится готовым глубоко идти в области религии и неизвестного, вот почему в такой малой области, как Бихар, вокруг Махавиры могло собраться 5000 саньясинов.

Это может повториться снова, это вполне возможно. У меня есть законченный план и соответствующие проекты для этого. В некотором смысле моя работа по выявлению людей, которых я хотел обучить, почти закончена. Они не знают, что я нашел их. Теперь я должен дать им работу для их подготовки и послать наружу распространять послание.

Пока длилась моя работа, я знал, что должен был делать, и я делал это сравнительно спокойно, но теперь я должен дать работу другим, и теперь я не могу оставаться спокойным. Я должен спешить. Это следующая причина моей спешки. Поэтому я должен сделать ясным для всех друзей, что я спешу, так как они тоже должны спешить.

Если они будут продолжать идти с прежней скоростью, они ничего не достигнут. Если они увидят меня спешащим, тогда они, возможно, тоже поднимут темп, а иначе нет.

Иисус должен был тоже делать так. Он говорил людям, что мир очень скоро придет к концу, но люди были так глупы, что им было трудно это понять. Иисус сказал, что на их глазах все будет разрушено, для них пришло время делать выбор и что у тех, кто не изменится, позже никогда не будет шанса на это. Те, кто слушали и поняли его, изменились, но большинство людей продолжали спрашивать его, когда наступит этот час.

Сейчас, через 2000 лет, некоторые христианские ученые, священники и теологи смотрят назад и думают, что Иисус, кажется, допустил некоторую ошибку, потому что судный день до сих пор не наступил. Иисус сказал, что гибель мира случится прямо на их глазах, при нем, что «день расплаты» должен придти и что те, кто упустили, — упустили навсегда, но кажется, что время все еще не пришло.

Иисус ошибался или мы неправильно поняли его? Некоторые говорят, что он сделал такую гигантскую ошибку, потому что ничего не знал о материи, и что поэтому могло быть много вещей, о которых Иисус ничего не знал. Другие говорят, что мы неправильно интерпретируем писания, но никто из этих людей не знает, что тому, о чем говорят люди, подобные Иисусу, есть глубокие причины и точный расчет. Говоря такие вещи, Иисус создавал атмосферу кризиса, при которой многие люди изменились.

Люди меняются только в кризисе. Если человек знает, что он может измениться завтра или послезавтра, то сегодня он ничего не будет делать, он отложит это на завтра или на послезавтра, но если он знает, что завтра нет, тогда способность к трансформации придет в действие.

Когда цивилизация находится на грани распада, завтра становится неопределенным. Человек не уверен в завтрашнем дне. Тогда сегодня становится таким компактным, что может быть завершено все то, что должно быть сделано. Если он должен насладиться, он должен это делать сегодня. Если он хочет сдаться или отвергнуть, он должен сделать это тоже сегодня. Даже если он хочет разрушить это и трансформировать его, он тоже должен сделать это сегодня.

Поэтому в Европе и Америке пришла в действие позитивная установка, что человек хочет сделать, он должен делать сегодня: «Забудь о завтрашних хлопотах. Если хочешь пить — пей, если хочешь наслаждаться, наслаждайся, хочешь красть — кради. Что бы ни хотел делать, делай сегодня».

Это произошло с материальным планом. Я хочу, чтобы любое желание изменений на духовном плане реализовалось тоже сегодня. Это может идти параллельно тому, что происходит на материальном плане. Я очень тороплюсь прояснить эту идею. Только восточные ветры могут принести ее на Запад, и Запад прыгнет в нее с большой силой.

Для возникновения и роста определенных вещей должны быть особые подходящие места. Все типы деревьев не могут расти во всех странах. Есть определенные корни, особые типы земель, особые климат и вода, необходимые для роста определенных вещей. Таким же образом все типы идей тоже не

могут возникать где угодно, потому что для этого тоже нужны определенные корни земли, климат и вода.

Наука не может развиваться на Востоке. У этого дерева на Востоке нет корней. Религия могла развиваться на Востоке, потому что у нее на Востоке глубокие корни: климат, земля, вода – все для ее роста доступно ей на Востоке. Если наука пришла на Восток, то только с Запада. Если религия идет на Запад, то только с Востока.

Иногда бывают исключения, например, Япония – страна Востока – может бросить вызов по части науки любой стране Запада, но интересно отметить, что Япония только подражает, она не может быть оригинальной, хотя имитация такова, что даже оригинал бледнеет перед ней. Однако, как бы то ни было, это имитация: Япония ничего не изобретает. Если Япония делает радио, она может обогнать Америку в этом, но она должна скопировать основу. Япония будет очень искусной в копировании, но зерно должно придти из западных стран.

В религии Америка тоже может затмить и превзойти Восток. Однажды зерно религии упадет туда, и Америка обгонит Восток в росте, но это будет тоже подражанием: начальный, первый шаг в этом вопросе делается со стороны Востока. Вот почему я очень спешу, планируя подготовку людей Востока, которые могут быть посланы на Запад.

Искра будет раздута Западом в пожар, но придет она с Востока.

Глава 5

Рождение нового человека

Какое событие подвигло вас к духовности? Что это было за чудо?

Такого события не было. Часто бывает, что происходят некоторые события, и человек совершает поворот в жизни. Случается также, что жизнь человека изменяется в результате влияния многих событий. В моей жизни не было такого явного события, которое привело бы к такому перелому

Происходит множество событий, и их совокупность может привести к поворотной точке, но вряд ли можно определить, когда это происходит. Более того, я не думаю, что я когда-то «повернулся» к духовности! Я уже был в этом состоянии. Я не помню ни одного дня, когда бы я не думал о духовном. Сколько я помню себя, я всегда думал об этом.

Происходили многие события, в которых важен общий эффект, и я не помню особо выдающегося. Иногда один случай, один повод могут привлечь ум, но ум, привлеченный к чему-то единственному, может легко повернуться назад, поэтому сам поворот может быть только результатом многих событий. Только возвращения назад не произойдет, ибо такой поворот затрагивает более глубокие слои психики.

Один толчок может направить все в одном направлении. Другой толчок, в противоположном направлении, может повернуть все назад. Вообще изменение под влиянием единственного толчка – это тип реакции: оно возможно, но вы не вполне готовы к нему, вы просто были привлечены.

Когда эффект этого толчка исчезнет, вы можете вернуться назад, но если каждый момент жизни медленно и неуклонно приводит вас в состояние, когда вы сами не можете решить, как вы в нем оказались, тогда возвращение назад из-за реакции невозможно, потому что это условие становится частью вашего дыхания.

Одно событие в моей жизни стоит упоминания: это воспоминание о смерти. Трудно сказать, что я мог думать в тот день. Мое раннее детство проходило в доме моих бабушки и бабушки со стороны матери, и я их очень любил. Я не был близок в детстве со своими родителями.

Моя мать была их единственным ребенком. Они чувствовали себя очень одинокими и поэтому всю ласку отдавали мне. До 7 лет я оставался с ними. Я принимал их за отца и мать. Они были очень богаты и имели все условия для моего воспитания. Я воспитывался как принц. С матерью и отцом я соприкоснулся только после смерти бабушки.

Его уход из жизни и то, как это произошло, стало для меня первым сильным впечатлением, так как я любил только его и получал любовь только от него. Его уход был очень стран-

ным. Деревня, в которой мы жили была в 32 милях от ближайшего городка. Там не было ни докторов, ни вайды.

При самом первом приступе смерти мой дедушка потерял речь; 24 часа мы ждали, чтобы что-то произошло, однако улучшения не было. Я помню борьбу на его лице при попытке что-то сказать. Он хотел что-то сказать, но не мог, поэтому нам пришлось везти его в город на воловьей упряжке. Медленно, одно за другим его чувства отказывали. Он умер не сразу, а медленно и мучительно. Сначала прекратилась речь, затем отказал слух, потом он закрыл глаза. В повозке я наблюдал это все долгие 32 мили.

То, что происходило тогда, казалось, было вне моего понимания. Это была первая смерть, свидетелем которой я был, и я даже не понимал, что он умирал, но постепенно все его чувства отказали, и он потерял сознание. Когда мы были почти у города, он был уже полумертвый. Его дыхание продолжалось, но все остальное было потеряно.

С тех пор он не приходил в сознание, но продолжал дышать. Он умер, не приходя в себя. Эта медленная потеря всех чувств и его умирание оставили глубокий след в моей памяти. Он был для меня самым родным и единственным, кого я любил. Возможно поэтому после его смерти я уже не был способен любить так кого-нибудь еще.

С тех пор я был одинок. Чувство одиночества овладело мной с 7 лет. Одиночество стало моей природой. Эта смерть освободила меня навсегда от всех родственных чувств, эта смерть стала смертью всех привязанностей. После этого я уже не мог установить родственные узы ни с кем. Когда мое отношение к кому-нибудь начинало становиться интимным, эта смерть вставала передо мной. Я чувствовал, что если не сегодня, так завтра этот человек тоже может умереть.

Когда человек ясно осознает несомненность смерти, тогда возможность привязанности для него уменьшается в такой же пропорции, другими словами, наши привязанности основаны на забвении факта смерти. С тем, кого мы любим, мы продолжаем верить, что смерть не является неизбежной. Эта наша тенденция верить, что тот, кого мы любим не умрет. Это значит, что я не мог любить, не осознавая смерти одновре-

менно. Могла быть дружба, могло быть сочувствие, но никакая беспамятная страсть уже не могла овладеть мной. Смерть затронула меня глубоко и так сильно, что это становилось для меня все более ясным каждый день, поэтому безумие жизни не захватило меня.

Смерть выступила передо мной раньше, чем началось мое столкновение с жизнью. Это событие можно считать одним из первых, оказавших глубокое влияние на мой ум. С этого дня каждый момент жизни неизменно связывался с сознанием смерти. С тех пор быть или не быть имело для меня одно и то же значение. Уже в раннем возрасте одиночество овладело мной.

Рано или поздно одиночество овладевает каждым, но мной оно овладело раньше, чем я узнал, что такое общение. Я мог жить с кем угодно, но в толпе или в обществе друга, или с девушкой – я все же одинок. Никто не затрагивает меня – я остаюсь незатронутым.

По мере того, как это первое чувство одиночества становилось глубже и глубже, что-то начинало происходить в жизни. Сначала это одиночество делало меня только несчастным, но постепенно оно начало переходить в счастье, потому что таково правило: когда мы привязываемся к чему-нибудь или к кому-нибудь, мы так или иначе отворачиваемся от себя.

Действительно стремление к привязанности к чему-либо или к кому-либо является средством ухода от себя, и по мере того, как другой начинает становиться все более важным для нас, он в той же степени становится для нас центром, а мы становимся периферией. Мы продолжаем оставаться с другим в центре всю жизнь, наше собственное «я» никогда не становится центром, но для меня эта возможность, чтобы кто-то стал моим центром, была разрушена в самом начале жизни. Первый центр, который сформировался, был разрушен, и ничего не оставалось делать, как вернуться к себе.

Я был отброшен, так сказать, к моему «я». Постепенно это делало меня все более счастливым. Впоследствии я пришел к ощущению, что это близкое наблюдение смерти в раннем возрасте оказалось скрытым благословением для меня. Если

бы эта смерть случилась в более позднем возрасте, я, возможно, нашел бы замену для дедушки.

Вообще, чем более незрелым и невинным является ум, тем труднее ему заменить объект любви. Чем умнее, опытнее, хитрее и расчетливее становится ум, тем легче ему заменить утерянное. Чем быстрее вы замените, тем скорее вы освободитесь от несчастья, вызванного потерей первого, но для меня было невозможно найти замену в тот же день, когда пришла смерть.

Я думаю, что дети неспособны легко находить замену. Место утерянного предмета любви остается пустым. Чем старше возраст, тем быстрее вы можете заполнить пустоту, потому что вы сможете думать. Разрыв в мыслях можно быстро заполнить, но эмоциональная пустота быстро не заполняется. Ум можно уговорить, но сердце нельзя убедить.

В детском возрасте, когда ребенок не может думать, а может лишь чувствовать, это гораздо труднее, поэтому другой не мог стать важным для меня в том смысле, что он не мог уберечь меня от моего «я», так что мне пришлось жить лишь с самим собой. Вначале это делало меня несчастным, но со временем это начало давать мне ощущение переживания счастья. Впоследствии я не страдал ни от какого несчастья.

Причина несчастья заключается в нашей привязанности к другому в надежде получить от другого счастье. В действительности никогда нельзя получить счастье, но надежда сохраняется, и когда эта надежда исчезает, остается крах всех надежд и потеря иллюзий.

Итак, в первом же своем переживании я получил от другого несчастье, и больше попыток не делал. Это наполнение счастья от другого открылось для меня, поэтому впоследствии я никогда не был несчастлив. И я начал испытывать новый вид счастья, который не может придти от другого. То, что создается, является лишь надеждой на будущее счастье, получить же можно лишь плод счастья.

Столкновение с самим собой в первый раз вызывает ощущение удара. Вначале вы испытываете несчастье, но по мере того, как столкновение продолжается, постепенно приходит подлинное счастье. И наоборот: контакт с другим дает счастье

вначале, но несчастье в конце, поэтому, отбрасывание к себе, по-моему, — это начало пути к духовному.

Другой вопрос, как мы оказываемся обращенными на этот путь. Жизнь дает много таких возможностей, но чем мы умнее, тем скорее мы уходим от такой возможности: в такие моменты мы движемся от себя.

Если умрет моя жена, я немедленно начну искать и женюсь на другой. Если пропадет мой друг, я начну искать другого. Я не могу оставить брешь незаполненной. Может, когда я мог бы вернуться к себе, — момент, богатый огромными возможностями, теряется, когда я стремлюсь заполнить пустое место.

Если бы я заинтересовался другим, я потерял бы возможность идти к себе.

Я становился посторонним для других. Обычно именно в этом раннем возрасте мы привязываемся к другому, нас принимают в общество. Это возраст, когда нас, так сказать, посвящают в общество, которое стремится поглотить нас, но я так и не был поглощен обществом, это уже не могло произойти. Когда бы я ни входил в общество, я входил как индивидуум и оставался отчужденным и отдаленным, как остров.

Я не помню, чтобы я когда-либо испытывал дружбу, хотя многие хотели быть моими друзьями и многие дружили со мной и наслаждались этой дружбой, так как невозможно было рассориться со мной или сделать меня врагом, но я не припоминаю, чтобы я сам шел к кому-нибудь за дружбой. Если приходили ко мне, тогда другое дело.

Это не так, чтобы я был против дружбы. Если кто-то становился моим другом, я принимал всем сердцем, но сам я не мог стать другом в обычном смысле: я всегда оставался внутри одиноким.

Одним словом, даже занимаясь в школе, я был одинок. Ни с кем из моих учителей, ни со студентами-сокурсниками, ни с кем не смог я развить такие отношения, которые бы притянули меня или разбили мое островное бытие. Друзья приходили и оставались со мной, я встречал много людей и имел много друзей, но с моей стороны не было ничего, что могло бы сде-

лать меня зависимым от них или побуждало бы меня помнить о них.

Интересно заметить, что я не помню никого. Никогда не случалось, чтобы я сидел, размышляя о ком-нибудь с чувством, что было бы очень приятно с ним встретиться. Если мы все же встречались, это делало меня очень счастливым, но я не становился несчастным, не встретившись. Я думаю, что только смерть моего дедушки ответственна за это состояние предельной радости. Эта смерть неизменно отбрасывала меня к себе, я уже не мог возвратиться от центра. Благодаря тому, что я был аутсайдером, посторонним, я увидел новое состояние в жизни. Это состояние, в котором, будучи посреди всего, я продолжаю оставаться снаружи. Я стал вселенной в себе. Этот новый и притом необычный опыт принес мне, хотя и радостное, но страдание.

Похоже, что еще в юном возрасте я начал ощущать и переживать некую зрелость и даже старость. В этом переживании не участвовало эго, но индивидуальность все же присутствовала, и это ставило меня иногда в затруднительное положение. Например, я никого не мог считать учителем, хотя всегда был готов быть учеником: я не находил никого, кого мог бы назвать «мой мастер», каждый был слишком вовлечен в жизнь и поглощен ею. Тот, кто не знал смерти, не мог быть моим учителем. Я хотел уважать, но не мог. Я мог уважать реки, горы и даже камни, но не человеческие существа. Это была весьма затруднительная ситуация, и она создавала мне большие трудности. Я не встретил такого учителя, которого мог бы спонтанно уважать, потому что я никогда не чувствовал, что существует нечто, что кто-нибудь знает, как абсолютную истину, без чего жизнь не может иметь значение. Много раз я чувствовал, что различные учителя говорили то, что выглядело по-детски, то, что даже я в таком возрасте не сказал бы и не сделал бы, поэтому я никогда не ощущал себя маленьким ребенком, которому следовало бы оставаться под чьим-нибудь покровительством и руководством.

Не то, чтобы я ни к кому не приходил: я приходил ко многим, но всегда возвращался с пустыми руками и чувствовал,

что мне сообщили то, что я уже знал. Не было ничего, что у них можно было узнать.

Мои затруднения возрастали во много раз, так как другие считали меня эгоистом. Для них было естественно так считать, ибо я неспособен уважать кого-нибудь или повиноваться чьему-нибудь указанию. Все считали, что я нескромный и непокорный бунтарь. Вплоть до определенного возраста для моих учителей, для старших и вообще для всех я был неучтивым, недисциплинированным, мятежным эгоистом, и они уж не надеялись, что я когда-нибудь буду кому-нибудь полезен в жизни.

Я вообще не мог верить в то, во что верили они, и всегда сомневался в том, в чем они никогда не сомневались. Я даже не мог соединить рук в поклонении тому, перед чем они стояли, склонив головы. Я не ощущал потребности в этом. Я никогда не пытался обмануть себя и не научился лицемерию. Если у меня не было веры, значит не было, ничего не поделаешь. Я никогда не пытался выставить напоказ то, во что не верил как в истину.

Понятно, что это создавало некоторые затруднения, но это имело также свои преимущества на другом направлении: я был точно также отброшен к себе, так как никогда не считал и не чувствовал, что истину можно узнать от других. Был только один путь к истине – учиться у себя, поэтому у меня никогда не было гуру. Я был своим гуру и своим учеником.

Поскольку я не мог ни за кем слепо следовать, единственное, что мне оставалось, искать на своем пути. Не было никого, чтобы показать мне путь, по которому я мог бы следовать. Мне пришлось идти самому.

Самым ценным результатом было то, что мне пришлось прокладывать свой путь, следовать своему усмотрению и в каждом случае делать свои заключения о том, чтобы принять чью-нибудь помощь, и проблемы не возникало. Это отбрасывание опять и опять к себе оказалось очень ценным,

Это не значило, что я никому не доверял или что я проявлял некое презрение и неуважение к кому-нибудь. Я просто не мог никого уважать и в результате всего этого мои сомнения становились сильнее и сильнее: я сомневался во всем.

Это отношение также оказалось полезным, когда я начал читать и писать. Изучал ли я Гиту, Коран или Библию, изучали я Будду или Махавиру – этот инстинкт сомнения всегда был со мной. Никогда не случалось, чтобы я поставил Кришну немного выше других богов и убил все свои сомнения.

Сомнение всегда оставалось со мной, поэтому никакой фанатизм, никакая слепая вера, никакое следование одной особенной религии или преданность ей не могли появиться. Конечным результатом всего этого было то, что я остался без особых выводов, полный вопросов и сомнений. Ни на что не было окончательных ответов. Каковы бы ни были ответы, они принадлежали другим, а я не мог доверять ответам других. Ответы других давали мне лишь одно: рождали десятки новых вопросов. Ничьи ответы не могли стать моими.

Итак, с самого начала это состояние было опасным, потому что жить без какой-либо цели весьма ненадежно. Я не был уверен даже в том, что было на дюйм впереди, так как это я мог узнать только от других. О пути до того места, где уже прошел, можно знать и судить уверенно, но о том, что лежит впереди, где еще не проходил, можно узнать только от других, поэтому для меня не было ясного пути, он был весь темнота. Каждый следующий шаг был для меня в темноте – бесцельный и сомнительный.

Мое положение было полно напряжения, ненадежности и опасности. Все мои родные и близкие думали, что я был мятежным и неуспокоенным из-за этого положения. Постепенно люди начали думать, что я могу стать безумным; такой была ситуация.

В любом, даже малом вопросе, были сомнения и ничего, кроме сомнений, – только вопросы, которые оставались без всякого ответа. В некотором отношении я был похож на сумасшедшего. Я сам боялся, что в любое время могу сойти с ума. Я не мог спать по ночам.

Днями и ночами вопросы вертелись вокруг меня, но ни на один вопрос не было ответа. Я, так сказать, находился в глубоком море без лодки и какой бы то ни было отмели поблизости. Все лодки, бывшие там, я или потопил, или отказался от них. Было много лодок и много моряков, но я сам отказался

ступить в чью-нибудь лодку. Я чувствовал, что лучше уж самому тонуть дальше, чем садиться в чью-нибудь лодку. Я чувствовал, что если жизнь ведет меня к тому, чтобы утонуть, это тоже должно быть принято.

Мое состояние было состоянием полной тьмы. Это было так, как если бы я свалился в глубокий колодец. В те дни мне много раз снилось, что я падаю все глубже и глубже в бездонный колодец, и много раз я просыпался в испарине, обильно потея, потому что это падение было бесконечным и не было места, куда бы я мог поставить ноги.

Ничего не осталось кроме тьмы и падения, но понемногу я принял даже это состояние. Много раз я чувствовал, что мог бы согласиться с кем-то, мог удержаться за что-то, мог принять некоторые ответы но это не соответствовало моей природе. Я никогда не мог принять чьи-нибудь еще мысли.

Неизбежно случилось так, что во мне не осталось места ни для одной мысли: если есть только вопросы, тогда у человека нет мыслей.

Умозаключение – это мысль, и если нет выводов, тогда автоматически создается вакуум. Я не знал этого тогда, но ощутил род пустоты, вакуума. Много вопросов кружили и кружили вокруг, но так как ответов не было, они падали так сказать, от истощения и умирали. Я не получал ответов, но вопросы исчезали.

И однажды пришло состояние без вопросов. Не так, чтобы я получил ответы, нет! Это только ушли вопросы и образовалась великая пустота. Это была взрывная ситуация. Жизнь в таком состоянии – все равно, что смерть, и тогда умер человек, который задавал вопросы.

После того ощущения пустоты я не задавал вопросов. Все предметы, относительно которых могли быть заданы вопросы, стали несущественными. Раньше было только опрашивание и опрашивание, потом не осталось ничего, похожего на вопросы. Теперь у меня нет ни вопросов, ни ответов.

Если кто-то задает вопрос, тогда ответ, который приходит из моей внутренней пустоты, это ответ. Я не могу сказать, что это мой ответ, потому что у меня никогда не было предшествующей мысли. Ответ не готовится заранее. Я слышу его то-

же в первый раз, когда он слышен слушателю: я как и он слышу его в первый раз. Это не так, что я являюсь говорящим, а он слушающим; не так, что я дающий, а он – принимающий. Ответ пришел, и оба мы слушающие и берущие.

Если мой ответ завтра отличен от сегодняшнего, я не ответственен за это, потому что я вовсе не отвечал. Все та же пустота, из которой он пришел, ответственна за его изменение; я беспомощен, поэтому вы найдете меня очень непоследовательным. Я могу быть последовательным, только если «я» отвечаю. За всякую непоследовательность ответственна пустота во мне. Я не знаю о ней.

Что бы ни ответили вам, это делается не мной. После моего переживания я не задаю вопросов и не даю ответов. В этом взрыве старый человек умер, а новый человек абсолютно нов.

Вы спросили меня, была ли поворотная точка. Ее не было, но была смерть. Это означает, что у человека, идущего по пути, нет ни одной поворотной точки. Он просто умирает и не больше, и есть совершенно новый человек, поэтому вопрос о повороте не возникает. Нет никого, кто повернул бы хоть раз.

Там, где есть кто-то, должна быть возможность поворота, но старого человека нет. Например, при ста градусах Цельсия вода превращается в пар: вода не остается водой, она – что-то другое, что-то новое.

Теперь я, со своей стороны, не думаю. Если кто-то спрашивает что-то, как это сделали вы, я отвечаю. Я даже не думаю, я прямо говорю. И все в моей памяти не мое; кажется, что это принадлежит кому-то другому. Это означает то, что вещи, о которых я говорю вам, которые произошли до взрыва, тоже не «мои», они кажутся даже принадлежащими кому-то другому. Это выглядит так, будто я услышал о них, или прочитал в какой-то книге, или видел в какой-то драме или где-нибудь еще.

Здесь много людей предлагают написать мне автобиографию. Это очень трудно, потому что тот, о котором я должен был бы писать, – это не я. После взрыва нет истории, нет событий. Все события были до взрыва, после взрыва – только пустота, это не я или не мое.

Когда человек пишет о себе, – это автобиография. Когда человек пишет о ком-то еще, – это биография. Если я пишу биографию это не мое, это не может быть автобиографией, потому что «я» больше нет.

Это может быть биографией человека, которого я когда-то знал, но которого нет больше. Это может быть о человеке, которому я когда-то позволил быть, но который теперь перестал быть. Это так же, как писать о человеке, которого я знал или слышал, или видел, но который теперь мертв.

Я никогда не знал, что те события составляли список духовного, лишь позднее я узнал, что те, кто знали меня с детства, никогда не поверили бы, что я и религия смогут когда-нибудь идти вместе. Они не ожидали этого, потому что я всегда сражался против того, что они называли или знали как религию.

То, что они называли богослужением, было для меня лишь большой чепухой. Тот, кого они называли саньясином, был для меня только убегающим от действительности. То, что они называли писанием, перед которым они в благоговении склоняли головы, были для меня обычными книгами, на которые я мог положить ноги во время отдыха. То, что они утверждали без сомнения, я признавал неопределенным и подозрительным.

Их бог, их дух и освобождение были для меня предметом шуток и веселья. Серьезность казалась мне ребячеством. Когда бы я ни увидел их сидящими перед их богом со сложенными руками, я смеялся и приводил их в смятение. Все это казалось мне таким ребячеством, что они никогда не могли представить, что я когда-нибудь стану религиозным.

Если те, кто знали меня тогда, до взрыва, и кто уже умер, вдруг бы ожили, а те, с которыми я долго не соприкасался, смогли увидеть меня сегодня, они не смогли бы даже узнать меня, а не то что представить, что я смогу быть тем же человеком, которого они знали.

Они никогда не поверили бы этому, потому что все, во что они верили как в религию, я называл чем угодно, только не религией. По их представлению я был атеистом и только. Для моей семьи, друзей, родственников и товарищей я был абсо-

лютым атеистом, поэтому те, кто внезапно встречают меня сегодня после перерыва в 20 или 25 лет, получают шок на всю жизнь.

Случилось так, что те, кто из-за меня стали атеистами, обходясь со мной, испытывают затруднения, потому что они все еще атеисты.

Недавно я ездил в деревню и встретил там человека, который стал атеистом из-за меня. Он до сих пор атеист, и он очень испугался. Он сказал, что продолжал верить в то, что я говорил, поэтому я не могу сказать, что все, что я делал тогда, должно было вести меня к просветлению.

Я не верю также, что человек может идти к нему, зная это заранее. Это что-то неизвестное. Как человек может знать его адрес? Оно не находится в каком-то особом месте, чтобы, зная его адрес, человек мог достичь его. Тот, кто устанавливает адрес, нерелигиозный человек. Как человек может делать это, не зная его? Что бы ни делал нерелигиозный ум, тоже будет нерелигиозным, поэтому я чувствую, что человек не может сделать это целью и не может достичь его, познавая.

Да, может случиться, что кто-то, живущий без религии, может просто устать от этого и его не религиозность разрушится. Тогда не придет «религиозность», но просто его не религиозность разрушится, его не религиозность зашатается и полностью исчезнет, и однажды он найдет себя нагим. Одежды не религиозности спадут, и он воскликнет к своему удивлению: «О, это что-то новое, этб религиозное переживание!».

Таким образом, религиозное переживание – это «хэппенинг», незапланированная случайность, незапланированное достижение, постигаемое полностью. Никто не может достигнуть этого шаг за шагом, как по лестнице, но живя – и живя *не религиозно*, тогда эта не религиозность может пошатнуться. Я говорю, что *высшее знание* не может быть целью, но невежество и ложное знание могут исчезнуть, и в тот момент, когда невежество исчезнет, остающееся – это *высшее знание*.

Мое воззрение на все подобно этому. Насильник не может стать не насильником. Как может насильник стать не насильником? Все, что он делает, будет насилием, ведь *есть* насилие, и если он выглядит не насильником, он полностью оста-

ется насильником внутри, он *использует* насилие, чтобы стать не насильником, но, *возможно*, придет день, когда он устанет от насилия.

Тот, кто полон напряжения, приносящего ему страдания, может быть так полон невыносимого несчастья, что он выпрыгнет из насилия. Это подобно внезапному прыжку при виде смертоносной змеи, пересекающей тропинку, или бегству из горящего дома.

Человек может стать таким насильником, насилие может причинить ему столько страданий, что он может достичь точки, где он никогда не сможет стать насильником снова: что-то внутри зашатается и разрушится, и он обнаружит, что стал не насильником. Итак, стать не насильником – это происшествие, а не процесс последовательного достижения, когда человек поднимается шаг за шагом. Кто будет подниматься? Насильник? Он поднимется только вместе со своим насилием, он не может достичь ненасилия.

Не имеет значения, сколько шагов может сделать вор, его шаги будут только шагами вора, он не может привести себя к не воровству. Не имеет значения, сколько шагов может сделать лжец, – это будут шаги того же лжеца, он никогда не достигнет истины, но если ложь полностью отпадает, тогда там, где такой человек найдет себя, будет правда, и поэтому то, что значительно в нашей жизни, высшее, не может быть достигнуто нашими усилиями.

Я, следовательно, не знал, *что* случится, пока оно не случилось, но даже тогда я не понимал, что это религиозное переживание. Как я мог понять? Распознавание и понимание относится к тому, что было известно раньше: вы пришли, я знаю вас как такого-то, но я смог понять это только потому, что узнал вас вчера. Если я не знал вас раньше и если мы встретились в первый раз, это будет знакомством.

Поэтому я не мог узнать, что случилось, когда оно взорвалось надо мной. Только одно чувствовалось: что случилось нечто новое, чего не было прежде. Чувствовалось, что того что было раньше, теперь нет больше, а то, что случилось, никогда не случалось прежде.

Знакомство занимает некоторое время. Это знакомство вроде «кто ты и что ты?». Это знакомство было очень странным, так как оно было только с самим собой: ко мне ничего не пришло извне, что я мог бы узнать, напротив, что-то спало с меня. То, что осталось, было неизвестным, и я познакомился с ним. Это знакомство никогда не завершится, потому что каждый день оно ново. С того времени, как мы знаем это, оно становится еще более новым. Это бесконечное путешествие в познании себя, оно — без конца, без начала и бесконечно.

Религиозность — это не мертвый конец, это подобно тому, как течет река: каждый день меняются виды на берегах, каждый день меняются деревья, проходят мимо новые холмы и новые скалы, видны новая луна и новые звезды. Что бы вы ни знали вчера, утеряно сегодня.

В высшем переживании человек никогда не может сказать: «я достиг», «я реализовался», «я полностью знаю то, что должно знать». Если кто-то говорит на таком языке, значит, он вовсе не достиг. Человек может только *войти* в переживание, но не может достичь конца, потому что это *бесконечно*.

Если кто-то вошел в море, он может сказать, что он только *вошел*, что берег оставлен, но он никогда не может сказать, что встретил море, потому что новый берег никогда не появится, вокруг только море, поэтому религиозный человек не может написать сообщение.

Тот, кто готов тонуть, будет спасен, а тот, кто боится тонуть и борется, потонет. Смертная пена на воде, и живущий тонет. Искусство мертвого тела состоит в том, что оно ничего не делает, и это удерживает его на поверхности воды.

Я упал в воду как труп. Я ничего не делал для этого и не беспокоился о том, куда шел. Я и сегодня не знаю, куда я иду. Теперь, куда бы я ни шел, это цель, и то, чего я достиг, это только то, чего я достиг. Теперь нет намерений, теперь нет поиска, но все это пришло не из-за какого-то поворота. Я никогда не поворачивал, и нет события, которое можно назвать тем, что привело к взрыву. Много событий помогли совместно, и тогда *оно случилось*.

В этом мире религия стала большой ложью, потому что люди говорят, что она может быть усвоена. То, что может

быть усвоено, не может быть больше нас. После всего остается «я», которое будет усваивать, не так ли? И если «я» усваивает это, как оно может быть больше, чем «я», или более бесконечно, чем «я»? Когда оно приходит, нас нет, чтобы мы могли ухватить это. Оно приходит, только когда *мы* исчезли.

Не имеет значения, как мы называем это, — истиной, или богом, или просветлением, — в такие моменты пустоты оно просто происходит.

Кто бы ни получил его, чувствует, что это «божья милость». Причина этого в том, что оно пришло не из-за его собственных усилий. Это не означает, что он получил *только* благодаря его милости, но кажется, что с нашей стороны не было усилий, вот почему я начал с того, что мы не можем искать это. Как мы можем искать бога, чье имя и адрес не знаем и кого мы не можем узнать, потому что никогда не знали? Как мы будем искать его? Если мы знаем его и знакомы с ним, тогда нет необходимости искать.

Поэтому я *не могу искать его*, но если в поиске «я» исчезнет, растворится, тогда *он* найдет *меня*, — он хорошо знает меня. Возможно, он уже нашел меня, но даже сейчас я все еще таков, что бегу, и бегу и еще не устал. Даже теперь я еще не устал, но он будет ждать, пока я не упаду полностью истощенным. И я упаду прямо в его лоно.

Глава 6

Жизнь полна тайн

Вы объяснили нам три гуны: тамас, раджас и саттва. Вы также объяснили нам, что в равной пропорции они существовали в Лао-цзы, Иисусе, Махавире и Кришне. В связи с этим вспоминается, что в прошлом вы были революционером, вы волновали социальные, экономические, политические и религиозные сферы Индии, поэтому вы были, подобно Иисусу, направлены на активность, что активность доминировала, но позже, с 1970 года. Вы стали медленно уходить в себя, и мы чувствуем, что вы становитесь выражением спокойствия. Возможна ли такая трансформация?

Для того чтобы понять эти вещи, нам необходимо принять во внимание следующее. Во-первых, Будда, Махавира, Мохаммед и Иисус использовали только одну из трех гун. У Иисуса и Мохаммеда доминирующим посредником для выражения был раджас, у Лао-цзы и Рамана Махариши доминирующим качеством был тамас, но Кришна использовал все эти три качества одновременно.

Была еще одна возможность, и я использовал ее в своих экспериментах. Все эти три качества были использованы мною не одновременно, а одно за другим. По моему мнению, это более научный путь, поэтому я выбрал его.

Все эти три гуны присутствуют во всех индивидуальностях, и поскольку смесь этих трех гун есть в каждом, тело и ум образуются по-разному. Так же как треугольник не может быть сделан без использования трех линий, так же и личность не может существовать без этих трех гун. Если хотя бы одна из этих трех гун упущена, личность распадется.

Не имеет значения, насколько доминирующей будет черта саттвы в человеке, — две другие тоже должны быть, хотя они могут оставаться слабыми и спящими. Два остальных качества тоже должны присутствовать, и их тень будет постоянно падать на доминирующую саттвическую гуно. Это означает, что два других качества слабее и подчинены, но даже если одно качество очень сильно, два других все еще будут там.

Кришна использовал все эти три гуны одновременно, и они присутствовали в нем, подобно одинаковым сторонам равностороннего треугольника: как там есть три отрезка одинаковой длины, так же и в личности Кришны присутствовали все эти гуны в равном количестве, поэтому было очень трудно понимать Кришну. Очень легко понимать человека с одним доминирующим качеством: в этом человеке остальные два качества дремлют, и личность такого человека выглядит последовательной, но вы не сможете найти такой последовательности в личности Кришны, какую можно найти в личности Лао-цзы. Основная нота в личности Лао-цзы такова же, как и во всех его словах.

В утверждениях Будды тоже есть полная последовательность. Будда сказал: так же как пробуя воду моря, вы везде

найдете ее соленой, откуда ни анализировать мои учения, вы найдете то же последовательное качество.

У Иисуса и Мохаммеда тоже было только одно доминирующее качество, но в Кришне вы можете найти многомерные качества, там есть три гуны, но как между этими тремя Гунами возможны сотни смесей, так и новые варианты этих смесей были представлены в Кришне, вот почему Кришна — это многомерная личность. Ни один человек не может любить Кришну в целом, он должен будет выбирать, он будет склоняться к тому, что он любит в Кришне, а то, что он не любит, будет стерто. Поэтому до сих пор все определения Кришны были созданы людьми, которые выбирали.

Ни Шанкара, ни Рамануджи, ни Нимбрак, ни Валлабхачарья, ни Тилак, ни Ганди, ни Ауробиндо не приняли Кришну как целое. Они отрезали те части жизни Кришны, которые казались им непоследовательными и противоречивыми; например, Ганди, который придает большое значение ненасилию, было бы трудно объяснить Кришну, когда он поощряет и подстрекает Арджуну к насилию. Ганди также полагает правду высшим качеством, в то время как Кришна способен говорить ложь. Это вне понимания Ганди, он никогда не примет то, что человек, подобный Кришне, может обманывать. Если Кришна может делать это, тогда он больше не будет почитаем Ганди.

Есть только один путь избавиться от этих трудностей: объяснить, что Кришна не делал таких вещей. Это только «повесть», только «символика». По Ганди, на самом деле никогда не было Махабхараты, для него Кауравы и Пандавы не реальные враги, которые сражались, а только символы вечной битвы между добродетелью и злом. Махабхарата для него — просто повесть, гипербола. Ганди не боится сражаться со злом, но он боится сражаться со злодеем. Зло может быть разрушено им, но если бы вопрос был только в том, чтобы разрушить или убить зло, у Арджуны тоже не было бы проблем, но дело в том, что Арджуна должен был убить злых людей. Вопрос о том, правильно ли было для него убивать их, возник потому, что люди, которые пошли против Арджуны, были его старшими родственниками.

Он чувствовал привязанность к ним и родственную связь, ему Казалось, что мир без них станет несовершенным, абсурдным и безрадостным для него.

Личности Кришны предназначено было быть непоследовательной, потому что в ней присутствуют одновременно все три гуны. Во мне тоже будет непоследовательность, но не такая большая, как в Кришне. Есть другая возможность, которую я использовал в своих экспериментах. Все три гунны присутствуют в каждой индивидуальности, и личность может быть полной и цельной, только когда использованы все три гуны. Ни одна из гун не нуждается в подавлении.

Ни я, ни Кришна не любим подавления. Что бы там ни было в индивидуальности, все должно творчески использоваться. В моем эксперименте я собираюсь выражать только одну гуну в течение какого-то времени. Первой я выбрал тамас, потому что этот принцип лежит в фундаменте каждого.

Когда ребенок 9 месяцев растет в материнской утробе, он живет в этой гуне, ребенок в полной тьме, нет активности. Это самое неактивное состояние, которое только возможно. Даже акт дыхания не совершается ребенком. Ребенок не должен есть, это тоже делается матерью. Даже кровь, циркулирующая по телу ребенка, ~ это та же кровь, которая течет по сосудам его матери. Сам ребенок ничего не делает, это состояние полной инертности. Есть ребенок и есть жизнь, но в этой жизни нет никакой активности. Во время этого периода в материнской утробе нет никакой активности.

Психологи утверждают, что желание и поиск освобождения, небес и свободы, следствие бессознательной памяти ощущения неактивности в материнской утробе: ребенок узнал высшую тишину в утробе. Это воспоминание падает глубоко в подсознание. То 9-месячное переживание в утробе матери было прекрасным, потому что ничего не надо было делать: не было ни ответственности, ни горячки, ни беспокойства, ни работы. Было только существование, бытие. Это состояние очень похоже на то, что мы зовем свободой. Это ощущение лежит глубоко в нас, вот почему после рождения вы нигде не можете быть счастливы и находите, что в чем-то нуждается.

Психологи говорят, что это возможно только если прежде у вас было ощущение блаженства, с которым вы сравниваете свое настоящее.

Каждый говорит, что жизнь человеческая несчастлива. Если у вас никогда не было ощущения счастья, как вы могли узнать, что это несчастье? Каждый говорит, что он в поисках счастья. Что же это за счастье, которое мы ищем? Как вы можете искать то, чего раньше не пробовали? Как вы можете желать то, что не было известно раньше?

В бессознательном уме есть луч переживания, это зерно. Вы знали благословение, небеса, на которых жили, музыку, которую слышали. Не имеет значения, как долго вы не помнили их, неутолимая жажда пронизывает все ваше состояние. Знание этого переживания лежит глубоко внутри, только из-за этого мы в поиске.

Психологи говорят, что поиск освобождения — это на самом деле поиск космической утробы, и пока все существование не станет утробой для вас, поиск будет неустанно продолжаться. Это — полное и смысла и значения утверждение, но в связи с этим лучше помнить, что в материнской утробе ребенок находился в состоянии неактивности. Во время этого периода нет нужды быть активным. Это блаженная тишина. Ребенок в глубокой неактивности, только спит 24 часа. Это долгий 9-месячный сон, но как только он рождается, он спит 22 часа, потом 20 часов, 18 и постепенно пробуждается. Пройдут годы, прежде чем ребенок установит для себя 8 часов сна, и пройдет много рождений, пока время сна не упадет до тех пор, пока он станет таким пробужденным, что даже во время сна будет полностью в сознании.

Кришна сказал, что спит каждый, кроме пробужденного, но до достижения этой пробужденности пройдет долгая цепь рождений. Неактивность — это основание и блаженное молчание, это вершина. Этот дом, который мы зовем жизнью, построен на фундаменте неактивности. Средняя часть — это активность, а вершина этого храма — конечное блаженство. Таково, по моему мнению, строение жизни. Вот почему я практиковал неактивность в начале жизни. Первые годы моей жизни прошли, как у Лао-цзы, в экспериментах с таинствами

первой гуны, поэтому я был очень привязан к Лао-цзы. Я был неактивен во всем, я искал ее. Ничего не делать, только то, что было неизбежно или принудительно.

В моем доме ситуация была такова, что если моя мать говорила: «Никого нельзя найти, а я хочу послать кого-нибудь на рынок купить овощей», я слушал, продолжая празднично сидеть перед ней. Я знал, что если даже дом будет в огне, она скажет мне: «Никого нельзя найти, а наш дом горит. Кто потушит пожар?». Но единственная вещь, которую я в молчании делал, было свидетельствование в полном сознании моей неактивности. Позвольте же мне рассказать некоторые инциденты, которые внедряют это в ваше сознание.

В последний год моего университетского образования среди преподавателей был один профессор философии. Подобно большинству профессоров философии, он был упрямым и эксцентричным. Он был очень упорен в своем решении не смотреть ни на одну женщину. К несчастью, в его классе было только два студента: я и молодая девушка, поэтому этот профессор должен был учить нас, закрыв глаза.

Это было очень удачным для меня, потому что, пока он читал лекцию, я спал в классе, поскольку он не мог открыть глаза из-за того, что в классе была молодая девушка. Как бы то ни было, но профессору я очень нравился, потому что он думал, что я тоже верю в принцип не смотреть на женщин что в целом университете был еще один человек, кто не смотрит на женщин. Поэтому много раз, когда он встречал меня одного, он говорил мне, что я был единственным человеком, который мог понять его, но однажды этот мой образ разрушился.

У профессора была еще одна привычка: он не верил в одночасовые лекции, поэтому он всегда преподавал на последнем курсе университета. Он говорил: «От меня зависит, когда начать лекцию, но от меня не зависит, когда ее закончить», поэтому его лекции могли продолжаться 60 минут, или 80, или даже 90. Он говорил, что не чувствует необходимости перестать говорить, когда звонок сообщает о конце лекции. Только когда предмет завершен, он перестает говорить, поэтому в течение этих 80 или 90 минут я спал в его классе.

Между мной и молодой девушкой существовало соглашение, что она должна была будить меня, когда время подходит к концу, но однажды кто-то позвал ее для срочной работы в середине лекции, и она ушла. Я продолжал спать, а профессор — читать лекцию. Когда время истекло, и профессор открыл глаза, он нашел меня спящим. Он разбудил меня и спросил, почему я спал. Я сказал ему: «Раз уж вы нашли меня спящим, я должен сказать вам, что я спал каждый день. Я не ссорюсь с молодыми девушками, а спать, когда вы читаете лекцию, очень приятно». Сон был более или менее видом медитации для меня. Я спал столько, сколько мог. Интересно отметить, что если вы спите больше, чем нуждаетесь, вы остаетесь пробужденным и сознательным даже во время сна. Если вы едите меньше, чем вам нужно, тогда вы во время сна остаетесь бес-сознательным.

Вы не можете спать больше, чем вам нужно, если же вы упорно продолжаете спать после того, как потребность тела в отдыхе удовлетворена, что-то внутри вас остается сознательным и становится свидетелем всего, что случается вокруг вас. Если вы будете лежать в течение 36 часов, у вас появится легкое ощущение того, что подразумевает Кришна, когда говорит, что мудрец остается пробужденным и ночью.

Если вы продолжаете удерживать тело в состоянии сна, даже когда оно не нуждается во сне, звук пробужденности будет слышен внутри вас. В те дни постоянного сна я начал постигать, что можно оставаться *пробужденным во сне*. Я спал ночью, утром и днем без перерыва. Когда бы ни подворачивался случай поспать, я не упускал его. Члены моей семьи и друзья верили, что я совершенно ленив и что я не в состоянии буду делать что-либо в жизни. Конечно, с их точки зрения они были правы, но не так было с моей стороны. Я превратил неактивность в медитативный эксперимент.

У меня был и другой профессор. Он тоже был хорошим другом, и он был так же инертен, как и я. Поскольку он, как и я, жил один, он предложил, что будет лучше, если мы поселимся вместе. Я сказал ему, что это может быть несколько затруднительно. Вполне возможно, думал я, что я могу нарушить его сон или он может нарушить мой.

Как бы то ни было, поскольку он хотел, чтобы мы жили вместе, необходимо было сделать некоторые приготовления, так как мы оба были очень ленивы. Даже теперь он такой же, он не оставил это свое особое качество, но он никогда не экспериментировал с этим качеством в медитации, иначе он бы освободился от него.

За несколько дней вы можете превзойти то, что вы сделали частью вашей медитации. Медитация означает трансценденцию. Все, чем вы полностью и целиком насладились, вы можете превзойти. Если вы ощущаете неактивность, вы почувствуете, что неактивность оставила вас, поэтому, если в вас есть что-то, от чего вы хотите освободиться, насладитесь им полностью. По этой причине я думал, что лучше всего сначала насладиться полностью своей неактивностью.

Когда мой друг профессор и я начали жить вместе, в самый первый день я должен был участвовать в наших общих делах. До этого мы жили сами по себе, так что не было нужды в каких-то особых делах. Прежде всего он предложил, что тот, кто поднимается раньше, должен пойти и принести молоко. Я немедленно согласился. Я был удовлетворен, и он тоже, но оба мы питали иллюзии. Я думал, что мне нет нужды подниматься утром первым, но, к моему разочарованию, он думал то же самое.

На следующее утро я открыл глаза около 9 часов. Когда я увидел его спящим, я снова уснул. Он проснулся около 10 часов и увидел меня спящим. Он тоже хотел спать, но у него была одна трудность: он должен был пойти в университет к 11 часам. Он был на службе, а я был студент, поэтому я не имел ни обязанности, ни необходимости идти в университет.

Наконец, ввиду такой явной необходимости он должен был подняться и купить молоко, но когда он вернулся, я тоже поднялся и сидел. Он сказал мне, что такой род дружбы нежизненный, потому что это станет каждодневной проблемой. Он сказал, что должен ходить в университет, поэтому он может спать только до 10 часов, в то время как я мог спать целый день. Это означало, что он каждый день должен будет покупать молоко и что при таком положении дел дружба не могла продолжаться.

Первым своим принципом я сделал отказ от каких бы то ни было действий. За те два года, что я жил в общежитии университета, я никогда не убирал свою комнату. Я поставил свою койку прямо напротив входа в комнату, так что от дверей я мог прямо прыгнуть на койку, а с койки мог сразу выпрыгнуть из комнаты. Я чувствовал, что нет нужды без необходимости пересекать всю комнату. Я не хотел ни входить в комнату, ни убирать ее. В этом был род наслаждения.

Вещи оставались там же, где были размещены жившими здесь до меня: ни одно изменение не было сделано. Не делалось больше необходимого минимума. Поскольку изменить вещи вокруг предполагало какую-то деятельность, вещи оставались там, где они были, но вследствие этого стали ощущаться некие удивительные переживания, так как каждая гуна обладает своей собственной уникальностью. Не имело значения, сколько мусора собиралось в моей комнате, это нисколько не тревожило меня. Я научился жить в таких условиях так, как если бы я жил в тщательно убранном месте.

В университете, где я учился, новые здания еще не были построены. Это был недавно отстроенный университет, и в качестве общежития использовались военные бараки. Поскольку бараки находились в глубоком лесу, там часто появлялись змеи. Я часто видел змей, пока спал на койке. Змеи приползали, отдыхали в комнате и уползали. Ни на одно мгновение они не беспокоили меня или я их.

Когда нет желания делать что-либо, многие вещи принимаются как естественные. В те дни у меня не было никакого чувства недовольства, потому что вследствие моего ничегонеделания у меня не было желаний и не было ожидания плодов или результатов моего ничегонеделания.

Когда вы ничего не делаете, вас все удовлетворяет. Иногда мои друзья из сострадания убрали мою комнату, и я был полон благодарности. В течение 8 или 10 дней экзаменов суперинтендант моего общежития будил меня в 7 часов утра, чтобы я не проспал экзамены. Он сажал меня в свою машину и выгружал в экзаменационном зале. Без усилий я пользовался симпатией и состраданием всех. Потому что все поняли, что я должен был спасти себя от делания всего, что я мог.

Случалось много изумительных вещей. Я рассказываю вам эти вещи, чтобы вы могли понять, что жизнь полна тайн. Мой профессор приходил ко мне до экзамена и рассказывал, что я должен почитать, чтобы ответить на определенные вопросы. Я никогда никого ни о чем не просил и не собирался просить. Даже после того, как профессор показал хорошие вопросы, он не верил, что я прочитаю предложенную часть, поэтому он делал вопрошающие жесты, желая узнать, понял ли я то, что он сказал. Он должен был верить, что указанные вопросы будут им *точно* заданы, потому что он один из тех, кто готовил экзамены. Сомнения не было: задавались те вопросы.

Я стараюсь показать вам, что если вы пытаетесь захватить и обокрасть мир, везде возникает большая оппозиция, но если вы находитесь в состоянии ничегонеделания, все двери открыты и вещи просто даются вам.

В те дни я просто продолжал лежать на койке, глядя пустым взглядом в потолок. Много лет спустя я узнал, что Мехер Баба медитировал только таким способом. Я делал это без всякого усилия, ибо что еще делать, лежа в кровати? Если сон проходил, я продолжал не моргая смотреть в потолок. Зачем даже мигать? Это тоже род действия, это тоже активность. Я только продолжал лежать.

Не было ничего, что нужно делать. Если вы лежите так, лишь глядя в потолок, вы обнаружите, что ваш ум стал ясным, как безоблачное небо, без мысли. Если кто-то может сделать своим достижением в жизни неактивность, он может очень естественно и легко ощутить безмыслие.

В те дни я не верил ни в бога, ни в дух. Единственной причиной неверия было то, что верить во что-то – это тоже делать. Атеизм для неактивности очень полезен, потому что если бог есть, для него должна быть проделана какая-то работа, но без всякой с моей стороны веры в бога и в дух стало ощущаться сияющее великолепие бога и духа. Я не бросал неактивность, пока она не оставила меня. До этого я решил продолжать ничего не делать. Я понял, что если человек может ввести в жизни принципы неактивности, то затем раджас-гуна начнет автоматически цазвиваться в нем, потому что это второе качество, принадлежащее второй стадии жизни.

После того, как первая стадия завершена и превзойдена, начинается вторая стадия. Активность будет расти, так сказать, внутри вас. Эта активность тоже будет уникальна. Это не активность, подобная беспокойству политиканов во время выборов. Если неактивность будет достижением и целью для вас, если она становится дорогой, ведущей вас к безмыслию, тогда активность будет мотивироваться не желаниями, наоборот, она будет мотивироваться состраданием. Эту активность я прожил тоже полностью. Я никогда не хотел создавать барьеры перед естественными процессами. Тому, что случается, позволялось случаться. Если всегда позволять вещам случаться, человек превзойдет обычное существование, потому что тогда он не делатель. Само делание есть делатель.

Когда эта вторая фаза, раджас, началась, я продолжал бег по всей стране, Индии. Столько, сколько я пропутешествовал за те 10 или 15 лет, никто не мог бы проехать за две или три жизни, и столько, сколько я говорил те 10 или 15 лет, обычно занимает 10 или 15 жизней.

По любой причине или без всякой причины я начинал споры и критику, потому что чем больше споров, тем быстрее проходишь через эту вторую стадию активности, поэтому я начинал критиковать Ганди, начинал критиковать социализм. У меня не было связи ни с этими предметами, ни с политикой. Это не представляло интереса для меня, но когда все население страны находилось в состоянии напряжения, а я должен был пройти через этих людей, казалось, даже как бы в насмешку, необходимым затевать полемику; поэтому, проходя через эту вторую часть активности, я затевал множество споров и наслаждался ими.

Если бы эти дискуссии были напряженными, мотивированными желаниями, они принесли бы мне несчастье, но все это было только из необходимости развить раджас-гуну, только для ее выражения, и это было смешно и интересно. Эти споры были как игра актера.

С Харигирджи Махараджи, знаменитым учителем Веданты из Пенджаба, у меня началась полемика по Веданте. Для меня это была только игра, для него – серьезный вопрос. Для него это был вопрос принципа, он стал полон напряжения.

С Шанкарачарьей из Пури у меня начался большой спор в Патне. Для меня это было игрой, для него – вопрос самой его профессии. Он был так взбешен, что чуть не упал с кафедры. Все его тело тряслось, но я полностью позволил играть качеству активности так, чтобы оно было трансцендировано.

Много друзей пытались остановить меня, но я сам не хотел останавливаться, пока качество активности не рассеется и не утратится. По три недели в месяц я проводил в поезде. В одно утро я должен был быть в Бомбее, на следующий вечер – в Калькутте, на другой день – в Амритсаре, а на следующий день – в Лудхиане или в Дели. Вся страна была полем моих операций, поэтому всюду, куда бы я ни шел, естественно и в изобилии начинались споры, потому что если вы активно делаете что-то, должна быть реакция.

Во время периода неактивности я практически не говорил или говорил очень мало. Если вопрос повторялся, я с вздохом отвечал. Во время периода активности я продолжал говорить незванным и не приглашенным, я сам шел к людям, чтобы поговорить, и моя речь была полна огня. Люди приходят ко мне и спрашивают, почему я не говорю так же пламенно, как бывало, что даже останавливало сердца у людей.

В те дни в моих словах был огонь. Тот огонь был не моим, он приходил из раджас-гуны. Был только один метод заставить выгореть раджас-гуну: она должна гореть со всей яростью, чтобы поскорее погаснуть. Чем слабее огонь, тем дольше он горит, таким образом, это был процесс полного выжигания с целью скорейшего появления золы.

Теперь огонь иссяк. Теперь также как солнце уносит с собой свой свет, также как рыбак вытаскивает свою сеть, я постепенно удаляюсь. Неправильно говорить, что «я» удаляюсь, это автоматически случится, потому что третья фаза, саттвагуна, началась, поэтому вы, возможно, увидите мой постепенный отход от активности. 5000 людей могли слушать меня вместо вас, но я удовлетворен 50 и скоро буду доволен, если даже 5 человек будут слушать, поэтому когда раджас-гуна уходит и начинают проявляться эффекты саттва-гуны, все действия растворяются в молчании.

В состоянии тамаса все действия прекращаются, но это похоже на то, как кто-то собирается спать. В саттвическом состоянии все действия тоже растворяются в молчании, но это растворение в полной сознательности. Между принципами неактивности и спокойствия есть то сходство, что оба завершаются в молчании, но форма молчания, возникающая из тамаса, будет сном, тогда как форма молчания, возникающая из саттвы, будет молчанием в сознании.

Я излагаю это как соответствующие процессы в жизни: первая фаза проходит в неактивности (тамас), вторая – в активности (раджас) и третья в спокойствии (саттва), и если вы можете оставаться свидетелем во время этих трех фаз, тогда вы в медитации. Вы должны полностью сознавать во время этих трех фаз, что вы не тот, кто делает, что это только игра гун (принципов), что вы не делатель, но только наблюдатель, свидетель. И во время игры тамаса, игры раджаса и игры саттвы вы только свидетель, наблюдатель. И если это ощущение остается, тогда все три гуны растрачат сами себя, и вы останетесь в трансцендентном существовании, которое находится вне гун. Человек должен достичь четвертой стадии, которая вне этих трех. Неправильно даже называть это четвертой стадией, ни одна из этих трех гун не существует там.

Кришна выразил себя во всех трех гунах. Я выразил себя в них поочередно, поэтому в моих утверждениях тоже будет непоследовательность. Что бы я ни говорил и ни делал в моменты тамаса, будет отличаться от всего, что я делал и говорил в моменты раджаса. И что бы я ни говорил и ни делал в моменты раджаса, будет отличаться от всего, что я говорил и делал в моменты саттвы, поэтому, когда человек садится, чтобы уяснить себе все мои утверждения, он должен разделить их на три части, и между ними много противоречий.

Это должно быть так, потому что они выражались через трех различных посредников. Совместимость этих трех частей невозможна, но если человек желает найти во мне последовательность, он должен искать ее в четвертой стадии, которая вне этих трех гун. В первых трех гунах сходство будет лишь в смысле свидетеля, который наблюдает эти три гуны.

СОДЕРЖАНИЕ

Великий вызов

1. Полет к цельности бытия..... 4
2. Динамическая медитация..... 20
3. Йога случается спонтанно..... 39
4. ЛСД - короткий путь к ложному самадхи... 54
5. Жизненно важное равновесие..... 66
6. Религия – последняя роскошь..... 77
7. Секреты ученичества..... 83
8. Бог это само существование..... 93
9. Неизвестная жизнь Иисуса..... 105
10. Из пустоты..... 125
11. Техника преображения..... 142
12. Личный поиск..... 159

Измерения неведомого

1. Нечего сказать, кроме этого..... 178
2. Почему я пришел..... 207
3. Путь много, путников мало..... 239
4. Наступил период кризиса..... 270
5. Рождение нового человека..... 292
6. Жизнь полна тайн..... 307

Весь ассортимент книг Раджниша продается
в спорткомплексе «Олимпийский»,
м. «Проспект мира»
и магазине «Белые облака», метро «Китай-город»,
ул. Покровка, д.4. Тел. 921-61-25.
www.clouds.ru

Центр духовного туризма «Према» поможет
паломникам и саньясинам в их странствиях
по Индии и Непалу.

Адрес: Москва, ул. Красная Пресня, д.9, стр.3.
Тел.: 234-59-65, 255-03-63 www.prema.ru

Книги оптом: www.amrita-rus.ru, тел. 264-05-81,
e-mail: iva184@ipc.ru